ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
МОСКВА — 1-9-2-9

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

171921

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ № 1 1929

СОДЕРЖАНИЕ.

Ст. Кривцов.—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме (1). *Вл. Бонч-Бруевич.*—Женевские воспоминания (18). *Ф. Шиллер.*—Франц Мерингъ (47). *Л. Завельчинская.*—Готгольд Эфраим Лессинг (64). *В. Позняков.*—Марксовы схемы воспроизводства и производство золота (83). *Э. Брегель.*—Об одной неудачной вылазке (112). *С. Горловский.*—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов (133). *А. М.*—Предисловие к статьям Джинса и Милликэна (161). *Дж. Джинс.*—Физика вселенной (163). *Р. Милликэн.*—Полезная энергия (179). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. *М. Байч.*—Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии в 1844 году (187). *Инал Бутаев.*—Паркер Томас Мун. Империализм и мировая политика (189). *А. Нифонтов.*—„Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Неизданные тексты, материалы и статьи". СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. В Коммунистической Академии. Организация Института Философии (203).

Проблема стихийности и сознательности в ленинизме[1]).

Ст. Кривцов.

I.

Проблема соотношения между стихийностью и сознательностью занимает одно из центральных мест в идеологическом наследстве В. И. Ленина. Ведь именно от разрешения этой проблемы зависит дальнейшее направление рабочего движения по одному из основных путей: по пути к коммунизму или по пути в чащи капитализма. Проблема эта имеет не только практический характер, но и высокотеоретическое значение, так как для правильного своего решения требует, как ничто, уменья владеть диалектическим методом. Забвение этого обстоятельства приводило в истории к ряду односторонних, однобоких решений. Мы не говорим уже о чистокровном меньшевизме, который по существу на все 100% усвоил хвостистские идеи от экономистов, вспомним расчленение этой двуединой задачи в троцкизме (да здравствует марксизм в теории, ленинизм в практике), вспомним перегиб у Богданова с его односторонним преувеличением сознательности. Проблема стихийности и сознательности является примером диалектического единства противоречий и для своего решения, повторяем, требует владения диалектическим методом.

[1]) Настоящая статья является частью работы «О проблеме стихийности и сознательности в марксизме-ленинизме».

HOOVER LIBRARY

Наиболее заостренно перегнуто в одну сторону проблема эта была поставлена В. И. Лениным в «Что делать?», о чем он говорил в своей речи на II с'езде РСДРП»: «Везде смешивают отдельные эпизоды нашей полемики с установлением принципиальных базисов... Перехожу к тому спорному месту из моей брошюры «Что делать?», которое здесь вызвало столько толкований. Кажется, после всех этих толкований вопрос уже выяснился настолько, что мне остается добавить не многое... Все мы знаем, что экономисты согнули палку в одну сторону. Для выпрямления палки необходимо было согнуть палку в другую сторону, и я это сделал» (Протоколы, стр. 120—122). Позже, осенью 1907 г., в предисловии к сборнику «За 12 лет» В. И. Ленин указывает, что при тогдашней полемике с идеями «Что делать?» меньшевики вырывали это «произведение из связи определенной исторической обстановки» (Соч., VIII, 477); затем он специально останавливается на интересующем нас сейчас вопросе, говоря: «Следовательно, ни о какой принципиальной разнице между проектом программы и «Что делать?» по этому вопросу не могло быть и речи» (там же, 482) и заканчивает: «Специально свои формулировки, данные в «Что делать?», я и на втором с'езде не думал возводить в нечто «программное», составляющее особые принципы. Напротив, я употребил выражение, впоследствии часто цитировавшееся, о перегибании палки. В «Что делать?» выгибается палка, искривляемая экономистами, сказал я (см. протоколы II с'езда РСДРП в 1903 г., Женева 1904 г.) [1]), и именно потому, что мы энергично выгибаем искривления, наша «палка» будет всегда наиболее прямая» (VIII, 482—483).

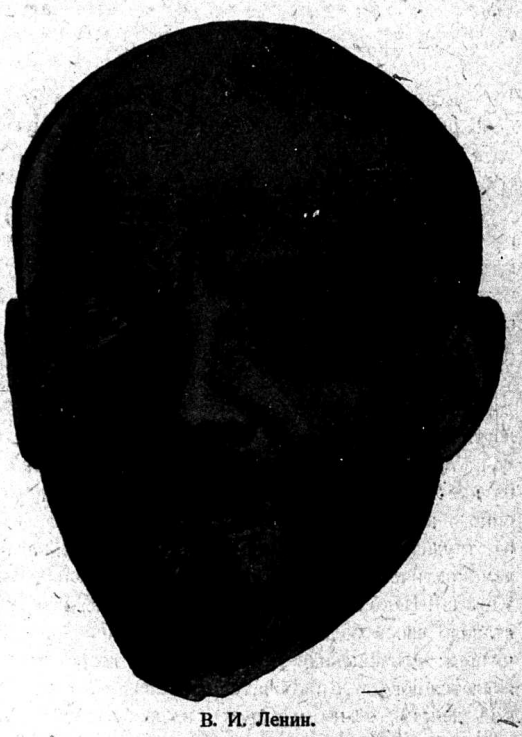
Будем поэтому иметь в виду временный, полемический характер ряда высказываний, о чем писал в «Что делать?» и сам автор («Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко—вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько «натолкнуть» экономистов на те задачи, которыми они непростительно пренебрегают, на то различие между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, которое они не хотят понять» (Соч., IV, 422), но все же постараемся найти основное содержание под этой полемической формулировкой. А содержание, как мы сказали, эта проблема имеет первостепенное. В своей речи на II с'езде В. И. Ленин сам показал суть вопроса в следующих словах: «Очевидно, здесь смешивалась принципиальная установка крупного теоретического вопроса (выработка идеологии) с одним эпизодом борьбы против экономистов. И притом эпизод этот передавался совершенно не верно» (Протоколы, стр. 121).

Итак, основная проблема—это выработка идеологии пролетариата и ее распространение в массе пролетариата. Нашей задачей в последующем изложении явится показать, что по существу данной проблемы В. И. Ленин держался одних и тех же взглядов, начиная с «Друзей народа» и кончая последними своими произведениями.

Прежде всего, посмотрим, как ставится эта проблема? В своей статье 1899 г. «Понятное направление русской с.-д.» (Соч., II, 534) В. И. Ленин ста-

[1]) Мы выше цитировали это место. *Ст. Кр.*

вит вопрос этот таким образом: «Мы должны раз'яснить общий вопрос об отношении социализма к рабочему движению (разрядка автора)» и дальше: «Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая об'яснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата» (535). Эта же задача является основной и в «Что делать?». Партия занята «именно работой, сближающей и сливающей воедино (разрядка подлинника) стихийно - разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров» (IV, 495). Она сводится к тому, чтобы «раз'яснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата» («Что делать?», IV, 423). В результате этой всесторонней агитации и пропаганды и создастся классовое сознание пролетариата, его сознательность, которую В. И. определяет так: «Сознание рабочих не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый (разрядка подлинника) из других общественных классов во всех (разрядка подлинника) проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов,—не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех (разрядка подлинника) сторон деятельности и жизни всех (разрядка подлинника) классов, слоев и групп населения» («Что делать?», IV, 414—415). Этой своей установке В. И. Ленин остался верен и в последующей деятельности, что можно видеть по статье В. В. Воровского «Социал-демократия и рабочая масса», написанной против меньшевистской идеи рабочего с'езда. Эта статья по существу продолжала разработку тех же идей, какие лежали в основе «Что делать?». Статья



В. И. Ленин.

В. Воровского, безусловно, была одобрена В. И., и в ней мы читаем следующее: «И этот принцип («лучше организованная масса без социал-демократии, чем социал-демократия без массы, так откровенно формулированный Щегло поражает прежде всего своим глубочайшим презрением к марксистской теории (разрядка подлинника), к теоретическому обоснованию отношения между социал-демократией и массой, между партией и классом» («Вестник Жизни» 1907, IV, 83).

II.

Всем известны два места из «Что делать?», показывающие жизненную необходимость для пролетариата иметь научную теорию своего движения. Это: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» (IV, 380) и «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (курсив введен автором в издании 1908 г. IV, 380—381). Но эти высказывания вовсе не являются одиночными; мы находим ряд подобных же формулировок и раньше и позже. В самой постановке нашей проблемы В. И. употребил характерное выражение: «выработка идеологии». Поэтому мы не удивимся, если в дальнейшем мы неоднократно встретим, примерно, такие указания: «Он (марксизм. *Ст. Кр.*) представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса» (Экономическое содержание народничества, 1895 г., I, 282). «Марксизм как идеология обученного капитализмом пролетариата» (1904—«Шаг вперед», Собр. соч., V, 462). «Превратив марксизм в резонерство, они (меньшевики. *Ст. Кр.*) из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса, сделали идеологию самых неразвитых его слоев, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве» (1905—Две тактики, Собр. соч., VI, 368). Наконец в «Детской болезни левизны», в произведении, которое поставило своей задачей ознакомить Коминтерн с основами большевизма, мы читаем: «Правильная революционная теория, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (1920, XXV, 176). Идеологией пролетариата является марксизм, величайшей заслугой которого является установление исторической роли пролетариата. Начиная с «Друзей», постоянно В. И. подчеркивает всемогущество марксизма, потому что он верен. При чем марксизм понимается им не как догма, а как руководство для действия. Для правильного использования этого руководства требуется умение самостоятельно анализировать при помощи его методологии картину соотношения классов на данном отрезке времени или, выражаясь словами В. И., делать «конкретный анализ конкретной ситуации». Этот конкретный анализ должен уметь учитывать специфичность данного явления, понимать его своеобразие. «Мы думаем,—говорил В. И. в 1899 г., в ст. «Наша программа», II, 492,—что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России». Это было очень широкое понимание марксизма. Почему В. И. всячески борется с узким пониманием марксизма, начиная с протеста против «Credo» (1898), постоянно подчеркивал узкое понимание марксизма у экономистов и затем у меньшевиков на II с'езде («Шаг вперед и два шага назад»).

Это настойчивое требование вооружения партии пролетариата научной теорией, для превращения политики, т.-е. тактики в науку, звучит почти в тех же выражениях в ряде его более ранних произведений. Так, в ст. «Наша программа» (1899, II, 492) мы читаем: «Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая об'единяет всех социалистов, в которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности». Разве эта формулировка не напоминает общеизвестной формулировки из «Что делать?», приведенной нами в начале этой главы?

Но мало этого: научная теория марксизма не только дает ключ к познанию и дальнейшему изменению действительности, она в то же время «об'единяет социалистов». Знаменем, об'единяющим социалистов, является партийная программа, по существу являющаяся одновременно и изложением научной теории марксизма. Достаточно напомнить «Манифест Коммунистической Партии», чтобы стало ясным, в чем тут гвоздь вопроса. Вот почему в другой статье того же 1899 г. и написанной так же для № 3 «Рабочей Газеты» «Наша ближайшая задача» (II, 496) В. И. говорит следующее: «Она (русская социал-демократия) доказала, что ее программа не висит в воздухе, а идет навстречу широкому, стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате». Отсюда понятно, почему в «Об'явлении об издании «Искры»» (IV, 39) мы читаем: «Выработка общей, принципиально выдержанной литературы, способной идейно об'единить революционную с.-д., мы и намерены посвятить все силы». Понятна именно с этой точки зрения недопустимость никаких идейных шатаний в этой организации. Поэтому же понятен протест «Что делать?» против так называемой свободы критики. И позже, борясь с так называемыми «левыми большевиками»—группой Богданова—в 1908 г., В. И. выше всего ставил идейную сплоченность организации (большевистской фракции), верность ее основам диалектического материализма. В «Что делать?» (IV, 501) подчеркивается боевой характер современного научного коммунизма, когда он называется «воинствующим марксизмом». Об'единяющее значение марксизма, воинствующего марксизма подчеркивается также и в «Шаг вперед» (Собр. соч., V, 482—483) в следующих словах: «Пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное об'единение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса».

Таким образом, этой передовой теорией и одновременно идеологией пролетариата является марксизм. Формальным моментом, оформляющим это значение марксизма, является создание партийной программы. Но к этому ведут не прямые метафизические или строго механистические линии, а весьма

обходные диалектические проселки. Прежде выработки программы,—этого оформления боевых задач класса,—надо добиться общего идейного единства. А это возможно для идеологов только на почве их единства в теоретических вопросах, в том числе в области философии. Любопытно тут отметить, что именно борьба Ленина против узкого понимания марксизма у экономистов и критиков заставила его засесть впервые в ссылке за изучение философии (об этом свидетельствуют письма В. И. из Шушенского А. Потресову, см. Ленинский Сборник IV). И в «Что делать?» в первой главе «Догматизм и свобода критики» указывается идейный разброд, который в целостное марксистское миросозерцание пытается внести Бернштейн, в болото критицизма пытаются стащить и русские любители болота—экономисты—и противопоставляется этому место из Энгельса о значении теории.

III.

Но раз марксизм—идеология пролетариата, то, очевидно, должно быть орудие борьбы этого класса—им является организация партии. Мы сейчас, по плану нашего изложения, не имеем нужды специально останавливаться на организационных принципах ленинизма, поскольку они выявились в его основной работе «Что делать?». Для нашей темы важно отметить, что создание партийной организации есть практическое разрешение той диалектической проблемы примирения стихийности и сознательности, которой мы и занимаемся в нашей статье. Проблема теоретически была разрешена еще в «Манифесте коммунистической партии» Марксом и Энгельсом. Надо было это теоретическое решение претворить в жизнь и тем проверить верность его. В. И. Ленин обычно всегда так и поступал. Лично я не знаю более разительного тому доказательства, чем в речи В. И. на X с'езде партии в «О натуральном налоге» (XVIII, 1, 142). «Как это сделать—это дело практики. Мое дело доказать вам, что это теоретически мыслимо». Подобным же претворением в практику теоретически доказанного положения явилось и создание социал-демократии. Теория дала решение вопроса об отношении социализма к рабочему движению, указав, что только через их единство, их слияние может быть создано классовое движение современного пролетариата. Без этого единства, без этого слияния оба они порознь бессильны. Поэтому организационное оформление социал-демократии и должно явиться жизненным воплощением этой исторической необходимости. «Основание РСДРП есть крупнейший шаг русского рабочего движения в его слиянии с русским революционным движением», говорит в 1899 г. В. И. Ленин в ст. «Попятное направление р. с.-д.» (II, 535). «Стремление слить социализм и рабочее движение в единое с.-д. движение» мы имеем и на Западе (там же, та же стр.). Эта же формулировка повторяется в ряде статей того времени. Задача социал-демократов состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними п р е в р а т и т ь (разрядка подлинника) их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической п а р т и и за определенные политические и социалистические идеалы («Наша ближайшая задача», 1899, II, 496). Отсюда вытекает то положение, о котором В. И. писал, полемизируя с Profession de foi Киевского комитета 1899 г. (Ленинский Сборник VII, 11). «С.-д. всегда и везде была и не может не быть представительницей сознательных, а не бессознательных рабочих». Ряд задач с.-д. ставит и «Что делать?»: «Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. С.-д. представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству как организованной политической силе (IV, 404). Отсюда: «Идеалом с.-д. должен быть не секретарь тред-юниона, а н а р о д н ы й т р и б у н, умеющий откликаться на все и всякие проявления гнета и произвола, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплоатации, умеющей пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед в с е м и (разрядка подлинника) свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы раз'яснять в с е м и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата» (IV, 423).

IV.

Мы подходим теперь к крайне важному общему вопросу о генезисе общественной идеологии, точнее: идеологий любого класса, и к вопросу о том, откуда появляются первые идеологи данного класса и как они формируются. Постановка этого вопроса в «Что делать?» в свое время вызвала резкие протесты экономистов, обидевшихся за русский пролетариат, да что там за русский—за весь международный пролетариат. Обиделись они за то, что «Что делать?» резко поставило вопрос о том, что идеология пролетариата, то-есть «учение о всемирно-историческом значении освободительной борьбы пролетариата», могло возникнуть вне самого пролетариата и могло быть выражено не пролетариями. Приведем это криминальное место, еще и теперь волнующее рабфаковцев и студентов вузов—рабочих: «Учение социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции» (IV, 384—385). И дальше: «О самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи» (стр. 391) и здесь же примечание: «Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им, в большей или меньшей сте-

пени, удается овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще. «Обычно обидчивые люди читали только фразу в тексте, совершенно не обращая внимания на то, что сказано в примечании. Да что примечание: все дальнейшее содержание «Что делать?» «мечтает» о создании у нас профессионалов-революционеров рабочих, чтобы выработались из «наших рабочих русские Бебели» (492). И прошлое русского революционного движения порукой за успех этого; не даром В. И. указывает на «кружок корифеев, в роде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова» (442), из которых Алексеев и Халтурин—рабочие.

На полное непонимание всеми своими оппонентами сути этой идеи «Что делать?» В. И. указывает в своей неоднократно нами цитировавшейся речи о программе партии на II с'езде (Протоколы, 122). «Ленин не принимает вовсе во внимание, что и рабочие участвуют в выработке идеологий. В самом деле? А не говорится ли у меня много и много раз, что именно величайшим недостатком нашего движения является недостаток вполне сознательных рабочих, рабочих-руководителей, рабочих-революционеров? Не говорится ли там, что выработка таких революционеров должна стать очередной нашей задачей?» И лично своей работой еще с Петербургского союза и позже «Искрой» В. И. создал ряд таких профессиональных рабочих-революционеров, ставших идеологами, принимавших участие в выработке пролетарской идеологии,—достаточно назвать Бабушкина, Ногина и ряд других. Но никогда и нигде В. И., стоя на вершине современной пролетарской теории, явившись продолжателем Маркса в деле ее развития, не потакал цеховой или иной самостийности тех или других пролетариев. Резко бичевал он в «Что делать?» ограниченность тред-юнионистской рабочей политики, указывая, что по своей классовой сути она является буржуазной либеральной политикой. Нам теперь после опыта «рабочего правительства» Макдональда совершенно ясно, как был прав в этом вопросе В. И., но для этого понадобился политический опыт, да еще через 20 лет после написания этих страниц «Что делать?».

Одну поправку в постановке вопроса о генезисе марксизма В. И. Ленин сделал и сам в 1905 г. рядом вставок в ст. В. Воровского «Плоды демагогии», напечатанной впервые в женевском «Вперед» (№ 11 от 23 марта 1905 г.) и перепечатанной в качестве приложения к IV тому Сочинений В. И. Ленина. Здесь, на стр. 546, мы читаем следующее: «Было бы смешно, если бы в брошюре, трактующей о «наболевших вопросах нашего движения», Ленин стал доказывать, что развитие идей, в частности научного социализма, происходило и происходит в тесной исторической связи с развитием производительных сил, в тесной связи с ростом рабочего движения вообще (курсивом мы отмечаем слова В. И. Ленина. *Ст. Кр.*). Об этом влиянии современной Марксу борьбы классов В. И. Ленин говорит и в своей биографии Маркса.

Таким образом, мы видим, что идеология современного промышленного пролетариата зародилась вне рабочего движения, но под влиянием его роста,

но силу она получила только в практическом своем претворении в жизнь при своем соединении со стихийным рабочим движением. И этот момент мы наблюдаем неоднократно при переносе марксизма в новые страны, на новую почву.

V.

Но каким же способом пролетариат овладевает этой идеологией? В настоящей главе мы рассмотрим учение В. И. Ленина о том, «что социал-демократическое сознание могло быть принесено рабочим только извне». Надо уточнить это «извне», иначе получается масса недоразумений. Здесь мы имеем точное недвусмысленное высказывание самого В. И. Ленина, не допускающее никаких кривотолков. Вот это место: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне (разрядка подлинника), то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех (разрядка подлинника) классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношения между всеми (разрядка подлинника) классами» (IV, 422). Но именно для правильного познания этих сложных отношений и требуется очень большая предварительная работа, которая под силу в капиталистическом обществе только его немногим представителям, а больше под силу выходцам из господствующих партий.

Отсюда и ставится В. И. задача политического воспитания рабочего класса оформления с помощью идеологов классового самосознания рабочего класса, которое стихийно оформиться само по себе не может. И в этом вопросе, вокруг которого было сломлено столько копий, В. И. явился продолжателем старой традиции, ведущей свое начало из большевистской струи еще в Группе «Освобождение Труда», и этой линии он держался, начиная от «Друзей» и кончая последними своими работами.

VI.

Остановимся на этом вопросе, имеющем большое значение для выяснения некоторых основных моментов в истории нашей партии. В первом проекте программы Группы (1884) говорится о том, что, «внося сознательность, туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость... социалистическая революция осмысливает все общественные отношения» (Плеханов, II, 358), и дальше, там же: «политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения». Из интересной работы Н. Сергиевского мы теперь знаем историю программы Группы «Освобождение Труда» и влияние на ее большую с.-д. отточенность группы Благоева. Поэтому особый интерес в этом разрезе представляет статья Плеханова в органе Группы Благоева «Рабочий» № 2, 1885 г. Статья носит заглавие: «Современные задачи русских рабочих», в которой мы читаем по интересующему нас вопросу следующее: «Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его созна-

тельности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности и 3) от его тактики (Плеханов, II, 367). Далее Плеханов показывает на примере питерских стачек 70-х гг. «недостаточность сознательности» рабочих. Отсюда проистекает основная задача с.-д. «Вот этот недостаток сознательности вы и должны устранять всеми возможными для вас путями» (II, 368). Введением ко второму проекту программы, выработанному, как мы теперь знаем, под влиянием критики благоевцев, служила изданная совместно с проектом программы 1887 г. брошюра Гэда и Лафарга «Чего хотят с.-д.». Здесь мы читаем следующее: «1) Социал-демократическая партия не может быть ничем иным, как учителем и организатором пролетариата, всеми силами стремящаяся к его обучению и упражнению его сил; посредством пропаганды словом, т.-е. посредством прессы, собраний, книг и речей; посредством пропаганды действием, т.-е. посредством стачек, ремесленных союзов, выборов и т. д.» (стр. 29 одесского издания 1906 г.). Этого же взгляда держался Плеханов и в «Монизме» 1895 г. Приведем наудачу несколько наиболее интересных мест: «Так как человеческий разум может восторжествовать над слепой необходимостью, только познав ее собственные, внутренние законы, только побив ее своей собственной внутренней силой, то развитие знания, развитие человеческого сознания является величайшей благороднейшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! Вот что нужно прежде всего» (VII, 248). «Развивайте человеческое сознание, сказали мы. Развивайте самосознание производителей, прибавляем мы теперь» (VII, 248—249). «Трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении» (VII, 249). «У Маркса и Энгельса был идеал и очень определенный идеал: подчинение необходимости свободе, слепых экономических сил силе человеческого разума. Исходя из этого идеала, они и направляли свою практическую деятельность, которая заключалась, разумеется, не в служении буржуазии, а в развитии самосознания тех самых производителей, которые должны со временем стать господами своих продуктов» (VII, 260). «Маркс и Энгельс поставили себе задачей развивать это самосознание согласно духа диалектического материализма, они с самого начала поставили перед собой совершенно, исключительно идеалистическую задачу» (разрядка подлинника, VII, 260). Отсюда и перед «русскими учениками», т.-е. русскими с.-д., стоит подобная же задача: «Я буду развивать их (рабочих. *Ст. Кр.)* самосознание и отстаивать их материальные интересы» (VII, 270). Рисуя картину развития самосознания немецких рабочих в 40-х гг., Плеханов выставляет нижеследующее положение, которое мы усиленно подчеркиваем: «Но уже в головы немецких рабочих начали попадать искры сознания» (разрядка наша. *Ст. Кр.)* (VI, 275). Здесь мы по существу имеем ленинскую формулу «внесения сознательности». В будущем эта «искра» заменится «революционной бациллой» и солидаризированием Плеханова в речи на II с'езде со всеми основными положениями «Что делать?» (1905—1907 гг.). Нам пока важно подчеркнуть, что вплоть до обсуждения в редакции «Искры» проекта программы разногласий по этому вопросу между Плехановым и Лениным не было, при чем эти разногласия были изжиты внутри редакции.

VII.

Посмотрим же, как высказывался по этому вопросу о «внесении сознания» Ленин. В «Друзьях» (1894) он указывает, что политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы «... содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразования его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса» (I, 193). Задача с.-д. распространения среди рабочих идей научного социализма. «Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации...» (I, 194) (здесь мы обрываем фразу, так как нас интересует только сторона распространения социалистического сознания среди рабочих. *Ст. Кр.).* Что же нужно для этого? «Для этого требуется только простое выяснение ему (фабрично-заводскому рабочему. *Ст. Кр.)* его положения (разрядка подлинника), выяснение политико-экономического строя, той системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе» (I, 193—194). При чем этому много способствует капиталистическое подчинение рабочего. «Это подчинение является прогрессивным... потому, что оно будит мысль рабочего (разрядка подлинника), превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда,—борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на верный успех» (разрядка автора) (I, 142). Составляя в 1896 г. первый проект программы с.-д. партии, В. И. Ленин в § 1 раздела Б писал следующее: «Русская с.-д. партия об'являет своей задачей помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием настоящей цели борьбы» (I, 426). В об'яснении программы по поводу данного § мы читаем следующее: «Этот пункт программы самый важный, самый главный, потому что он указывает, в чем должна состоять деятельность партии, защищающей интересы рабочего класса и деятельность всех сознательных рабочих. Он указывает, каким образом стремления социализма, стремления устранить вечную эксплоатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое нарождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами» (I, 438). «Задача партии состоит в том, чтобы... внести в него (рабочее движение. *Ст. Кр.)* свет...» (I, 439). В «Задачах русских социал-демократов» (1897 г.) мы читаем следующее: «Наша задача—слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабо-

чих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата» (II, 173).

Появление «узкого» понимания марксизма и экономизма заставляет В. И. Ленина заострить свои формулировки, и, начиная со статей 1899 г., мы имеем все элементы «угловатых» формулировок «Что делать?». В виду интереса мы постараемся дать побольше выдержек. Одновременно с пресловутым Credo Кусковой вышло под подобным же названием и «Исповедание веры» Киевского комитета (Profession de foi), против которого В. И. выступил так же резко, как и против произведения Кусковой. Положительные задачи с.-д. в интересующей нас сейчас части даны в отрицательной форме, в форме упрека экономистам за то, чего они не делают. «Стремление опуститься до уровня понимания низших слоев (вместо того, чтобы постоянно п о д н и м а т ь (разрядка подлинника) уровень сознания рабочих)» (Лен. Сб. VII, стр. 12). «Агитация... для организации этой борьбы из ее стихийных форм в форму борьбы единой политической партии» (там же, стр. 14). Появление «Отдельного приложения» «Рабочей Мысли» со стремлением принизить с.-д. движение до уровня наиболее отсталых слоев рабочих, а самую с.-д. превратить в хвост буржуазной либеральной оппозиции вызвало осенью 1899 г. статью В. И. Ленина «Попятное направление в русской с.-д.», где мы читаем следующее: «Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских с.-д., должна стоять на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной с.-д.» (II, 553). В этих словах мы видим будущую защиту высокого уровня содержания «Искры», то, что она обращалась к передовикам, а не к отсталым. Любопытно, кстати, тут же отметить, что в одном из писем П. Аксельрода В. И. Ленину во время их совместной редакционной работы над «Искрой» мы также встретим сомнения насчет доступности «Искры» рабочим и указание на необходимость понизить теоретический ее уровень.

К тому же 1899 г. относятся три программные статьи, написанные В. И. Лениным для № 3 «Рабочей Газеты», об'явленной I партс'ездом Центральным Органом партии и редактором которой был избран В. И. Ленин. В ст. «Наша ближайшая задача» мы читаем: «Ее (с.-д.) задача внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма,—одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с д е я т е л ь н о с т ь ю р е в о л ю ц и о н н о й п а р т и и» (разрядка подлинника) (II, 497). При чем в этой же статье несколько дальше говорится и о величайшем значении стихии: «Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении» (там же, стр. 497). В следующей статье «Насущный вопрос», дающей развернутый план организации общерусской газеты, который через два года был осуществлен основанием «Искры», мы читаем следующее:

«Только тогда (при создании центрального органа. *Ст. Кр.*) глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную

ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа» (II, 504).

С этими идеями В. И. Ленин продолжает выступать и в «Искре». Так, в передовой 1 № «Искры» «Насущные задачи нашего движения» мы читаем: «Отсюда сама собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением» (IV, 57). В № 12 «Искры» было помещено письмо сторонников экономизма с обвинением «Искры» в том, что она отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление и на приуменьшение «материальных элементов движения», на что В. И. Ленин ответил ст. «Беседа с защитниками экономизма», где снова дал ряд уже известных нам формулировок: «Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет в п е р е д и стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические и тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы движения» стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться» с материальными элементами, надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь п о д н и м а т ь (разрядка подлинника) стихийность до уровня сознательности» (IV, 341). Все эти формулировки, как мы видим, весьма напоминают те, что даны в «Что делать?», основные из которых мы уже приводили выше.

VIII.

Когда Плеханов в новой «Искре» (№№ 70 и 71, летние №№ 1904 г.) об'явил о своем несогласии со взглядами Ленина, выраженными последним в его книге «Что делать?», В. И. Ленин указал в ответ Плеханову в примечании к ст. В. Воровского «Плоды демагогии», что Плеханов выдумал несуществующие разногласия, так как инкриминируемая идея была включена Плехановым в проект программы (Ленин, IV, 546—547, или VII, 169). На самом же деле Плеханов был в этом своем указании прав, и мы имеем тому теперь документальное подтверждение в материалах по выработке партийной программы, опубликованных в Лен. Сб. II. Прежде приведем интересное указание Мартова в его статье «К истории с.-д. идей в России», служащей введением к ленинскому письму Северному Союзу (Замечания на программу «Северного Союза», см. «Летопись Революции», кн. I, Берлин, стр. 143—144). «Его (В. И. Ленина. *Ст. Кр.*) формула по третьему боевому вопросу в «привнесении» социализма в рабочее движение «извне идеологами», вскоре после того развитая в его известной книге «Что делать?», принадлежала ему одному и по опубликовании указанной книги вызвала серьезные теоретические сомнения. Но с ц е л ь ю (разрядка подлинника) критики и этого пункта мы все были солидарны: речь шла о борьбе против вульгарного представления о том, что голый опыт стихийно возникающего рабочего движения сам по себе

формирует (разрядка подлинника) социалистическое сознание пролетариата». Указанные в кавычках Мартовым слова взяты им как раз из ленинской критики программы Северного Союза и полностью гласят следующее: «В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится (разрядка подлинника) идеологами» (V, 125). Отзвуки недовольства Плехановым этой формулировкой можно найти в ряде его статей тех дней и в его переписке, но сейчас мы на этом останавливаться не будем, откладывая это до детального выяснения эволюции Плехановских взглядов по этому вопросу. Перейдем к непосредственному столкновению по этому вопросу между Лениным и Плехановым во время выработки проекта программы. В первом Плехановском проекте в § VI (Л. Сб. II, 17) мы читаем: «Но в то самое время, как растут и развиваются эти неизбежные противоречия капитализма, растет также и недовольство рабочего класса существующим порядком вещей, обостряется его борьба с классом капиталистов, и в его среде все шире и все быстрее распространяется сознание». На это в своих замечаниях В. И. Ленин указал следующее: «... распространение сознания (— γ) поставлено на ряду (разрядка подлинника) с ростом возмущения (— α) и обострения борьбы (— β) Но α и β стихийно, α γ должны вносить мы» (Л. Сб. II, 27). Эти замечания были приняты во внимание, и в комиссионном проекте программы (Л. Сб. II, 116) в § 8 формулировка «распространяется сознание» была исключена и о самом сознании не сказано было ни слова. Не появился «рост сознания» и в окончательном проекте. Но зато на с'езде Мартынов внес в окончательную формулировку этого § следующую поправку: «Растет число, сплоченность и сознательность пролетариата» (Протоколы, 107). И любопытно отметить, что Мартов принял эту формулировку: «Не могу усмотреть связи между одним местом из книги Ленина и пропуском слова «сознательность». Против вставки этого слова я ничего не имею» (Протоколы, 109). Но, несмотря на согласие Мартова, эта вставка Мартынова не была принята с'ездом, и в окончательном виде § этот читается так: «Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с эксплоататорами» (Протоколы, 2). При чем надо отметить, что формулировка Ленина была полностью воспринята на местах и в этом отношении интересно указание Карского — Топуридзе (Тифлисский комитет). «В этом смысле, конечно, теория социализма привнесена в рабочий класс извне» (Протоколы, 116). При чем и сам Плеханов на с'езде употребил этот же термин «внесение извне». Вот его подлинные слова: «Ленин писал не трактат по философии истории, а полемическую статью против экономистов, которые говорили: мы должны ждать, к чему придет рабочий класс сам, без помощи «революционной бациллы». Последней запрещено было говорить что-либо рабочим, именно потому, что она—«революционная бацилла», т.-е. что у нее есть теоретическое сознание. Но если вы устраните «бациллу», то остается одна бессознательная масса, в которую сознание должно быть внесено извне» (разрядка наша; Протоколы, 114).

Таким образом мы видим, что в данном в высшей степени важном теоретическом вопросе, вопросе о создании идеологии, Плеханов уступил Ленину. Мы уже указывали выше на ст. Воровского «Плоды демагогии», явившейся ответом на указания Плеханова в его ст. «Рабочий класс и с.-д. интеллигенция». Статья В. В. Воровского подверглась тщательной редакции В. И. Ленина, который внес ряд поправок и вставок, указанных в воспроизведении ст. Воровского в IV т. Сочинений В. И. Ленина, стр. 544--549. Поэтому мы можем считать ст. Воровского за выражение взглядов самого В. И. Ленина. Напомним к этому еще, что статья эта появилась в марте 1905 г. Здесь о Плеханове и об интересующей нас теме говорится следующее: «Но и раньше, еще задолго до с'езда, Плеханов признал и скрепил ту же ленинскую мысль в проекте программы партии, проекте, как он теперь говорит, писанном не Лениным (т.-е. Плехановым)» (546). К этому месту как раз и относится примечание В. И., неоднократно указываемое нами, в котором он говорит о тех разногласиях при обсуждении программы, при обсуждении которых был бой с Плехановым. Пункт же об исключении «роста сознательности» Плеханов принял совершенно без боя. И дальше: «Итак, не пролетариат сам слагается в политическую партию, не «самодеятельность» пролетариата руководит его классовой борьбой, не пролетариат сам доходит до сознания необходимости социальной революции, а, наоборот, все элементы сознательности вносятся в его среду социал-демократией—этой выразительницей сознательности рабочего класса» (разрядка наша) (Ленин, IV, 547). При чем ядовито указывается дальше, что «Плеханов не мог не подписаться под этой программой после того, как он с первых же №№ «Искры» впал в ленинскую ересь» (547).

К этому вопросу В. Воровский, очевидно, также по прямому поручению В. И. Ленина, вернулся еще раз уже в 1907 г. после опыта первой русской революции в своей ст. «Социал-демократия и рабочая масса», статье, направленной против возрожденного преклонения меньшевиков перед стихийностью в связи с аксельродовской идеей о рабочем с'езде. Указав на задачи коммунистов по Манифесту коммунистической партии, В. Воровский продолжает: «Выделившиеся из широкой массы пролетариата сознательные элементы (да перешедшие на точку зрения пролетариата буржуа-идеологи) образуют партию, как руководящий коллектив—выразителя и носителя классовой идеи, классовой сознательности. Стихийный процесс развития пролетариата в класс выделяет из рабочей массы наиболее сознательные элементы, порождая в них суб'ективную потребность прививать массам свою классовую сознательность» (разрядка наша) («Вестник Жизни» 1907, IV, 85—86). Вместе с тем в этой статье мы имеем очень резко поставленное указание на необходимость для с.-д. всегда быть вместе с массой, рядом с массой, даже в том случае, если масса ошибается. «С.-д. должна связать свою деятельность и свою судьбу со всей (разрядка подлинника) жизнью и судьбою рабочего класса. Являясь сознательным авангардом его, она в то же время не может отграничивать круг своей деятельности и ответственности лишь планомерно-организованными актами рабочей массы. Несознательность и неорганизованность этой массы должны служить — как реальная действительность —

предпосылкой деятельности сооциал-демократии... Если с.-д. хочет действительно сыграть ту великую роль, которая выпадает на ее долю, она должна уметь связать дело социализма с туманными, смутными стремлениями и мечтами пробуждающегося пролетариата, хотя бы это были подчас ошибочные и вредные стремления. Она должна еще более чутко и внимательно прислушиваться к этим ошибочным и вредным стремлениям, ибо они являются как-никак первыми судорожными движениями пробуждающегося сознания. Только тогда рабочая масса увидит и признает в социал-демократии с в о ю (разрядка подлинника) партию, только тогда социал-демократия сможет действительно явиться вождем и руководителем этой массы и перековать ее ошибки и промахи в могучее орудие планомерной классовой борьбы» (там же, 97—98).

И позже всякая попытка заменить научный коммунизм — диалектический материализм — эту современную идеологию пролетариата, заменить это испытанное орудие борьбы пролетариата какой-то пролетарской философией, не находящейся в органической связи с диалектическим материализмом и не являющейся ее дальнейшим развитием, встречала самый жестокий отпор со стороны В. И. И тут ему на помощь приходили все его прежние споры с экономистами о будто бы самостоятельно растущем самосознании пролетариата. Достаточно вспомнить тот бешеный отпор, который встретили попытки в этом направлении Богданова. Богданов не остался в долгу и ответил на это некоторыми общими рассуждениями на интересующую нас тему. Вот что он писал в «Вере и науке» (работе, направленной против «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина): «Большевик Н. Ленин однажды в книге «Что делать?» обмолвился, что рабочий класс н е с п о с о б е н (разрядка подлинника) самостоятельно, без помощи социалистической интеллигенции, возвыситься над идеями тред-юнионизма и прийти к социалистическому идеалу. Фраза вырвалась совершенно случайно в пылу полемики с экономистами и ни в какой органической связи с основными воззрениями автора не находилась. Это не помешало писателям меньшевикам в течение трех лет сосредоточивать свою торжествующую полемику на указанной фразе Ленина, которой он будто бы раз-навсегда доказал антипролетарский характер большевизма. Мне даже смутно вспоминается,—может быть, я ошибаюсь,—что они хотели поставить памятник Ленину за то, что «он похоронил большевизм среди русских рабочих» (193—194).

Мы не имеем сейчас возможности проследить взгляды В. И. по интересующему нас вопросу во время нашей революции. Напомним только вкратце те гневные окрики, которыми он одергивал тех дурачков, которые думали, что своими голыми руками, своим только личным пролетарским чутьем русский пролетариат сможет построить социализм; без усвоения всей культуры прошлого и без помощи рук специалистов социализм построен быть не может. Вспомним его речь на III с'езде комсомола. Приведем только одну цитату из речи В. И. Ленина на с'езде политпросветов 1920 г., с'езде той организации, которая кладет в основу своей работы государственную пропаганду коммунизма. «Связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли п р о п и т а т ь э т о т п р о л е т а р и а т с в о и м д у х о м, п о д ч и н и т ь е г о с е б е (разрядка наша. *Ст. Кр.),* освободить от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить» (XVIII, ч. 2, 182). В будущем мы подробно остановимся на этом, а сейчас ограничимся вышесказанным.

IX.

Итак, мы видим, что только В. И. Ленину удалось, пользуясь диалектическим методом, решить задачу о соотношении стихийного и сознательного элементов в рабочем движении. Здесь решение могло быть только в диалектическом единстве этих противоположностей. Меньшевики, а еще раньше их духовные предшественники экономисты, не могли, будучи типичными метафизиками, решить этот вопрос. Преклонение перед стихией привело к постановке глубочайшей проблемы «тактики-процесс», данной Кричевским. Ему В. И. Ленин противопоставил «тактику-план». При чем в назидание экономистам указывалось, что именно наличием такого плана-тактики и велика германская социал-демократия. «Например во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий в с е й д е м о к р а т и и (разрядка подлинника),—и еще больше это делали Маркс с Энгельсом в 1848 г.» (IV, 424, примечание). После II с'езда обнаружился организационный оппортунизм меньшевиков, так ярко проявившийся в пресловутой теории «организация-процесс», чему в «Шаг вперед» В. И. Ленин противопоставил свою идею «Организация-план», что еще раньше легло в основу организационных идей «Искры» и в особенности «плана всероссийской организации профессиональных революционеров», так жестко выраженных в «Что делать?». Корень этих разногласий, приведших к постановке в революции 1905 г. проблемы «должны ли мы организовать революцию», лежит все в этой основной проблеме соотношения социализма и рабочего движения. Вот почему мы полагаем, что именно эта идея является основной в большевизме и детальная разработка ее является основной заслугой В. И. и тем новым, что он внес в марксизм. Достаточно напомнить тут те колебания, какие в этом вопросе делал Плеханов, чтобы увидеть всю трудность разрешения этой задачи. Теперь много говорят о духовном завещании, о духовном наследии В. И. Думается нам, что именно в постановке данной проблемы и в ее методологическом разрешении (не принимая при общем ее разрешении частых полемических моментов, но в то же время учитывая их при каждой новой постановке ее в той или другой конкретной ситуации) заложена не малая часть заветов В. И. Ленина теперешним и будущим стальным рядам коммунистов в их конкретной постановке задачи организации мировой коммунистической революции.

Женевские воспоминания.

Влад. Бонч-Бруевич.

I.

Нам было совершенно ясно, что наше деловое партийное общение с меньшевиками не может долго продолжаться. Отношения все более и более натягивались, и мы готовились к полному разрыву. Владимир Ильич вышел из редакции «Искры», и мы начали печатать отдельные брошюры от имени ЦК.

В партийной типографии, которая была всецело в руках меньшевиков, мы могли всегда встретить сопротивление со стороны заведующего типографией тов. Блюменфельда, который был очень вспыльчив и всецело шел за меньшевиками. Наборщики были все меньшевики, среди которых приверженцы почитались отчаянными радикалами и революционерами. Все заставляло нас все более и более укреплять свои ряды, организовывать фракцию и готовиться к дальнейшим событиям. Мы так и делали, зная наперед, что настанет время полного раскола, когда никакие отношения будут не возможны. По правде говоря, только особая партийная выдержанность и дисциплинированность заставляла нас продолжать всю ту работу, которую мы делали, пока ЦК был наш, работая почти целиком на меньшевистскую организацию. И работать, кроме того, было еще очень трудно потому, что, кажется, не было всех тех смертных грехов, в которых только не обвиняли всех нас, деятелей «большинства» партии, всегда склочные, всегда вздорные меньшевики, при чем главным запевалой всех этих отвратительных отношений почти всегда был столь «нравственный», столь «чистый», столь «безукоризненный» Ю. О. Мартов. Он точно избрал себе ремеслом, под видом самого наивысшего благочестия, устраивать склоку за склокой, выдумывая всюду и везде всевозможные истории. Эту свою новую специальность он стал проявлять еще на самом втором с'езде, где Дейч вцепился в нашего товарища Гусева, обвиняя его, что он передал для голосования не те списки. Мартов сейчас подхватил это обвинение и понудил Владимира Ильича выступить с резкой отповедью этих эмигрантских сплетников [1]). На с'езде Лиги в Женеве Мартов в своем корреферате так отвратительно держал себя, что Владимир Ильич подал заявление в президиум, что он не может, не хочет и не будет участвовать ни в каких дальнейших прениях, связанных с выступлением Мартова.

«Я протестую самым решительным образом,—писал он в этом своем заявлении,—как против ж а л к о г о приема борьбы, против постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, им и Старовером. Я констатирую, что этот прием противоречит вопиющим образом вчерашним заявлениям самого Мартова

[1]) Статья «Инцидент тов. Гусева с тов. Дейчем», Собр. соч. Н. Ленина, т. V, стр. 484—490.

о брезгливости, мешающей доводить дело до неразрешимого вопроса о правдивости изложения частных бесед. Я заявляю, что Мартов с о в е р ш е н н о н е в е р н о изложил частный разговор en question. Я заявляю, что принимаю всякий третейский суд и вызываю на него Мартова, если ему угодно обвинять меня в поступках, не совместимых с занятием ответственного поста в партии. Я заявляю, что нравственный долг Мартова, выдвигающего теперь не прямые обвинения, а темные намеки, что его долг иметь мужество поддержать свои обвинения открыто и за своею подписью перед всей партией, и что я, как член редакции ЦО партии, предлагаю Мартову от имени всей редакции немедленно и з д а т ь отдельной брошюрой в с е его обвинения. Не делая этого, Мартов докажет только, что он добивался одного скандала на с'езде лиги, а не нравственного очищения партий.

Я заявляю, что после того, как вчерашний, так называемый, корреферат Мартова перенес прения на недостойную почву, я считаю ненужным и невозможным участвовать в каких бы то ни было прениях по этому пункту Tagesordnung'a, а, следовательно, отказываюсь и от своего заключительного слова, тем более, что если Мартов имеет мужество выдвигать определенные и открытые обвинения, то он обязан сделать это перед всей партией в той брошюре, на составление которой я вызывал вчера Мартова формально» [1]).

Если уж Владимир Ильич, этот испытанный боец и полемист, не мог более вытерпеть этой полемики,—а что только ни приходилось ему выслушивать в своей жизни на рефератах!—не мог отнестись иначе как с отвращением ко всем нападкам этого более чем истерического человека, дававшего тон всей меньшевистской женевской колонии, то всем станет ясно, что делалось, что творилось и какова была атмосфера в нашей политической жизни того времени в этой далекой Женеве. И мы все более и более убеждались, что надо скорей, и как можно скорее, отходить от всего этого, ища в деле, в практической работе единственное утешение и источник новых сил. Совершенно будет всем понятно, что всякий малейший повод, и личного и общественного характера, тотчас же давал импульс к новым и новым историям, отравлявшим всю нашу жизнь, и от которых так хотелось уйти без оглядки. Нередко дела эти принимали большое и даже политическое значение. Вспоминаю одно весьма важное обстоятельство, где меньшевики, в конечном счете, целились, во что бы то ни стало и как можно сильней, политически скомпрометировать Владимира Ильича.

II.

Дело это было связано с русско-японской войной.

Вскоре после начала русско-японской войны, в Японию стали приводить большое число пленных русских солдат. Заграничный отдел ЦК нашей партии, по моему предложению, поручил мне же организовать снабжение русских пленных солдат нашей партийной литературой. Женевской центральной экспедиции нашей партии удалось найти пути к концентрационным лагерям, в которых находились русские, пленные солдаты. В этом помогли более всего русские, жившие в Нью-Йорке, и удалось особенно хорошо и много сделать через известного русского эмигранта доктора Русселя, давно ставшего полноправным американским гражданином и занимавшего в то время высокий пост в правительстве Филиппинских островов. Русселю было разрешено организовать комитет помощи русским пленным. Комитет этот снабжал их бельем, продуктами, письменными принадлежностями, газетами и книгами. Газеты и книги, в свою очередь, шли от нас к Русселю, при чем для вящшей конспирации,

[1]) Н. Л е н и н, Собр. соч., т. IV, стр. 341.

в первое время, они перепаковывались в Нью-Йорке и поступали к Русселю как посылки из Нью-Йорка, а не из Женевы. Очень скоро мы стали получать письма от солдат с просьбой прислать книг, газет—эти письма нам пересылали с Филиппинских островов. Переписка особенно усилилась после падения Порт-Артура, когда из этой «неприступной крепости», которую предал и продал генерал Стессель, были взяты японцами в плен большие части матросов и солдат. В скором времени мы стали отсылать литературу посылками и по адресам, получаемым в письмах от пленных, и по адресам представителей американского комитета помощи русским пленным, которые появились во многих городах Японии, где находились наши пленные. Письма эти были чрезвычайно интересны. И солдаты, и особенно матросы самым подробным образом описывали и свое личное положение, и что они переживали на войне. Кое-что из печатали, но в большинстве случаев этого не делали, так как боялись как-либо случайно скомпрометировать корреспондентов. Все эти письма русских пленных и вообще вся переписка по делу снабжения военнопленных нашей литературой мною тщательно сохранялись в делах и архиве нашей партийной экспедиции. Все это после революции 1905—1906 гг. продолжало сохраняться в Женеве в библиотеке при ЦК партии, организованной нами же, большевиками, а частью было передано на сохранение в библиотеку Г. В. Клина, который, умирая, всю свою библиотеку завещал нашей партии, и ранее передал ей всю свою богато оборудованную типографию. Надеемся, что все эти ценнейшие документы там сохранились и теперь будут разработаны в Институте Ленина и опубликованы Истпартом.

Когда русский флот потерпел целый ряд поражений, и многие матросы были интернированы в Шанхае, Сингапуре, Гонконге и в других приморских городах, мы тотчас же устремили наше внимание туда и снабдили наших отечественников большим количеством литературы. Кроме этих случаев и вообще, во всех приморских городах Индии, Китая и океанских островов поместили нашу литературу в книжных магазинах этих городов, с тем расчетом, что в них постоянно прибывали наши суда, подготовлявшие путь эскадре адм. Рождественского, приведшего ее к Цусиме, а также всевозможные другие торговые наши суда, прекрасно зная, что всякий матрос, очутившийся на берегу, из всех сил постарается захватить с собой произведения нашей запрещенной печати, что на самом деле и было: продажа нашей литературы в этих местах шла бойко.

Очень интересно отметить отношение Г. В. Плеханова к нашей работе среди русских военнопленных в Японии.

Когда еще была единая экспедиция партии, однажды я получил записку от Георгия Валентиновича, который просил притти меня к нему на квартиру «по важному и неотложному делу». Г. В. Плеханов в то время был членом Совета партии новой формации и новой редакции «Искры», из которой В. Ил. Ленин уже ушел, а Мартов с друзьями был кооптирован Плехановым.

Иду.

Георгий Валентинович таинственно меня встречает, принимает в своей гостиной и говорит:

— Я позвал вас к себе поговорить наедине, откровенно в знак нашего старого знакомства, прежде чем делать вам официальный запрос от Совета партии.

— В чем же дело?—недоумевал я.

— Скажите пожалуйста, но только совершенно откровенно: вы от нашей партийной экспедиции вошли в сношение с японским правительством?

Я невольно сделал широкие глаза, и, очевидно, на моем лице выразилось такое неподдельное удивление, что Георгий Валентинович сейчас же добавил:

— Может быть, были попытки, к вам подсылали, зондировали почва, кто-либо направлял вас на это дело?

Я сразу понял, что острие всего этого разговора, конечно, направлено не против меня, не против экспедиции, но так как в то время, с легкой руки Аксельрода [1]), Владимира Ильича стали всюду сравнивать с немецким деятелем Швейцером, который для достижения диктаторской цели, не брезговал никакими средствами, то, очевидно, и здесь, среди меньшевиков, родилась идея компрометирования Владимира Ильича с этой стороны, точно так же как во время последней мировой империалистической войны у Алексинского с компанией разрабатывалась такая же клевета по отношению к Владимиру Ильичу, которого эти презренные господа, явные наймиты буржуазии и черносотенцев, позволяли себе обвинять в сношении с немецким правительством во время войны.

Поняв, куда клонятся эти намеки, я определенно и резко ответил Плеханову:

— Я удивлен, что член Совета партии, старейший социал-демократ, может для своей информации питаться явно-клеветническими сплетнями и подозривать своих недавних близких товарищей в политических гнусностях.

Георгий Валентинович, очевидно, понял всю неловкость своего положения и сейчас же сказал:

— Вот именно для опровержения всего этого, как при частных разговорах, так, может быть, и в Совете партии, я и позвал вас предварительно к себе, чтобы запастись совершенно точными и достоверными сведениями из первоисточника и, таким образом, быть неопровержимым. Я лично,—добавил он,—уже определенно заявил, что совершенно этому не верю, что это сплетни, что здесь наверное кроется что-либо совершенно другое...

Я рассказал ему подробно о всей организации снабжения нелегальной литературой через Русселя наших пленных в Японии. Он крайне был удивлен, что мы посылаем такое большое количество литературы туда. Сказал мне, что Русселя он лично знает и вполне его рекомендует, как очень энергичного и весьма преданного делу революции товарища, и что эту нашу деятельность он вполне одобряет.

Я тотчас же прибавил:

— Если бы мы имели возможность войти в самые тесные сношения с японской рабочей партией и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы, так как совершенно не признаем царского правительства, об'явившего войну. Мы, конечно, братски работали бы на разрушение этой войны, через головы правительств и русского, и японского, с пролетариатом Японии, но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла. Мы решили ограничиться нашей деятельностью через доктора Русселя и помещением нашей литературы в книжные магазины всех приморских городов Европы, Африки, Америки и Азии, куда только можно предположить, что будут заходить наши русские корабли,—угольщики, военные, транспортные и прочие,—и где русские матросы, солдаты, офицеры, чиновники и рабочие могут быть на берегу, а, стало быть, и купить нашу литературу. Еще, конечно, было бы лучше,—прибавил я,—иметь во всех этих городах наших пропагандистов, агитаторов и распространителей литературы, хотя бы и бесплатно, но, к сожалению, на это у нас не хватает сил и средств, чтобы послать туда людей. Найти же там подходящих людей крайне трудно и почти безнадежно.

Плеханов начинал увлекаться этим планом работы среди русских военнопленных, матросов и солдат и отнюдь его не отрицал и высказался опреде-

---

[1]) См. его фельетон в «Искре» № 55 (15 декабря 1903 г.) «Об'единение российской социал-демократии и ее задачи», «Итоги ликвидации кустарничества» (конец фельетона).

ленно, что, конечно, пролетариату нет никакого дела до буржуазных правительств, кроме борьбы с ними, и что всяческая солидарность пролетариата, тем более работа в такой острый момент жизни двух соседних народов, только желательна, демонстративна и, кроме того, крайне полезна, как сильно действующее агитационное средство. После я невольно припомнил наш этот разговор с Г. В. Плехановым, когда он сам демонстративно на всемирном социалистическом конгрессе говорил речь по поводу русско-японской войны, приветствовал японский пролетариат, братался с представителем его на конгрессе тов. Катаямой, жал ему руку и, под гром аплодисментов всего конгресса, расцеловался с ним. Это была значительная политическая демонстрация всемирного внимания к вопросам войны и мира в дни разгулявшегося шовинизма.

Я добавил Плеханову, что на-днях из Берлина экспедиция нашей партии получила письмо от японского консульства с подпиской на два экземпляра «Искры» и «Рассвета», что мы зачислили в списки и этого подписчика, так же как и всех других подписчиков, и высылаем ему газеты одновременно со всеми. Кстати я сообщил ему, что среди подписчиков и заказчиков на наши газеты и литературу имеется довольно много всяких официальных мест и учреждений (в том числе и разных правительств, до русских посольств и консульств включительно), и что мы, конечно, всех подписчиков удовлетворяем, совершенно не обращая внимания, кто они такие.

Плеханов вполне с этим согласился, добавив:

— Не можем же мы, в самом деле, еще и контролировать, кто купил наши издания в книжных магазинах, на вокзадах, в киосках!

Этим наше собеседование окончилось.

Георгий Валентинович на прощание просил меня сообщить ему о результатах работы среди русских пленных, находящихся в Японии, и добавил:

— Теперь я знаю, что говорить мне и в Совете, и моим «друзьям»,— сказал он с усмешкой,—у меня есть полная уверенность посрамить тех, кто кумушкины сплетни желает превратить в политические разногласия...

И мы расстались.

Я шел от Г. В. Плеханова в большом недоумении. Совершенно ясно, что это был пробный шар. С Г. В. Плехановым я долгое время—целые годы!—был в самых лучших отношениях, глубоко его уважал и искренне любил. Он знал, как я отношусь к нему. После того, как он изменил знамени большевизма,—хотя и под видом «политической необходимости»,—как он об этом говорил, но факт оставался фактом: именно при его посредстве меньшевики всей своей компанией вошли в редакцию «Искры», вопреки воли с'езда, а потому мы, конечно, не могли не относиться отрицательно к этому неожиданному поступку Георгия Валентиновича. И у меня в эти тяжелые дни, в первый раз в моих отношениях с Г. В. Плехановым, появилась глубокая трещина. Но мы еще были знакомы, дипломатические отношения большевиков с Г. В. Плехановым не были еще порваны, и мне, по официальному моему положению в партии, приходилось с ним нередко общаться. Все это отлично учли меньшевики и кинули пробный шар, желая что-либо выудить из моих разговоров с Георгием Валентиновичем. Но так как и выуживать было нечего, ибо сама правда была прекрасна и хороша, то это обходное движение ни к чему, кроме как к посрамлению меньшевиков, не привело. Я тотчас же обо всем рассказал Владимиру Ильичу, и он от души смеялся над «меньшевистскими дурачками», пожелавшими его завербовать в агенты японского микадо! Думал ли когда-либо Алексинский, что он имеет в своей подлой деятельности столь солидных предшественников?

Мне приходится искренне сожалеть, что я не могу сообщить Георгию Валентиновичу —увы! его уж нет среди нас более десяти лет!—о том замечательном результате, который оказался в жизни, как следствие нашей литературно-пропагандистской деятельности среди русских пленных в концентрационных лагерях Японии. Но в настоящее время еще числятся в списках живых некоторые из тех меньшевиков, которые были в то далекое время в Женеве и которые поднимали политические сплетни и всевозможные инсинуации и против большевиков вообще, и против Владимира Ильича, в частности и в особенности. К громадному сожалению, нет также в живых и того, кто многократно поднимал свое безумное перо против истинного вождя русской революции: я говорю про Павла Борисовича Аксельрода, который когда-то, еще в 1898 г., приходил в восторг от писем и писаний Владимира Ильича, о чем конспиративно, шопотом рассказывал тем, кому он доверял и с кем хотел делиться особо важными сведениями из России. «Это огромная величина!»— говорил он про Владимира Ильича. «Это будущий вождь и теоретик партии!»—правильно пророчествовал он. И когда пришлось Владимиру Ильичу твердо проявить себя на II с'езде и после с'езда партии и раскола, то именно он,—этот пророк в своем отечестве,—сейчас же до ужаса обиделся, рассердился, разворчался, сбился с теоретического пути и стал изрекать хулу на того, кого так ранее превозносил: Он подобен Швейцеру! Партия, благодаря ему, будет совлечена с правильного пути! Партия погибнет! Здесь наш пророк опростоволосился и не предугадал ни участи Владимира Ильича, ни участи партии, ни своей собственной, ни участи милых его сердцу меньшевиков. Вот ему-то, этому первейшему,—далеко ранее Алексинского,—затейнику политического опорочения Владимира Ильича, мне от всей души хотелось бы дать прочесть тот документ, а равно и всем другим его сподвижникам,—этим инсинуационных дел мастерам,—который совсем на-днях получен мной и который как раз касается нашей пропаганды во время русско-японской войны среди русских военнопленных.

Заказным письмом по адресу: «В редакцию «Правда» товарищу Владимиру Бонч-Бруевич, Москва» от Л. В. Жак (Харьков, ул. Гоголя, 9/1)», только что пересланному мне редакцией газеты «Правда», названный товарищ, матрос Л. В. Жак, пишет мне:

«Уважаемый тов. Бонч-Бруевич!

В журнале «Новый Мир» из вашего рассказа о Максиме Горьком, я узнал, что вы были в Женеве в 1904—1905 годах.

Меня интересует один маленький вопрос. На котором надеюсь не откажете в любезность ответить. В 1904—1905 годах я был в плену в Японии, в городе Хамадера-токайси. В этой местности находились в плену все порт-артурцы, и мы тогда из Женевы получили большое количество нелегальной социалистической литературы, которая нам принесла колоссальную пользу для пропаганды среди военнопленных и для самопросвещения, что на деле тогда и сказалось. В газете «Сын Отечества» появилась заметка, что царь и правительство решило всех «приемников наследника», порт-артурских «героев» по возвращении из плена, привести всех в Петербург и наградить их как «героев». А главное правительство рассчитывало иметь в лице этих «героев» верную опору для трона. Но женевская литература сделала свое дело. Все «герои» были настолько распропагандированы, что царское правительство отшатнулось от этой мысли. Меня этот вопрос интересует вот с какой стороны, не по инициативе ли нашего Великого Ильича мы тогда получили столь дорогой для нас подарок, который нам открыл путь на всю жизнь. С комприветом! (один с комгруппы в плену).

Л. В. Жак.

28/XII—28 г.

Харьков, ул. Гоголя, № 9/1. Цукернику для Жака».

Этот документ сам говорит за себя. Когда мы вели от лица нашей партии литературно-пропагандистскую деятельность, мы, конечно, никогда не

сомневались в ее безусловной полезности. Бросая литературу массами в широконародную, и особенно в рабочую, солдатскую, матросскую среду, мы всегда были уверены в том, что то, что мы посеем, то и пожнем. Мы знали сколь велико значение искреннего революционного, социалистического слова. Нередко говорили нам: какая польза, что вы продаете партийную литературу на вокзалах, на курортах, в портах, в магазинах западно-европейских городов? И мы всегда отвечали на это: наше дело дать возможность всеми путями проникнуть нашей свободной партийной печати в царскую Россию, а там, в стране разгула произвола царских сатрапов, в стране, где хищное дворянство и хищная нараставшая буржуазия уже и при царе, пользуясь множеством привилегий, немилосердно и жестоко эксплоатировали народ, она, несомненно, сделает свое полезное дело. Когда мы, большевики, совершенно презрев все глупейшие и подлейшие намеки и сплетни, повели сильнейшую литературную пропаганду среди русских военнопленных, интернированных в Японии, мы знали, что делали, и наше социалистическое революционное слово должно было принесть там свою огромную пользу. Владимир Ильич, конечно, подробнейшим образом знал все, что делали мы, его ближайшие помощники, и он всецело одобрял и эту нашу литературно-пропагандистскую деятельность среди русских военнопленных, находившихся тогда в Японии. Те прекрасные результаты этой нашей деятельности, о которой пишет товарищ Л. В. Жак, были столь значительны и важны, что и теперь, двадцать пять лет спустя, приятно узнать, что тогда, в разгар революционной борьбы первой русской революции, наша деятельность из далекой эмигрантской Женевы и на этом фронте имела не только значительные непосредственные результаты, но и оставила большой след среди наших военнопленных на долгое будущее время. Правда всегда скажется. И вот теперь, когда сам пролетариат все более и более втягивается в нашем советском государстве, между прочим, и в исследовательскую работу, постоянно открываются все новые свидетельства глубокой правильности всей линии большевиков с самого момента нашего возникновения и по теперешние дни. И мы убеждены, что все новые и новые исторические документы, появляющиеся постоянно из среды самой пролетарской массы, дадут в ближайшем будущем неопровержимые доказательства этого нашего непреклонного убеждения.

III.

Владимир Ильич в это время, несмотря на свою крайнюю утомленность, так как с'езд взял от него множество сил, вел огромную работу по переписке с российскими комитетами и подготовлял к печати большую книгу по поводу итогов второго с'езда, которая стала известна под заглавием «Шаг вперед, два шага назад». Мы знали, что Владимир Ильич работает над этой книжкой, и торопили его, ибо необходимо было ее отпечатать, пока типография еще подчинялась нам, так как становилось все ясней, что несомненный разрыв приближается, и мы могли ожидать всяческих препятствий. И мы тревожились за каждый день.

Мы знали, что новая книга Владимира Ильича «О кризисе в нашей партии»—должна была совершенно огорчить меньшевиков, и они прекрасно знали, что с ее появлением, несомненно, в партии начнет выявляться переломное настроение,—конечно, не в пользу меньшевиков. Вот почему с назначением нового заграничного представителя тов. Носкова они воспрянули духом и сделали попытку к задержанию этой книжки Владимира Ильича.

Когда работа Владимира Ильича набиралась в нашей партийной типографии, находившейся в руках меньшевиков, я стал принимать меры на всякий случай к быстрому печатанию по отдельным листам этой книги и потом к такой же немедленной вывозке листов в брошюровочную, где листы тотчас

же поступали в работу, дабы сделать так, чтобы при последнем листе книга сейчас же могла бы быть выпущена в свет. Эту книгу Владимира Ильича я отдал не в нашу, при моем же участии, организованную брошюровочную, а в швейцарскую брошюровочную, ибо боялся, что меньшевики, завладевшие нашей партийной брошюровочной, могут чинить препятствия при выходе ее в свет. Меньшевистская братия и тут, конечно, не преминула пустить злокозненную клевету, что большевики поддерживают буржуазное предприятие, когда имеется свое, «социалистическое». Но мы решили лучше впасть в это прегрешение и отдать, как делали это всегда и раньше, книжку Владимира Ильича в брошюровочную француза, чем рисковать ее выходом. И наше предвидение на этот счет имело весьма веское основание, которое вскоре и обнаружилось. Я определенно допускал мысль, что руководители партийной типографии могут поставить препятствие к выходу в свет книги Владимира Ильича. Мои мрачные предчувствия подтвердились. Когда мы быстро сброшюровали последние листы и оклеили обложку в брошюровочной и также быстро доставили книгу Владимира Ильича в экспедицию, где было все организовано для немедленной рассылки ее по колониям, группам, магазинам и отдельным лицам, к нам в экспедицию вдруг явился заграничный представитель ЦК товарищ Носков и спросил меня:

— Когда выйдет книжка Ленина?

— Она уже вышла...—И я ему подал готовый экземпляр.

— Как так? Ведь она только что печаталась?—недоумевал он.

— А теперь уже сброшюрована.

— Чем это вы заняты?—допытывал он меня.

— Подготовлением посылок для рассылки книги повсюду.

— Нет, нет, это нельзя... Я должен еще ее прочесть.

— Ну, и читайте...

— Нет, нет, рассылать нельзя... Я властью ЦК запрещаю рассылать...

Мы расхохотались.

— Представитель ЦК в роли цензора партийной литературы...

— Вот так примиренец!

— Это чорт знает что такое!..—послышалось отовсюду.

— Так как вы сделали официальное заявление от ЦК и требуете приостановить рассылку книги Владимира Ильича, то прежде всего,—сказал я Носкову,—я предлагаю вам немедленно подтвердить ваши слова письменно,—а, во-вторых, указать нам тот параграф устава партии, который разрешает вам такое заявление делать...

Носков вскипел, побледнел и буквально завопил:

— Я запрещаю, запрещаю! Неподчинение ЦК! Мы посмотрим, исключим!..

Видя нашего почтенного товарища в полном припадке бешенства, мы просто стали смеяться, шутя над тем, сколь не подобающа для члена ЦК роль цензора в партийных рядах. Я с своей стороны заявил ему, что буду поджидать его письменного уведомления, и, конечно, рассылку не остановлю, а, наоборот, пока что усилю ее. Носков выскочил из экспедиции, как ошпаренный, и пулей понесся в ЦО. Мы спокойно продолжали свою работу и сразу в большом количестве разослали книжку Владимира Ильича по всем странам и приняли самые энергичные меры к доставке ее в Россию. С Носковым по этому поводу у нас была переписка, ныне опубликованная в изданиях Истпарта. Более в экспедицию Носков не являлся.

IV.

Разрыв все более и более назревал.

Получив все сброшюрованные экземпляры, и в том числе на тонкой бумаге для отправки в Россию, мы усиленно продолжали рассылать книгу Вла-

димира Ильича за границей. Кроме того, мы тотчас же всеми возможными путями двинули ее в Россию, в комитеты и организации нашей партии. Книга Владимира Ильича вызвала взрыв негодования среди меньшевиков. Уже в № 66 «Искры» (15 мая 1904 г.) напечатан фельетон: «Каутский о наших партийных разногласиях», где редакция «Искры» начинает трепать новый памфлет Владимира Ильича. В других статьях они,—особенно Мартов,—старались всеми мерами низвести всю полемику второго с'езда с высот принципиальных разногласий на личные счеты, дрязги из-за места в редакции и пр., и пр.

Вскоре, наконец, наступил момент полного технического размежевания. Новый заграничный представитель ЦК пожелал принять экспедицию в свои руки. Мы к этому совершенно были готовы. Когда явилась ко мне комиссия для принятия партийного экспедиционного имущества, то я, конечно, тотчас же согласился сдать все, что меньшевикам, по справедливости, принадлежит. На первом же заседании я указал им, что, вероятно, они не очень-то хотят распространять литературу, принадлежащую перу большевистских писателей, тем более политическую, появившуюся после раскола, и что, само собой понятно, мы оставляем ее у себя в своей экспедиции.

— А разве у вас будет своя экспедиция?—спросил кто-то у меня.

— А как же? Неужели вы думаете, что с уходом от нас меньшевистской «Искры» мы умрем?..

Я старался мирным образом отвоевать «по взаимному соглашению» возможно больше из той литературы, которая была издана раньше и теперь, и которая носила обще-теоретический характер и была вполне приемлема для нас. Этот вопрос довольно мирно был улажен.

Наконец, я спросил: когда они думают переезжать?

И здесь только определилось, насколько хорошо, что мы имели квартиру экспедиции на свой собственный адрес, ибо нам стало ясно, что меньшевики хотели лишить нас этой квартиры и тем самым причинить нам массу хлопот по устройству новой экспедиции.

Я твердо заявил им, что эта квартира снята на мое имя, и что я решительно не желаю ее никому передавать, что она мне нужна и пр. и пр., и тут же указал, что они имеют свою экспедицию, адрес которой печатают в «Искре». Наконец, и этот вопрос был улажен, и вскоре меньшевики увезли от нас принадлежавшее им добро.

Мы облегченно вздохнули. По крайней мере отношения наши стали вполне ясными. Мы решили издавать брошюры. Владимир Ильич предложил мне организовать это дело и начать выпускать книжки под общим названием «Издательство Влад. Бонч-Бруевича», ставя заголовок партии. Я охотно согласился и в несколько дней устроился с типографией, заключив условие с группой рабочих эмигрантов, имевших небольшую русскую кооперативную наборную. Мы перевели ее в тот же дом, где мы все жили, и тотчас же приступили к делу. Мы сразу выпустили несколько брошюр, направленных на борьбу за с'езд и на полемику с меньшевиками. Брошюры Ленина, Галерки, Рядового, Шахова (Малинина), Орловского и др. выходили одна за другой и распространялись повсюду. Меньшевики проявляли явное недовольство, и, наконец, я получил запрос от Совета партии, в котором меня спрашивали, почему я стал издавать книжки, не испросив разрешения у Совета?

Я тотчас же заготовил краткий ответ, в котором просил Совет партии указать мне тот параграф устава, который запрещал бы тому или иному члену партии заниматься издательством книг, принадлежащих перу той или иной группе литераторов социал-демократов. Этот ответ, прежде чем послать, я, конечно, показал Владимиру Ильичу, который вполне его одобрил. Совет партии оставил мой вопрос без ответа, и наша издательская деятельность продолжала успешно развиваться. После появления нескольких

брошюр, когда все уже было организовано и продолжать дело было очень легко, я решил обратиться к Владимиру Ильичу с просьбой, чтобы все издания выходили с его адресом и чтобы само издательство носило не мое, а его имя. Владимир Ильич наотрез отказался и, несмотря на все мои доводы, что для вновь создающейся партии (пока фракций) с.-д. большевиков это в тысячу раз будет авторитетнее и лучше, он все мои доводы отверг, решительно и категорически настаивал на том, чтобы оставался только мой адрес. Лишь после того, когда я ему интимно рассказал о некоторых моих беседах и наблюдениях, и привел целый ряд доводов и фактов, что есть признаки зависти, недовольства и претензий на меня среди некоторых наших же тс арищей, что я крайне боюсь вызвать какое-либо отвлечение сил по всем этим эмигрантским пустякам, что я и без указания моей фамилии буду, конечно, работать так же, как работал раньше и работаю теперь, что появление книг в его, Владимира Ильича, издательстве сразу внесет полное успокоение там, где замечается упомянутое уже мною недовольство, он сказал мне:

— Ну, хорошо. Печатайте, во благо успокоения, вот так...—и быстро написал на клочке бумаги:

«Издание Влад. Бонч-Бруевича и Н. Ленина».

Я взял карандаш и хотел зачеркнуть свою фамилию.

Он вдруг пристально, строго посмотрел на меня и коротко сказал:

— Это делать нельзя...

Взял карандаш себе и тотчас же перешел на деловые разговоры по множеству вопросов.

V.

Мы с каждым днем все более крепли в своей организации. Вскоре наш Женевский центр командировал меня об'ехать Швейцарию, а Вацлава Вацлавовича Воровского направили в Германию, Францию и Бельгию для устройства новых, для знакомства с уже существующими группами содействия нашей организации и для информации групп о положении дел в партии.

Как ему, так и мне удалось организовать и сблизить уже нарождавшиеся группы содействия большевистской организации.

В Берне во главе такой группы стали студенты Бернского университета тов. Радомысльский (Зиновьев) и Казаков (Свиягин), будущий член военной нашей организации, отошедший от нас во второй эмиграции и убитый в империалистическую войну во Франции в рядах французских войск, куда вступил он добровольно.

В Берне группа приступила к изданию «Бюллетеней о русско-японской войне», и весь доход от этого предприятия посылала в нашу большевистскую кассу. Такие же группы возникли и во всех других швейцарских городах. Вацлав Вацлавович Воровский организовал сильные группы в Берлине, в Дармштадте, в Митвейде, в Мюнхене, а также в Льеже, в Брюсселе, в Париже. Он везде выступал с разоблачающими рефератами, за что и подвергся всюду преследованиям со стороны меньшевиков, которые ничего иного не могли лучшего придумать, как разглашать всяческие нелепости о причинах, почему именно Вацлав Вацлавович разошелся в ссылке с своей первой женой. Конечно, кроме смеха, шуток и презрения к этим присяжным сплетникам в наших рядах эта достойная «принципиальная» кампания меньшевиков ничего не вызвала, еще раз подчеркнув, что обывательщина и самое противное мещанство господствует в нравах этих умеренных и аккуратных людей.

Вполне организовав и наладив дело распространения нашей литературы за границей, мы в это же время усиленно работали над организацией транспорта наших изданий в Россию.

VI.

Наконец, мы сдали все дела и вздохнули свободно. Мы с громадным приливом энергии принялись за новую созидательную работу, которой было непочатый угол и казалось все требовало наших сил. И мы принялись за дело в своей собственной экспедиции, в своих группах налаживая свой транспорт. Средств у нас было очень мало. Мы кликнули клич, и со всех сторон стали поступать пожертвования. В Женеве наша группа издала только что появившиеся тогда в России типы Горького из его пьесы «На дне», которую с таким огромным успехом тогда ставил Художественный театр в Москве. Эти типы, фототипически нами напечатанные в размере открыток, имели огромный успех и сильно поддерживали нашу скудную кассу.

Помимо различных очень необходимых практических занятий и постоянных сношений как с заграницей, так и с Россией, мы в июле 1904 года устроили маленький с'езд наших единомышленников, в числе 22, собрались в укромном месте окраины Женевы, подробно обсудили все положение внутри партии и обратились с особым воззванием «К партии», подписав это воззвание своими именами. Воззвание было поручено написать Владимиру Ильичу, которое, после обсуждения, было сейчас же отпечатано и широко распространено как за границей, так и в России.

Мы в нем писали:

«Недавно состоялось частное собрание 22 членов Р. С.-Д. Р. П. единомышленников, стоящих на точке зрения большинства II партийного с'езда; эта конференция обсуждала вопрос о нашем партийном кризисе и средствах выхода из него и решила обратиться ко всем российским социал-демократам с нижеследующим воззванием:

Товарищи! тяжелый кризис партийной жизни все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена ею до крайности. Силы партии, молодой еще и не успевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах...»[1]).

«Практический выход из кризиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного с'езда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу.—Без него можно ожидать только прогрессивного разложения партии.

Все возражения, выставляемые против созыва с'езда, мы считаем безусловно несостоятельными»[2]).

С'езд необходим!—взывали мы к нашим организациям...—Он был бы необходим даже при нормальном течении партийной жизни в виду исключительности исторического момента, в виду возможности новых задач, поставленных партии мировыми событиями. Он вдвойне необходим при нынешнем партийном кризисе для честного и разумного выхода из него, для сохранения сил партии, для поддержания ее чести и достоинства.

Что должен сделать третий с'езд для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни? В этом отношении мы считаем наиболее существенными следующие преобразования, которые будем защищать и проводить всеми лояльными средствами.

I. Переход редакции ЦО в руки сторонников партийного большинства. Необходимость этого перехода в силу явной неспособности нынешней редакции поддерживать ЦО на уровне общепартийных интересов достаточно мотивирована. Кружковой орган не может и не должен быть органом партии.

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. V, стр. 499.
[2]) Там же, стр. 502.

II. Точное регулирование отношений местной заграничной организации (Лиги) к обще-русскому центру, ЦК. Нынешнее положение Лиги, которая превратила себя во второй центр партии и бесконтрольно управляет примыкающими группами, в то же время совершенно игнорирует ЦК,— это положение явно ненормально; с ним необходимо покончить.

III. Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы»[1]).

На это наше первое воззвание, буквально взбесившее меньшевиков, мы очень быстро получили самые благоприятные отзывы. Особенно нас радовали отзывы из России. Нам прислали, полные решительного сочувствия, постановления: 1) Кавказский союз; 2) Тифлисский; 3) Бакинский; 4) Кременчугский; 5) Имеретинско-Мингрельский; 6) Московский; 7) Одесский; 8) Рижский; 9) Петербургский и 10) Екатеринославский комитеты и многие группы содействия за границей, во главе с Женевской. Все это не могло не поднимать нас, и мы с утроенными силами принялись за работу. Этот первый с'езд большевиков,—из тактических соображений его назвали «частным собранием единомышленников», — состоял из следующих 22 человек: 1) В. И. Ленина, 2) Н. К. Крупской, 3) А. А. Богданова, 4) М. С. Ольминского, 5) Влад. Дм. Бонч-Бруевича, 6) В. М. Величкиной, 7) В. В. Воровского (Орловского), 8) А. В. Луначарского, 9) П. Н. Лепешинского, 10) М. Н. Лядова, 11) «Зверя» (Эссен), 12) Землячки, 13) О. Б. Лепешинской, 14) Гусева, 15) П. А. Красикова, 16) Ф. Ф. Ильина, 17) Малинина, 18) Л. П. Мандельштам и пр.

VII.

Еще ранее этого, кажется, в мае 1904 года, к нам в Женеву приехал Ал. Ал. Богданов. Мы, конечно, все хорошо знали его по «Краткому курсу политической экономии», столь популярного в то время среди молодежи: эта его книга, пропитанная марксовой теорией, расходилась в то время в России издание за изданием. Кое-кто знал его лично. Мне приходилось с ним встречаться в Москве в 1895—1896 гг.

Книжка эта все более и более укрупнялась, так как А. А. Богданов все время ее дополнял, а издателям удавалось проводить через цензуру новые главы, которые ранее встречали непреодолимые препятствия. И все это,—и замечательно легкий, популярный язык, и относительная выдержанность направления,—делали книгу любимой книгой учащейся молодежи и рабочих, и она читалась всюду. Но мы также знали, что А. А. Богданов имеет свои особые философские взгляды, заимствованные им у цюрихского профессора Авенариуса и его сподвижника Маха. Эта философская система в наших рядах не пользовалась популярностью, так как такие знатоки философии, как Г. В. Плеханов, относили ее к идеалистическим системам, о чем говорилось вслух, а марксистская молодежь этим самым предупреждалась от увлечений. Увлечения же тем более были возможны, что некоторые из русских студентов, основательно занимавшиеся философией, не только знакомились с этой новейшей системой, но посвятили себя ее всестороннему изучению, сделавшись любимыми учениками самого профессора Авенариуса, его последователями и сотрудниками в его философском журнале, всецело посвященном разработке эмпириокритицизма и выходившего в свет тут же в Цюрихе. Среди этих увлеченных проф. Авенариусом была одна колоритная, замечательная фигура. Это был русский рабочий, работавший слесарем на Сормовских заводах и участвовавший в сооружении волжских пароходов, читавший много книг и находившийся в местном нелегальном рабочем кружке для самообразования. Его страстно потянуло к науке. Он

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. V, стр. 503—504.

захотел все знать, и кто-то надоумил его ехать за границу, в Швейцарию, в Цюрих. Собрав пожитки и самые малые деньжонки, он, получив заграничный паспорт, двинулся в путь, пробираясь самыми дешевыми поездами и почти голодая в дороге. Это был В. В. Тронин. Ему в то время было лет тридцать. Очутившись за границей без знания хотя бы одного иностранного слова, он кое-как добирается до Цюриха и здесь с первых же дней суровая нужда заставила его спуститься с неба на землю и прежде всего подумать о заработке.

Он приехал в Цюрих в 1893 году, где и нашел для жилья в рабочем квартале убогую мансарду за 7 франков в месяц, и тотчас же принялся измышлять, как зарабатывать на жизнь. Так как Тронин был мастер на все руки, то он прежде всего, присмотревшись к хозяйству квартирной хозяйки—жены рабочего,—стал ей во всем помогать, и тем узнавать первые совершенно необходимые немецкие слова. Хозяйка, увидевши, как он все отлично умеет делать, стала рекомендовать его соседям. Рабочие отнеслись прекрасно, и он паял, лудил, чинил, слесарил и тем подрабатывал. Потом он подучился сапожному ремеслу, а в 1896 году, когда я с ним познакомился в Цюрихе, приехав из Москвы, он более всего был занят выпиливанием рамок лобзиком, которые ему заказал какой-то цюрихский магазин кустарных изделий. Кое-как пробиваясь, Тронин весь ушел в изучение немецкого языка и за два с половиной года овладел им в совершенстве. Он не только читал самые серьезные философские книги, не только говорил, но и писал совершенно свободно по-немецки. Ходя на лекции к профессору Авенариусу, он так увлекся его системой философии, что решил посвятить себя ее всестороннему изучению, одновременно усиленно занимаясь естественными науками и особенно химией. Познакомившись с Авенариусом, он часто запросто бывал у него, сдружился с его семьей и несомненно обратил особое внимание цюрихского философа своим оригинальным умом и выдающимися способностями.

В. В. Тронин принадлежал к тому тесному кружку ближайших учеников Авенариуса, о которых его последователь и ученик, Фр. Карстаньен, читавший в Цюрихском университете лекции по философии и излагавший там с кафедры принципы философской системы Авенариуса, сообщает в «Вступлении» его книжки «Einführung in die Kritik der reinen Erfahrung», что «его (профессора Авенариуса) частные лекции на дому стали сборным пунктом для всех деятельных умов, и в последнее время в его комнате, за длинным столом, сидело уже более двадцати слушателей; но он желал не слушателей только, а учеников, в тесном смысле этого слова» [1]).

Надо здесь отметить, что проф. Авенариус пользовался огромной популярностью среди не только его слушателей, но и вообще среди студенчества. Лекции его, в силу их особой трудности, посещались мало. Философский язык Авенариуса был крайне своеобразен, весь пронизан новыми, им введенными, терминами, формулами, и требовал от слушателей особой напряженности, и именно «этим об'ясняется, почему число слушателей этих лекций по общей теории познания было сперва весьма незначительно. Неизбежным при этом являлось еще и то, что эти слушатели все теснее и теснее стали примыкать к своему профессору и образовали затем тот маленький кружок учеников, который сплотился вокруг уважаемого учителя» [2]).

Но те, кто имел достаточную усидчивость и напряженность мысли, сильнейшим образом увлекались этим подвижником и фанатиком своей философской системы, совершенно не знавшим ничего другого в жизни, как

[1]) Фридрих Карстанье, Введение в «Критику чистого опыта», перевод В. Лесевича, С.-Петербург 1898 г., стр. XVII.
[2]) Там же, стр. XIV.

только вечные, и днем и ночью,—он нередко совсем не спал,—размышления по поводу все более и более надвигавшихся «на него философских проблем со всею их ужасающею, необоримою разносторонностью и многообразием» [1]).

И этот своеобразный «мученик философии» умел страстно передавать, в своеобразной манере, своим слушателям желание философских исканий, очаровывать своей обаятельной личностью философа-подвижника, и многие из его слушателей страстно привязывались к нему, посвящая свою жизнь философским исследованиям под его руководством.

«Все слушавшие Авенариуса в течение этих двадцати лет, согласны в том, что он обладал искусством привязывать к себе слушателей. Лекции его были привлекательны не ослепительным блеском речи, не бойкостью и реторическою разукрашенностью изложения, не популярностью и легкою доступностью формы, а точностью и последовательностью мысли, ясностью и достоверностью достигаемого ею результата. Подобно тому, как путник в горах полагается на провидение, так можно было положиться на верное руководство Авенариуса в области познания, и если кому и не удавалось иной раз вполне усвоить выясняемое им понятие, все-же-таки и в этом случае нельзя не чувствовать в лекторе гениального систематика» [2]),—так несколько риторически и крайне характерно для последователя Авенариуса, у которого еще не иссякла вера в «провидение», говорит этот один из самых фанатических последователей цюрихского философа.

Мне не пришлось слушать ни одной лекции профессора Авенариуса, так как, когда я приехал в Цюрих, он был уже болен. Еще «в феврале 1896 г. он внезапно прервал свои лекции,—пишет его ученик Карстаньен.—Все надеялись, что это продлится недолго; но он назад уже более не вернулся» [3]). Но те из русских студенческой колонии, которые регулярно посещали его лекции, с особым уважением относились к проф. Авенариусу, как к типу бескорыстнейшего ученого, философа по всему существу своему. «При изложении свох мыслей,—пишет Карстаньен,—Авенариус имел обыкновение стоять на кафедре, сохраняя спокойствие и серьезность; через короткие промежутки времени он взглядывал на рукопись; не любя никаких повторений, он требовал от слушателей напряженнейшего внимания. Лишь изредка он вставлял в свое изложение какое-нибудь замечание, приводил какой-нибудь эпизод, всегда почти сопровождая эти отступления тонкою улыбкою.

Таким я знал его с первых слышанных мною восемь лет тому назад лекций. Таким он и остался до конца. Только в самое последнее время, когда аудитория его бывала переполнена и когда воздух раскаливался от горевшего газа, у его рта стали замечаться черты усталости, утомления и подавленности; в нем заметен был в это время верный своему долгу подвижник, решившийся не покидать кафедры и слушателей до конца» [4]).

Именно таким стоиком, именно таким фанатиком своих философских идей рисовали и мне его русские ученики с большой скорбью и трепетом, переживавшие дни его тяжелой болезни. Болезнь сменяла болезнь, силы иссякали, и цюрихский философ скончался в 2 часа ночи 18 августа 1896 года. Он умер от паралича сердца на 53 году жизни.

Его ученики, сплотившиеся вокруг его гроба, решили почтить его память выпуском в свет его, еще не появлявшихся в печати произведений, а также составлением на различных языках популярного изложения его учения и продолжением им основанного философского журнала.

[1]) Там же, стр. XII.
[2]) Там же, стр. X.
[3]) Там же, стр. XVIII.
[4]) Там же, стр. XI.

И мы должны здесь отметить, что эклектические формы философии Авенариуса проступали в такой скрытой форме, что даже слушатели-марксисты долгое время не могли уловить проявления этой эклектики. Да и это случилось в значительно позднее время, а в начале девяностых годов еще не было ни одной марксистской работы по поводу философии Авенариуса, несмотря на то, что на рефератах и в Цюрихе, и в Берне, и в Женеве постоянно ставились вопросы о философии Авенариуса всем главнейшим руководителям в вопросах изучения марксистской теории, но ни Г. В. Плеханов, ни Ортодокс (Аксельрод), ни П. Б. Аксельрод, ни Роза Люксембург, жившая в то время в Цюрихе, ни Тышко (Грозовский), ни кто иной, вращавшийся в русских колониях, на такие запросы обыкновенно не отвечали, откладывая эти философские разговоры на дальнейшее время. Только много спустя времени, когда в России стали появляться в литературе отзвуки этого нового учения, и наши философы-ортодоксы стали немного говорить и немного писать по этому философскому вопросу, раз'ясняя всем интересующимся эклектичность теории Авенариуса, не выдерживающей ортодоксальной марксистской критики. Надо здесь отметить, что с критикой идей Авенариуса несомненно было сильно опоздано и влияние его на русские марксистские умы прозевано основательно.

Кстати, необходимо отметить, что во все время моей политической эмиграции, т.-е. с мая 1896 г. по октябрь 1905 года, нигде, ни в одной нашей политической колонии, никто из наших теоретиков, никогда не прочел ни одной лекции по поводу философии Авенариуса, а вместе с тем многие слушатели и ученики Авенариуса делали свое дело, энергично транспортируя в Россию новые идеи новой философии, наделавшей, как известно, в недалеком будущем, много хлопот в нашей партии.

Главнейшее произведение Авенариуса «Критика чистого опыта»,—по наблюдению Карстаньена, сделанного в 90-х годах прошлого столетия,—«ценилось всего более в Америке, Польше и России; в этих двух странах молву о сочинении Авенариуса распространяли слушатели, возвращавшиеся в Россию из Цюриха, куда они наезжали в значительном количестве. Внешним признаком этой оценки может служить перевод «Критики» на русский язык, подготовляемый к печати в настоящее время» [1]), т.-е в 1898 г.

В подстрочном примечании к этому месту Карстаньен указывает, что перевод на русский язык этой основной работы Авенариуса в то время, т.-е в 1898 году,—делал его ученик и сотрудник, В. В. Тронин. Мне неизвестно, закончил ли он этот труд, но я хорошо помню, сколь усидчиво в то время В. В. Тронин работал над этим труднейшим переводом [2]).

Одновременно В. В. Тронин сотрудничал также и в философском журнале профессора Авенариуса: «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie», основанным им в 1876 г., помещая там свои заметки и статьи, при чем он их почти никогда не подписывал.

VIII.

В это же время петербургский профессор Лесевич, политически примыкавший к народнической школе, стал пристально изучать философию Авенариуса. В Петербурге он прочел, кажется в 1898 году, реферат с изложением этой системы философии. И так как некоторые марксисты, бывшие на этом реферате, стали сближать философию Авенариуса с диалектическим материализмом и философскими взглядами К. Маркса, то бывший на этом реферате Н. К. Михайловский задал референту вопрос: «каково отношение, по мнению референта, философии Авенариуса к суб'ективному методу мышления». Лесевич ответил,—что новая философия «открывает и двери и окна для суб'ективизма». Н. К. Михайловский торжествовал, но марксисты, бывшие на этом реферате, к сожалению, не сочли себя окончательно посрамленными,—ответ профессора Лесевича все-таки был очень примитивен. И они с еще большей рьяностью стали углубляться в некритическое изучение философии Авенариуса, в результате чего получилось совлечение молодых марксистов с пути диалектического метода мышления, признание ими возможности совместить половинчатую, эклектическую философию Авенариуса, стремящуюся занять среднюю позицию между идеализмом и материализмом, с философией Маркса — Энгельса. Профессор В. Лесевич, эклектическому мировоззрению которого весьма соответствовала философия Авенариуса, решил просветить русское общество не только своими собственными рефератами и статьями, но и популярным изложением философии Авенариуса, только что приготовленный в то время за границей ко второму изданию учеником и последователем Авенариуса Фридрихом Карстаньеном. Работа эта называлась «Введение в «Критику чистого опыта»»[1]), при чем перевод этот был сделан самим В. Лесевичем «по неизданной рукописи второго, пересмотренного и дополненного автором издания» [2]). Любопытно отметить здесь рост популярности в России личности цюрихского философа Авенариуса. Еще в 1890 г. он настолько был мало известен не только среди читающей публики, но и среди специалистов, что, например, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона в его первом томе (С.-Петербург 1890 г.), вышедшем под редакцией заслуженного ординарного профессора И. Е. Андреевского,—об нем нет ни единого слова, несмотря на то, что он к этому времени уже выпустил в свет главнейшие свои философские работы. А через восемь лет в России об Авенариусе не только читали лекции, но уже издавались работы его и о нем, при чем издавались, как мы видим, прямо с рукописей, что свидетельствует о животрепещущем интересе к нему в известных кругах. Но с этим изданием профессора В. Лесевича книжки Карстаньена произошел величайший конфуз. В то время, когда эта книжка печаталась в России с рукописи, ее автор издал свою работу за границей на немецком языке и прислал один экземпляр ее В. В. Тронину. В это же время и В. Лесевич, выпустив книжку в свет на русском языке, преподнес ее с лестной надписью, при письме, В. В. Тронину, как лучшему русскому ученику знаменитого философа. Тронин тотчас же, с захватывающим интересом стал читать это первое произведение на русском языке, более или менее популярно излагающее всю систему философии Авенариуса, и пришел в истинный ужас и величайшее негодование. Оказалось, что профессор В. Лесевич, очевидно как следует не усвоивший труднейшую и своеобразную терминологию Авенариуса, сделал огромное количество ошибок в переводе, совершенно искажавших смысл. В. В. Тронин засел за сравнивание текстов и испещрил всю русскую книгу своими поправками. Он тотчас же написал В. Лесевичу свое откровенное мнение о его переводе книги Карстаньена и заявил категорически, что в таком виде книгу распространять нельзя, так как она дает безусловно превратное представление об учении Авенариуса и во многих местах совершенно искажает смысл до полной бессмыслицы. Лесевич был поражен этим письмом Тронина, однако при-

[1]) Фридрих Карстаньен, Введение в «Критику чистого опыта», перевод В. Лесевича, С.-Петербург 1898 г., стр. XVII.

[2]) Главнейшие работы Авенариуса переведены на русский язык, а именно: 1) «Философия как мышление о мире сообразно принципам наименьшей меры силы» в переводе Федорова (1898 г.); 2) «Критика чистого опыта», русский перевод Федорова, 1-е изд., 1880—1890 гг.; 2-е изд.—1907—1908 гг; 3) «Человеческое понятие о мире».

[1]) Fridrich Carstanjen, Einführung in die «Kritik der reinen Erfahrung».

[2]) См. титул русского издания этой книги (С.-Петербург 1898 г.).

веденные им примеры были столь разительны, что профессор Лесевич сообщал, что он приостановил распространение книги и что он просит Тронина проредактировать весь его перевод. В. В. Тронин тотчас же засел за эту работу и сделал ее самым добросовестным образом. Исправлений оказалось в книге более полторы сотни. Он тщательно все выписал и послал профессору В. Лесевичу в Петербург. Через некоторое время В. В. Тронин получил один экземпляр второго издания той же книги Карстаньена, которая была вновь перепечатана профессором,— первое издание было совершенно уничтожено,—в книгу тщательно внесены решительно все поправки, сделанные В. В. Трониным, но имя Тронина нигде не упоминалось! Перевод с рукописи все также приписывался профессору В. Лесевичу: здесь проявилась та безобразная черта нашей профессуры, к сожалению, еще сохранившейся и до наших дней, когда ответственные работники в различных областях знания, привыкшие нередко загребать жар чужими руками, ничтоже сумняшеся, приписывают себе труды других лиц, не отмечая хотя бы в примечаниях те или иные работы семинарий, аспирантуры, студенты и прочих сотрудников. Здесь с В. В. Трониным поступок был столь нагл и отвратителен, что хотелось кричать об этом литературном редакторском плагиате, и я радуюсь, что хотя бы теперь, двадцать лет спустя, когда В. В. Тронин уже умер, могу отметить здесь это профессорское мародерство.

Публика, конечно, недоумевала по поводу такой быстроты распространения первого издания философского произведения цюрихского приват-доцента Ф. Карстаньена. Успех был действительно головокружительный: в несколько недель и такая тяжелая, специальная книжка разошлась вся, и уже появилось второе издание! Но, как мы теперь видим, «ларчик» весьма просто открывался. Невежественный перевод профессора послужил ему для вящщего блага и торжества пропагандируемых им идей, ибо он ни одним словом не оговорился, что первое издание этой книжки им самим было изъято из обращения и втихомолку перепечатано с теми исправлениями, которые столь бескорыстно сделал ему В. В. Тронин. Для кармана профессора это «торжество идей» было очень начетисто, ибо перепечатывать книгу ему пришлось, благодаря своим ошибкам, на собственный свой счет!

В. В. Тронин недавно умер в гор. Майкопе, где он поселился еще давно до революции, где и вел уединенную жизнь анахорета - философа, занимаясь преподаванием в школах и сельскими работами на своем маленьком огороде. В литературе он проявился мало. Его вдова, доктор Пустошкина, вероятно, сохранила его архив и интересную его философскую переписку и с самим Авенариусом, и с его учениками и последователями, и с русскими учеными. Вероятно, сохранились и его рукописи, и для историко-философских исследований следовало бы весь этот материал собрать в одном из наших соответствующих учреждений и напечатать в наших философских журналах: материалы эти во всяком случае весьма интересны.

С изложением учения Авенариуса также ознакомил русское общество А. В. Луначарский, выпустивший в свет специальный труд, в котором популярно изложил «Критику чистого опыта»,— это главнейшее произведение цюрихского философа [1]).

IX.

Наиболее деятельным насадителем философских идей Авенариуса у нас в России, несомненно, был А. А. Богданов, который выпустил в свет несколько книг, весьма просто, ясно, увлекательно и популярно написанных

[1]) Р. Авенариус, Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel Panideal). Критическое приложение А. Луначарского. Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва, 207 + IX стр., 1905 г.

знакомивших русских читателей с эмпириокритицизмом. Хотя он и пытался внести в философию Авенариуса поправки, создавая свою теорию эмпирионизма, но это не помогло. Ортодоксальная марксистская критика встретила это «последнее слово философии» крайне враждебно, однако, надо прямо сказать, сделано это было с большим опозданием. Как следует в этом вопросе разобрались только после выхода книжки Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм (критические заметки об одной реакционной философии)», как известно, впервые вышедшей в свет лишь весной 1909 г.

Г. В. Плеханов хотя много раньше занимался этим вопросом, но в печати не выступал. Однако, когда А. А. Богданов, приехавший в Женеву, ориентировался политически на большевиков, при первом же моем свидании с Георгием Валентиновичем он не преминул уколоть Владимира Ильича, сказав:

— А Владимир Ильич, как настоящий социал-демократический большевистский Осип, — помните у Гоголя в «Ревизоре», — подбирает все, в пути, мол, пригодится. — Веревочка — давай и веревочку, годится и она! Что это вы, батенька, Богданова залучили к себе! Великолепно! А как же насчет философии? Ведь здесь у нас с ним большие нелады!

Я об'яснил Г. В. Плеханову, что мы совершенно в этом с ним согласны, что философские воззрения Богданова не могут не смущать нас, но мы твердо решили, пока что, не поднимать их, об'единяясь на всей другой нашей программе, стратегии и тактики, где у нас нет разногласий, а философский вопрос мы совершенно исключаем, о чем так и заявили Богданову.

— А вот вы бы, Георгий Валентинович, — добавил я, — выступили бы с критикой философской системы Авенариуса. Ведь этой философией сильно увлекаются и меньшевики, и большевики, и другие социалистические группы. В России создается целая литература. Читаются лекции, рефераты, а наша марксистская критика молчит. Совершенно нечего противопоставить...

— Да, да, — это верно! — оживленно воскликнул Георгий Валентинович,—необходимо, крайне необходимо выступать! Ведь то же самое и за границей; и в Германии, и в Австрии, и в Польше, и в Америке — везде наши товарищи стали углубляться в эту весьма туманную идеалистическую философию. Так уж создан мир: чем путаней, заковыристей напишет господин философ, тем думают, что он более учен. Темноты в этом эмпириокритицизме напущено ужасно много, десять раз перечтешь, пока доберешься до смысла, иногда думаешь «мартобря» какое - то, — ввернул он любимое свое словечко, — а это - то и нравится, этим - то и увлекаются. Вот, мол, как написано, понять трудно, ну, стало быть, здесь вся премудрость... Вчера у меня был Богданов,—продолжал Георгий Валентинович.— Поспорили мы с ним отчаянно, ушел он от меня серым волком, не смотрит, думал, руки не подаст, так уж он разобиделся на меня за его святых, отче Авенариуса и Маха. А я — скажу по правде — рассердился, когда он стал доказывать мне, что именно эти два эклектика и представляют последнее слово философской марксистской мысли, если их немного подправить, подкрасить, переиначить, — ведь он придумал новую терминологию, более новейшую, чем у самого господина Авенариуса: теперь, видите ли, уже не будет эмпириокритицизма, а будет эмпириомонизм! Это меня взбеленило: я ему и отчитал, что никакая эмпириоглупость и никакая философская эмпириопошлость, русского или иностранного происхождения, не заменят нам диалектического материализма и всей системы философии Маркса и Энгельса. Он обиделся. Ушел. Я пожелал ему счастливо оставаться, но он меня так раззадорил, что я опять принялся пересматривать всю эту многотомную философию—ведь Авенариус и его ученики написали много книг,— вот снял их все с полки и хочу писать, если позволит время и здоровье.

Пожалуй, ваши вожди будут недовольны, ведь Богданов у вас теперь persona grata!—язвил Г. В. Плеханов.

— Что вы, Георгий Валентинович,—ответил я ему.—Не было бы ничего лучшего, если бы вы действительно выполнили это ваше намерение. Ведь критики философии Авенариуса очень не достает, а Богданов очень сильно читается. Мы, большевики, были бы крайне рады полному развенчанию этой философии. Большинство из нас не имеет достаточных философских знаний, чтобы выступить с опровержением, но, читая то, что выходит в свет из этой литературы, мы чувствуем, что что-то здесь не то, не наше, не марксистское, и ждем, когда наши партийные специалисты по философии—и вы, конечно, прежде всего—дадут нам подробную критику этой новой разновидности буржуазной философии.

Георгий Валентинович очень заинтересовался моими наблюдениями в нашей библиотеке-читальне, устроенной при ЦК партии, где книги Богданова требовались нарасхват. Я сообщил ему фамилии целого ряда наших товарищей, которые, несмотря на серьезность момента в жизни нашей партии после ее раскола, продолжают усиленно заниматься изучением Авенариусовской философии как по русским, так и по немецким источникам.

— Я предполагаю начать любовную переписку с Богдановым. Вчера твердо решил написать по поводу его выступлений несколько философских писем и опубликовать их—пускай молодежь почитает, как мы, старики, понимаем эту реакционную философию.

На этом наш разговор о Богданове прервался, и мне более не приходилось беседовать с Георгием Валентиновичем на эти темы.

Попытки перенести спор с большевиками из плоскости практических разногласий в плоскость философскую, воспользовавшись для этого философскими заблуждениями Богданова и других русских последователей Авенариуса и Маха, Г. В. Плеханов предпринимал много раз, но, конечно, всегда неудачно. Владимир Ильич счел нужным реагировать на эти выпады Г. В. Плеханова и в своем докладе на третьем с'езде РСДРП именно «по вопросу об участии с.-д. во временном революционном правительстве» по этому поводу сказал:

«Не имея возможности доказать, что «Вперед» хочет «критиковать» Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенариуса. Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре. Уж не известно ли Плеханову, что Парвус стал сторонником Маха и Авенариуса? Или, может быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенариуса» [1]).

Конечно, все прекрасно понимали, что у Плеханова это был такой же прием, как обвинение Владимира Ильича на четвертом, Об'единительном, с'езде в эсерстве. Ни тому, ни другому политическому выпаду Георгия Валентиновича никто не придавал серьезного значения.

Много поздней, а именно в 1907 г., действительно, появились в свет его знаменитые «письма» под общим названием «Materialismus militans. Ответ г. Богданову»,—в виде писем, всего три письма. В этих крайне резких письмах, как известно, Г. В. Плеханов не хотел именовать Богданова товарищем. «А не товарищ вы мне потому, что мы с вами являемся представителями двух прямо противоположных миросозерцаний. И поскольку речь идет для меня о защите моего миросозерцания, вы являетесь по отношению ко мне не товарищем, а самым решительным и са-

[1]) См. первое собрание сочинений В. И. Ленина, т. VI, стр. 174, ГИЗ, 1922 г.

мым непримиримым противником. Зачем же я буду лицемерить? Зачем я буду придавать словам совершенно ложный смысл?» [2]).

Он также об'являл Богданова стоящим вне пределов марксизма. «А что вы находитесь именно вне пределов марксизма, это ясно для всех тех, которые знают, что все здание этого учения покоится на диалектическом материализме, и которые понимают, что вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стоите и стоять не можете» [2]).

Так впервые, если не считать отдельных разрозненых замечаний, Г. В. Плеханов выступил не только против Богданова, но и всей той философской школы Авенариуса-Маха, которая, при столь долгом молчании серьезной критики, поразила многих истолкователей, популяризаторов, продолжателей, исправщиков и углубителей. Реакция, наступившая в России вслед за революцией 1905—1906 гг., дала сильный толчок к развитию этой разновидности идеалистического мировоззрения, и идеи эмпириокритицизма стали пользоваться значительным успехом не только на Западе, но и в России.

Владимир Ильич, привлекая Богданова, определенно всем нам говорил, что мы должны твердо помнить, что с философией Богданова мы не согласны, что надо воздерживаться не только вступать в споры, но даже говорить с Александром Александровичем на эти темы, о чем ему так и сказать наперед, чтобы не могла возникнуть полемика на этой почве, когда вся энергия должна была быть направлена на внутрипартийные вопросы и на постоянно возникавшие все новые и новые вопросы революционной борьбы.

Помимо этого я считаю необходимым добавить, что, когда вопрос об А. А. Богданове впервые обсуждался в нашей женевской большевистской группе, стоявшей в центре всего тогдашнего нашего движения за границей, было решено, по предложению Владимира Ильича, ни его, Богданова, ни других, более или менее с ним солидарных в философских вопросах, товарищей отнюдь не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать. Мне было поручено заявить А. А. Богданову напрямки при переговорах с ним, которые я вел по изданию предложенной им брошюры «О либералах», которую в первом издании под псевдонимом «Рядовой», издавал он на свой счет, что наша фракция не приемлет его философских воззрений, но что мы с ним охотно будем работать и принимаем его в свою среду, раз он согласен с нашей большевистской точкой зрения по вопросам с'ездовской полемики, но — «минус его философия». По философским вопросам мы условились, что он никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы, или участвовать в устной, или в печатной полемике, по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты. А. А. Богданов вполне принял эту нашу точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально честно, никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах между нами.

Владимир Ильич всегда тревожился от неблагополучия на этом нашем фронте. Он, несмотря на то, что ни А. А. Богданов, ни после А. В. Луначарский, также увлекавшийся принципами авенариусовской философии, никогда не нарушали установленного условия вплоть до второй их эмиграции, т.-е. приблизительно до 1907—1908 гг., точно предчувствуя будущие бои и на этом философском фронте, время от времени подкреплял первоначальное ре-

[1]) Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, ГИЗ, Москва, стр. 2.
[2]) Там же.

шение беседами с авторитетными товарищами нашей женевской большевистской колонии, как бы стремясь через них контролировать и неусыпно наблюдать за настроениями в нашей среде и в этом отношении. Так он вызывал к себе тов. М. С. Ольминского и П. Н. Лепешинского, беседовал с ними на тему неортодоксальности взглядов А. А. Богданова в философских вопросах и сугубо предупреждал их об этом, поручая следить за молодежью в этом отношении, направляя ее в чтении книг по тому пути, который мог только укрепить правильность философской марксистской мысли.

В одном из писем к А. М. Горькому Владимир Ильич сам рассказывает историю его знакомства с идеями философии А. А. Богданова:

«За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Истор(ическом) взгляде на природу», каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири. Для Богданова эта позиция была лишь переходом к другим философским взглядам. Лично познакомился я с ним в 1904 году, при чем мы сразу презентовали друг другу: я — «Шаги», он — одну свою т о г д а ш н ю ю философ(скую) работу. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова.

С Плехановым, когда мы работали вместе, мы не раз беседовали о Богданове. Плеханов раз'яснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим. Превосходно помню, что летом 1903 г. мы с Плех(ановым) от имени редакции З а р и беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения» в Женеве, при чем с о г л а с и л и с ь сотрудничать: я—по агр(арному) вопросу, Плеханов—по ф и л о с о ф и и п р о т и в М а х а. Выступление свое против Маха Плеханов ставил у с л о в и е м сотрудничества, каковое условие делегат редакции «Очерков» вполне принимал. Плеханов смотрел тогда на Богданова, как на союзника в борьбе с ревизионизмом, но союзника, ошибающегося постольку, поскольку он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как б(ольш)е(ви)ки и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (=большевизма), которая, по-моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну вещь, — кажется, III вып. «Эмпириомонизма». Летом 1906 г. он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не-марксистски. Я написал ему тогда «об'яснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Выяснил я там ему, что я, конечно, р я д о в о й м а р к с и с т в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Лунач(арскому) в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Теперь жалею о том, что тогда тотчас не напечатал. Написал на-днях в Питер с просьбой разыскать и прислать мне эти тетрадки» [1]).

Из этого письма мы видим, что наши главнейшие теоретические руководители,—и Плеханов и Ленин,—успевали, несмотря на всю невероятную занятность того боевого времени, уделять много внимания развитию философских идей в марксистской среде. И достаточно было иметь хоть немного досуга, чтобы тотчас же возникла не только полемика, но и пошло бы серьезное изучение поднятых вопросов, в результате которых,—как это было у Владимира Ильича,—появилась в свет большая философская работа, потребовавшая от него огромного напряжения.

[1]) Ленинский Сборник I, под редакцией Л. Б. Каменева, Москва, стр. 90—

X.

Невольно возникает вопрос: какое же влияние на ход событий в нашей партии имел А. А. Богданов? Ведь он занимал долгое время очень ответственное и руководящее положение в большевистской части партии, ведь он последовательно был участником в женевском совещании «22 твердокаменных» большевиков, своим обращением к партии положившим начало организации всей большевистской партии. Его перу, под псевдонимом «Рядовой», принадлежал ряд руководящих полемических выступлений в защиту большевистской платформы, выпущенных в свет в нашем партийном издательстве в Женеве («В. Д. Бонч-Бруевича и Н. Ленина»), которое печатало книжки только после обязательного редакционного просмотра Владимира Ильича. Затем он был редактором первой большевистской газеты «Вперед», потом входил в «Бюро Комитетов Большинства», был самым ответственным и действительно руководящим представителем этого «Бюро» в России, где он долгое время вел неустанную подпольную работу. Он автор большинства листовок, выпущенных нелегально в России от нашего большевистского Бюро. Сделав очень много для созыва III с'езда, он на самом с'езде выступил с докладом по поручению и от имени «Бюро Комитетов Большинства». На третьем с'езде он был выбран членом ЦК партии. После третьего с'езда опять работал нелегальным в России, входя непременным членом постоянного бюро ЦК партии для налаживания и руководства массовой партийной работой в общероссийском масштабе. После наступления революции 1905 года он был одним из членов редакции газеты «Новая Жизнь», которой руководил Владимир Ильич, и, наконец, именно его ЦК РСДРП командировал своим представителем в Совет Рабочих Допутатов во время революции 1905 года. На IV с'езде нашей партии, происходившем в Стокгольме, он опять был избран в ЦК партии. То же случилось на V с'езде в Лондоне (1907 г.), где Богданов участвовал в качестве представителя большинства и где он опять был избран в ЦК партии и особо в большевистский центр. Таким образом, ми видим, что, несмотря на философские разногласия, наша партия очень долгое время безусловно доверяла А. А. Богданову, посылая его на самые ответственные передовые легальные и нелегальные посты. Бывали времена,—так было, например, в 1905 году после 9 января,—когда в России непосредственное руководство в партии всецело принадлежало А. А. Богданову, и его авторитет среди наших самых активных рядов, среди подпольщиков, был действительно огромен. В бытность мою нелегальным в течение полугода в 1905 г. я имел возможность наблюдать его на нелегальной руководящей работе, и работа его была прекрасна, ответственна и теоретически выдержана, ни разу не вызвавшая порицания, недоумения или поправки со стороны Владимира Ильича, который столь зорко следил за всем ходом и нашей борьбы, и нашей нелегальной литературы, появлявшейся как за границей, так и в России.

Мы знаем, что Владимир Ильич в своем письме к А. А. Богданову и С. И. Гусеву (от 11 февраля 1905 года), напечатанном в VII томе второго издания его полного собрания сочинений (стр. 100—103), энергично обрушился на них обоих за некоторую медлительность в действиях, по поводу выпуска извещения о с'езде, и слишком кропотливого обсуждения текста извещения. Необходимо, конечно, было учитывать российские настроения даже среди большевиков того времени. А это настроение было далеко не то, что казалось из мучительного женевского далека. Мне как раз в это время пришлось ра-

ботать нелегальным в России, при чем главнейшая работа состояла в агитационной борьбе за с'езд. И эта борьба была очень тяжка и трудна. Я подробно ее описал в моей вскоре выходящей в свет книге «Тайная поездка в Россию в 1905 г.». И, пережив эту борьбу в очень многих городах среди наших комитетов, я прекрасно помню то постоянное нетерпение, которое мы ощущали из Женевы, и ту невозможность ускорить эту борьбу за с'езд в России, в силу тысяч разнообразнейших препятствий, встречавшихся буквально на каждом шагу. Одним из самых главнейших это было несомненно то, что мы должны были доказать, в н е ш н е как бы нарушая партийную дисциплину, что все наши партийные центры того времени: и Совет, и ЦК, и ЦО — поставили себя, своей изменнической деятельностью, нарушившей все решения второго с'езда п а р т и и в н е п а р т и и, и что наше «Бюро Комитетов Большинства» созывавшее от своего лица, без участия ЦК партии, третий партийный с'езд, делает истинно-партийное дело, исправляя то, что так откровенно и бесстенчиво попрано деятелями меньшевистской фракции, которая этой нашей работе, само собой понятно, всюду и везде ставила бесконечное множество препятствий. И в этой труднейшей работе, конечно, А. А. Богданову, стоявшему во главе ее, в самом центре революционной России того времени,—в Петербурге,—приходилось быть крайне осмотрительным и осторожным, чтобы тем или иным неверным шагом не погубить все дело созыва третьего с'езда. Женевцы,—да и мы, работавшие за с'езд в России,—конечно, томились, но, что делать? Приходилось терпеть и терпеть и знать, что надо было во что бы то ни стало притти к заветной цели и, как известно, в конце-концов, к ней пришли прекрасно. И Владимир Ильич, несмотря, на все желание ускорить агитацию за с'езд, приблизить момент с'езда, прекрасно сознавал, что работа идет и идет правильно. В письме к М. М. Литвинову [1]) он пишет:

«Необходимость русского центра и здешнего органа ясна теперь всем нам. Для последнего мы уже сделали все, что могли. Рядовой [2]) работает во всю, привлек участников, отдается целиком сам и всеми силами ищет миллионера с немалыми шансами на успех». И далее: «Пожалуйста, укрепляйте у всех веру в нашу организацию и в будущий орган. Надо только потерпеть немного еще, пока кончит свое дело Рядовой» [3]).

Надо здесь отметить, что А. А. Богданов, вероятно, продолжавший напряженно продумывать свою философскую систему во все время этой беспрерывной нашей революционной партийной борьбы 1905 года, поспешил сейчас же написать книгу, как только он почувствовал себя временно свободным от партийных обязанностей, что случилось как раз в конце 1905 г., когда он был арестован в здании Вольно-Экономического общества, при аресте Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов 3 (16) декабря 1905 г. Сидя в тюрьме, словно обрадовавшись относительной «свободе», имея неожиданный досуг, он и написал «запоем», в один дух, свою книжку,—как говорил сам А. А. Богданов после,—третью часть «Эмпириомонизма». И именно эта-то книга и послужила первым главнейшим толчком к резко-критическому отношению Владимира Ильича к философским мнениям А. А. Богданова, высказанным открыто, при чтении которой, как мы уже читали, Владимир Ильич «озлился и взбесился необычайно», ибо ему «еще ясней стало, что он (Богданов) идет архиневерным путем, не марксистским». Это было летом 1906 года, т.-е. в самом начале второй эмиграции Владимира Ильича, когда он выехал из России, жил в ближайшей Финляндии, на вилле «Ваза», в местечке Куоккала по Финляндской ж. д., при чем жил вместе с А. А. Богдановым, так что в силу уже одной территориальной близости должен был видеться с ним очень часто, что на самом деле и было, тем более что А. А. Богданов все время принимал деятельное участие в партийных делах. Только особой выдержкой А. А. Богданова, наверно чувствовавшего и знавшего, что всякая попытка совлечения партийной мысли на рельсы его философских рассуждений тотчас же встретит жестокий отпор со стороны Владимира Ильича и других ортодоксальных марксистов, можно об'яснить, что он твердо выполнял условие совместной работы и в партийных рядах нигде не выступал со своими эмпириомонистическими представлениями. Но все-таки я полагаю, что на тактику бойкота первой Государственной Думы, его настроение и тот еще не оформившийся политический максимализм, который поздней ярко выразился в целостной концепции его практических неверных требований, вполне расходившихся с революционной тактикой большевиков, имело несомненное влияние. Когда только началась агитация за избирательную кампанию по выборам в первую Думу, А. А. Богданов был с первых дней ей прямо враждебен. С его мнением тогда сильно считались, и его это отношение не могло не сказаться на выработку нашего партийного общественного мнения по этому вопросу краеугольной политической важности для того времени.

Последующая его деятельность в этом направлении подтверждает эту нашу догадку, хотя, конечно, мы должны здесь всегда помнить, что и Владимир Ильич совершенно твердо и последовательно высказывался за бойкот первой Думы, что и формулировал в ряде прекрасно обоснованных статей, опубликованных теперь как в т. VII (ч. 1) первого собрания сочинений Н. Ленина, ГИЗ, 1925 г., так и в других томах [1]), при чем, как всегда у Владимира Ильича, все его политические общепартийные лозунги имели твердое основание решений партийных центров, где, конечно, он сам принимал самое живейшее участие. Вопрос о бойкоте первой Государственной Думы был всесторонне обсужден прежде всего в нашем Центральном Комитете, в состав которого в то время входил и А. А. Богданов.

Во II приложении к т. VI первого полного собрания сочинений В. И. Ленина (1922 г.), названном «Несколько документов из истории РСДРП», на

[1]) В. И. Л е н и н, Соч., т. VII, изд. второе, 1928 г., стр. 24.
[2]) А. А. Богданов.
[3]) Там же, стр. 25.

[1]) Том VII Собр. соч. Ленина: Вот главнейшие статьи по вопросу о бойкоте Думы: 1) Из резолюции конференции «большинства» в Таммерфорсе. § 11. О Государственной Думе» (стр. 52—53). 2) Платформа «большинства» (стр. 55—58). 3) «Государственная Дума и социал-демократическая тактика» (стр. 58—65). 4) «Современное положение России и тактика рабочей партии» (стр. 65—71). 5) «Русская революция и задачи пролетариата» (стр. 71—80). 6) «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (стр. 81—146). 7) «Речь по вопросу о тактике по отношению к Государственной Думе» (стр. 161—165). 8) «Обращение к партии делегатов об'единительного с'езда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков» (стр. 169—173). 9) Пятая глава «Доклада об об'единительном с'езде РСДРП», носящая название: «Отношение к Государственной Думе» (стр. 204—212), а также см. VIII главу того же доклада «Итоги с'езда» (именно стр. 224—225). 10) «Новый под'ем» (стр. 229—233). 11) «К итогам с'езда» (стр. 235). 12) «Дума и народ» (стр. 236—239). 13) «Неверные рассуждения беспартийных бойкотистов» (стр. 325—329). 14) «Среди газет и журналов» (стр. 334). Кроме вышеперечисленных статей необходимо ознакомиться, чтобы совершенно выяснить точку зрения Владимира Ильича на вопрос бойкота первой Государственной Думы, с нижеперечисляемыми статьями, написанными уже после роспуска Думы, когда тактика нашей партии круто изменилась. Вот эти статьи, напечатанные в X т. 2-го изд. собрания сочинений В. И. Ленина: 15) «Роспуск Думы и задачи пролетариата» (стр. 3—19). 16) «О бойкоте» (стр. 26—32). 17) «Как пишется история...» (стр. 124—126). 18) «Социал-демократия и избирательные отношения» (стр. 132). 19) «Особое мнение, внесенное на всероссийскую конференцию РСДРП от имени делегатов с.-д. Польши, Латышского края, С.-Петербурга, Москвы, Центрально-Промышленной области и Поволжья» (стр. 150—151). 20) «Проект обращения к избирателям» (стр. 152). 21) «Кризис меньшевизма» (стр. 194). 22) «По поводу одной статьи в органе Бунда» (стр. 207). 23) «Политическое положение и задачи рабочего класса» (стр. 225). 24) «Проект резолюций к пятому с'езду РСДРП» (см. § 4, «О тактике с.-д. в Государственной Думе» (стр. 386), 25) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (т. XXV сочинений Ленина, стр. 182—183, 205, 241, изд. второе, ГИЗ, 1928 г.).

стр. 580, мы находим в разделе № 4 «Документы по вопросу об отношении социал-демократии к Гос. Думе», где Центральный Комитет нашей партии того времени, сообщая текст резолюции, которую рекомендовал везде принимать, приходил к следующему и окончательному выводу:

«Положение о Государственной Думе» есть грубая подделка народного представительства. Заключая в себе прямой вызов рабочему классу и деревенской бедноте, оно в то же время представляет попытку обмануть крестьянство фальшивыми уступками и попытку привлечь на сторону царского правительства богатые и зажиточные классы путем действительных, но ничтожных уступок. Оно означает решительное намерение правительства всеми средствами беспощадно вести борьбу против народа для защиты царского самодержавия, самодержавия чиновников, которому Россия обязана неслыханным разорением и угнетением, страшно низким развитием знания и полным военным бессилием.

В виду этого, мы будем считать изменником и врагом свободы и народа всякого, кто примет сознательное участие в царской комедии выборов и представительства, как избиратель, выборщик или член Государственной Думы.

Мы заявляем, что народу необходимо представительство, основанное на началах, совершенно противоположных тем, по которым строится Государственная Дума. Народу необходимо единое собрание представителей, обладающее всею полнотой государственной власти, избранное при полной личной и гражданской свободе путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Народные интересы может представить и оградить только такое действительно народное собрание, созванное сначала в виде Учредительного Собрания, для установления нового государственного порядка, а затем созываемое в виде Народного Парламента для постоянного управления делами страны» [1].

И это энергичнейшее бойкотстское воззвание оканчивалось истинно-революционным призывом:

«Мы призываем всех сознательных граждан и все партии, преданные народным интересам и делу народного освобождения, всеми силами противодействовать постыдной комедии выборов и представительства,—обману народа.

Мы призываем их соединять свои силы для немедленной совместной подготовки всеобщего и повсюду одновременного протеста против правительства насильников и лицемеров, для организации этого протеста в виде всеобщей политической стачки и вооруженных демонстраций повсюду, где они возможны.

Мы призываем их это новое издевательство царского правительства над умом и волею народа использовать, как новое яркое и очевидное доказательство для раз'яснения народным массам необходимости решительной и беспощадной борьбы за окончательное низвержение царского самодержавия и всякой власти, не от народа исходящей.

Мы призываем к борьбе за свободу—до конца!» [2].

Но это не все. Вопрос о бойкоте первой Думы был перенесен на специальную «конференцию социал-демократических организаций в России» [3],

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. VI, ГИЗ, 1922 г., стр. 581—582.
[2] Н. Ленин, Собр. соч., т. VI, ГИЗ, 1922 г., стр. 582.
[3] На этой конференции должны были участвовать представители центральных учреждений следующих партий: 1) Армянской соц.-дем. организации; 2) Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунд); 3) Латышской соц.-дем. рабочей партии; 4) Революционной Украинской партии; 5) Российской соц.-дем. рабочей партии (ОК); 6) Российской соц.-дем. рабочей партии (ЦК) и 7) Соц.-дем. Польши и Литвы. Собрались все, кроме армянской соц.-дем. организации, которая прислала извещение, «что она не успела послать делегата, получив поздно извещение о дне конференции» (см. 582—583 стр. т. VI первого полного собрания сочинений Н. Ленина, ГИЗ, 1922 г.).

которая, также «обсудив на конференции вопрос об отношении к Гос. Думе, пришла к следующему заключению. Созываемая царским правительством Гос. Дума есть грубая подделка народного представительства, имеющая своей целью сохранить и упрочить расшатанную революционным движением пролетариата власть самодержавия и создать в руках правительства и буржуазии орудие для укрепления политического господства над пролетариатом и крестьянской беднотой» [1].

После всестороннего обсуждения текущего момента эта конференция признала:

«I. Гос. Дума по самому своему существу не способна принять никаких, сколько-нибудь удовлетворительных, мер к улучшению экономического и правового положения широких масс народа, и всякие надежды в этом направлении, энергично вселяемые в народе правительством и частью буржуазии, способны лишь содействовать видам самодержавия, ослабляя революционную энергию пролетариата и крестьянства и понижая их боевое настроение.

II. Положение о Гос. Думе, подтвердив правильность нашего т а к т и ч е с к о г о л о з у н г а, что только победоносное восстание народа, во главе с пролетариатом, положит конец самодержавному режиму и создаст наиболее обеспечивающую широкое развитие классовой борьбы пролетариата государственную форму — демократическую республику, еще раз выдвинуло перед российской соц.-демократией, как неотложную очередную задачу, подготовку к вооруженному народному восстанию.

А потому конференция постановила:

I. Использовать предстоящий период избирательной кампании в целях самой широкой агитации.

Устраивать митинги и проникать в возможно большем количестве на все избирательные собрания и, раскрывая на них истинный характер и цели Гос. Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы.

Принять на всех собраниях соответствующие резолюции об отношении к Гос. Думе и о присоединении к революционной борьбе пролетариата.

II. В целях выражения протеста против учреждения Гос. Думы и оказания давления на избирателей и выборщиков организовать открытые массовые выступления пролетариата.

III. К самому дню конечных выборов в Гос. Думу приурочить повсеместные всеобщие политические забастовки, манифестации и демонстрации и употребить все средства к тому, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь в случае нужды и перед насильственным срыванием избирательных собраний» [2].

И Владимир Ильич, имея под ногами столь твердую партийную почву, проводил идею бойкота во время выборов первой Государственной Думы со всей страстностью, ему присущей.

Наконец, Думу распустил Столыпин, и депутаты уехали в Выборг писать свое знаменитое и пресловутое Выборгское воззвание. Обстановка политического момента изменилась, изменилась и наша тактика.

Здесь крайне интересно отметить, что через четырнадцать лет после созыва первой Государственной Думы и через три года после победоносной

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. VI, ГИЗ, 1922 г., стр. 583.
[2] Н. Ленин, Собр. соч., т. VI, второе издание. ГИЗ, 1922 г., стр. 584—585.

борьбы в дни Октябрьской революции, Владимир Ильич опять вернулся к обсуждению вопроса о бойкоте Булыгинской Думы и Думы первого созыва (1906 г.). В своем замечательном произведении «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», опубликованной по рукописям в XXV т. второго издания собрания сочинений (стр. 165—250), Владимир Ильич пишет:

«В 1908 году «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте». «Левые»—из числа которых было много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть) членами коммунистической партии—опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 году. Когда царь в августе 1905 года об'явил созыв совещательного «парламента», большевики об'явили бойкот его—против всех оппозиционных партий и против меньшевиков,—и октябрьская революция 1905 года действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено об'ективное положение, ведшее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличности аналогичного об'ективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным.

Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на и н ы е условия, в и н у ю обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году. Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907—08 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого под'ема революционной волны и перехода ее в восстание, и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии» [1]).

Таким образом, мы видим, несмотря на то, что Владимир Ильич, ранее упорнейшим образом везде настаивал и раз'яснял правильность бойкота с.-д. большевиками первой Государственной Думы, при чем, даже в проекте резолюций заготовленных им к пятому с'езду партии, он опять и опять подчеркивает, говоря в § 4 «О тактике с.-д. в Государственной Думе»:

«1) Тактика бойкота Гос. Думы, способствовавшая правильной оценке народными массами безвластия и несамостоятельной роли данного учреждения, нашла себе полное оправдание в комедии законодательной деятельности первой Гос. Думы и в ее разгоне;

2) но контрреволюционное поведение буржуазии и соглашательская тактика российского либерализма воспрепятствовали непосредственному успеху бойкота и заставили пролетариат принять борьбу с помещичьей и буржуазной контрреволюцией также и на почве думской кампании» [2]).

Несмотря на такую упорную, страстную, последовательную защиту бойкота первой Думы, он все-таки счел нужным подчеркнуть в своем, одном из последних, в высшей степени важном произведении, имеющем руководящее значение для партии, что бойкот первой Думы был «ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой...».

[1]) В. И. Ленин, изд. 2-е, т. XXV, ГИЗ. 1928 г., под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева, стр. 182—183.
[2]) Там же, т. X, стр. 386.

В этой же книге Владимир Ильич еще раз возвращается к этому же вопросу в главе «Участвовать ли в буржуазных парламентах?», в котором опять подчеркнул, что правилен был бойкот Булыгинской Думы, когда «удалось н е д о п у с т и т ь с о з ы в реакционной властью реакционного парламента в обстановке, когда с исключительной быстротой нарастало внепарламентское (в частности стачечное) революционное действие масс, когда никакой поддержки ни единый слой пролетариата и крестьянства реакционной власти оказывать не мог, когда влияние на широкие, отсталые массы революционный пролетариат обеспечивал себе стачечной борьбой и аграрным движением» [1]), а «другое,—пишет тут же он,—ошибочное (1906) применение бойкота большевиками» [2]).

Трудно предположить, что сознание этой «ошибки» пришло так поздно к Владимиру Ильичу. Это на него не похоже. Не этим ли, между прочим, и весьма важными причинами об'ясняется, что Владимир Ильич через полтора месяца после разгона первой Думы совершенно изменяет тактику и об'ясняет партии всю важность и необходимость участия в выборах во вторую Думу. В самом деле Государственная Дума была распущена 21 (8) июля 1906 г., а «брошюра Вл. Ильича «Роспуск Думы и задачи пролетариата» написана между 25 (12) и 30 (17) июля, днем начала восстания в Свеаборге,—но вышла в свет уже после восстания» [3]).

О факте роспуска стало известно 22 (9) июля, и таким образом через три дня, ориентировавшись в событиях, Владимир Ильич уже откликнулся на это чрезвычайной важности событие, при чем он так формулировал ближайшую практическую задачу для нашей партии того времени:

«Наше дело—развернуть самую широкую агитацию в пользу всероссийского восстания, раз'яснить политические и организационные его задачи, приложить все усилия к тому, чтобы все сознали его неизбежность, увидели возможность общего натиска и шли уже не на «бунт», не на «демонстрации», не на простые стачки и разгромы, а на борьбу за власть, на борьбу с целью свержения правительства» [4]).

«Это восстание свергнет самодержавие и создаст действительно властное народное представительство, т.-е. Учредительное Собрание» [5]).

3 сентября (21 августа) 1906 года Владимир Ильич пишет статью «О бойкоте». За это время прошло много бурных событий. Восстания в Свеаборге и в Кронштадте подавлены, Столыпинский произвол широко гулял по стране. Наши газеты закрыты. Аресты шли повсюду. Учитывая все эти обстоятельства, Владимир Ильич начал эту статью прямыми словами: «С.-д. левого крыла должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Гос. Думы» [6]). «Теперь как раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами» [7]).

Вот тут-то и начинаются первые намеки на серьезное политическое расхождение с А. А. Богдановым. Мы знаем, что примерно в эти же числа Владимир Ильич читал третью часть «Эмпириомонизма» Богданова, которая произвела на него совершенно отрицательное впечатление своей явно антимарксистской постановкой философских проблем.

[1]) Там же, т. XXV, стр. 205.
[2]) Там же.
[3]) Там же, т. X, стр. 446.
[4]) Там же, стр. 19.
[5]) Там же, стр. та же.
[6]) «О бойкоте», т. X, стр. 26.
[7]) Там же, стр. 29.

В это же время в Куоккала разгораются жестокие споры по поводу отношения нашей фракции большевиков ко II Думе. Выбирать или бойкотировать? Вот главный вопрос, вокруг которого группируются все главнейшие пререкания, споры и мнения актива партии.

А. А. Богданов впервые обнаруживает здесь свое упорство и полное непонимание создавшейся обстановки. Он всецело высказывается за бойкот. Владимир Ильич против бойкота, и огромное большинство активных работников Петербурга присоединяются к нему. Положение Богданова сильно пошатнулось. Его разрыв с Лениным на почве практической политики партии замечен всеми, обсуждается и дебатируется всюду. Богданов, понимая всю двусмысленность своего положения, пытается политически отшутиться, стараясь сделать хорошую мину при своем весьма скверном положении. В то время как меньшевики договариваются не только до блока с кадетами, но, как это было в Рождественском избирательном районе Петербурга (Пески), предлагают голосовать прямо за кадетов. Во главе нашей избирательной комиссии в этом районе стояла старая большевичка В. М. Величкина, которой приходилось, по взятым на себя обязанностям, бывать у меньшевиков на собраниях, дабы точно выявить их отношения. Она рассказывала нам, что А. Н. Потресов (Старовер), Смирнов (Гуревич), А. М. Колонтай (она тогда была ярой меньшевичкой) и многие другие из меньшевистских вождей договаривались до призыва подавать голоса за кадетов, где могла бы быть опасность провала более радикального депутата. И вот в это-то время Богданов на прямо поставленный ему однажды мною вопрос на одном из наших партийных собраний в Петербурге, ответил, улыбаясь:

— Да, я, действительно, был бойкотистом, а теперь я «наплювист». Я совершенно не интересуюсь этим вопросом... Кто будет в Думе и какая будет Дума—не все ли нам равно? Мы должны быть в рабочих массах и делать там свое дело...

Этот «веселенький» ответ был явно никчемный, лишь затушевывавший истинную позицию Богданова, которая по сути дела оставалась несомненно бойкотистской.

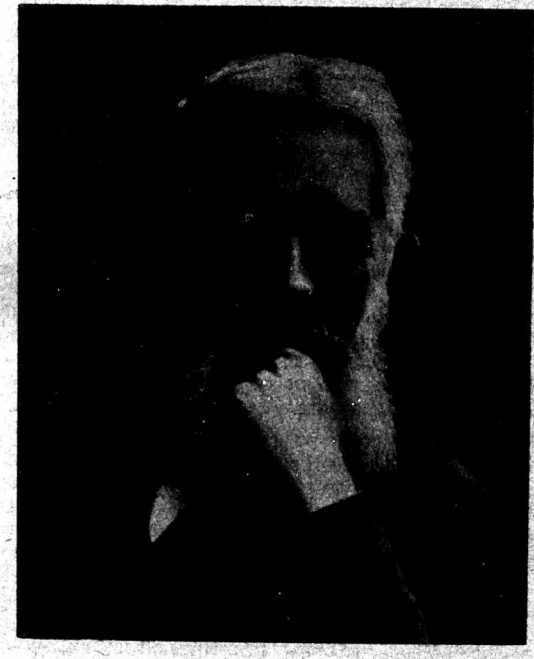
Это коренное разногласие в большевистской тактике не могло остаться без дальнейшего углубления. Богдановский «наплювизм», как только стала работать наша фракция второй Думы, тотчас же превращается в «отзовизм», т.-е. богдановцы требовали отозвания наших с.-д. депутатов из второй Государственной Думы. В это же время эмпириокритицизм и эмпириомонизм на русской почве превращаются в особый род социал-демократического кликушества, который известен в литературе под названием «богоискательства» и «богостроительства», ярко тем самым обнаружив ту свою действительную и теперь уже практическую реакционность, которую несомненно всегда имела в себе эта реакционная философская школа Авенариуса—Маха. И, в конце концов, А. А. Богданов, вместе со всей своей группой, докатился до крайнего предела: после многих и многих предостережений и он и его политические друзья были исключены из состава нашей большевистской фракции РСДРП решением нашего «Большевистского Центра» в 1909 году на июньском совещании в Париже.

Франц Меринг.

(К десятилетию со дня смерти).

Ф. Шиллер.

В ночь на 28 января 1919 г. в одном из предместьи Берлина умер Франц Меринг. Умер всего через две недели после зверского убийства его ближайших друзей и соратников по партии, К. Либкнехта и Розы Люксембург; их смерть убила,—как пишет Эдуард Фукс,—почти уже 73-летнего Меринга. — Германская буржуазия и «правительственная» социал-демократия отлично отдавали себе отчет в том, что они делали, лишая молодое коммунистическое движение его наиболее талантливых вождей и теоретиков. В лице Меринга оно потеряло не только блестящего журналиста, лучшего историка и теоретика марксизма «славного» периода германской социал-демократии, но и организатора и неутомимого деятеля союза «Спартак», руководителя левого рабочего движения Германии во время войны и революции.



Франц Меринг.

Меринг, несомненно, был одной из самых ярких личностей довоенной эпохи II Интернационала. Его значение, как историка социализма и рабочего движения, а отчасти и как теоретика марксизма, далеко выходило за пределы германской с.-д. партии. Некоторые из его работ, как «История германской социал-демократии», 4-томное издание литературного наследства Маркса,

Энгельса и Лассаля, «Легенда о Лессинге» и работы по истории Пруссии, а также ряд статей против ревизионизма, в полном смысле слова имели и имеют международное значение: на них воспитывались целые поколения молодых марксистов всех стран. К сожалению, до сего времени не существует еще—за исключением нескольких весьма поверхностных и «психологических» некрологов и статей—ни одной работы, которая выявила и оценила бы его колоссальное значение в этой области. И до сего времени не только не существует хотя бы немецкого издания его сочинений, но даже не собраны наиболее ценные из его исторических и теоретических статей. Отсутствие такой работы дает себе чувствовать еще сильнее в отношении критической оценки всего Меринга, с его ошибками и достоинствами. Правда, есть отдельные критические замечания В. И. Ленина, Г. Зиновьева, И. И. Степанова-Скворцова в его предисловии ко второму русскому изданию «Истории германской социал-демократии», есть, прежде всего, полемические статьи и критические высказывания Д. Б. Рязанова о нем. Но все эти и другие замечания касаются лишь отдельных вопросов и не могли поколебать — даже в коммунистических рядах—старой, десятилетиями установленной традиции, что работы Меринга являются ортодоксально-марксистскими во всех отношениях. Критиковать Меринга,—означает пересмотреть ряд твердо установленных взглядов на важнейшие моменты в развитии германского рабочего движения, отношения к нему Маркса и Энгельса,—а с этими вопросами связаны и другие проблемы международного рабочего движения. Было бы смешно, если бы мы сегодня, руководствуясь ложными соображениями уважения перед умершим Рингом, закрыли глаза на его немалочисленные ошибки. Хуже нельзя было бы почтить память Меринга. Наоборот, если мы совершенно беспристрастно, на основании новых данных и под другим углом зрения, исправим те ошибки, которые ему самому не было суждено исправить при жизни, это будет лучшим памятником для старого революционного борца и будет соответствовать его пониманию применения метода исторического материализма. Такая критическая оценка Меринга сейчас уже является насущнейшей задачей марксистской исторической науки, так как жалкие писаки теперешней германской с.-д. партии, именующие себя «историками», при списывании Меринга, выявляя свой исторический и теоретический уровень, стоящий ниже нуля, не только показывают, насколько они исторически неграмотны, путая даты и события, из двойных фамилий делая двух лиц и т. д. и т. п. [1]), но и начинают использовать Меринга, его промахи, для оправдания соглашательской политики с.-д. партии. Но, прежде чем перейти к критической оценке, несколько слов о домарксистском Меринге.

Франц Меринг родился 27 февраля 1846 г. в семье сельского пастора, в маленьком городе Нижней Померании, т.-е. в той части Пруссии, которая в 40-х гг. прошлого столетия была в наименьшей степени затронута промышленным развитием и до настоящего времени еще является оплотом крупного, юнкерского землевладения. Меринг сам говорит, что в молодости ему слишком долго приходилось питаться «чистым молоком прусской любви к отечеству». При окончании гимназии он написал сочинение «Заслуги Пруссии перед Германией» — работа, удостоенная лучшей отметки. Дальше идет обычный в Германии университетский курс, а затем профессия журналиста. Скоро молодой Меринг сближается с группой либерально-буржуазных журналистов, которых Бебель в своих мемуарах характеризует следующими словами: «В Берлине тогда существовала довольно значительная группа большею частью состоятельных людей, которые видели свой идеал в Иоганне Якоби и

[1]) См., напр., Richard Lipinski, Die Socialdemokratie von ihren Anfangen bis zur Gegenwart... I Bd., Berlin, Dietz, 1927.

симпатизировали нам. Они группировались вокруг доктора Гвидо Вейса, редактора большой демократической газеты «Будущее», основанной в 1867 г. богатыми «якобитами»—как мы тогда называли приверженцев Якоби,—но прекратившейся уже весной 1871 г., так как она требовала слишком больших финансовых жертв... К ним же принадлежал тогда еще очень молодой Франц Меринг, с которым меня познакомил Роберт Швейхель» [1]). Вот в этом кругу буржуазных демократов Меринг с начала 70-х гг. познакомился с либерально-демократическими идеями. В тогдашней общественно-политической обстановке он мечтал о том, что буржуазия, если бы она осознала свою историческую миссию и не довольствовалась барышами от расцвета промышленности, могла бы, в союзе с рабочим классом, свергнуть господство юнкеров. Указать буржуазии на эту ее историческую миссию молодой Меринг считал своим священным долгом. Затем он ведет кампанию в прессе—с буржуазно-демократической точки зрения—против обмана и надувательства грюндерства. Убедившись постепенно в бесполезности таких проповедей, он сближается с социалистическим движением лассальянского крыла и пишет свой известный памфлет «Treitschke als Sozialistentöter», выступая против главного представителя прусской умеренно-либеральной исторической науки.

Меринг не может простить Трейчке его прусско-феодальной точки зрения на социал-демократию, целям которой он тогда симпатизировал, так как полагал, что ее стремления совпадают с его собственными, буржуазно-демократическими. Но некоторое время спустя, после нескольких печальных опытов, Меринг порывает с социалистами и выпускает свою первую «Историю германской социал-демократии» (1877), направленную в очень резкой форме против рабочего социалистического движения. Особенно сильно достается интернационалисту Марксу, злому духу которого противопоставляется добрый гений национального Лассаля. Тогда и позднее писалось много об «отпадении», о «ренегатстве» Меринга. Но по существу никакого ренегатства не было: воззрения Меринга в «Анти-Трейчке» и в антисоциалистической «Истории германской социал-демократии» суть лишь два оттенка либерализма 70-х гг. При тогдашнем марксистском уровне германской с.-д. партии, стоящем ниже всякой критики особенно у лассальянцев, в сущности никогда не бывавшей марксистской партией, в ней могли найти приют либералы всякого калибра. Но, что весьма характерно для Меринга, он уже тогда, в 1877 г., ставил центральными пунктом немецкого рабочего движения отношения Маркса—Лассаля,—пункт, который он и позднее всегда решал в пользу Лассаля.

Резкие нападки Меринга на с.-д. партию усилились после известных покушений на Вильгельма I; особое возмущение вызывали в социалистических кругах его статьи в мещанской «Gartenlaube». Но после введения исключительного закона против социалистов Меринг, бывший сперва только сотрудником, а затем и редактором либерально-демократической газеты «Berliner Volkszeitung», постепенно меняет свои взгляды на социал-демократию. Он изучает марксизм и защищает преследуемое рабоче-социалистическое движение. Двенадцатилетняя упорная борьба пролетариата с юнкерством и буржуазией убедила его воочию в том, что он раньше всегда отрицал: что развитие общества есть борьба классов. Опять-таки, что очень характерно для Меринга, он солидаризируется с социал-демократией именно в годы свирепого гонения на социалистов, когда все случайные пришельцы, особенно из интеллигенции, отшатнулись от партии. В 1890 г. он выступил в защиту одной берлинской артистки, что принудило его порвать

[1]) А. Бебель, Мемуары, перев. Д. Рязанова, ч. II, вып. 2, 1912 г., стр. 45—46.

связи с «Berliner Volkszeitung». Известные катедер-социалисты Шмоллер и Брентано поспешили предложить Мерингу ученую карьеру, но он отказался и вступил в с.-д. партию. Он работает в редакции научно-марксистского органа, не только немецкого, но и международного социализма; «Neue Zeit», и с этого времени начинается самый плодотворный для него период жизни—борьба с феодальной и буржуазной наукой, борьба с различными псевдомарксистскими уклонами внутри партии и, прежде всего, его деятельность, как с.-д. журналиста, наиталантливейшего из всех принимавших когда-либо участие в рабочем движении. Его политические статьи-передовицы в «Neue Zeit» скоро становятся грозой реакционной и буржуазной прессы. Меринг меткой стрелой всегда попадает в цель, его пера боятся все. Как журналист он занимает первое место своего времени в Германии; его стиль не хуже, чем у лучших мастеров немецкого языка.

Но, как ни блестящи политические статьи Меринга или его памфлеты против Рихтера и Штекера, они все написаны по поводу какого-нибудь политического события или юбилея и поэтому сейчас уже не представляют непосредственного интереса. Гораздо важнее для нас его исторические работы, среди которых первое место занимает 4-томная «История германской социал-демократии» (1897). Приступая к этой капитальной работе, Меринг находился в весьма трудных условиях: он был вынужден разрабатывать, в первую очередь, марксистски совершенно не исследованные до него (за исключением работ Маркса и Энгельса) эпохи раннего социализма и истории Германии XIX века. Большая часть его «Истории» и посвящена этим вопросам. В этом, пожалуй, и состоит основная историческая заслуга работы Меринга; хотя и здесь она не совсем свободна от неточностей и ошибок. Укажем лишь на неправильную концепцию истории Союза Коммунистов—концепцию, правда, воспринятую Мерингом у Энгельса. Согласно ей, инициатива основания Союза исходила от Лондонского Немецкого Коммунистического Клуба, командировавшего своего представителя, И. Молля, в Брюссель к Марксу и Энгельсу, чтобы склонить их к вступлению в Союз. Между тем—как удалось доказать Д. Б. Рязанову—из документов, бывших как в руках Энгельса, так и Меринга, ясно выходит, что вся инициатива организации Союза исходила от Маркса и Энгельса—Брюссельской группы коммунистов. Но такие неточности лишь полбеды. Гораздо хуже обстоит дело с собственно историей германской социал-демократии. Так как «История» Меринга и до сего времени—и не без основания—считается образцовой, то нам придется немного подробнее остановиться на некоторых неверно освещенных в ней проблемах. Вспомним краткую общую концепцию истории германской социал-демократии Меринга: 1863 — 69 гг. — годы организации «современного научно-коммунистического рабочего движения»; оно тактически и идеологически разрывает с либерализмом и буржуазной демократией. Лассаль—убежденный коммунист в понимании Коммунистического Манифеста; он проводит учение Маркса в жизнь. Видоизменяя теорию Маркса в своей агитации и приспособляя ее согласно исторической ситуации к тогдашнему состоянию рабочего движения, Лассаль является основателем германской с.-д. партии как классовой партии пролетариата. Борьбу эйзенахцев и лассальянцев, означавшую, по Марксу, Энгельсу, Бебелю и Либкнехту, борьбу между подлинным марксизмом и прусским государственным социализмом Меринг сводит к борьбе двух революционно-пролетарских партий, из которых первая антипрусско-пангерманского, вторая прусско-немецкого направления. После насильственного решения немецкого вопроса «революцией сверху»—предмет спора отпадает, и обе партии постепенно сближаются в повседневной политической борьбе с полицией, в совместных выступлениях во время франко-прусской войны и т. д. Марксистско-теоретический уровень обеих фракций очень невысокий, но все же, по Мерингу, у лассальянцев

(Швейцера) выше. По настоянию масс обе партии в 1875 г. об'единяются, пока еще побеждает идеология Лассаля (как оттенок марксизма), но в героической борьбе периода исключительного закона против социалистов (1878—1890) партия закаляется и освобождается от последних остатков немарксистской идеологии. После падения исключительного закона, Эрфуртский партийный с'езд окончательно фиксирует победу ортодоксальной марксистской теории и практики. Дальнейшую историю партии Меринг излагает почти исключительно как рост голосов на выборах, увеличение мандатов в рейхстаг, деятельность парламентских фракций, рост газет и журналов—одним словом, «непрерывное триумфальное шествие» партии. Правда, уже в 90-х гг. выступает ревизионизм; но это — по Мерингу — одни лишь настроения,—«а больше, чем настроением, ревизионизм никогда не был в Германии» [1]. Германская социал-демократия, по крайней мере до 1907 г., всегда придерживалась революционной «старой, испытанной тактики», и «нынешняя тактика германской социал-демократии есть та же тактика, которую некогда рекомендовали Коммунистический Манифест, а затем—в специальном применении к немецким условиям — «Открытое письмо Лассаля» [2].

Если бы развитие германской социал-демократии шло путем, указанным нам Мерингом, мы бы стояли перед весьма сложной и странной исторической загадкой: как тогда об'яснить голосование с.-д. партии в 1914 г. за военные кредиты, чем об'яснить ее «измену», ее патриотизм, переход к коалиции с буржуазией, не прекращающуюся до сего дня,—как об'яснить поведение «революционной» левой: господ Каутского, Гаазе, Брейтшейдта и К°, беспомощно лепетавших слова об Интернационале как об орудии мира и вскоре присоединившихся к «правительствующему» крылу партии? Ведь до сего времени даже в коммунистических рядах смотрят на довоенную с.-д. партию, как на непримиримо-революционную, пролетарскую, лишь «изменой» 1914 г. превратившуюся в социал-предательскую партию. Так сильно традиционное понимание развития социал-демократии по исторической концепции Меринга!

Нам кажется, не будет преувеличением сказать, что историю германской с.-д. партии, начиная с Лассаля, придется писать заново. Основные пункты, в которых Меринг ошибся, вместе с тем являются и решающими. это I оценка «марксизма» и роли агитации Лассаля—Швейцера, взаимоотношения Маркса, Энгельса, Бебеля и Либкнехта, с одной стороны, и Лассаля и Швейцера, с другой стороны; II) роль и оценка деятельности Маркса и Бакунина в I Интернационале; III) критика Готской и Эрфуртской программ и IV) борьба партийного руководства с оппозиционными течениями внутри партии 70—90-х гг. и связанный с ней вопрос о ревизионизме. В настоящей статье нет места входить в обстоятельное обсуждение всех этих чрезвычайно важных проблем: укажем лишь на общую постановку некоторых вопросов.

Что касается первого вопроса, то всем известен лозунг современной германской с.-д. партии «Назад от Маркса к Лассалю!». И это вполне естественно и последовательно. Ибо теперешняя коалиционная тактика и открытое сотрудничество с.-д. партии с буржуазией есть не что иное, как проведенная в жизнь теория и практика Лассаля—теория, которой не было суждено осуществиться, в виду особых исторических условий, при жизни ее творца. Трудно было бы понять, если считать Меринга ортодоксальным мар-

[1] Ф. Меринг, История германской социал-демократии, т. IV, пер. со 2-го нем. изд. М. Е. Ландау, предисловие И. И. Степанова, Госиздат, 1921 г., стр. 370.
[2] Там же, стр. 373.

ксистом и в данном вопросе, почему он называет отношение Маркса и Энгельса к Лассалю «наиболее трудной психологической проблемой». Оправдывая, «реабилитируя» Лассаля и его тактику, Меринг, правда, считает, что она была единственно правильной для 50—60-х гг., но не для позднейшего времени. Но при этом его аргументация,—что Лассаль гораздо правильнее оценивал фактические предпосылки для решения немецкого вопроса, чем Маркс и Энгельс, которые будто бы, живя в эмиграции, оторвались от немецкой действительности,—так же мало убедительны, как и утверждение, что Энгельс после смерти Маркса, в известном письме к Зорге, подтвердил правильность тактики Лассаля. И когда Меринг пишет, что, «если как экономист Лассаль и отставал от Маркса, то как революционер он ему равен», и называет тактику Швейцера, хотя и страдающей «некоторыми ошибками», но, «в сущности, умной и последовательной политикой», так как она основываясь на «обстоятельном знании прусских условий», то здесь марксист Меринг, повидимому, психологически не совсем мог освободиться от влияния «молока прусской любви к отечеству», которым ему «слишком долго» приходилось питаться. Он вообще часто упрекает Маркса и Энгельса в непонимании исторической роли Остэльбской Пруссии, на которую основоположники научного социализма смотрели с презрением как сыны промышленно более передовой Рейнской провинции. Еще хуже у Меринга обстоит дело с «реабилитацией» Швейцера, самого талантливого ученика и последователя Лассаля. Беря и его под защиту от мнимого «оклеветания» Бебеля, Маркса, Энгельса и Либкнехта, ему волей-неволей пришлось опять вернуться к оправданию теории и практики Лассаля. «В чем же,—пишет Д. Б. Рязанов,—упрекали Маркс и Энгельс Лассаля, почему они осуждали его политическую тактику? Во-первых, Лассаль совершенно отрицал всякую преемственность со старой партией, с Союзом Коммунистов, со всем предшествующим германским рабочим движением. Конечно, это делалось отчасти потому, что Лассаль не хотел «компрометировать» новое рабочее движение. Но в чьих глазах? В глазах врагов рабочего класса Лассаль выступил в качестве «ликвидатора» старой партии. Во-вторых, Лассаль в своей борьбе против прогрессистов, против либеральной буржуазии искал союза с феодальными и абсолютистскими элементами. Это было не только временное увлечение, крайность в пылу политической борьбы, это была система, ибо Лассаль добивался непосредственного успеха. Этим об'ясняются его отношения с Бисмарком, апостолом прусского юнкерства» [1]). Швейцер продолжал эту тактику, и Маркс и Энгельс з н а л и это. Разве причины недостаточно ясные, чтобы порвать со Швейцером? А по Рингу выходит, что в разрыве виновата не кто иной, как графиня Гацфельдт, потому что она рассказывала Бебелю и Либкнехту, что Лассаль заключил с Бисмарком форменный союз. «Трудно понять,—пишет Меринг еще в 1918 г.,—чтоб Маркс, Энгельс и Либкнехт, которые все знали Лассаля и все читали газету «Социал-Демократ», поверили сказке Гацфельдт» [2]). После того, как были опубликованы письма Лассаля к Бисмарку [3]), и после того, как выяснилось без всяких сомнений, что Швейцер получал деньги от Бисмарка на свою газету, не стоит дольше останавливаться на этой ошибке Меринга, да и он сам, если бы был жив, отказался от нее.

Не больше Рингу повезло и с «реабилитацией» Бакунина. Д. Б. Рязанов в одном месте пишет, что Меринг, начиная восстанавливать «нарушенную справедливость», совершенно незаметно для себя сполз на точку зрения

[1]) Д. Б. Рязанов, Переписка Лассаля с Бисмарком,—«Летописи Марксизма» кн. VI, 1928 г., стр. 4.

[2]) Ф. Меринг, К. Маркс, 2-е нем. изд., стр. 340.

[3]) Gustav Mayer, Bismark und Lassale. «Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche, Berlin, Dietz, 1928, 108 S. Русский перевод важнейших писем Лассаля к Бисмарку в «Летописи Марксизма» кн. VI, 1928 г., с предисл. Д. Б. Рязанова.

«личностей» в истории. Если это справедливо по отношению к методам «оправдания» Лассаля, то в еще бо́льшей степени Меринг применил этот немарксистский метод при «реабилитации» Бакунина. По этому вопросу имеется довольно большая полемическая литература, начавшаяся с рецензии Меринга на книгу Фрица Брупбахера [1]), которая, в свою очередь, вызвала длинную и резкую статью Д. Б. Рязанова [2]). Анархист Брупбахер в своей книге писал о Марксе: «В нем на ряду с ученым марксистом скрывался еще вспышкопускатель и якобинец, и эта особенность Маркса представляла дезорганизаторский или усиливающий дезорганизацию элемент в Интернационале гораздо более, чем взгляды Бакунина, которые, при некотором искусстве со стороны Маркса, могли бы, быть может, существовать внутри Интернационала». И такую книгу Меринг приветствовал потому, что она «исправляет несправедливость, исправление которой должно интересовать и марксистскую литературу в более узком смысле слова». Д. Б. Рязанов справедливо отмечает, что для Меринга, называвшего тактику Маркса в I Интернационале «политикой некрасивых средств», настоящий пункт спора между Марксом и Бакуниным остался неизвестным, и, следуя его методу, виноватым оказывается то «честолюбивый» и «завистливый» Бакунин, то Маркс.

Далеко не свободна от ошибок и та часть «Истории германской социал-демократии», где Меринг излагает развитие партии во время исключительного закона против социалистов. Известно, что закон застал партию врасплох, что она вначале совершенно растерялась, капитулировала. Казалось бы, что Рингу, как ортодоксально-марксистскому историку партии, следовало бы более об'ективно отнестись к первому призыву к сопротивлению нелегальными средствами, исходившему из группировок «Freiheit» И. Моста и «Laferne» Гирша. Ведь нельзя же отделаться констатированием того, что Мост быстро скатился к анархизму; как никак, призыв к тайной, п о д п о л ь н о й организации впервые содержится в «Denkschrift an die deutschen Sozialisten» Лондонского коммунистического клуба (И. Моста), и ведь по настоянию заграничных с.-д. групп, был основан—во избежание раскола — цюрихский «Социал-Демократ». Но Меринг не только не анализирует по заслугам эти течения, а даже умалчивает о фактической подпольной деятельности партии во время действия исключительного закона—организации так называемой «красной почты», распространявшей нелегальную литературу; он вообще слишком затушевывает шаги партии и оппозиционных течений, выходящие за рамки легальности. «Воспротивиться силою отнятию прав у рабочего класса,—он пишет,—было бы настоящим безумием, но партия несомненно и навсегда отвергла также и мысль о тайной организации, напрашивающуюся ближайшим образом». Меринг вполне солидаризируется с деятельностью парламентской фракции, завоевавшей в то время—так как при исключительном законе работа в парламенте была единственно возможной областью л е г а л ь н о й деятельности партии—большой авторитет и, в сущности, захватившей в свои руки все руководство партией. Вся деятельность сводилась к агитации во время выборов, к достижению наивысших парламентских результатов. Меринг также считает успехи выборов успехами классового сознания рабочего класса и умалчивает о том, что партия фактически превратилась в машину для подготовки выборов и что выборная агитация, плакаты, лозунги и т. д. были рассчитаны на вербовку ремесленников, мелкой буржуазии и т. п. социальных категорий. Так же легко отделывается он от первой серьезной оппозиции внутри с.-д. партии, когда в 1885 г. франкфуртская группа восстала против поведения парламентской фракции в вопросе о субсидировании германского флота в то время, как некоторые с.-д. де-

[1]) «Neue Zeit», XXXII, том I.

[2]) «Neue Zeit», там же. Русский перевод в: Д. Б. Рязанов, Очерки по истории марксизма, 2-е изд., доп., Госиздат. 1928 г., т. I, стр. 321—408.

путаты, хотя и возражая в принципе против колониальной политики нарастающего германского империализма, все же считали ее «прогрессивной», втягивающей отсталые народы в международные сношения. До поры до времени «железный обруч» исключительного закона еще связывал различные оппозиционные группировки в одно целое. Но когда вместе с падением закона отпал и этот «обруч», оппозиционные тенденции всплыли на поверхность: с одной стороны «правые», приверженцы лассальянской «реальной политики» (Фольмар и др.), правильно ссылаясь на реформистскую деятельность партии за последние годы, требовали и фактического признания этой тактики; с другой стороны, наиболее передовые рабочие центры. как Берлин, требовали отказа от реформистской работы и возвращения к «старой», непримиримой, местами даже совершенно антипарламентской тактике. Все документы, относящиеся к этой серьезной внутрипартийной борьбе между «старыми» и «молодыми» (1890—1892) и дискуссии вокруг программного вопроса, как нельзя лучше доказывают, что германская социал-демократия уже в это время, осуждая на словах ревизионизм, на деле самым решительным образом перешла к реформизму. Правда, все движение «молодых» скоро попало под влияние анархистов, да и с самого начала оно в некоторых вопросах (напр., антипарламентаризм) перегибало палку в другую сторону; но в то же время, если проанализировать политические воззрения, выразившиеся в речах, прокламациях и поступках партии в этом споре—особенно в выступлениях Либкнехта, Бебеля и др. руководящих лиц на партийных с'ездах и первых международных конгрессах II Интернационала—и сравнить их с политической теорией Лассаля, то становится ясным, насколько с.-д. партия фактически осталась верной основным принципам лассальянства, как, напр, в таких важных вопросах как понятия: рабочий класс, отношение к парламентаризму, национальный вопрос, теория революции и государства и др. Правда, и «молодые» этому не могли противопоставить четкой марксистской линии; но это явление нельзя обходить так иронически-оптимистически, как это делает Меринг, а под влиянием неправильной информации со стороны Бебеля и Либкнехта [1]), поражавших «молодых» громом их огромного партийного авторитета, делал это и старик Энгельс, заклеймив их движение как «бунт студентов и литераторов». Вопрос не решается и оптимистическим утверждением Меринга, что вожди «молодых» быстро скатились к анархистам и крайним ревизионистам. Историческая заслуга «молодых» состоит в том, что наиболее передовые рабочие кадры впервые выступили против реформистских тенденций и мелкобуржуазного социализма в момент, когда по официальной традиции, созданной Рерингом, в партии победило радикально-марксистское крыло, и победило навсегда.

Тут как будто кроется противоречие: ведь Эрфуртская программа, скажут, и есть документальное подтверждение победы революционно-марксистского крыла партии. Но дело в том, что Эрфуртская программа сама не свободна от противоречий: если теоретическая часть о законах развития капитализма и общих целях социализма основана на известной критике Маркса Готской программы, то практическая часть о политических требованиях, пред'являемых к буржуазному государству, и о практической деятельности партии вообще далеко еще не свободна от лассальянских иллюзий. Кстати, Эрфуртская программа ведь и не была одобрена целиком Энгельсом, о чем Меринг не говорит. Кроме того, всем известно, что критика Готской программы Маркса была опубликована лишь 15 лет спустя, и то только после упорного требования Энгельса и против воли руководящей парламентской фракции—в том числе и Либкнехта и Бебеля—

[1]) С.-д. партия Германии до сего времени еще не издала переписки Бебеля с Либкнехтом, содержащей, несомненно, интересный материал для истории партии этого периода.

в этих кругах произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Можно смело утверждать, что теоретическая часть Эрфуртской программы является только выражением марксистски наиболее передовой части теоретиков тогдашней германской с.-д. партии, т.-е. группы «Neue Zeit». И даже в понимании этой группы марксизм рассматривался как идеология, как надстройка, в некотором смысле, над практической реформистской деятельностью партии: на словах осудили лассальянство, на деле последовали ему. Об этом как нельзя лучше свидетельствует и «реставрированный» Д. Б. Рязановым эпизод с участью введения Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» Маркса [1]), вокруг которого создалась легенда, будто Энгельс в 90-х гг. отрекался от своего революционного прошлого и превратился в «мирного поклонника законности quand même, отказавшегося, будто бы, от всякой уличной борьбы, баррикадной тактики и т. д. Все это говорит о том, что лассальянские принципы не были преодолены и во время исключительного закона. Радикализм же в методах агитации, как распространение нелегальной литературы и т. п., оказался излишним после падения закона. Исключительный закон доказал другое—он уничтожил иллюзии Лассаля, что можно чего-нибудь добиться от данного государственного строя, от гогенцоллерно-бисмарковской империи. Правое крыло с Фольмаром и др. вожди открытого ревизионизма хотели сделать еще шаг назад и пойти даже на соглашение с этим государством; это крыло не могло овладеть партией до войны. Но и так называемый «центр», официальное партийное большинство, на практике не шел дальше радикально-демократической, пропитанной мелкобуржуазным социализмом, оппозиции против «военного государства» Гогенцоллернов; «непримиримость революционно-пролетарской» с.-д. партии, вплоть до войны, относилась лишь к императорской Германии. Германская социал-демократия не могла, как, напр., французская партия, воздействовать на законодательство, принимать участие в юнкерско-буржуазном правительстве—в этом ей мешала особая общественно-политическая структура довоенной Германии. Таким образом, германская с.-д. партия, волей-неволей, сохранила свою репутацию самой непримиримой, классово-пролетарской партии II Интернационала. А «старая испытанная тактика» нередко напоминает радикалов 1848—1849 гг., как вообще германская социал-демократия во многих вопросах уж не так далеко ушла от идеалов революции 1848 года.

Только под таким углом зрения и понятна «измена» германской с.-д. партии в 1914 г. и ее «непрекращающаяся коалиция с буржуазией после падения гогенцоллернско-юнкерского режима. Упрек, который мы должны сделать Рерингу, как историку германской социал-демократии, состоит в том, что он в сильной степени находился в плену официально-партийной линии ревизионистского по существу «центра» 90-х гг. и создал свою концепцию истории партии не с четкой революционно-марксистской точки зрения, а как апологию этой центристской линии. Эту концепцию Меринг, к сожалению, не считал нужным подвергнуть изменению и в повторных изданиях своей «Истории». Он придавал слишком мало значения ревизионизму, считая его «ничтожеством», «беспринципностью», как и Роза Люксембург видела в нем лишь преходящее явление, вызванное ослаблением классовой борьбы, которое исчезнет с приходом революционной войны.

К историческим работам Меринга следует также отнести его биографию Маркса, издание литературного наследства Маркса, Энгельса и

[1]) Д. Б. Рязанов, Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции»,— «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. 1, 1924 г., стр. 257—261.

Лассаля, а также его работы по истории Германии [1]) и ряд блестящих стате
и некрологов деятелей немецкого и международного рабочего движени
После окончания «Истории германской социал-демократии» партия поручи
ему в 1898 г. издать литературное наследство Маркса и Энгельса. Мери
еще в 1884 г., не будучи даже марксистом, обратился к Энгельсу за мате
риалами для биографии Маркса. В 90-х гг. он помогал Энгельсу собират
работы Маркса досоциалистического периода и, получив в 1898 году назва
ное поручение партии, издал три тома литературного наследства Марк
и Энгельса, которые такой знаток марксизма, как Д. Б. Рязанов, называ
работой, сделавшей эпоху. Ценнее всего прекрасные комментарии, которы
Меринг снабдил извлеченные им из разных печатных источников интересн
и большей частью забытые материалы как для биографии Маркса и Энгельс
так и для происхождения и развития научного социализма. Это издание н
претендовало на научность в академическом смысле; главной своей задач
Меринг считал «изобразить историческую среду, в которой жили и дейст
вали Маркс и Энгельс, воскресить краски и фон эпохи, в которой жили
произведения». И это ему удалось блестяще: на трех томах литературно
наследства воспитывались целые поколения молодых марксистов, в том чис
и русских. Но это издание имеет и свои дефекты. Во-первых, Меринг ярк
чем где-либо защищает тактику Лассаля против Маркса в комментари
к 4-му тому «Литературного наследства». Во-вторых, он давал сочинени
Маркса и Энгельса далеко не полностью, своевольно их сокращая. Кро
того, он опубликовал—за исключением докторской диссертации Маркса—
одни лишь напечатанные работы, не придавши неопубликованным рукопис
в наследстве Маркса и Энгельса большого значения. В последнем его особен
винить нельзя: ибо одна часть наследства — наиболее ценная — находилас
у Бернштейна, вторая у Лафаргов и лишь третья, ему доступная, в берли
ском архиве партии. Но Меринг не понимал истинного значения ряда чре
вычайно важных рукописей Маркса и Энгельса, и почти каждый раз, когд
он опубликовывал что-нибудь, то пропускал все места, «компрометиру
щие», с мещанской точки зрения, либо Маркса и Энгельса, либо кого-нибу
из «реабилитированных» за их счет лиц. Этот метод особенно усердно пр
менялся в 4-томной переписке Маркса и Энгельса, официально издан
Бебелем и Бернштейном, фактически же редактированной Бернштейном
Мерингом. Лаура Лафарг уполномочила в 1910 г. Меринга делать сокращен
и комментарии по его усмотрению. И он согласился с «работой» Бернштейн
сократившего переписку приблизительно на 25% об'ема; при чем «партий
ная» цензура в лице Бернштейна и Меринга выбросила не только все «креп
кие» и «неприличные» слова, но беспощадному сокращению подвергалис
особенно письма, в которых Маркс и Энгельс—местами весьма «крепко»—
одинаково резко критикуют как тактику Лассаля и Швейцера, так и так
тику Либкнехта.

Во время войны Меринг издал биографию Маркса. Она, по сравнени
с прежними работами, почти ничего существенно нового не дает. Сам Мерин
не очень восторженно отзывался о ней, но, несмотря на все старые ошибки
повторенные и в биографии, она является лучшей в этой области: это
резюме всех исторических работ Меринга, со всеми их достоинствами
ошибками. Вообще нужно сказать, что Меринг очень часто повторяется
своих работах, и это относится не только к отдельным вопросам, но и к
отдельным, правда, стилистически непревзойденным, журналистическим фор
мулировкам. Меринг, даже при анализе самых серьезных исторических проб
лем, никогда не перестает быть журналистом, как он и в журналистических
статьях всегда оставался историком.

[1]) «Jena und Tilsit», «Von Tilsit nach Tauroggen», «Von Kalisch nach Karlsbad», «Gustav Adolf», «Deutsche Geschichte vom Ausgange des Mittelalters» и др.

Менее оригинальны философские работы Меринга, хотя Плеханов и считал его «лучшим, едва ли, впрочем, и не единственным знатоком философии среди германских социал-демократов». Из самостоятельных работ по философии следует отметить очерк по историческому материализму, приложенный к первому изданию «Легенды о Лессинге». Эта работа—популярного характера; Меринг в ней разбирает обычные ходячие возражения против исторического материализма и останавливается подробнее на материализме Лаверг-Пегильвьена, претендовавшего на честь «открытия» исторического материализма до Маркса. Критика последнего в большей части написана Энгельсом и опубликована с его согласия. Больше значения имеют полемические статьи Меринга в «Neue Zeit» против «дополнения» марксизма неокантианством, махизмом и неовитализмом. Борьба Меринга с этими идеалистическими течениями сейчас приобретает тем больший интерес, что неокантианство покойного теперь Форлендера стало чуть ли не официальной философией германской с.-д. партии. Неокантианцы выступили особенно сильно в начале XX века в лице Когена, Штаммлера, Наторпа, Форлендера, Штаудингера, Ланге и др. с теорией, что Кант является «основателем немецкого социализма»—и так как марксизму, якобы, недостает этики, то необходимо дополнить его этикой Канта. Коген старался доказать, что современный социализм, как идейно, так и исторически, развивался из принципа Канта: «Поступай постоянно так, чтобы человек, как в тебе самом, так и у каждого другого лица, служил бы для тебя целью, но никогда не средством» [1]). Меринг, со свойственным ему стилистическим мастерством анализируя это положение Канта, вскрывает всю несостоятельность утверждения неокантианцев и пишет: под ним скрывается не что иное, как буржуазная свобода, для рабочего класса [2]). Лозунг Форлендера и К° «Назад к Канту» Меринг рассматривает, как стремление—конечно, только иллюзорное—«удушить социализм», и прибавляет: «Социал-демократия не может себе затуманить ясное небо научного мировоззрения идеологическими облаками» [3]). Он не преуменьшает исторического значения Канта; но, тем не менее, он пишет, «немецкая социал-демократия в области философии так же мало может итти назад к Канту, как она в политике может итти назад к Робеспьеру и в экономике к Бабефу» [4]). Пролетариат в должной мере оценивает историческое значение Канта, но самым решительным образом протестует против всяких попыток соединить его с Марксом; и если уже говорить о линии развития марксистской философии, то единственный верный путь от Канта к Марксу ведет через Фихте, Шеллинга и Гегеля. Настоящая беда истинного кантианца, продолжает Меринг, выражается в полном и абсолютном непонимании исторических связей, и если бы рабочий класс последовал совету неокантианцев «радикально отказаться» от исторического материализма—это одновременно означало бы и отказ от научно-правильного анализа явлений общественной жизни.

Не менее блестящи некоторые философско-политические статьи Меринга против представителей разных оттенков эмпириокритицизма; он одинаково резко выступает как против «неомарксизма» в одеянии «человека ренессанса» Койгена, так и против открытых ревизионистов исторического материализма в роде Давида или Бернштейна, или скрытых ревизионистов, выступающих против основ марксизма под флагом неодитенизма, махизма и т. д. Везде он, руководствуясь больше своим острым марксистским чутьем, нежели углубленным философским анализом, вскрывает

[1]) «Handle so, dass du die Menschheit sowohl in deiner Person als in der Person eines jeden andern jederzeit sugleich, als Zweck, niemals bloss als Mittel gebrauchst».
[2]) «Neue Zeit», XXIX, т. 2, стр. 377—380.
[3]) Там же, XVIII, т. 2, стр. 3—4.
[4]) Там же, XX, т. 2, стр. 124.

социальную подоплеку, прикрывающуюся новыми достижениями научной мысли, делающей, якобы, необходимым «дополнение» марксизма; Меринг разоблачает эти стремления как попытки «примирения» революционной теории с ревизионизмом, социализма с капитализмом. Всем этим «монистическим» системам, говорит Меринг, недостает—не говоря уже о том, что все они в конечном счете упираются в чистой воды идеализм—самого существенного: диалектики. И если молодой тогда Август Тальгеймер и выступил в «Neue Zeit» (XXVIII, т. 2, стр. 439 — 441) против понимания диалектики Мерингом, то все его выступление основано на недоразумении.

Из других статей Меринга против «дополнителей» марксизма можно отметить его выступление против неоламаркизма и психовитализма (Ад. Вагнер, И. Г. Фогт и др.). Разбирая основное положение неовитализма, что в органической природе заложен «жизненный принцип», который не может быть об'яснен законами физики, Меринг опять-таки очень правильно вскрывает социальную сущность этого учения, заменяющего, по его словам, буржуазное богословие. И, наконец, укажем на его статью «Кант и Спиноза» [1]), которая не совсем свободна от некоторых ошибок общефилософского, методологического характера, но блестяще защищает Спинозу против искажения его учения ревизионистом Давидом. Меринг особенно подчеркивает влияние великих мыслей Спинозы, как закономерность развития, единство (Einerleiheit) духа и природы и т. д. на современное культурное развитие. В этом влиянии Кант стоит далеко позади; Спиноза никогда не был боязливым филистером, испугавшимся последствий своих научных выводов. С современным социализмом Спиноза, по Мерингу, связан тремя могучими потоками умственного развития: влиянием на классическую немецкую литературу (Лессинг и др.), на великих французских материалистов XVIII века, и, наконец, после того, как Кант зашел, вследствие своей «ограниченности всего человеческого знания» в тупик, учение Спинозы помогло Шеллингу, Гегелю и Фейербаху вывести немецкую классическую философию из этого тупика на свободную дорогу, ведущую к марксизму. Спиноза связан со всеми прогрессивными и революционными течениями в умственной жизни вплоть до порога научного социализма.

Таким образом Меринг, не будучи глубоким философским мыслителем, — а об этом свидетельствует, между прочим, его упрощенное понимание философской эволюции Маркса,—своими живо написанными полемическими статьями оказал марксизму огромные услуги, вскрывая антимарксистскую сущность и тенденции, скрывающиеся под различными флагами научности. Эти заслуги Меринга тем выше, что он защищал основные принципы марксизма в области философии в период, когда главный теоретик II Интернационала, К. Каутский, считал чуть ли не частным делом каждого марксиста, каких философских взглядов он придерживается.

Меринг является пионером еще в одной области марксистской науки довоенного II Интернационала — в литературоведении. «Легенда о Лессинге» [2]) (1892—1893)—первый серьезный опыт применения метода исторического материализма к истории литературы. Известно, с каким энтузиазмом книга была встречена Энгельсом, хотя он и не соглашался с некоторыми второстепенными выводами. Во время своего двадцатилетнего сотрудничества в «Neue Zeit» Меринг писал очень много литературно-критических статей [3])—то по поводу выхода в свет новых изданий классиков, то

[1]) «Neue Zeit», XXVI, т. 1, стр. 673 и след.

[2]) См. русское издание «Легенды о Лессинге», с предисловием Э. Цюбера. Москва, Красная Новь, 1924 г.

[3]) Наиболее важные литературно-критические статьи собраны в русском переводе в сборнике «Мировая литература и пролетариат», с предисловием Э. Цюбеля. Москва, Госиздат, 1924.

явления новых произведений литературы и искусства, то разбирая целые литературные и эстетические течение или отмечая смерть, юбилей и т. д. какого-нибудь писателя или художника. Из серий таких статей возникли и некоторые большие работы, как «Эстетические экскурсии», «Историко-литературные экскурсии», «Социалистическая лирика», «Очерк жизни Шиллера для немецких рабочих», затем ряд статей о Геббеле, Гауптмане, Платене, Гейне, Гервеге, Фрейлиграте, Золя, Диккенсе, Ибсене, Горьком, Толстом и др.

К основным заслугам Меринга в области марксистского исследования истории литературы нужно отнести, прежде всего, «очищение» эпохи немецкого классицизма от различных буржуазно-реакционных легенд как в работе о Лессинге, где он, по словам Плеханова, переводит художественное творчество Лессинга с языка искусства на язык социологии и показывает, какой дух общественности обнаруживает Лессинг в своем индивидуальном творчестве. В этой же книге Меринг и разбирает вопрос о значении литературного наследства буржуазии для пролетариата. Так как немецкая буржуазия, говорит он, не сумела оценить по достоинству век классического просвещения, то единственным наследником его является немецкий рабочий класс. При том он правильно прибавляет, что нельзя переоценивать значения искусства в освободительной борьбе пролетариата, разыгрывающейся—не во вред пролетариату—с самого начала не в области искусства, как при эмансипации буржуазии, а в области политической. Другая заслуга Меринга в истории литературы — марксистски правильная оценка школы натурализма, считавшейся нередко и в партийных кругах социалистической. И, наконец, Меринг делал первые попытки создать материалистическую эстетику. К сожалению, трудно систематизировать все его отдельные высказывания как в этой области, так и в вопросах марксистского литературоведения. Можно доказать цитатами из его статей—он, наверно, возражал бы, приводя также цитаты,—что в тех редких случаях, когда он касается вопросов формы художественного произведения, старается формулировать основные черты стиля эпохи или отдельных его представителей, он не выходит за рамки — правда, избегая крайностей — историко-филологического метода, опирающегося, в конечном итоге, на позитивизм. Выступая против школы Шефера-Шмидта, Меринг не замечает, что он по существу сражается со своими противниками тем же оружием, только не заржавевшим и искривленным. Основные элементы литературоведческого метода Меринга—выявление среды, в которой вырос писатель, возникло и живет художественное произведение. И если он пишет: «Всякое благородное искусство коренится в своей эпохе, всякий истинный поэт живет в своей эпохе и в гармонии с ней», то под этим заявлением могут подписаться и лучшие представители позитивистической и эмпирической школ. На фоне экономического и социально-политического состояния эпохи Меринг затем определяет ход развития художника и социальную обусловленность его творчества. В эту сферу исследования потом вовлекаются читатели и публика, для которых произведение писалось, и исследуется, в какой мере вкус эпохи влияет на ход литературного развития: получается круг взаимодействия различных общественных факторов, коренящихся в экономических основах данной общественной формации. Все это не противоречит историческому материализму, но еще не составляет цельного марксистского метода литературоведения: отсутствует тот спецификум, который отличает марксистский анализ художественного произведения от социологического анализа простого общественного явления; недостаточно освещен и исследован путь развития, по которому определенное идейное содержание надстройки над той или иной социально-экономической формацией оформляется в те или иные художественные формы и образы. Энгельс после выхода «Легенды о Лессинге» в своем письме от 14

социальную подоплеку, прикрывающуюся новыми достижениями научной мысли, делающей, якобы, необходимым «дополнение» марксизма; Меринг разоблачает эти стремления как попытки «примирения» революционной теории с ревизионизмом, социализма с капитализмом. Всем этим «монистическим» системам, говорит Меринг, недостает—не говоря уже о том, что все они в конечном счете упираются в чистой воды идеализм—самого существенного: диалектики. И если молодой тогда Август Тальгеймер и выступил в «Neue Zeit» (XXVIII, т. 2, стр. 439 — 441) против понимания диалектики Рингом, то все его выступление основано на недоразумении.

Из других статей Меринга против «дополнителей» марксизма можно отметить его выступление против неоламаркизма и психовитализма (Ад. Вагнер, И. Г. Фогт и др.). Разбирая основное положение неовитализма, что в органической природе заложен «жизненный принцип», который не может быть об'яснен законами физики, Меринг опять-таки очень правильно вскрывает социальную сущность этого учения, заменяющего, по его словам, буржуазии богословие. И, наконец, укажем на его статью «Кант и Спиноза» [1]), которая не совсем свободна от некоторых ошибок общефилософского, методологического характера, но блестяще защищает Спинозу против искажения его учения ревизионистом Давидом. Меринг особенно подчеркивает влияние великих мыслей Спинозы, как закономерность развития, единство (Einerleiheit) духа и природы и т. д. на современное культурное развитие. В этом влиянии Кант стоит далеко позади; Спиноза никогда не был боязливым филистером, испугавшимся последствий своих научных выводов. С современным социализмом Спиноза, по Рингу, связан тремя могучими потоками умственного развития: влиянием на классическую немецкую литературу (Лессинга и др.), на великих французских материалистов XVIII века, и, наконец, после того, как Кант зашел, вследствие своей «ограниченности всего человеческого знания» в тупик, учение Спинозы помогло Шеллингу, Гегелю и Фейербаху вывести немецкую классическую философию из этого тупика на свободную дорогу, ведущую к марксизму. Спиноза связан со всеми прогрессивными и революционными течениями в умственной жизни вплоть до порога научного социализма.

Таким образом Меринг, не будучи глубоким философским мыслителем, — а об этом свидетельствует, между прочим, его упрощенное понимание философской эволюции Маркса,—своими живо написанными полемическими статьями оказал марксизму огромные услуги, вскрывая антимарксистскую сущность и тенденции, скрывающиеся под различными флагами научности. Эти заслуги Меринга тем выше, что он защищал основные принципы марксизма в области философии в период, когда главный теоретик II Интернационала, К. Каутский, считал чуть ли не частным делом каждого марксиста, каких философских взглядов он придерживается.

Меринг является пионером еще в одной области марксистской науки довоенного II Интернационала — в литературоведении. «Легенда о Лессинге» [2]) (1892—1893)—первый серьезный опыт применения метода исторического материализма к истории литературы. Известно, с каким энтузиазмом книга была встречена Энгельсом, хотя он и не соглашался с некоторыми второстепенными выводами. Во время своего двадцатилетнего сотрудничества в «Neue Zeit» Меринг писал очень много литературно-критических статей [3])—то по поводу выхода в свет новых изданий классиков, по

[1]) «Neue Zeit», XXVI, т. 1, стр. 673 и след.

[2]) См. русское издание «Легенды о Лессинге», с предисловием Э. Цобеля. Москва, Красная Новь, 1924 г.

[3]) Наиболее важные литературно-критические статьи собраны в русском переводе в сборнике «Мировая литература и пролетариат», с предисловием Э. Цобеля. Москва, Госиздат, 1924.

явления новых произведений литературы и искусства, то разбирая целые литературные и эстетические течение или отмечая смерть, юбилей и т. д. какого-нибудь писателя или художника. Из серий таких статей возникли и некоторые большие работы, как «Эстетические экскурсии», «Историко-литературные экскурсии», «Социалистическая лирика», «Очерк жизни Шиллера для немецких рабочих», затем ряд статей о Геббеле, Гауптмане, Платене, Гейне, Гервеге, Фрейлиграте, Золя, Диккенсе, Ибсене, Горьком, Толстом и др.

К основным заслугам Меринга в области марксистского исследования истории литературы нужно отнести, прежде всего, «очищение» эпохи немецкого классицизма от различных буржуазно-реакционных легенд как в работе о Лессинге, где он, по словам Плеханова, переводит художественное творчество Лессинга с языка искусства на язык социологии и показывает, какой дух общественности обнаруживает Лессинг в своем индивидуальном творчестве. В этой же книге Меринг и разбирает вопрос о значении литературного наследства буржуазии для пролетариата. Так как немецкая буржуазия, говорит он, не сумела оценить по достоинству век классического просвещения, то единственным наследником его является немецкий рабочий класс. При том он правильно прибавляет, что нельзя переоценивать значения искусства в освободительной борьбе пролетариата, разыгрывающейся—не во вред пролетариату—с самого начала не в области искусства, как при эмансипации буржуазии, а в области политической. Другая заслуга Меринга в истории литературы — марксистски правильная оценка школы натурализма, считавшейся нередко и в партийных кругах социалистической. И, наконец, Меринг делал первые попытки создать материалистическую эстетику. К сожалению, трудно систематизировать все его отдельные высказывания как в этой области, так и в вопросах марксистского литературоведения. Можно доказать цитатами из его статей—он, наверно, возражал бы, приводя также цитаты,—что в тех редких случаях, когда он касается вопросов формы художественного произведения, старается формулировать основные черты стиля эпохи или отдельных его представителей, он не выходит за рамки — правда, избегая крайностей — историко-филологического метода, опирающегося, в конечном итоге, на позитивизм. Выступая против школы Шефера-Шмидта, Меринг не замечает, что он по существу сражается со своими противниками тем же оружием, только не заржавевшим и искривленным. Основные элементы литературоведческого метода Меринга—выявление среды, в которой вырос писатель, возникло и живет художественное произведение. И если он пишет: «Всякое благородное искусство коренится в своей эпохе, всякий истинный поэт живет в своей эпохе и в гармонии с ней», то под этим заявлением могут подписаться и лучшие представители позитивистической и эмпирической школ. На фоне экономического и социально-политического состояния эпохи Меринг затем определяет ход развития художника и социальную обусловленность его творчества. В эту сферу исследования потом вовлекаются читатели и публика, для которых произведение писалось, и исследуется, в какой мере вкус эпохи влияет на ход литературного развития: получается круг взаимодействия различных общественных факторов, коренящихся в экономических основах данной общественной формации. Все это не противоречит историческому материализму, но еще не составляет цельного марксистского метода литературоведения: отсутствует тот спецификум, который отличает марксистский анализ художественного произведения от социологического анализа простого общественного явления; недостаточно освещен и исследован путь развития, по которому определенное идейное содержание надстройки над той или иной социально-экономической формацией оформляется в те или иные художественные формы и образы. Энгельс после выхода «Легенды о Лессинге» в своем письме от 14

июля 1893 г. указал Мерингу на недостаточное его внимание к форме вообще. «Мы все переносили и должны были переносить,—пишет Энгельс,—центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из основных экономических фактов. При этом мы из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону: каким образом эти представления и т. п. возникают... Это старая история: в начале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму... но я хотел бы все же, чтобы в будущем вы обратили ваше внимание на этот пункт». Меринг также обращал мало внимания на форму. Конечно, содержание художественного произведения в пылу борьбы с противником для марксиста важнее; но это еще не решение вопроса; пока исследование формальных элементов произведений искусства не войдет, как составная часть, в цельный литературоведческий, марксистский метод, до тех пор марксизм будет оставлять место для разных идеалистических методов.

Социологически-литературоведческий метод Меринга стал господствующим методом II Интернационала до войны. Можно сказать смело, что все с.-д. деятели этой эпохи—вплоть до Лафарга, Вандервельде, Роланд-Гольст, Гортера, Плеханова и др., занимавшиеся вопросами искусства и литературы, в большей или меньшей степени, находились под влиянием Меринга. При том состоянии марксистской теоретической мысли этого периода иначе и быть не могло. В. И. Ленин в одном месте говорит, что заслуги II Интернационала— в распространении в ш и р ь, а не в г л у б ь: это относится полностью и к методологии литературы и искусства. Сперва необходимо было создать основное с о ц и о л о г и ч е с к о е понимание функции искусства, разрушить старые понятия о божественной миссии художника и асоциальной детерминированности его творчества.

Но такая упрощенно-социологическая трактовка вопроса принесла с собою и упрощенное понимание развития пролетарского искусства: все верили в наступление новой эры пролетарской литературы, нового золотого века, и именно по аналогии с буржуазно-классической эпохой. Марксисты-искусствоведы II Интернационала—в том числе и Меринг—почти не замечали, что новая техника, новый темп жизни века урбанизма и сверхиндустриализма разрушает старые эстетические понятия и создает новое мироощущение, новые понятия красоты.

Меринг также первым исследовал отношения Маркса к некоторым близким ему поэтам XIX века (Гервег, Гейне и Фрейлиграт). К сожалению, мания «реабилитации» и тут мешает ему иногда осветить эти отношения беспристрастно и правильно. Так, в изданной им переписке Маркса с Фрейлигратом (1911) он затушевал некоторые стороны их отношений, говорящие в пользу Маркса и против Фрейлиграта.

Когда мы подходим к Мерингу как к п о л и т и к у, мы находимся в гораздо лучшем положении: после 90-х гг. он всегда стоял на крайнем левом фланге рабочего движения. Тут как будто имеется опять известного рода противоречие: казалось бы, что между т е о р е т и к о м и п р а к т и к о м марксизма не должно быть разницы. Бебель, ведь, и характеризовал Меринга как «психологическую загадку». В известном смысле это противоречие налицо и в деятельности К. Либкнехта и Розы Люксембург. Ведь первый, как известно, во многих вопросах—как теория государства, особенно же в вопросах этики и эстетики—далеко не всегда был ортодоксальным марксистом, и Роза Люксембург в некоторых вопросах политической экономии расходилась с Марксом. И, тем не менее, эта славная тройка навеки вошла в историю международного рабочего движения, как основатели группы «Спартак» и германской коммунистической партии. Их теоретические ошибки вытекают из общего уровня марксистской мысли на Западе в эпоху II Интернационала.

Резкое выступление Меринга против ревизионизма доставило ему много врагов среди них и среди некоторых старых вождей партии. Это выявилось отчасти уже в 1900 г., когда после смерти В. Либкнехта, состоявшего—правда, скорее формально, нежели фактически—ответственным редактором центрального органа партии, берлинского «Форвертса», казалось, что никто иной, как Меринг, должен был занять этот большой пост. Но вместо этого была создана редакционная коллегия, все яснее и яснее ведущая центральный партийный орган в ревизионистское русло. Вскоре после этого Меринг сделался главным редактором «Leipziger Volkszeitung» и превратил ее в воинствующий орган против мильерановщины, всякого соглашательства и ревизионизма. Годы редактирования этой газеты (из Берлина!) являются литературным апогеем Меринга: он поднял ее на высоту, принесшую ей репутацию лучшего органа дозоенного рабочего движения. Но ужаленные острым пером Меринга партийные оппортунистические бюрократы не дремали: они выкопали его старые антисоциал-демократические выступления 70-х гг. и создали настоящий суд над ним на Дрезденском с'езде партии в 1903 г., стараясь добиться его исключения из партии. Этот маневр не удался. Атака правых сразу же была использована и буржуазными идеологами, для усиления хора клеветников; так, небезызвестный профессор Георг Адлер, первый «историк» рабочего движения в Германии, особенно сильно пострадавший от пера Меринга, издал в это время свой памфлет «Меринг как историк».

После решения Дрезденского с'езда в его пользу Меринг продолжал сотрудничать в «Neue Zeit», являясь членом редакции и редактором фельетона. Если теперь просмотреть указатель к этому журналу, то удивляешься, сколько блестящих статей на самые различные темы вышло из-под пера этого мастера немецкого слога. «Neue Zeit» обязана своей известностью в немалой степени сотрудничеству Меринга. Генрих Кунов, также состоявший членом редакции, рассказывает, с каким напряжением ожидала вся с.-д. и буржуазная печать появления синей тетрадки, чтобы узнать, что скажет Меринг о том или другом событии [1]). На страницах той же «Neue Zeit» и других органов немецкой социал-демократии, Меринг, в союзе с Р. Люксембург, Каутским, Парвусом и др., дал ряд прекрасных сражений ревизионизму. Но вскоре же всплывают наружу глубоко коренящиеся разногласия между ним и Каутским, особенно после 1907 г., когда последний занял явно центристскую позицию по отношению к правым, открытым ревизионистам, с одной, и к левому, революционному крылу партии, возглавляемому Р. Люксембург, с другой стороны. Меринг старается некоторое время остаться нейтральным, но затем самым решительным образом становится на сторону левых, организуя леворадикальную группу, куда кроме него и Люксембург вошли также Клара Цеткин, а впоследствии и К. Либкнехт. Прекращая свое сотрудничество в «Neue Zeit» с 1911 г., Меринг, теоретически в полемике с Каутским и Д. Б. Рязановым все еще защищая некоторые из своих старых ошибок, практически отходит все дальше от скрытого ревизионизма центра. По случаю смерти ветерана партии, Пауля Зингера, в 1911 г. он пишет: «Тот, кому надоели вечные уступки и колебания, никогда не будет стремиться вновь вступить на эту опасную почву».

Разразилась война. Социал-демократия «изменяет» своим «старым» идеалам, Интернационал распадается. Центризм устами Каутского лепечет беспомощные фразы об Интернационале, как орудии мира, а не войны. Вся Германия—в том числе и социал-демократы—опьянена шовинизмом. Из всех с.-д. депутатов рейхстага К. Либкнехт отказывается голосовать за военные

[1]) H e i n r i c h C u n o w, Franz Mehring. In.: «Neue Zeit», XXXVII (1919), т. 1, стр. 433—436.

кредиты. И вот Меринг, Люксембург и Цеткин выпускают первый манифест с выражением братских чувств английским рабочим и призывают к международной солидарности пролетариата. Ленин, русские большевики и интернационалисты западных стран созывают Циммервальдскую конференцию. Меринг сам не может приехать, но посылает письмо, полное дружеской поддержки, особенно же призывает бить не только шейдемановцев, но и центристов направления Каутского [1]). Императорское германское правительство вскоре посадило 70-летнего старика в тюрьму. Но сейчас же после освобождения он вновь за неустанной работой, посылает статьи в швейцарскую интернационалистическую печать и пишет подпольные листки и прокламации к германским рабочим; в январе 1916 г. он с Люксембург, Цеткин, К. Либкнехтом и др. основывает группу «Спартак». И, когда его товарищи в тюрьме, все идейное руководство работой «Спартака» ведется им.

Сразу же после Октябрьской революции в России Меринг всецело становится на сторону большевиков. Как рассказывает Зиновьев, русские меньшевики, особенно Аксельрод и Мартов, связанные с Рингом долголетней дружбой, пытались воздействовать на него, но не имели никакого успеха. Он в печати разоблачает поведение берлинского «Форвертса», сравнившего победу русского пролетариата с победой парламентаризма в Германии!

Весьма сурово он обрушивается за двойственное отношение независимой социал-демократии к победе русской революции. «Если, по их утверждению,—он пишет,—независимые социал-демократы, под давлением обстоятельств, ничего не могли сделать для оказания помощи большевикам в их борьбе,—то они, по крайней мере, могли бы сделать одно: быть настольно любезными и молчать, и хранить свои филистерские возражения против политики большевиков в затаенных уголках своей души». Особенно сильно достается Каутскому, этому, как Меринг его называет, «матадору незаконных антибольшевиков». В одной статье по поводу Брестского мира Меринг предсказывает тот момент, когда этот договор обратится против германского империализма. И когда русская пролетарская революция, в борьбе за свое существование, была вынуждена прибегнуть к средствам террора и буржуазная и с.-д. печать всего мира в один голос клеветали на молодое пролетарское государство,—то опять-таки старик Меринг поднял свой голос в защиту революции и писал: «Да, если бы большевики в их борьбе против врагов пролетарской революции были еще в десять раз беспощаднее, историческая правда все же осталась бы на их стороне!». «И,—он продолжает,—если большевики удержатся у власти, их подвиги будут благословляемы рабочим классом всего мира, а если об'единенной реакции удастся свалить большевиков, рабочий класс всего мира будет отброшен на долгие десятилетия назад».

Таким образом, Меринг, несмотря на свои теоретические ошибки,—которые нам нечего прикрашивать,—оставался последовательным пролетарским борцом до конца своей жизни. Нам незачем обращаться к помощи «психологических загадок», чтобы понять развитие Меринга, одной из наиболее крупных фигур эпохи II Интернационала. Будучи в 90-х гг. не всегда ортодоксальным марксистом, порою защищая центристскую позицию, «реабилитируя» многих лиц за счет Маркса и Энгельса, Меринг всегда искренно и честно стремился служить рабочему классу, всегда сигнализируя,—во всех областях марксистской теории и практики—опасность вырождения с.-д. партии в реформистскую, и политически после 90-х гг. всегда стоял на самом левом фланге рабочего движения. Своим поведением во время войны

[1]) Г. Зиновьев, Франц Меринг, издание Союза Коммун Северной области 1919 г.

и революции он доказал на практике, что он правильно понял марксизм как революционное мировоззрение и как метод революционного действия.

Меринг умер в момент, когда германский рабочий класс нуждался в нем больше, чем когда-либо. Его потеря стала тем чувствительнее, что немецкий пролетариат одновременно с ним лишился и других своих лучших вождей. Память о нем всегда останется светлой в международном пролетариате; и недаром первое пролетарское государство в мире при известии о его смерти вывесило траурное красное знамя, в знак того, что ушел один из лучших представителей старой гвардии революционеров и учителей марксизма, ушел ветеран международного рабочего движения.

Готгольд Эфраим Лессинг.

(22 января 1729—15 февраля 1781).

(К двухсотой годовщине со дня рождения Лессинга).

Л. Зивельчинская.

Лессинг—один из величайших немецких гуманистов и просветителей XVIII века. Он сыграл огромную роль в общественной жизни восходившего тогда класса немецкого бюргерства. Деятельность его была многогранна и многообразна, и каждый элемент его кипучей общественной деятельности оставил неизгладимый след в истории немецкой мысли.

Он вел неутомимую борьбу с поповскими учениями об откровении, неукоснительно доказывал историческое происхождение христианского вероучения (Предисловие к Вольфенбютелевским рукописям, полемика с пастором Геце). Сущность его теологических воззрений можно кратко охарактеризовать его же словами: «а что такое наша новомодная теология по сравнению с ортодоксией, как не навозная жижа по сравнению с грязной водой?». Меринг разделяет мнение Целлера, что Лессинг предвосхитил основные идеи Гегелевской философии религии.

Лессинг примыкал к тому философскому направлению, которое заняло промежуточное положение между Лейбницем и Спинозой. После его смерти его близкий друг, Моисей Мендельсон, старался затушевать близость Лессинга к спинозизму. Правда, о спинозизме Лессинга мы узнаем не от него самого, а из беседы его с Якоби, опубликованной уже после смерти Лессинга. Франц Меринг не подвергает сомнению подлинность этой беседы. Лессинг всегда занимал крайнее левое крыло в кругу его друзей—немецких просветителей. Лессинг и его единомышленники были оптимистами и рационалистами.

Лессинг, по своему личному имущественному положению, был пролетарием, который, за исключением последних лет своей жизни, скитался из города в город, терпел нужду и жил всегда исключительно своим личным умственным трудом [1]).

Но не было еще в XVIII веке в Германии промышленного пролетариата, который мог бы уже играть самостоятельную историческую роль, так как буржуазия еще только начинала восходящую фазу своего исторического развития. Лессинг стал великим выразителем и вдохновителем прогрессивного немецкого бюргерства. Восходящему классу свойственно оптимистическое мировоззрение. Лессинг был оптимистом, он видел «золотой век», вопреки Руссо, не позади культурной истории, а впереди ее.

[1]) Желая сохранить независимость своего образа мысли и действий, Лессинг никогда не искал «высоких должностей» и даже отказался принять профессуру в Кенигсбергском университете, главным образом, потому, что она была сопряжена с обязанностью произносить ежегодно панегирик власть имущим. Этой чертой Лессинг напоминает Спинозу.

Рационализм Лессинга отличался от рационализма его предшественников, для которых сущность и центр жизни сосредоточивался в мышлении. Для Лессинга жизнь давала материал и предмет для мышления, и мышление обогащало, просветляло и поднимало жизнь. Лессинг был просветителем, как он сам себя характеризует. Лессинг отчетливо высказывается об общественной роли писателя: «писатель, если он пишет не для того только, чтобы обнаружить свою ученость и остроумие, имеет в виду всегда наиболее просвещенных и хороших Erleutetsten und Besten (своего времени и своей страны). Если он драматический писатель и обращается к «толпе», то он это делает для того, чтобы ее просветить и исправить, а не для того, чтобы льстить ее предрассудкам и потворствовать ее способу мышления [1]). Правда, Франц Меринг пишет следующее: «Лессинг был чем угодно, но только не просветителем XVIII века или бряцающим кимвалами культурников XIX века в общераспространенном смысле обоих этих слов». Меринг делает это замечание для того, чтобы отмежевать Лессинга от таких просветителей, как Николаи и др. Человечность—вот главный девиз на его знамени. Человечность должна и может быть проявлена всегда и повсюду,—пишет он в «Гамбургской драматургии» и воплощает в разнообразных художественных образах в своих драмах».

Среди предшественников Лессинга, оказавших некоторое влияние на него, нужно отметить Хогарта (1697—1764); немецкий перевод «Анализа красоты» Хогарта снабжен предисловием Лессинга [2]). Среди английских эстетиков-эмпириков пользовался симпатией Лессинга Эдмунд Берк (1729—1797). Упомянутые мыслители привлекали Лессинга не столько своими конечными выводами, сколько методом, несмотря на то, что он стоит в явном противоречии с методом Спинозы и Лейбница. Эта двойственность метода проходит красной нитью через всю немецкую философию XVIII века.

Лессинг, как передовой борец прогрессивного класса, ставил себе лишь такие теоретические задачи, которые были теснейшим образом связаны с общественными потребностями. Для общественного воспитания масс имеет величайшее значение театр. Лессинг и занимался теоретически и практически проблемой театра, которая для него совпадала с проблемой драматической поэзии, трагедии и комедии. Лессинг осуществил пожелание Платона, чтобы один и тот же поэт творил трагедии и комедии. Пожалуй, ни одна область человеческой деятельности не воплощает, не выражает с такой очевидностью основные принципы диалектики, как именно трагедия и комедия. Если признать, что Лессинг был большим мастером как в создании, так и в анализе трагедии и комедии, то это означает, что Лессинг был выдающимся диалектиком. Но, разумеется, Лессинг, как и впоследствии Гегель, был не только диалектиком, но и метафизиком. Мышление буржуазного мыслителя, даже самого передового и талантливого, не может быть лишено противоречий, так как само бытие буржуазии содержит противоречия.

Проблема трагического и комического у Лессинга.

В «Гамбургской драматургии», посвященной вопросам театра, красной нитью проходят три основных мысли: 1) Французские классические драмы противоречат основным правилам драматургии, английские драмы таких авторов, как Лилло, их осуществляют. К высокой оценке драм Шекспира Лессинг пришел значительно позднее. Франц Меринг об'ясняет это обстоя-

[1]) Я везде цитирую немецкий подлинник «Гамбургской драматургии», изд. 1856 г., Лейпциг, гл. I, стр. 6. Она была впервые опубликована в 1768 г.

[2]) В упомянутом предисловии, написанном в 1754 году, Лессинг еще целиком разделяет взгляд Баумгартена (1714—1762): совершенство есть гармония многообразного; легко воспринимаемая гармония многообразного есть красота.

тельство тем, что Шекспир—выразитель аристократии [1]). Гундольф [2]) полагает, что Шекспир не оказал почти никакого влияния на Лессинга, хотя он ставил Шекспира наравне с Софоклом и Еврипидом. 2) Правила нужно выводить из целей и задач драмы. 3) Художественная ценность драмы вытекает из ее воздействия на зрителя. Цель драмы — моральное воспитание, средство—возбуждение сострадания. Сострадание вызывается воспроизведением (Nachahmung) действительных, правдивых переживаний. Лессинг заботится не столько о верности природе внешних вещей, сколько о правдивости чувств и душевных переживаний героев. Психологический реализм—новое художественное слово Лессинга. Лессинг полагал, что поэт велик не столько своим знанием вещей; его богатство состоит в том, что он создал напряжением внутренней жизни. Этим принципом Лессинг подготовил романтизм, проложил мост между классицизмом и романтизмом.

Понимание гения у Лессинга иное, чем было у его предшественников-рационалистов, которые думали, что основательные знания правил поэтического сочинения достаточны для поэта. Лессинг же полагал, что, кроме знания правил и способности подвергнуть свое творение жестокой критике, требуется умение (Können). Правила не создают гения, но гений создает правила. Гений возгорается, открывает себя, когда соприкасается с другим гением, но не подражает ему; спецификум искусства заключается в своеобразии и неподражаемости художественного творчества. Эта мысль целиком перешла впоследствии в «Критику способности суждения» Канта. На Лессинга, как и на Канта, оказала огромное влияние книга Юнга «Konjektures on original composition» («Соображения об оригинальной композиции», 1759).

Суждение Лессинга о гении сильно отличается от огульного отрицания всех правил у представителей «бури и натиска» и романтизма. Гений обнаруживается не только в способности к вымыслу, а именно к целесообразному вымыслу.

Наиболее могущественную роль Лессинг сыграл благодаря той великой реформе, которую он произвел в литературе. До него немецкий театр питался переводной окрошкой из английских, итальянских, испанских и в особенности французских пьес. Немецкая литература до Лессинга была в таком же, примерно, состоянии, в каком была русская литература до Белинского и Пушкина. Сам Лессинг характеризует немецкую литературу до него, как «опыты молодых людей» [3]). Относительно немецкого театра Лессинг говорит: «Имеются немецкие актеры, но нет немецкого театрального искусства» [4]).

Против французского классицизма направлены меткие стрелы остроумия Лессинга. Имена князей и героев могут сообщить пьесе роскошь и величественность. Несчастью королей можно сочувствовать лишь постольку, поскольку они их испытывают, как люди, а не как короли, и если даже короли воплощают собой интересы государства, то сочувствие такому абстрактному предмету—невозможно. Только обстоятельства и волнение близких нам по «сословию» людей могут нас глубоко потрясать [5]).

Антимонархическая и антифеодальная направленность этой аргументации Лессинга против классицистической [6]) драмы совершенно очевидна.

[1]) Это толкование Шекспира, как представителя аристократии, разделяет также и В. М. Фриче.

[2]) Gundolf, Schakespeare und der deutsche Geist, Brl. 1923.

[3]) «Гамбургская драматургия», гл. 96, стр. 564.

[4]) Там же, гл. 59, стр. 101.

[5]) Там же, гл. 14, стр. 79.

[6]) Термин «классицистический» звучит как варваризм, но с этим необходимо мириться, так как нельзя в понятии «классический» подразумевать классику, т. е. античное искусство и литературу и различные позднейшие подражания им.

Со времени ренессанса существовал поэтический канон, согласно которому драматический жанр распределялся по сословиям таким образом: князья и «герои» составляют персонажей трагедии; они должны трактоваться серьезно и возвышенно. Буржуазия была предметом комедии; бюргеры изображались в юмористическом и комическом виде (уже в комедии Аристофана «Всадники» изображаются кожевник и мясник), крестьяне рисовались в пастушеской поэзии; способ изображения был идиллическим. Лессинг произвел величайший переворот в этом общепризнанном до него каноне. Даже И. Г. Зульцер (1720—1779)—современник Лессинга и автор многотомного сочинения по эстетике—писал, что душевные силы трагических героев превосходят обычную норму («deren Gemütskräfte das gewöhnliche Mass überschreiten»), и поэтому персонажами трагедии могут быть лишь «персоны высокого ранга» («Personen von höchsten Rangen»).

Еще позже Шиллер (1759—1805) продолжал руководствоваться эстетическим каноном ренессанса, который есть не что иное, как идеология сословного общества, выраженного в области эстетики и искусства. «Человек из общества в пьяном виде, если бы нам и случилось видеть что-либо подобное, мог бы вызывать в нас только неприятное чувство; пьяный ямщик, матрос, носильщик возбуждают в нас смех. Шутки, которые возмутили бы нас, если бы позволил их себе человек благовоспитанный, забавляют в устах черни». Здесь место бюргера, как виновника комического, занимает пролетарий. Шиллер произвел небольшую передвижку в сословном эстетическом каноне.

В это время происходит в Германии благодаря Лессингу коренной сдвиг в понимании эстетической категории комического. Раньше полагали, что предмет комического есть нечто несерьезное, серьезное и возвышенное противополагалось комическому. Если раньше нравы, образ жизни и манеры бюргера казались комичными, теперь уклад жизни и мысли дворянства стали казаться комичными. Из этого можно сделать и более широкое обобщение: предметы, вызывающие в суб'екте то своеобразное состояние, которое принято называть чувством комического, резко меняется с изменением мировоззрения, другими словами классовой идеологии.

«Ни в чем не обнаруживаются характеры людей так, как в том, что они находят смешным» (Гете).

«Скажи мне, над чем ты смеешься—и я тебе скажу, кто ты» (Филипп Маски).

Фолькельт пишет, что галлерея и партер смеются по разным поводам в одной и той же пьесе. Но дело здесь не только в умственном и нравственном развитии людей, как думают все эстетики, а в классовой психологии зрителя и слушателя.

Если раньше предмет комического казался чем-то недостойным серьезного отношения, то, после переворота Дидро и Лессинга, комическое, точнее: комедийное, начало утрачивает значение простой шутки. И далее, если раньше трагедия и комедия, как жанры, были резко разделены между собой, точно так же, как социальные классы, в них изображенные, то теперь эти жанровые перегородки падают. Трагедия и комедия смешиваются, трагедия заключает в себе и комичные моменты, как комедия—трагические [1]). Персонажи обоих драматических жанров перемешались. В комедии стали действовать дворянские типы и характеры, в трагедии стали действовать бюргеры и даже крестьяне. В особенности Лессинг показал, что люди могут иметь трагическую судьбу независимо от их сословного положения.

[1]) Еще в 1750 году Лессинг острил: теперь пишут трагедии, возбуждающие смех, и комедии, вызывающие слезы.

В процессе развития новой литературы трагическое и комическое, как отдельные жанры, исчезают. Остается лишь драматическая форма. Итак, троякого рода перемена произошла в категории комического: 1) предмет изменился, 2) состояние суб'екта, им вызываемое, стало иным, 3) два противоположных литературных жанра, две различные эстетические категории утратили свои прежде неподвижные границы. Все эти три перемены наступили в результате смены классового суб'екта искусства, т.-е. идеологического руководителя искусства.

Комедии Лессинг придавал исключительное значение, он полагал, что смешное и комическое не могут излечить неисцелимых пороков и глупости, но может содействовать моральному здоровью и жизнеспособности умных и добродетельных. Зритель комического скряги, будь он очень щедр, укрепит это свое достоинство. Кроме того, такая комедия предупреждает людей, не имеющих богатого житейского опыта, о том, какие слабости и пороки встречаются среди людей. Комическое не всегда возбуждает презрение, добродетель не умаляется смешными чертами. Смешное порождается противоречием с реальностью. Комическое не совпадает со смешным. К этой эпохе сословного деления общества и эстетического канона до Лессинга восходит определение комического, как чувства возвышения собственного достоинства (gesteigertes Selbstgefühl). Этой теории держался Гоббс.

Комическому присуще огромное значение. Шопенгауэр пишет: «Вследствие недостатка разума и общих понятий животные лишены языка и смеха. Поэтому смех есть преимущество и характерный признак человека (5 Aufl, Lpz. 1879, Bd. II, S. 108: «Die Welt als Wille und Vorstellung»). Herman Cohen тоже полагает, что смех—отличительный признак человека (Bd. II, S. 283: «Die Aesthetik des reinen Gefühls»). Некоторые ученые, как Бельше, Рибо, находят смех у обезьян.

Не нужно,—думает Лессинг,—рассматривать театр, как монументальный памятник тем или иным историческим лицам. Задача трагедии более философская, нежели историческая. Эта мысль раньше высказывалась Аристотелем (384—322). Задача театра—моральное воспитание общества. Театр не может петь панегирики знаменитым мужам и не может также льстить национальному самолюбию [1]). Все виды поэзии должны улучшать людей, но драма, театр может достигнуть той же цели лучше других, и именно при помощи такого действия, которое пробуждало бы страх и сострадание. Кроме того, драма может служить источником познания людей, их аффектов. «Отелло дает полное познание одного из могущественных аффектов людей (Othello ist das vollständige Lehrbuch über diese Koserei). Лессинг пошел по пути, проложенному Дидро, и усвоил названия двух новых драматических жанров, основателями которых были Дидро и Ляшоссе у французов, Лилло [2]) и Мур [3])—у англичан.

Комедия стала серьезной и получила название das rührende Lustspiel, или слезливая комедия, comique larmoyant, трагедия стала мещанской и получила название das bürgerliche Trauerspiel. Противники буржуазной трагедии иронически назвали ее «Pumpwerk für die Thränengrüsen»—насосы для слез.

Надо отметить, что борьба буржуазии с феодалами в области литературы не выразилась в создании социального романа или социальной драмы, как они возникли из борьбы пролетариата и буржуазии, а в виде семейной

[1]) «Гамбургская драматургия», гл. 19, стр. 110.

[2]) Трагедия Георга Лилло «Лондонский купец» была поставлена в Лейпциге в 1754 году.

[3]) Трагедия Эдуарда Мура «Игроки» была переведена на немецкий язык в 1754 году.

трагедии и семейного или сантиментального романа. В них показаны не столкновения громадных коллективов, где конфликты не только коллективов, но и личностей выражают борьбу миллионов. В высокой степени характерно обнаруживается уже на заре развития буржуазии боязнь показать в литературе, и в особенности в театре, грандиозную борьбу масс. Буржуазная драма возникает, как драма индивидуальных «характеров».

Это означает проникновение индивидуализма в драматическую поэзию. Каждый отдельный человек приобретает свое особое художественное обличие, а не является только выражением какой-либо общечеловеческой страсти, как Макбет, Отелло и Ромео у Шекспира. Еще более, чем шекспировские, художественные образы Лессинга и его преемников лишились тех котурнов, ходульности и абстрактности, какие были свойственны французской трагедии XVII века.

Лессинг, один из величайших идеологов буржуазной драмы, характеризует ее следующими отличительными особенностями: с у д ь б а личности вытекает из действий; д е й с т в и я происходят под влиянием страстей. В страстях обнаруживается х а р а к т е р. Итак, буржуазная драма с первых шагов ее возникновения конструируется, как столкновение личностей и конфликтов внутри личности.

Разумеется, такова только теория. На самом деле, как мы увидим ниже, буржуазная драма, созданная Лессингом, его предшественниками и его преемниками, позволяет без больших усилий в борьбе личностей прощупать борьбу определенных классов. Буржуазный характер драм Лессинга заключается совсем не в том, что в них в розовых красках изображаются бюргеры. Единственный бюргер в «Минне фон-Барнгельм»—хозяин гостиницы—как раз представляет комическую и непривлекательную фигуру, почти шпиона. Остальные же главные лица, дворяне—фон-Тельгейм, фон-Барнгельм симпатичнейшие, высоко-этичные личности. И, конечно, не в пренебрежении главной героини драмы имущественным положением своего возлюбленного обнаруживается буржуазный характер пьесы. Тогда в чем же выражается ее новаторский характер? В том, что в ней выведены не короли, их придворные, не ходульные герои, а живые люди, с реальными мыслями и чувствами. Психологическая правда, психологический реализм—вот новое слово Лессинга, как драматурга, как уже вскользь отмечено выше. Стало быть, не только предмет изображения—тематика, но и способ изображения, коренным образом изменились.

В трагедии «Эмилия Галотти» все персонажи—помещики, не считая их слуг. Их молчаливый протест против жизни принца, его двора, его приближенных обнаруживает оппозицию Лессинга против монархии и ее тлетворного влияния на общественные нравы. Изображение принца, как бесхарактерного развратного человека, неразборчивого в средствах достижения своих низменных целей, омерзительный фаворит, исполнитель гнусных прихотей принца—изобличают антимонархическую и буржуазную тенденцию пьесы. Моральное превосходство мелкопоместной семьи Галотти и Аппиани, падающие жертвами насилия принца, выражает ту же антифеодальную тенденцию. Эта трагедия показывает угнетенное положение так называемых средних классов и ее беспомощную борьбу против насильников, ее бегство в провинцию подальше от столицы и самоубийство (убийство Эмилии ее отцом по ее просьбе есть вид самоубийства).

Лессинга более всего занимают, как теоретически, так и практически, два вида литературного творчества: комедия и трагедия. Лирика оттеснялась Лессингом на самый задний план, классу-борцу не до лирики личного порядка.

Лессинг подвергает проблему трагедии основательному анализу. Он подробно излагает и комментирует теорию трагедии у Аристотеля. Аристотель,

думает Лессинг, может ошибаться, но не противоречит себе. «Поэтику» Аристотеля Лессинг приравнивал по значению к «Элементам» Евклида. Согласно Лессингу Аристотель устанавливает два средства воздействия трагедии: страх и сострадание. Оба они составляют единство; оба аффекта возбуждаются одним персонажем. Страх и сострадание возбуждаются потому, что нам живо представлено несчастье человека. Это возбуждает в нас одновременно сострадание к нему и страх за себя. Эти два чувства, как способы и результаты трагедийного воздействия, не раз'емлемы; страх, причиняемый трагедией, есть сострадание, направленное на нас самих. Furcht ist das uns selbst bezogenes Mitleid. Страх, порождаемый трагедией, есть страх перед бедствием, которое может нас же посетить, это страх, что мы сами можем стать предметом сострадания. В этом истолковании страха и сострадания обнаруживается свойственное английской и французской материалистической мысли XVII и XVIII вв. стремление об'яснить моральные нормы и симпатические чувствования инстинктом самосохранения.

Согласно толкованию Лессинга аристотелевская теория трагедии имеет в виду очищение зрителя не от всяких аффектов и страстей, а лишь аффекта страха и сострадания.

Лессинг подвергает резкой критике всех предшествовавших комментаторов Аристотелевской поэтики. Горше всего достается Корнелю. Лессинг уличает Корнеля в искажении текста поэтики Аристотеля и в фальшивом истолковании ее. Корнель, думает Лессинг, намеренно искажает аристотелевскую теорию трагедии, в целях ее приспособления к своим собственным трагедиям. Корнель (1606—1684), вопреки Аристотелю, полагал, что не каждый герой должен пробуждать одновременно страх и сострадание, а он может ограничиться либо тем, либо другим. Корнель [1]), в своей работе «Trois Discours», наперекор явно выраженным намерениям Аристотеля, полагал, что трагедия имеет задачей очищать от всяких страстей, которые воплощены в героях трагедии. Корнель был картезианцем в понимании и оценке страстей. Лессинг же полагал, что избавиться вовсе от страстей противоречит природе, а нужно лишь изменить их направление, превратить их из разрушительных в созидающие: «Veränderung der Leidenschaften in tugendhaften Fertigkeiten». Эта мысль воспринята впоследствии утопическими социалистами. Еще резче Лессинг нападает на Корнеля и его преемников за пресловутые три единства и навязывание внешних формальных правил трагедии. Лессинг яростно нападает на переводчиков, искажающих Аристотеля, когда они заменяют слово «страх» словом «ужас». Французский переводчик Дасье перевод словом terreur (ужас), немецкий переводчик Курциус—словом Schrechken (ужас). Лессинг готов согласиться с французским переводчиком и комментатором «Поэтики» Аристотеля—Дасье. Трагедия, по Дасье, при помощи сострадания и страха побуждает людей переносить свои собственные несчастья более спокойно и терпеливо после того, как они созерцают великие бедствия трагических героев.

[1]) Не прошло и ста лет, как восторженное поклонение гению Корнеля вновь с триумфом вернулось в немецкую литературу. Герман Геттнер (1821—1882), революционный демократ и сторонник Людвига Фейербаха, писал в 1850 г.: «Молодые немецкие драматурги могут научиться кое-чему у Корнеля и Расина («Kleine Schriften», 1884, S. 407). Геттнер об'ясняет отрицательное отношение Лессинга к Корнелю необходимостью отучить немецкую литературу от слепого подражания французам. В XIX же веке произведения французского стиля XVII века могут вновь стать предметами эстетического наслаждения не только утонченных знатоков, а и широких народных масс, ибо для них, а не для первых, существует искусство (Das Volk und die Kunst ist wesentlich auch für das Volk, nicht bloss für feinschmeckerische Kenner—erbaut sich viel inniger an jenen vielgeschmäckter werden der Zopfzeit, S. 402). Такой резкий сдвиг симпатий в пользу французской литературы может быть об'яснен только сочувствием Геттнера к французской революции 1848 года, которой Наполеон еще не успел подавить. Геттнер же отмечает слабые стороны буржуазной трагедии: 1) изображение характеров—важная сторона ее, но лишь одна из ее сторон; 2) буржуазная трагедия есть, согласно классификации Геттнера, «трагедия суб'ективной страсти», т.-е. не высший тип трагедии. Геттнер усматривает три типа трагедии: 1) трагедия, как конфликт с внешними обстоятельствами, как, например, пролетарские трагедии (пример принадлежит Геттнеру); 2) трагедия суб'ективной страсти, как «Макбет» и др. шекспировские трагедии; 3) высший тип—трагедия идеи, как гетевский «Фауст».

Но Лессинг уличает Дасье в заимствовании выше упомянутого толкования у одного стоика. Кроме того, по Лессингу, аристотелевская теория допускает 4 способа очищения: 1) через трагическое сострадание — наше сострадание; 2) через трагический страх—наш страх; 3) через трагическое сострадание—наш страх; 4) через трагический страх—наше сострадание. Лессинг укоряет Дасье в том, что он ограничивает свое толкование лишь третьим способом.

XIX век также дал большое количество толкований теорий катарзиса. Катарзис, по мнению Целлера, есть успокоение аффектов, достигаемое путем их возбуждения, но возбуждения художественного. «Искусство,—говорит он,—просветляет и успокаивает аффекты, подчиняя их своему закону, приурочивая их не к личному, а к общечеловеческому благодаря определенной мере, овладевая их развитием и ограничивая их силу; трагедия, например, в судьбе своих героев, представляет общечеловеческий жребий и в то же время закон вечной справедливости, музыка успокаивает возбужденные чувства, связывая их ритмом и гармонией».—«Цель трагического поэта—художественное возбуждение и очищение сострадания и страха: жалкая судьба, представляющаяся нашим глазам, должна возбуждать наше сострадание, а благодаря сознанию нашего сходства с теми, которые страдают,—и страх за самих себя; и, наконец, оба эти чувства приходят к успокоению в изображении вечных законов, которые обнаруживаются перед нами во всем художественном произведении». Эта мысль есть ухудшенное повторение, благодаря привнесению понятия «вечная справедливость», мысли Лессинга.

Клейн о катарзисе Аристотеля пишет: «Катарсис означает превращение бурного, как бы вакхическою игрою на флейте охмеленного болезненно восторженного пафоса в успокоительный эпос,—но очищенной и способной на симпатическое восприятие волнений. Катарзис означает изменение подавляющей скорби, непреоборимого горя и негодования, причиненного трагическим потрясением, в продолжительную восприимчивость человеческой судьбы, человеческого страдания и несчастия. Катарзис не что иное, как художественное смягчение и успокоение трагически возбужденного чувства и его замена трагически освященным, нравственно серьезным, гармоническим душевным настроением».

Лессинг впервые познакомил немецкого читателя с теорией драмы и самими драмами Дидро. Он перевел и снабдил их своим предисловием, в котором признает Дидро своим учителем. Дидро изложил свою теорию драмы в предисловии к своми пьесам «Незаконный сын» и «Отец семейства». Лессинг переводил большие отрывки рассуждений Дидро и помещал их в «Гамбургской драматургии». Лессинг с горячим сочувствием относился к теории драмы и драматическим опытам Дидро и признавал огромное влияние их на свое творчество.

Теория Дидро послужила базой для создания трагедии «Сарра и Сампсон» Лессинга. Дидро посвятил ей весьма сочувственный отзыв в «Journal étranger» и высказал, что нельзя было лучше понять и художественно воплотить его теорию. Поэтому ложно обычное изложение, которое отмечает, будто бы Лессинг был противником французской драмы и французского влияния на немецкую литературу. Он отвергал и критиковал лишь тех французских, равно как и немецких писателей, над которыми тяготело влияние

классицизма. Готтшед повторял Буало, Рамлер—Баттэ, Геллерт—Лафонтена, Бодмер—Аддисона, Клопшток—Осиана и Мильтона. Он беспощадно изобличал их в книжности, искусственности, пренебрежении правдой. Любимым лозунгом Лессинга было: нет величия без правды (nicht ist gross was nicht wahr ist). В своем знаменитом 17 «Литературном письме» Лессинг сокрушает Готтшеда, утверждая, что он виновник низкого состояния немецкого театра. Ради исторической справедливости нужно отметить, что Готтшед перевел Бейля и ревностно пропагандировал Вольтера. Лессинг отчасти следовал за Готтшедом, как утверждает Фр. Меринг, но пошел гораздо дальше его, при чем он, исходя из буржуазной точки зрения, беспощадно боролся с придворным характером, монархическими тенденциями Готтшеда. Он боролся против Готтшеда потому, что считал его поборником княжеского деспотизма. В этом же письме Лессинг устанавливает превосходство английского театра, в особенности Шекспира, над французским театром. Подражание древним может иметь сомнительное значение; в доказательство приводится Шекспир, который, как думает Лессинг, совсем почти не знал древних. Корнель шел по проторенной древними дороге; пальма же художественного первенства принадлежит Шекспиру. Что же касается какой-нибудь антипатии к французам, то Лессинг никогда ее не питал, так как ему были чужды какие бы то ни было национальные предрассудки. Он был г у м а н и с т о м в лучшем смысле этого слова. Он с решительностью заявляет: «Все моральные, интеллектуальные достоинства равномерно распределены между народами». Если же он нападал более всего на французскую драму, то это происходило от того, что именно она, в силу социально-политических условий, была проникнута придворно-аристократическим характером, свойственным классицизму XVII и начала XVIII вв. Лессинг неоднократно повторяет, что Корнель, Расин, Кребильон и Вольтер не имеют никаких сходных, общих черт с Софоклом и Еврипидом.

Не в национальных, а в социальных, в классовых свойствах французской классической драмы кроется антипатия Лессинга к ней.

Лессинг зло издевался над всякими составителями правил для искусства и считал их бесполезными для гения. Но этим он отнюдь не умалял значения философского разума для художественного творчества, так, например, он говорит: достоин зависти тот драматург, который, как Еврипид, мог постоянно пользоваться просвещенным советом такого философа, как Сократ. Лессинг приписывал критике огромное вспомогательное значение для поэта. Он сравнивал критику с костылями для калеки, они не могут превратить его в скорохода, но сильно помогают ходить. Лессинг всецело принимает теорию Аристотеля, согласно которой злодей не может стать героем трагедии, потому что его несчастье не может пробудить сочувствия в зрителе; не может также быть героем трагедии совершенно невинное существо, страдание невинного существа ужасно («Der Cedanke ist an und für sich selbst grässlich das es Menschen geben kann, die ohne ihre verschulden unglücklich sind»). Этим положением Лессинг отступает от требования правды. Так как жизненная правда именно такова, что страдание в классовом обществе чаще всего выпадает на долю «без вины виноватых». Чернышевский очень основательно доказывал, что злодей и невинный могут стать трагическими героями. Стоит только вспомнить шекспировские трагедии.

Много метафизичнее рассуждает Фолькельт:

«Если приключается со злодеем беда, то не совсем отсутствует аффект, производимый обыкновенно трагическим страданием. В особенности если бедствие достигает высокой степени, то мы испытываем частью сострадание, частью возвышающие нас чувства, когда злодей противопоставляет горю

храбрость, спокойствие, хладнокровие или от своих страданий испытывает облагораживающее действие. Между тем это впечатление заглушается нравственным удовлетворением, доставляемым нам страданиями и гибелью злодея, в которых мы видим справедливую кару. Следовательно, трагизм преступления отличается от обычного трагизма тем, что в производимом им впечатлении преобладают два нравственные чувства: 1) негодование, причиненное злодеем, еще более усиливающееся счастием и удачей, которыми сопровождается преступление; 2) удовлетворение нашей потребности в справедливости и в возмездии, почерпаемое нами в зрелище, доставляемом нам страдающим и гибнущим преступником» (V o l k e l t, Die Aesthetik des Tragischen).

Только характер, наделенный как большими достоинствами, так и значительными слабостями, может стать подлинным героем трагедии. Этим Лессинг утверждает пригодность и необходимость «среднего человека» для трагического персонажа. С современной точки зрения может показаться непонятным, что значит очищаться от аффектов страха и сострадания, для чего это нужно, и почему злодей и невинный не могут стать трагическими героями? Если вдумчиво прочесть драмы Лессинга, то поставленные вопросы находят себе об'яснение. Очищаться от них означало, согласно сокровенной мысли Лессинга, устранить или, по крайней мере, пробудить потребность уничтожить то положение, в которое попадают люди, достойные сострадания и возбуждающие опасения за нашу собственную участь, т.-е. уничтожить насилие и угнетение, зависящие от феодального общественного строя. Далее, семья Галотти не злодеи и не невинны в том смысле, что она все же считает нужным давать воспитание дочери в столице, бывать на столичных балах. Тогдашние угнетенные классы вовсе не рисовались Лессингу в розовом свете,—он слишком хорошо их знал, но в то же время признавал феодальный гнет и насилие деспотов в отношении «третьего сословия» несправедливым. Немецкая буржуазия не была, по мнению своих вождей, к которым, в первую очередь, принадлежал Лессинг, рыцарем без страха и упрека, но и не злодеем, однако, вполне достойным героем трагедии. Можно поставленный вопрос продолжить в таком виде: а почему Аристотель выдвинул эту же теорию? Как раз по той же причине. Аристотель был также выразителем средних классов; он же и сочинил этот термин.

Вопрос о достоинствах и недостатках характеров персонажей трагедий не превращался у Лессинга в Schuldtheorie, т.-е. теорию, об'ясняющую трагическую развязку личной виной героя. Эта Schuldtheorie получила обоснование у Гегеля и его преемника Фишера и после этого стала крайне популярной.

Итак, историческая, социальная обусловленность всякого эстетического принципа становится все очевиднее.

Лессинг требует, чтобы действие развертывалось без излишних интриг и запутанности, чтобы с самого начала для зрителей был ясен последующий ход действия. Ясность, простота и естественность—таковы законы художественного гения,—думает Лессинг. Восходящий класс, сознательно создающий искусство, как средство преобразования общества, всегда выдвигает эти три художественных принципа—простоту, ясность и естественность.

От гения нужно отчетливо отличать остроумного поэта, способного на различные вымыслы и сочинение интриги. Но у такого поэта действие не есть закономерная цепь происшествий, а параллельные и переплетающиеся ряды событий. Не всякий вымысел—признак поэта, а лишь целесообразный вымысел. Гений любит простоту, остроумный человек—запутанность; эта мысль впоследствии была воспринята Кантом и до Лессинга проводилась Винкельманом в применении к изобразительному искусству.

Лессинг, как видно из нижеследующего, придавал огромное значение мировоззрению для поэзии, в частности для трагедии. Лессинг писал, что «настоящей трагедии, заслуживающей названия христианской, вероятно, придется еще ждать. Я разумею под этим такое произведение, в котором бы христианин интересовал бы нас только как христианин. Возможно ли, однако, написать что-нибудь подобное? Разве характер настоящего христианина может быть сценичен? Разве тихое спокойствие, неизменное смирение — существенные черты христианина — не идут вразрез с задачами трагедии, которая старается очищать страсти страстями же? Разве ожидание блаженства в награду за жизнь земную не противоречит тому бескорыстию, с которым по нашему желанию должны совершаться на сцене все великие и хорошие дела». Фолькельт и другие эстетики склонны согласиться с этим утверждением Лессинга относительно помехи христианского мировоззрения развития трагедии.

Из этого утверждения Лессинга его читатель мог делать различные выводы: 1) Если трагедия есть ценнейшее средство морального воспитания, а христианство препятствует ее созданию, то нужно отказаться от христианства. 2) Трагедия пришла в упадок вместе с торжеством христианского мировоззрения и начинает вновь расцветать в лице Шекспира в эпоху ренессанса.

Попытаемся рассмотреть, как Лессинг применил свою теорию трагического и комического в своих собственных трагедиях и комедиях.

В «Эмилии Галотти» сочувствие, сострадание вызывает семья Галотти и граф Аппиани, как жертвы бесправия, угнетения и насилия неограниченного деспота. В зрителе XVIII века такая судьба должна была возбуждать одновременно сострадание к потерпевшим и страх за себя.

Трагедии Лессинга чуждо вмешательство божественной, трансцендентной сверх'естественной или сверхсоциальной силы. Все пружины трагедийного движения ясны, как на ладони; все они, по Лессингу, заключаются в борьбе людей с враждебными людьми, с враждебными обстоятельствами, устанавливаемыми самими людьми. Трагедия Лессинга, хотя и характеризуется обыкновенно, как «трагедия характеров», однако это не есть так называемая суб'ективная трагедия, а совершенно ясная об'ективная трагедия. Не внутренние конфликты личности привлекают художественное внимание Лессинга, а именно борьба личности с внешними обстоятельствами, с людьми. Действия, а не эмоции, не внутренние конфликты—стержень трагедии Лессинга. Никаких пессимистических сентенций, какие в изобилии встречаются, например, в трагедиях Еврипида, у Лессинга нет в помине. Только в XIX веке возникает трагедия внутренних конфликтов, а за ней следуют теории трагедии внутренней борьбы, как Зольгер, Банзен, Фолькельт. В конце XIX века появляются трагедийные пьесы, которые лишены всякого действия, как, напр., пьесы Метерлинка. Они уже для сцены, для театра совершенно непригодны, их можно с той или иной степенью выразительности ч и т а т ь. Уже в начале XIX века явились первые проблески такой ч и т а е м о й трагедии, как, напр., диалог Пушкина «Моцарт и Сальери». Но такого рода пьесы составляют несомненное вырождение трагедии.

«Современное научное мировоззрение со своим принципом борьбы за существование, со своим эволюционным драматизмом, основывающим на гибели и смерти менее приспособленных к жизни существ, возникновение высших биологических форм, окрашено в трагический колорит. Трагизм обнаруживается в самой мировой сущности, в бездонной пропасти, в которую пытается проникнуть человеческая мысль. Не один пессимист видит трагизм в установленном миропорядке. «Трагизм жизни заключается в космическом законе беспрерывной эволюции, обрекающем существование на гибель, создающей на разрушенной жизни новую, предназначенную опять смерти и т. д. Мы вовлечены в круговорот вечных перемен и без удержу несем по бесконечному потоку времени, жадно протягивая руки к цветущим берегам земных радостей. Но едва успеем вкусить их, как мы уже поглощены в бездонные пропасти мучений, гибели и смерти.

Страдание, разрушение, гибель и смерть сообщают миру трагический колорит. Он окрашивает в мрачный цвет и жизнь человечества и природу. Весь мир, «конечный во всем своем превосходстве и превосходный во всей его конечности, есть одна колоссальная трагедия (Саккетти).

Эти пессимисты находят себе утешение в том, что многострадальность жизни облегчает разлуку с ней.

Лессинг был чрезвычайно далек от того метафизического истолкования трагедии, которая свойственна мыслителям XIX века. Ему было чуждо не только пессимистическое истолкование трагедии, свойственное Шопенгауэру, Банзену, но и также оптимистическая метафизика, навязываемая трагедией Юлианом Дюбоком (Julius Duboc, Die Tragik vom Standpunkte des Optimismus, Hamburg 1886).

Вернемся к «Эмилии Галотти». Но может ли такие же чувствования вызвать эта трагедия и в современном европейском зрителе? Франц Меринг находит, что до тех пор, пока будет существовать бесправие не только в политическом отношении, но и в смысле экономической зависимости, эта драма будет производить потрясающее впечатление. Это соображение не лишено натяжки. Ясно, что сострадание и страх, как их понимал Лессинг, вызывает та трагедия, которая изображает людей, близких к зрителю в социально-психологическом смысле. Но и это суждение требует ограничения, так как оно имеет в виду социальное, классовое родство художника и зрителя, т.-е. трагедия протекает в жизни того класса, которому принадлежит художник и зритель. Но ведь возможны и другие случаи и даже различного рода:

1) «Дни Турбиных» Булгакова изображают трагедию белых армий. Эту пьесу можно считать трагедией. Ее главный герой—Алексей Турбин—мужественный, честный человек, если можно так выразиться, идейный белогвардеец. Он гибнет не только как случайная жертва петлюровских банд. Случайная жертва не есть материал для трагедии, как я уже освещала этот вопрос в статье о Чернышевском, а в результате безверия в силы своего класса, вследствие его фактической беспомощности и его полного разложения. Может ли весь этот процесс вызвать сострадание и страх в пролетарском зрителе. Никак. Но автор трагедии, явно не пролетарский идеолог. Сомнительно, чтобы пролетарий мог написать трагедию буржуазии. Другими словами, может существовать об'ективная трагедия, которая не вызывает сочувствия (сострадания, по терминологии Лессинга) и потрясения, так как данному зрителю она чужда по социально-психологическим основаниям.

2) Возможна революционная пролетарская трагедия, где изображается гибель пролетарских бойцов в силу недостаточной сплоченности и организованности революционного класса, или в силу того, что небольшой пролетарский отряд сильно опередил всю массу, как, например, события 9 января или героическая борьба спартаковцев.

Возможна также пролетарская трагедия, разыгрывающаяся на фоне событий внутри семьи, так как в ней воплощаются противоречия всей социальной жизни в целом на данном этапе развития. 29 января 1929 г. в «Правде» был фельетон А. Ландау «Фашистка», который дает благодарнейший материал для пролетарской трагедии.

Эта трагедия может пробудить сострадание и страх только у пролетарского зрителя, между тем как масса европейского зрителя принадлежит к классу буржуазии; отсюда вытекает ясный вывод: положение Лессинга,

что о художественной ценности можно судить только по его воздействию на зрителя, верно лишь для некоторых исторических периодов, когда художник и зритель принадлежат к одному и тому же общественному классу, одной определенной фазе исторического развития. Итак, вновь и вновь подтверждается положение, что всякий эстетический принцип исторически ограничен, имеет более или менее тесное социальное поле действия.

Теперь вдумаемся в пьесу «Минна фон-Барнгельм», которая Лессингом названа Lustspiel, комедия. Какие же в ней комические моменты? Разговор слуги и хозяина гостиницы, разговор Вернера, друга главного героя пьесы, с горничной, комично поведение слуги, который, ругая хозяина, принимает от него угощение. Веселого, т. е. того, что оправдало бы название Lustspiel, в этом смысле в пьесе мало. Есть много трогательных моментов—разговор Тельгейма с вдовой своего друга о долгах, и Вернером, который хитростью хочет всучить другу деньги, чтобы избавить его от нужды, отношение между Минной и ее горничной и самый стержень пьесы—отказ Тельгейма от богатой невесты,—потому что он впал в бедность. Все перечисленные моменты позволяют назвать пьесу «слезливой», что собственно и означает трогательную комедию. Итак, Lustspiel здесь надо разуметь пьесу, доставляющую моральное удовольствие, лучше сказать нравственное удовлетворение, а этот момент нов для буржуазной комедии того времени. Комедия Аристофана и Мольера не имеет своим результатом непосредственное моральное удовлетворение, она скорее бичующая сатира. Отрицательный образ хозяина гостиницы, главный комический персонаж, отчасти комическая фигура слуги Тельгейма сочетаются с благородной и почти трагической фигурой Тельгейма. Итак, Лессинг создал новый вид комедии, в которой встречаются представители различных общественных классов, при чем носители бюргерских тенденций представлены как в отрицательном, так и в положительном свете.

Лессинг написал следующие драмы, не считая трех юношеских комедий: трагедия «Сарра Сампсон» (1754), трагедия «Филотас» (1759), комедия «Минна фон-Барнгельм» (1763), трагедия «Эмилия Галотти» (1772), трагедия «Натан Мудрый» (1779).

Чернышевский писал в своей выдающейся биографии Лессинга, что между Лессингом, как автором «Сарры Сампсон», и Лессингом, как автором «Минны фон-Барнгельм» такое же расстояние, как между Жуковским и Пушкиным. Чернышевский же писал, что влияние Лессинга порождало не учеников, а самостоятельных мыслителей и поэтов [1]). Особенно велико было влияние Лессинга на Гердера. Лессинг написал «Защиту Горация», Гердер—написал такое же произведение. Лессинг написал «Литературные письма», Гердер—«Отрывки немецкой литературы». Лессинг написал «Лаокоон» и «Антикварные письма», Гердер—«Критические лески», трактующие такие же темы, как последние два упомянутых выше произведения. Первый «Критический лесок» посвящен «Лаокоону» Лессинга и опубликован в 1769 году.

Как Лессинг разделил поле деятельности поэзии и живописи, так Гердер обосновал различие и своеобразие живописи и скульптуры. Драмы Лессинга оказали особенно большое влияние на Шиллера. Куно Фишер подробно указывает на заимствования Шиллера у Лессинга [2]). Это влияние сильно сказалось на юношеских драмах Шиллера «Заговор Фиеско», «Коварство и любовь».

[1]) Влияние Лессинга на Гете я уже отмечала в моей книге «Опыт марксистского анализа истории эстетики», ИКА, 1928 г.

[2]) Kuno Fischer, Lessing als Reformator, 2 Bde, Brl. 1904.

Границы поэзии и живописи.

Другое более раннее произведение—«Лаокоон»—трактует вопрос о границах поэзии и живописи. Группа Лаокоона найдена в 1506 году в Риме, недалеко от терм императора Тита. Она, вероятно, стояла на дворе императора Тита; она принадлежит резцу трех скульпторов Родосской школы — Агезандра, Атенодора и Полидора, живших в I веке до новой эры. Впрочем, такое мнение установилось в археологии в последнее время, раньше, напр., Винкельман относил их к эпохе Александра Македонского. Эта скульптурная группа находится в стилистическом родстве с фронтоном Пергамского храма. Но Лессинга не занимали эти вопросы археологии и древнего искусства en même. Лессинг—прежде всего пламенный борец, стремящийся разрешить те или иные назревшие практически-общественные задачи. Он углубляется в теорию лишь постольку, поскольку она помогает разрешить практические задачи и удовлетворить настоятельные общественные потребности. Поэтому Лессингу казались несущественными вопросы о том, следовали ли упомянутые скульпторы образцу жреца Лаокоона, изображенному Вергилием, в «Энеиде», или, наоборот, скульптурная группа предшествовала «Энеиде». Лессинг пользовался этой скульптурной группой лишь как конкретным наглядным примером, при помощи которого Лессинг надеялся ярче и понятнее выразить свою мысль, которую он формулировал в подзаголовке своей книги: «О границах поэзии и живописи». Поэтому бесполезен биографического порядка вопрос: видал ли Лессинг слепок группы Лаокоона или нет? Задача, которая выдвигалась потребностями классовой борьбы немецкого бюргерства, заключалась в том, чтобы поэзия призывала к действию, а для этого она должна воспроизводить действия. В «Литературном письме» от 27 июня 1765 г. Лессинг упрекает немецких поэтов за их увлечение описаниями природы и пастухов.

Лессинг устанавливает, что красота была главным предметом и свойством искусства древних, и полагает, что красота должна и в новое время оставаться уделом изобразительного искусства. Он вносит еще нечто новое, что получило впоследствии пышный расцвет в эстетике романтизма. Если в пространственном искусстве не может быть развернут ряд последовательных действий, то оно должно выбрать один какой-нибудь момент, одно какое-нибудь действие, из которых ясно вытекали бы как предшествующие, так и последующие действия. Пространственное искусство не должно брать последнего момента, после которого уже для деятельности фантазии не остается никакого повода. В то время, когда для изобразительного искусства характерна именно не законченность действий, для поэзии допустима и жедательна законченность действий. Поэзия и искусство не должны друг другу подражать [1]). Каждый из них имеет свое особое, своеобразное поприще. Принцип Горация [2]) (65—8 до н. э.) «ut pictura poesis» толковался до Лессинга, как необходимость кропотливого детальнейшего описания отдельных предметов в их неподвижности. Лессинг доказал всю вредность такого приема для поэзии. Действенность и динамика—стихия поэзии. Отстаивая необходимость этой движущей пружины поэзии, Лессинг тем самым требовал воспроизведения в искусстве деятельной энергичной жизни.

[1]) Лессинг изучал трактат Спенса о взаимодействии римской поэзии и римского изобразительного искусства и делает при этом замечание, что такое взаимодействие не пошло в пользу обеим сестрам.

[2]) Гораций в свою очередь ссылался на знаменитого немецкого поэта Симонида из Кеоса (556—467) — певца персидских войн — давшего начало крылатой фразе: «живописная поэзия и поэтическая живопись».

Смутно или сознательно он надеялся содействовать таким способом повышению активности и ускорению темпа общественной жизни [1]).

Дидро также отвергал принцип ut pictura poesis и противопоставлял ему ut pictura poesie n o n e r i t. Дидро, как и Лессинг, указывал, что живопись и скульптура должны выбирать наиболее выразительный момент в цепи действий. Дидро называл его le moment frappant, Лессинг—der furchtbare Augenblick. Деятельность или действие предметов есть поприще поэзии. Применение принципа ut pictura poesis ослабляет силу или даже уничтожает силы поэтического воздействия. Конечно, и живопись может изображать действия, но только через посредство предметов. Поэзия может изображать предметы, но только через посредство их действий. Пагубно для поэта и художника смешивать сосуществование предметов и последовательность событий. Уже Дидро различает одновременность и последовательность событий, как определяющие условия поэзии и живописи. Еще до Дидра Дюбо (1670—1742) и Шефтсбери (1671—1713) выделили критический момент развертывания действий, как надлежащий для живописного воплощения.

Уже Моисей Мендельсон в книге «Размышления об источниках и связях изящных искусств и наук» (1757) положил начало разграничению поэзии и живописи. Но более распространена и общепринята была мысль Горация. Брейтингер, Бодмер, Винкельман, Хагедорн и в особенности Спенс и Кайлюс стирали границы между поэзией и живописью.

Лессинг отчетливо устанавливает формулу: воспроизведение события во времени есть поприще поэта, изображение предметов в пространстве—поприще живописца. Лессинг отмечает, с каким непревзойденным мастерством Гомер изображает щит Ахилла, колесницу Юноны и другие предметы. Гомер не пользуется средствами живописи и не описывает щит, как готовую вещь. Гомер показывает щит в процессе изготовления. Мы видим «божественного мастера» с молотом и щипцами у наковальни и раскаленные части щита в огне искр появляются из рук его творца. Лессинг отнесся очень холодно к поэме Галлера об Альпах, где подробно описывается множество цветов. Кроме Галлера, Клейста и Гесснера в Германии, Топ и Томсон в Англии были представителями описательной поэзии.

Телесная красота вытекает из согласованного действия разнообразных частей; эти части расположены друг подле друга, поэтому телесная красота есть основной предмет живописи. Конечно, живопись может выразить безобразие, уродство, но тогда она перестает быть изящным искусством. Изображение телесных страданий не должно быть уделом живописца, так как оно может вызвать лишь чувство отвращения. То, что Лессинг так отчетливо размежевал, пришло вновь в хаотическую путаницу у романтиков. Новалис, Жан Поль и Фр. Шлегель стремились, по крайней мере, теоретически стереть границы между отдельными отраслями искусства. Готфрид Келлер (1819—1890), не будучи правоверным романтиком — друг Л. Фейербаха и Германа Геттнера—все же намеревался писать «Анти-Лаокоон». Из романтиков высоко ценил Лессинга Генр. Гейне.

Лессинг относился очень холодно к пейзажу, к натюрморту, к портрету, к жанровой, бытовой и исторической живописи. Голландскую бытовую живопись XVII века он обозвал очень не лестным именем «Kotmalerei». Даже Рембрандт не возбуждал в нем никакой эстетической эмоции. Даже о Сикстинской Мадонне он отзывался очень холодно. Краски масляные ничего не улучшили в живописи, по Лессингу, важнее гораздо пластичность форм, а не цвет и колорит, думал Лессинг. Готическое искусство он презирал и называл «безвкусным нагромождением камней». Все эти данные свидетельствуют о классицизме Лессинга. Хотя Лессинг оспаривал частные замечания Винкельмана (1717—1768), своего предшественника в обосновании классицизма в искусстве, но, в целом, Лессинг продолжает работу Винкельмана [1]). В отличие от Винкельмана, Лессинг решительно восставал против аллегории в живописи. Лессинг всецело остается на почве классицизма, не только тогда, когда он отстаивает красоту, как предмет изобразительного искусства, но и тогда, когда он защищает теорию Аристотеля от всех ее переделок и искажений и рекомендует ее, как руководство для новых драматургов. Лессинг защищал классиков от классицизма, т.-е. искусство древних греков от искажений, практиковавшихся на всем протяжении истории после упадка Греции, главным образом французами. Восходящая буржуазия в своем наступлении на класс феодалов все же смотрит назад, ищет позади себя образцы для подражания. Лессингу, как и Винкельману и другим классицистам XVIII века, Греция кажется колыбелью свободы, а Рим—очагом гражданской добродетели. Однако нужно отметить уже в классицизме те начала, зародыши тех мыслей, из которых, как уже указано выше, вырастает позднее эстетика романтизма. Таковы требования незаконченности произведения, дающей поле для деятельности фантазии. Здесь можно усмотреть начало того художественного направления, которое удовлетворялось не предметами как таковыми, а предметами лишь как поводами и стимулами для деятельности фантазии. Лессинга можно считать одним из последних могикан классицизма и одним из первых провозвестников романтизма. Дальнейшая история искусства XIX — XX вв. есть поочередная смена романтизма и классицизма, и наоборот; еще и поныне ведут между собой в современном искусстве борьбу оба указанных направления.

Для того, чтобы резче оттенить различие между ранними и позднейшими представителями немецкого классицизма, приведем взгляды Гете на скульптурную группу Лаокоон. Гете в своей статье о Лаокооне (1797) подвергает упомянутое произведение такому анализу, который мы в настоящее время назвали бы мастерским формальным анализом. Гете следит за соотносительными изменениями каждого мускула всех трех персонажей, составляющих группу. По отношению поэзии Вергилия он делает лишь коротенькое замечание, что не следует сравнивать законченное высоко-художественное и скульптурное произведение с эпизодическим моментом в «Энеиде».

В основном Гете повторяет взгляд Лессинга на Лаокоона, а именно: «Если произведение изобразительного искусства должно иметь подлинное движение, то оно должно схватить быстро преходящий момент, до которого и после которого положение было совсем иным» [2]).

Не безынтересно сравнить с «Лаокооном» Лессинга «Первый критический лесок» Гердера, который посвящен «Лаокоону» Лессинга. Гердер соглашается со всеми основными положениями Лессинга, но пытается их развить и углубить, однако нельзя не видеть того, что Гердеру это не дается. Искусство, которое доставляет «Werke», т.-е. материальное произведение, имел в виду Гердер, действует в пространстве; искусство, которое действует через «энергию», развертывается во времени; изящная наука или поэзия действует посредством «силы» (Kraft). Сила, «Kraft», это сущность поэзии,

[1]) Лессинг говорит устами Фауста в фрагменте своей драмы о Фаусте, что он берет себе в слуги самый «быстрый дух».

[1]) Лессинг написал два тома «Антикварных писем» и «Об изображении смерти у античных греков»; в них Лессинг горячо полемизирует против Клотца, напыщенного и самонадеянного любителя античной археологии, и обнаружил огромное знание древнего мира.

[2]) В своей работе «О способах изображения смерти у греков» Лессинг развивает интересную мысль, что только христиане стали изображать смерть как скелет, а античные греки изображали не смерть, а покойника, как спокойно спящего человека.

а не последовательность событий во времени. Гердер разделяет мысль Лессинга, что Гомер дает в своих описаниях историю предмета, становящийся щит Ахилла, становящуюся колесницу Юноны, но предполагает, что это вовсе не художественные приемы Гомера и подлинной поэзии, а лишь моменты, необходимые для эпоса.

Гердер соглашается с Лессингом, что предмет изобразительного искусства—красота, но пытается этому дать иное об'яснение, чем Лессинг, и оно также неудачно, так как в изобразительном искусстве все действие заключено в один момент. Между тем Лессинг об'ясняет высокое совершенство греческого искусства тем, что оно теснейшим образом связано с жизнью, политической и общественной, государством и религией. Это об'яснение по своей сущности остается приемлемым и до сих пор.

«Кроме Лессинга не было в немецкой литературе человека, который мог бы дать ей решительное и плодотворное влияние на судьбу немецкого народа. Будет или не будет немецкая литература сильнейшей двигательницей народной жизни, ускорится ли ее вмешательство в развитие народа или предоставлено будет только медленному действию чистой науки—разрешение этого вопроса зависит от того, будет ли между немецкими литераторами Лессинг, т.-е. будет ли гениальный человек, который верно поймет положение и потребности своего народа, постигнет всю важность, которая должна иметь литература для его жизни, твердо и решительно укажет литературе, что и как она должна делать, который, руководя деятельностью других, сам гениальными произведениями доставит литературе преобладающую важность между предметами, возбуждающими интерес в своем народе, сделает литературу средоточием национальной жизни. В совершении этого дела величие Лессинга. Он доставил немецкой литературе силу быть средоточием народной жизни и указал прямой путь, он ускорил тем развитие народа» [1]), писал Н. Г. Чернышевский.

Чернышевский чувствовал интимное, внутреннее родство с Лессингом, поэтому Чернышевский посвятил ему обстоятельную биографию, в которой Лессинг встает, как великий борец и вождь. Просветители Лессинг, как и Чернышевский, явно ценят поэзию выше пространственных искусств, так как она легче может служить средством просвещения с той только разницей, что Лессинг ставил драму, театр выше рассказа и вообще эпической поэзии [2]).

Франц Меринг пишет: «Деятельность Лессинга принадлежит не буржуазии, а пролетариату... Лессинг один из духовных предков пролетариата... Деятельность и влияние Лессинга претворились в кровь и плоть борющегося и страдающего пролетариата... Лессинг был отважным вожаком революционного класса, и поэтому должен быть поставлен рядом с появившимися несколькими десятилетиями позже при совершенно изменившихся условиях, молодым Лассалем или молодым Марксом» (Фр. Меринг, Легенда о Лессинге).

[1]) Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, Спб. 1906 г.

[2]) Чернышевский очень интересно мотивирует предпочтение, оказываемое им рассказу и роману: эти виды литературы доступны грамотному человеку в самой захолустной деревне, заброшенных медвежьих углах, где театров нет и еще долго не будет.

Марксовы схемы воспроизводства и производство золота.

(Антикритика).

В. Позняков.

Как известно, Роза Люксембург начинает строить свою теорию, сходя из критики схем воспроизводства Маркса. Попутно она останавливается на одном пункте, который также должен, по ее мнению, демонстрировать недостаток марксовой схемы: речь идет о денежном материале, производство которого Маркс в своих схемах относит к 1-му подразделению; она предпринимает затем обстоятельный анализ этой частной проблемы, но не доводит его до конца, обрывая его на полуслове. Вся эта критика со стороны Розы Люксембург, очевидно, должна была еще раз продемонстрировать искусственность и нежизненность марксовых схем и притом в весьма существенном, с ее точки зрения, пункте—в вопросе о производстве золота. Ибо ведь, как известно, самый уязвимый пункт в теории реализации Маркса и заключается, по мнению Р. Люксембург, в том, что в чистом капиталистическом обществе отсутствуют покупатели товаров, воплощающих накопляемую часть прибавочной ценности, т.-е. в конце концов отсутствуют в их карманах деньги, т.-е. золото. Реализация для Р. Люксембург и тождественна с обменом товара на золото и только, а накопление капитала идентично с накоплением денег, т.-е. золота.

Критика Р. Люксембург в этом частном вопросе о золоте, в схемах воспроизводства идет по такой линии: Маркс, как известно, относил производство золота, как денежного материала или денег [1]), к 1-му подразделению.

Р. Люксембург считает—и совершенно правильно—это ошибочным. В этом отношении, пишет она, «мы уклоняемся от Маркса» [2]).

«Один взгляд на схему воспроизводства показывает, к каким неудобствам должно повести смешение средств обмена со средствами производства» [3]). И Р. Люксембург дает свою тройную схему:

I. 4000 c + 1000v + 1000 m = 6000 сродств производства.
II. 2000 c + 500v + 500 m = 3000 средств потребления.
III. 20 c + 5v + 5 m = 30 денежных средств.

«Если мы, — продолжает она, — согласно Марксу, рассмотрим третий ряд, как составную часть первого, то обнаружится следующее затруднение» [4]). Это затруднение состоит в том, что в таком случае реализация оказывается невозможной. «Следовательно, если мы примем этот продукт — 30 д—за составную часть продукта первого под-

[1]) Ибо Маркс в этом абстрактном анализе проблемы воспроизводства абстрагировался и от монетной формы золота. Золото в своем натуральном виде циркулирует, как средство обращения.

[2]) Люксембург, Накопление капитала, ГИЗ, 3-е изд., стр. 84.

[3]) Там же, стр. 85.

[4]) Курсив мой. Там же.

разделения 6000 сп, то мы получим общественный дефицит в средствах производства стоимостью в 30, — дефицит, который сделает невозможным воспроизводство в прежнем масштабе либо в подразделении I, либо в подразделении II» [1]).

В своей критике [2]) этих теоретических построений Р. Люксембург я отмечал ошибку самой Р. Люксембург в построении схем. «Ошибочность анализа Р. Люксембург (в данном вопросе), — писал я, — заключается в том, что она чисто-механически присоединила к двойной схеме Маркса третий ряд, не попытавшись даже связать все подразделения общественного воспроизводства в органическое целое» [3]). Здесь я могу лишь добавить, что сама она ухитрилась при построении этой тройной схемы совершить грубейшую ошибку. Она ведь пыталась на примере этой схемы интерпретировать взгляды Маркса, т.-е. она хотела «исправить» Маркса. Мы видели уже, что третий ряд она рассматривала только как «составную часть первого подразделения», по крайне мере, так дело обстояло, по ее собственному признанию, в схемах Маркса; однако, это не получило у ней в схемах никакого отражения; ведь ясно, что она при этих условиях должна была выделить третий ряд из первого, а затем уже доказывать невозможность реализации при этих условиях. Достаточно проделать такую операцию, чтобы убедиться, что хотя она математически и явится вполне возможной, но что она экономически в то же время приводит к абсурду.

В той же своей статье я, кроме того, отмечал, что все же «Р. Люксембург... была на правильном пути, конструируя самостоятельное подразделение производства денежного материала, ибо отнесение золота к элементам постоянного капитала неизбежно логически опрокидывает всю теорию стоимости Маркса» [4]). И тут же я говорю: «мы показали, что его схема (т.-е. схема Маркса) простого воспроизводства implicite содержит в себе и третий ряд, и что этот третий ряд есть лишь часть второго подразделения» [5]). Именно здесь и лежит принципиальное расхождение моей трактовки с трактовкой этого вопроса Р. Люксембург (и ее последователем т. Гиммельфарбом): вопрос идет о том, куда приходится относить производство денежного материала, т.-е. золота как денег, и именно как средств обращения. «Правда,—говорит Р. Люксембург,—производство золота отнимает от всего общественного продукта как конкретные средства производства, которые оно применяет, так и конкретные средства потребления для его капиталистов и рабочих в количестве, соответствующем его переменному капиталу и прибавочной стоимости, но его собственный продукт так же мало может функционировать в качестве средств производства в каком-нибудь производстве [6]), как входить в качестве средств существования в человеческое потребление» [7]).

---

[1]) Там же.

[2]) См. мою статью «Деньги в схемах воспроизводства Маркса», Труды ИКП, т. I, ГИЗ, 1923 г.

[3]) См. только что указ. статью, стр. 174.

[4]) Там же.

[5]) Подчеркиваю теперь, стр. 174.

[6]) О том же Р. Люксембург говорит и на след. странице: «И так как часть продукта I состоит теперь из денег, которые не могут быть потреблены как средства производства, то II, несмотря на воздержание, фактически не может обновить свой постоянный капитал в полном об'еме... Обнаружился бы дефицит в постоянном капитале» (Курсив мой. «Накопление капитала», стр. 87—88). Это совершенно правильное положение Р. Люксембург забывает, когда переходит к построению своей теории реализации.

[7]) «Накопление капитала», стр. 86.

Что золото не может служить средством существования—это святая истина. Но это не имеет никакого отношения к схемам Маркса. Р. Люксембург подменяет здесь «средства потребления» у Маркса другим, далеко не тождественным понятием—средствами существования. Восковая свечка, возжигаемая какой-либо богобоязненной старушкой перед ликом «Успленья-матушки», конечно, не является средством чьего-либо существования; однако восковые свечи в капиталистическом обществе производятся на капиталистически организованных предприятиях, а, стало быть, должны попасть и в абстрактную схему воспроизводства. И думается мне, что их придется отнести ко II подразделению. Все дело как раз и заключается в том, что для Р. Люксембург потребление вообще (за исключением производительного потребления) сводится только и исключительно к индивидуальному потреблению. В этом и заключается источник всех ошибок Р. Люксембург. Если второе подразделение схем представляет производство средств индивидуального потребления, то очевидно, что туда никаким образом не может поместиться золото, как деньги. Поэтому для Р. Люксембург только и остается сконструировать свое третье самостоятельное подразделение. Но в этом и ее ошибка.

Что же касается ее критики отнесения производства золота, как денежного материала к I подразделению, то здесь она безусловно права; ведь на самом деле золото как деньги не может служить средством производства. Первая строка схем представляет общественный постоянный капитал; она показывает воспроизводство потребленной в течение цикла части этого капитала [1]). Но что такое постоянный капитал?—Это есть лишь исторически-обусловленная форма средств труда и сырья. «Те самые составные части капитала, которые, с точки зрения процесса труда, различаются как об'ективные и суб'ективные факторы, как средства производства и рабочая сила, различаются, с точки зрения процесса возрастания ценности, как капитал постоянный и капитал переменный» [2]).

Отнеся золото как деньги к I подразделению, мы тем самым, следовательно, отнесем его к числу средств труда, необходимых при процессе труда вообще, т.-е. при процессе труда во всякой общественной форме. Грубо выражаясь, мы тем самым скажем, что наличие золотой монеты у колбасного фабриканта является таким техническим условием, без которого он не сможет произвести данную потребительную ценность, т.-е. колбасу. И не случайно поэтому рукопись Маркса как раз обрывается в том месте, где он переходит к реализации Ic; ибо здесь этот момент выступает со всей своей резкостью.

Но правильность этой критики Р. Люксембург отнюдь не обязывает нас принимать также и все те неправильные выводы, которые делает Р. Люксембург. В своей ученической работе «Деньги в схемах воспроизводства Маркса», написанной мной почти семь лет тому назад, я и подверг критике эти выводы, а главное, попытался показать, каким образом следует разрешить эту второстепенную, частную проблему на основе экономической теории Маркса. Что при этом я разошелся с некоторыми фразами Маркса—беды большой нет; зато моя попытка, как мне кажется, находилась в полной гармонии как с рядом других положений, высказанных Марксом, так — и это самое главное — она находилась в гармонии со всей системой и, если можно так выразиться, со всем духом теории Маркса [3]).

---

[1]) А при расширенном воспроизводстве также и производство дополнительного постоянного капитала.

[2]) Капитал, пер. под ред. П. Струве, изд. 3-е, 1907 г., стр. 132.

[3]) Укажу, что такую же точку зрения на данный вопрос развивают т. Бухарин: Империализм и накопление капитала, а также т. М. Н. Яковлев: Теория

Но нашлись критики. В № 5 за 1928 г. журнала «Под Знаменем Марксизма» на защиту буквы Маркса выступил т. С. Гиммельфарб [1]). Что при этом он разошелся с системой и методом Маркса — факт несомненный и, пожалуй, неизбежный; только что высказанное положение я постараюсь в дальнейшем подкрепить доказательствами.

Но, как бы то ни было, статья т. Гиммельфарба выдвигает ряд существенных вопросов и проблем; дискуссия по ним сможет оказаться далеко не бесполезной. К тому же, хотя от основных положений своей старой статьи я не имею никаких оснований отказываться, однако многое может быть уточнено, развито, дополнено, а главное здесь можно будет затронуть и те сопредельные вопросы, которые уже по самому характеру темы моей старой статьи были заранее исключены из круга рассмотрения.

Итак, обращусь к критике т. Гиммельфарба и посвящу сперва несколько слов своей скромной персоне:

«Из экономической системы Маркса нельзя выбросить ни один кирпич, нельзя опорочить ни одно положение, не рискуя или же сознательно не ставя себе задачу взять под сомнение увязанность и прочность всего здания. Развить Маркса можно, лишь целиком опираясь и исходя из марксовых положений. «Развивать» Маркса, опорачивая отдельные положения Маркса, можно только в том случае, если сознательно ставят себе цель ревизовать его, или же, в лучшем случае, несознательно готовят почву для ревизии. Вся история борьбы марксистов против всяких сортов ревизионистов целиком подтверждает правильность вышеуказанного утверждения. Ниже мы попытаемся ликвидировать одну легенду, с легкой руки Розы Люксембург распространившуюся по всему свету, а у нас в СССР,—в лице т. Познякова,—получившую законченное «теоретическое оформление» [2]).

Смысл этого грозного вступления ясен: т. Позняков, очевидно, и принадлежит к сей породе «развивателей» Маркса, т.-е. к числу злостных или, в лучшем случае, неумышленных ревизионистов, да к тому же выступающих с «теоретическим оформлением» своего ревизионизма. Как говорится, «из песни слова не выкинешь», и я было уже примирился с этим печальным положением «ревизиониста», но тут же меня взяло сомнение: ведь я оказываюсь—по словам самого же т. Гиммельфарба—в весьма почетной компании, которой можно гордиться. Одновременно со мной в число злостных или неумышленных ревизионистов всей системы Маркса попала и Роза Люксембург, с той, пожалуй, разницей, что если я ревизионист в масштабе СССР, то она ревизует Маркса в мировом масштабе. Вот уже поистине «для красного словца не пожалею и родного отца»!

В дальнейшем т. Гиммельфарб так прямо и пишет: «Предпринятая Розой ревизия Маркса в этом пункте (в вопросе о воспроизводстве золота)...» [3]). И у тов. Гиммельфарба наготове уже целая теория о корнях такого ревизионизма: «Не говоря уже о том, что рассуждения Розы Люксембург не верны по существу, Роза, а вместе с ней и т. Позняков, просто не поняли XII раздел 20-й главы II тома «Капитала» [4]). Итак, причина уже перестает носить такой свирепый характер. Дело, оказывается, не в желании «ревизнуть», а просто в том, что и Р. Люксембург и т. Позняков «не поняли». Что понял и как понял сам т. Гиммельфарб, об этом речь пойдет ниже. Но, во всяком

реализации Р. Люксембург (изд. «Прибой», 1925 г.). Обе работы появились почти одновременно с появлением в печати моей статьи.

[1]) «К вопросу о месте денежного материала в схемах воспроизводства Маркса».

[2]) См. указ. статью т. Гиммельфарба, стр. 199.

[3]) Указ. статья, стр. 205.

[4]) Там же.

случае, раз дело идет о «непонимании» или, правильнее, о различном понимании, то тут возможна дискуссия. Догмата о марксистской непогрешимости т. Гиммельфарба я не признаю,—об этом я заявляю во избежание всяческих недоразумений с самого же начала; впрочем, навряд ли и сам т. Гиммельфарб претендует на роль папы от марксизма. А посему, повторяю, тут можно спорить.

Хотя... хотя, кажется, и спорить-то не о чем. Ведь несколькими страницами ниже сам же т. Гиммельфарб пишет: «Если рассматривать деньги лишь в качестве средств обращения, то тогда и т. Роза Люксембург, и т. Позняков, и солидаризировавшийся с ними тов. Дволайцкий (поздравляю, кстати, т. Дволайцкого со званием «ревизиониста». *В. П.*) целиком правы против Маркса, тогда Маркс ошибся...» [1]).

Однако раскрываю столь инкриминируемую мне статью: начиная с первых же строк я все время подчеркиваю, что анализирую деньги именно в качестве средства обращения; ведь в процессе воспроизводства, «рассматриваемого с точки зрения его внешнего проявления в обращении» [2]), мы встречаемся с ними в их реальном или, лучше, в их вещном бытии только в этой функции, так как только относительно денег как средства обращения (и как сокровища, поскольку оно служит резервом обращения) и можно вообще ставить вопрос об их количественной определенности. Напомню только формулу Маркса о необходимом количестве денег, данную в I томе «Капитала». Иначе пусть т. Гиммельфарб попробует вывести формулу необходимого количества денег как всеобщего эквивалента или меры ценности [3]).

Правда, тут т. Гиммельфарб выдвигает то возражение, что разбираемая мною проблема, собственно говоря, не является проблемой, а что самую главную проблему я и не заметил, и что, добавлю, наличие этой главной проблемы и заставляет помещать деньги в I подразделение. Но здесь мы упираемся в вопросы методологии.

Однако теперь можно все же заметить, что такая постановка вообще и логически нелепа. Если действительно деньги как средство обращения должны попасть во II подразделение, а деньги в их функции всеобщего эквивалента и меры ценности в I подразделение, то мы тем самым попадаем в безвыходное положение. Куда же в таком случае прикажете отнести деньги? Ведь категорию «деньги» во всей их вещной реальности никак нельзя растащить по отдельным функциям; она представляет единство всех функций. Не может быть всеобщего эквивалента, который в то же время не функционировал бы также «непосредственно своим телом или через заместителей» [4]) в качестве средства обращения; а представить себе средство обращения, оторванное от функции всеобщего эквивалента—это и значит создать себе «самую дикую теорию» [5]).

Возвращаюсь опять к своему ревизионизму: мы видим, что эта теория моего ревизионизма у тов. Гиммельфарба сама далеко не лишена противо-

---

[1]) Там же, стр. 210.

[2]) См. мою статью «Деньги в схемах воспроизводства Маркса», стр. 157.

[3]) «Цена или денежная форма товаров, как и их форма ценности вообще, есть форма, отличная от их видимой, реальной, телесной формы, есть, следовательно, только идеальная или мысленная, представляемая форма». «Так как выражение ценности товаров в золоте является идеальным, то для этой операции может быть употребляемо также лишь идеальное или мысленно представляемое золото»... «Каждый товаровладелец знает,... что ему не нужно ни одной крупинки реального золота, чтобы миллионные товарные ценности оценить в золоте. В своей функции меры ценности деньги поэтому служат в качестве лишь мысленно представляемых или идеальных денег» (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 46. Разрядка моя).

[4]) Капитал, т. I, стр. 71.

[5]) Там же, стр. 46.

речий. Но, по крайней мере, до сих пор я шествовал рука об руку с Р. Люксембург. Однако на стр. 206 оказывается уже нечто иное: «Считаем необходимым отметить, что и Роза и Позняков бросают Марксу одно и то же обвинение, но ставят перед собой совершенно различные задачи: Розе необходимо отметить ошибку Маркса, чтобы с тем бо́льшим успехом доказать невозможность накопления в капиталистическом кругу,—Позняков же отмечает «частную ошибку», желая еще больше укрепить всю теорию Маркса. Позняков исходит из основного теоретического положения Маркса, что возможны реализация и накопление внутри капиталистического круга».

Позвольте, что же в конце концов получается? Тов. Позняков начал с выбрасывания кирпичей, т.-е. с злостной или неумышленной ревизии, дальше он перестал «понимать» Маркса, а тут вдруг он снова приобретает эту способность и «исходит из основного теоретического положения Маркса».

Разгадка всей этой странной истории проста: тов. Гиммельфарб увидел «ревизию» там, где эта ревизия совсем не обретается. Те же противоречия, в которых тов. Гиммельфарб запутался в столь простой проблеме моего «ревизионизма», проистекают оттуда же, откуда проистекают и другие его противоречия, в частности противоречия между теорией тов. Гиммельфарба и взглядами по тем же вопросам Маркса. К этому вопросу я сейчас и перейду, тем более, что дискуссия в этой плоскости дает возможность еще раз выяснить некоторые основные проблемы теории Маркса.

Тов. Гиммельфарб решил не следовать за злополучным тов. Позняковым. Если тот ограничивается выбрасыванием «отдельных кирпичиков», то тов. Гиммельфарб решил сразу бить по фундаменту: он, прежде всего, дает свою методологическую установку. Поэтому и мы обратимся к «проблеме народно-хозяйственного баланса как исходному пункту исследования»,—так озаглавлен 1-й раздел статьи тов. Гиммельфарба, носящий, как мы только что сказали, сугубо методологический характер. Итак, «какую бы общественную форму производства мы ни попытались изучить с точки зрения ее воспроизводства,—исходным и конечным пунктом анализа должен быть народно-хозяйственный баланс данной общественной системы» [1]). Данная проблема в условиях капиталистического общества, по Гиммельфарбу, и «сводится к тому, как на основе анархического, через рынок, приспособления хозяйствующих суб'ектов к общественному целому об'ективно формируется капиталистический народно-хозяйственный баланс. Эту теоретическую проблему решает К. Маркс во всех трех томах своего «Капитала»,—так пытается учить нас «марксизму» тов. Гиммельфарб. Каюсь, в простоте душевной до сих пор я полагал, что проблема, интересующая Маркса в «Капитале», заключается в другом—в отыскании или вскрытии закона движения капиталистического общества, т.-е. в открытии закона его развития, а тем самым и закона его уничтожения. Маркс,—до сих пор думал я,—критически преодолел всевозможные утопические построения своих предшественников, этих ранних критиков капитализма—утопических социалистов. Они пытались «уничтожить» капитализм той или иной хитро придуманной социалистической схемой общества. Безумию капиталистического общества они противопоставляли свой социалистический разум; но капитализм мало желал считаться с их «разумом». Более того, именно в силу этого обстоятельства с ними произошло любопытное qui pro quo. В построении своих социалистических идеалов они исходили при этом из типичного «буржуазного разума». Свой социализм они хотели построить на краеугольном камне товарного, т.-е. буржуазного, общества; они желали «конституировать» ценность, тогда как эта ценность неизбежно и по своим собственным имманентным законам «конституировала» капитализм. Тем самым их «разум» превращался в красивую, увлекательную, но пустую абстрактную мечту.

[1]) Указ. статья, стр. 199.

Свести эту мечту с заоблачных высей благих пожеланий на грешную землю действительности и стало задачей Маркса. Зачем взывать к благородству и возвышенным чувствам благотворителей—королей и миллионеров, само развитие капитализма неизбежно подготовляет свой собственный крах. Вскрыть диалектику движения капиталистического общества—это и значит притти к исторической необходимости той «экспроприации экспроприаторов», к которой пришел Маркс в результате анализа капитала и его движения. Но для того, чтобы вскрыть это движение, выявить его законы, для этого нужно проникнуть в сущность данного способа производства, отнюдь не ограничиваясь той внешней видимостью, в которой, однако, только и выступает эта сущность. Познать эту видимость, эту рыночную капиталистическую сутолоку, где господствуют обыденные представления агентов буржуазного производства, познать ее как необходимую и неизбежную форму проявления этой сущности—такова вторая задача Маркса, неразрывно связанная с первой и вытекающая из нее, которая также составляет тот предмет исследования, которым Маркс занимался на протяжении всех трех томов своего труда. Так, по крайней мере, до настоящего времени я представлял себе дело и теперь, что бы ни говорил тов. Гиммельфарб. Однако это, очевидно, тоже приходится теперь относить за счет моей «ведением или неведением» учиняемой ревизии. Ибо приходит тов. Гиммельфарб со своим балансом и одним махом превращает Маркса буквально в какую-то жалкую и смешную фигуру.

На самом деле, посмотрите, что у него получается: Маркс изо всех сил тщится—и с точки зрения тов. Гиммельфарба это ему удается—теоретически разрешить проблему народно-хозяйственного баланса для капиталистического общества; он составляет схемы, которые «имеют вполне реальное бытие, отображая капиталистическую действительность» [2]), хотя тут же, несколькими строками выше, сам же тов. Гиммельфарб об'явил сию проблему баланса в капиталистическом обществе невозможной практически: «Развитие капитализма ведет к беспрерывному накоплению противоречий, к абсолютной невозможности практически [3]) разрешить проблему народно-хозяйственного баланса Однако невозможность практического решения проблемы ни в коем случае не препятствует теоретическому ее решению, т.-е. не мешает установлению об'ективно вполне достоверных имманентных процессов, совершающихся в недрах капиталистического общества» [3]).

Тут только попутно отметим, что развитие своего методологического исходного пункта также ведет тов. Гиммельфарба к «беспрерывному накоплению противоречий». Одно из двух: или баланс практически абсолютно невозможен—тогда незачем его и изучать теоретически, ибо такое изучение в таком случае вполне уподобится другому не менее полезному изучению проблемы о том, где помещается пуп земли, т.-е. мы попросту зря затратим время. Или теоретическое изучение даст нам свои полезные результаты, но это может иметь место только в том случае, если оно бу-

[2]) Указ. статья, стр. 200.
[3]) Последнее слово подчеркнуто нами.
[3]) Там же.

дет теоретически отражать нечто существующее в реальности; но тогда нельзя говорить о его «абсолютной практической невозможности».

Впрочем,... дальше тов. Гиммельфарб говорит об этой практической возможности, т.-е. о капиталистической действительности, в виде «векового» движения или о «тенденции и характере всего экономического движения системы» [1]).

Итак, «трудность изучения и решения проблемы движения капиталистической хозяйственной системы лежит не в плоскости простой «расшифровки» схем К. Маркса, а в анархичности общественного производства. Проблема сводится к тому, как на основе анархического через рынок, приспособления хозяйствующих суб'ектов к общественному целому об'ективно формируется капиталистический народно-хозяйственный баланс» [2]). Другими словами, у нас получается следующая весьма поучительная картина. Бедный капитализм все-таки движется, но в этом своем движении он в силу своей анархичности все время попадает в ухабы всяческих диспропорциональностей, т.-е. никак не может обрести своего тихого, мирного и беспечального «вечного» бытия или «векового движения». Иными словами, он никак не может сбалансироваться. И вот, приходит Маркс: его схемы «по нашему мнению (т.-е. по мнению тов. Гиммельфарба. *В. П.*), целиком разрешают (ют? *В. П.*) интересующую нас проблему» [3]), т.-е. все ту же проблему баланса. И в этом, как думает наш наивный критик, вся великая заслуга Маркса!

Маркс в своем одиннадцатом тезисе о Фейербахе пишет: «Философы лишь об'ясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Но сказанное характерно не только для философской стороны концепции Маркса; его экономическая система точно так же не является каким-то бесплодным умничанием, теоретизированием ради теоретизирования; как говорит сам Маркс, его задачей в этой области было вскрыть закон движения капиталистического общества, познать капиталистическую видимость и ее закономерность, воссоздав для этого эту конкретную действительность путем мышления, но для того, ... чтобы путем практического действия и изменить эту действительность. И философия, и социология, и экономика Маркса насквозь практичны, они зовут к практике, к действию. К какой же практике они должны звать, если согласиться с трактовкой тов. Гиммельфарба?—Как хотите, но никакого «отрицания» тут не получается; наоборот, Маркс выступает в виде какого-то капиталистического замгосплана и... балансирует то, что практически капитализму «абсолютно» не удается сбалансировать, и от чего он терпит такие муки. Одним словом, практическим постулатом и будет как раз это «вековое» движение капиталистической анархической системы.

А теперь мы подошли к главному вопросу и можем спросить, что же «балансирует» Маркс? В чем же заключается эта вечная, по мнению тов. Гиммельфарба, свойственная всем эпохам и формациям проблема народно-хозяйственного баланса?

Однако и тут, прежде чем перейти к этому основному вопросу, нам придется уклонится в сторону и мимоходом отметить одно обстоятельство с тем, чтобы к нему больше не возвращаться. Маркс, по словам нашего критика, своими схемами выполняет «исключительной важности задачу схематического отображения общественного движения между общественными c, v, и m» [4]), ибо «все категории» капиталистического общества

[1]) Там же, стр. 200.
[2]) Там же.
[3]) Указ. статья, стр. 200.
[4]) Указанная статья, стр. 201.

«проявляются в стоимостных формах c + v + m с общественной точки зрения и с точки зрения отдельного капиталистического хозяйствующего суб'екта» [1]).

Итак, категория m есть такая категория, которой оперирует каждый индивидуальный капиталист, по крайней мере, каждый «сознательный капиталист». «Для отдельного капиталиста совершенно безразлично, продаются или нет товары по их стоимостям; следовательно, для него совершенно безразличен самый процесс определения стоимости»—таково мнение Маркса по этому вопросу [2]). Если c, v и m являются представлениями агентов буржуазного производства, как в этом хочет убедить нас т. Гиммельфарб, то ведь тогда оказывается, что Маркс как раз и занимается тем, что «доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает» эти представления [3]). Будьте же последовательны, т. Гиммельфарб, сопричисляйте же Маркса к лику «вульгарных экономистов». Вот уже поистине из «экономической системы Маркса нельзя выбросить ни один кирпич, нельзя опорочить ни одно положение»!

Однако перейдем к главному: что же это, в конце концов, за баланс, который играет столь важную роль, являясь исходным методологическим пунктом, по меньшей мере, проблемы воспроизводства, а если верить т. Гиммельфарбу, то и всей экономической системы Маркса?

Тут мы покинем т. Гиммельфарба и обратимся к самому Марксу.

Исходный методологический пункт вполне ярко и отчетливо устанавливается самим же Марксом в самом начале отдела о воспроизводстве. «Непосредственный процесс производства капитала представляет процесс труда и процесс увеличения стоимости (Der unmittelbare Produktionsprocess des Kapitals ist sein Arbeits uud Verwerthungsprocess), т.-е. процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом—производство прибавочной стоимости» [4]). Отметим здесь еще следующее. В первых двух отделах того же II тома мы узнали, что этот процесс отличается характерной, своеобразной чертой—в то же время он есть процесс движения, еще точнее он—самодвижение, при чем капитал на своем жизненном пути пробегает через две фазы—производство и обращение. Этим именно и характеризуется капитал, как самовозрастающая ценность. Но, строго говоря, капитал во второй фазе своего движения перестает быть капиталом, ибо в процессе обращения, в противоположность процессу производства он не самовозрастает. Но, тем не менее, он не перестает в то же время и быть капиталом: его движение через эту фазу необходимо, чтобы он вообще самовозрастал. Правда, иной точки зрения придерживается т. Гиммельфарб, как мы это увидим впоследствии, но в данном случае он резко и радикально расходится с Марксом. Но благодаря наличию процесса обращения и возникают все мистифицирующие представления агентов буржуазного производства [5]).

Однако обратимся снова к первой цитате из Маркса: как мы видели, в ней Маркс констатирует двойственную природу капиталистического производства. И нужно сказать, что этот двойственный характер Маркс не перестает подчеркивать на всем протяжении своих экономических работ. Так, в I томе «Капитала», закончив анализ процесса труда как такового, Маркс пишет: «Мы видим, что различие между трудом, поскольку он создает потре-

[1]) Там же, курсив наш.
[2]) Капитал, т. II, ч. 2, стр. 334 (изд. 1928 г.).
[3]) «Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства» (К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 288).
[4]) Капитал, т. II, стр. 249 (изд. 1928 г.).
[5]) Об этом см., напр., Капитал, т. III, ч. 2, стр. 296—298 (изд. 1928 г.).

бительную ценность, и тем же самым трудом, поскольку он создает ценность, различие, которое мы установили ранее путем анализа товара, теперь предстает перед нами как различие между разными сторонами процесса производства. Как единство процесса труда и процесса образования ценности, процесс производства является процессом производства товаров; как единство процесса труда и процесса возрастания капитала, он является капиталистическим процессом производства, капиталистической формой товарного производства» [1]). Маркс здесь, между прочим, отсылает к установленному уже раньше различию, но это различие сводится к различению двойственного характера труда, той «двойственной природы заключающегося в товаре труда», которая, как пишет Маркс, «впервые критически указана мною» [2]). И Маркс добавляет: «так как этот пункт является решающим и вокруг него вращается все понимание политической экономии [3]), то его следует здесь рассмотреть ближе» [4]). О том же Маркс говорит и в своей переписке с Энгельсом. В своем письме от 24 августа 1867 г. он пишет Энгельсу: «Самое лучшее в моей книге («Капитале»): 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории о двойственном характере труда покоится все понимание фактов)» [5]). В другом письме, написанном 8 января 1868 г., он снова возвращается к этому вопросу: так, он отмечает по адресу Дюринга: «странно то, что он не заметил три важнейших и совершенно новых элемента книги: ...2) что все без исключения не замечали простой вещи, а именно, что если у товара двоякий характер, если он, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, стоимость меновая, то и труд, воплощенный в товаре, должен иметь двоякий характер... В сущности тут и заключается вся тайна критического понимания» [6]).

Думаю, что нет необходимости множить еще цитаты; читатель, наверное, и сам уже догадался, в чем тут дело. Закончив анализ движения индивидуального капитала под углом зрения его содержания—развития производительных сил и его социальной формы—отношений класса капиталистов и класса рабочих,—при чем сам индивидуальный капитал выступал при этом у Маркса в виде типа,—при чем при этом анализе Маркс отвлекался от этого противоречия, или, вернее, предполагал, что оно всегда без всяких затруднений разрешается благополучно, Маркс переходит к анализу движения всего общественного капитала, и тут это благополучие перестает быть благополучием. Вместо простого, голого предположения перед нами встает проблема. Эта проблема и сводится к «балансу»—если позволено применить столь излюбленный тов. Гиммельфарбом термин,—между этими двумя сторонами капиталистического процесса производства — между процессом труда, как таковым, и процессом производства ценности и прибавочной ценности, или между производством потребительных ценностей и производством меновых ценностей или иначе между движением материально-технических вещей и движением формы ценности, т.-е. ее реализацией.

Эти соображения Маркс и выдвигает на первый план, приступая к анализу процесса общественного воспроизводства. «В 1 книге бы

[1]) Капитал, т. I, стр. 124 (изд. 1907 г.); курсив наш.
[2]) Капитал, т. I, стр. 6 (изд. 1928 г.).
[3]) Под «политической экономией» Маркс разумеет буржуазную классическую политическую экономию, критику которой он предпринимает в «Капитале».
[4]) K. Marx, Kapital, B. I, 10 Aufl., S. 8.
[5]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, М. 1922 г., стр. 144.
[6]) Там же, стр. 145.

подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как единичный процесс, независимо от его повторения, и как процесс воспроизводства: производство прибавочной стоимости и производство самого капитала. Изменения формы и вещества [1]), которые капитал проделывает в сфере обращения, были взяты нами в виде предпосылки, на которой мы не останавливались далее. Таким образом, мы предполагали, что, с одной стороны, капиталист продает продукт по его стоимости и что, с другой стороны, он находит в сфере обращения материальные средства производства, необходимые для того, чтобы возобновить процесс или чтобы непрерывно продолжать его» [2]). Но этого оказывается совершенно недостаточно для анализа общественного воспроизводства. Если верно, что каждый индивидуальный капиталист в капиталистическом обществе всегда может купить то, что ему нужно, если только у него в руках имеются необходимые для этого деньги, то вопрос существенно меняется, если мы берем всю совокупность этих капиталистов; тут встает вопрос, могут ли они найти на рынке требующиеся для них товары (средства производства и рабочую силу, а тем самым встает вопрос о наличии средств существования, необходимых для воспроизводства этого специфического товара—рабочей силы), иными словами, произведены ли данные товары в продолжение предыдущего цикла. «Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и класса рабочих, представляет внутреннее движение в той самой стоимости продукта, которая является результатом всего капитала; и это движение есть возмещение не только стоимости, но и вещества, а потому оно в одинаковой мере обуславливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их материальной формой» [3]).

Коротко говоря, проблема воспроизводства сводится к следующему: каким образом внутри капиталистической формы производства и посредством этой капиталистической формы производится то, что нужно, и притом в надлежащих количествах. Или же, проблему можно формулировать так: каким образом «балансируется» процесс производства, как таковой, т.-е. процесс производства потребительных ценностей, и капиталистическая форма этого производства, т.-е. то обстоятельство, что все производство ведется капиталистами исключительно ради получения прибыли, т.-е. присвоения прибавочной ценности, так как превращения прибавочной ценности в прибыль на этом этапе исследования еще не дано. Эту проблему и решает Маркс в своем учении о простом и расширенном воспроизводстве; характер проблемы определяет вместе с тем и исходный методологический пункт: им является все то же противоречие, заложенное в труде или его двойственный характер. Понятно, что при решении этой проблемы, в целях упрощения анализа, Маркс не только мог, но и должен был абстрагироваться от всех моментов, которые несущественны для данной проблемы, хотя в других отношениях они могут иметь громаднейшую важность.

Этим и об'ясняется то, странное на первый взгляд, обстоятельство, что Маркс в анализе проблемы воспроизводства, повидимому, становится на точку зрения плоского и вульгарного Сэя. Так как деньги в пределах данной проблемы, появляются только лишь в качестве посредствующего звена, т.-е. как простое средство обращения, и разве еще в качестве сокровища, как резервуара для средств обращения, то методологически не только допу-

[1]) Курсив наш.
[2]) Капитал, т. II, стр. 250 (изд. 1927 г.).
[3]) Капитал, т. II, стр. 283 (изд. 1927 г.).

стимо, но и необходимо было абстрагироваться от всех прочих функций денег; и не только от функций, но и от сущности денег. Как всеобщий эквивалент, они попадают в поле зрения лишь постольку, поскольку они, в качестве такового, выполняют функцию средства обращения.

Продукт обменивается на продукт!—вот методологический принцип, который на первый взгляд положен Марксом в основу своего анализа проблемы воспроизводства. Но ведь это и есть основное положение Сэя!

Правда, даже и в этих пределах между Сэем и Марксом можно провести два существенные, принципиальные отличия: во-первых, для Маркса продукт есть продукт в условиях товарного или капиталистического производства—он является товаром, т.-е. двойственной вещью, единством потребительной и меновой ценности. К этому противоречию внутри данного единства и сводится в сущности вся проблема: продукт должен реализоваться как потребительная ценность, но для этого требуется его реализация в качестве меновой ценности. Но его реализация как меновой ценности возможна только, если будет реализована и его потребительная ценность. Для Сэя же все дело сводилось к простому, голому понятию продукта вообще; но при этом исчезала и проблема. А, во-вторых, для Маркса это было определенным методологическим приемом, известной абстракцией, совершаемой для о п р е д е л е н н о й ц е л и, для Сэя же это было точной фотографией капиталистической действительности.

В силу все той же методологической установки Маркс при анализе воспроизводства отвлекается еще и от ряда многих других вещей: от распадения прибавочной ценности на прибыль, процент и ренту, от роли кредита; всюду предполагается реализация по ценности, т.-е. он абстрагируется от колебаний цен и т. д., и т. д. Правда, как это часто встречается у Маркса во втором и третьем томах, которые не были подвергнуты им окончательной обработке, а остались в виде ряда отдельных рукописей, приведенных в порядок и редактированных Энгельсом,—Маркс при анализе ряда проблем делает экскурсы в те области, которые подлежат исследованию в дальнейшем, дает наметки проблем, связанных с трактуемым вопросом, но, «собственно говоря, выходящих за рамки предпринятого исследования. К таким экскурсам и принадлежит § о «воспроизводстве денежного материала» или денег, ибо, вопреки мнению тов. Гиммельфарба, Маркс здесь этот Geldmaterial (денежный материал) ясно противопоставляет золоту как и «blossen Material zu Luxusartikel, Vergoldung etc.» (простому материалу для предметов роскоши, для золочения и т. д.), которые «не заслуживали бы здесь особого упоминания»[1]), ибо они явились бы лишь простым товаром и в соответствии со своей функциональной ролью попали бы в первое или во второе подразделение. То, что в этом разделе о воспроизводстве денежного материала принадлежит собственно к проблеме воспроизводства,—так это три момента: 1) создание достаточного количества денег, как средства обращения, и поддержание этого количества на надлежащем уровне; 2) тот способ, каким вступает в обращение вновь произведенное золото, и 3) отнесение производства золота, как денежного материала, к первому подразделению.

Р. Люксембург и подвергала критике схемы Маркса как раз по линии этого последнего пункта. Она утверждала, что при данных предположенных условиях воспроизводство в этих абстрактных схемах оказывается невозможным. В своей статье, как я указывал уже выше, я и стремился показать несостоятельность не столько этой критики, сколько тех выводов, которые делает отсюда Р. Люксембург, а, кроме того, постарался показать, каким образом следует решить эту частную проблему внутри общей проблемы воспроизводства, а потому взятую в тех же методологических условиях, в каких решает ее Маркс. Тов. Гиммельфарб сам должен был согласиться с правомерностью и правильностью как постановки этой проблемы, так и ее решения. Но при этом мне пришлось отвергнуть отнесение производства денежного материала к первому подразделению (конечно, при данных исходных предпосылках), как находящегося в полном противоречии со всей экономической системой Маркса. Тов. Гиммельфарбу угодно было не согласиться со мной—это его полное право; он выступил на защиту отнесения золота к первому подразделению, но он при этом т а к защитил эту букву Маркса—на мой взгляд по существу и не ошибочную, но трактуемую ошибочно (а я только с такой трактовкой и имел дело), что Марксу решительно не поздоровилось.

Я изложил здесь свое понимание методологии и сущности решения Марксом проблемы воспроизводства,—возможно, что и оно будет квалифицировано т. Гиммельфарбом «как попытка ревизовать Маркса в одном из пунктов его экономического учения».

Чтобы заранее отвести это обвинение, обращусь лучше к методологии самого т. Гиммельфарба.

[1]) К. М а р к с, Kapital, II, 1922, стр. 445 и след.

II.

В чем т. Гиммельфарб видит сущность проблемы баланса, к которой и сводит всю проблему воспроизводства?

«Если характерной чертой,—в конечном счете,—народно-хозяйственного баланса всех предшествующих капитализму[1]) общественных формаций являлась известная взаимосвязанность, взаимоуравновешенность и взаиморазделенность а) натуральных об'ектов общественного производства и б) человеческой производящей силы (количественных затрат труда), то специфические различия, особенности к а п и т а л и с т и ч е с к о й[2]) общественной системы сводятся к обязательности вышеуказанного совпадения со стоимостной пропорцией, т.-е. натуральной (ый? *В. П.*) и трудовой народно-хозяйственный баланс должен быть в то же время и стоимостным балансом (но этого не было, как это вытекает из слов т. Гиммельфарба также и в такой, предшествующей капитализму, формации, как простое товарное общество. *В. П.*). Если в докапиталистических формациях (т.-е. и в товарном обществе. *В. П.*) непосредственно устанавливалась общественная пропорциональность натуральных об'ектов и рабочей силы, то этим практически решалась проблема народно-хозяйственного баланса. Выяснение же об'ективных условий, в которых происходило формирование указанного баланса и методов воздействия на его формирование,—решало теоретически интересующую нас проблему». «В капиталистическом обществе проблема несоизмеримо осложняется необходимостью р а з д е л ь н о г о т е о р е т и ч е с к о г о а н а л и з а[2]) натуральных об'ектов и рабочей силы, с одной стороны, и стоимостных, производственных общественных отношений, получающих вещественное выражение,—с другой; только с о в п а д е н и е (?! Что это значит? *В. П.*) этих моментов является признаком практического сбалансирования народного хозяйства во всех отношениях,—и в отношении пропорциональности между отдельными частями общественного производства, и в отношении известной пропорциональности уровней производительных сил и производительности труда между отдельными отраслями, и в отношении распределения рабочей силы, и в отношении распределения вновь созданного

[1]) Т.-е., следовательно, и простого товарного общества. *В. П.*

[2]) Курсив наш.

богатства (заработная плата и прибыль) и т. д. и т. п. Отсутствие указанной пропорциональности приводит к взрыву,—к кризису» [1]).

Во-первых, доведем до сведения т. Гиммельфарба, что отождествление богатства с заработной платой и прибылью было свойственно политической экономии на первых этапах ее развития; уже Рикардо строго разграничил эти понятия. Во-вторых, что значат конкретно все эти «отношения», это один т. Гиммельфарб ведает; во всяком случае нам придется подождать изложение «теории» т. Гиммельфарба в ее развитом виде, где будут показаны все эти отношения in concreto и in actu.

Кроме того, мы узнаем, что всем формациям, кроме капиталистической, присущи «известная взаимосвязанность, взаимоуравновешенность и взаиморазделенность а) натуральных об'ектов общественного производства и б) человеческой производящей силы». Откровенно скажу, что я не совсем уясняю себе, какой конкретный смысл имеют эти известные «взаимосвязанности и т. д. и т. д.». Что же капиталисту свойственны «неизвестные взаимосвязанность, взаимоуравновешенность и взаиморазделенность», что ли? Или тут совсем нет этих взаимных связанностей, уравновешенности и разделенности? И где их нет—в непосредственном процессе производства или на рынке? Судя по контексту—в первом. Следовательно, в процессе производства на фабрике рабочий не связан, не уравновешен и не разделен с машиной, на которой он работает, и с сырьем, которое он обрабатывает? Но ведь это просто чепуха.

Что же касается существа, то я должен констатировать, что вся суть проблемы т. Гиммельфарбом сводится к «балансированию» между средствами труда, предметом труда и самим трудом, как техническим фактором. Поскольку у него речь идет об увязке натуральных об'ектов производства и затратами труда, то эта проблема как раз и попадает в эту плоскость—в плоскость процесса труда, как такового, или взаимного обмена веществ между человеком и природой. Правда,—продолжает т. Гиммельфарб,—этот баланс должен совпадать со стоимостным балансом. Но в таком случае стоимостный баланс будет сводиться к балансу между c и v; если же при этом т. Гиммельфарб привлекает и m, то его ни в коем случае нельзя упрекнуть в последовательности; m в таком случае прокрадывается в его баланс контрабандой.

Читатель, несомненно, уже заметил, что так трактовать учение Маркса о воспроизводстве—это значит буквально выхолостить оттуда всю суть проблемы воспроизводства. Но т. Гиммельфарб и на этом не останавливается. Оказывается, что для решения сей премудрой задачи, которую, кстати сказать, каждый капиталист великолепно решает на своем предприятии, требуется еще оторвать натуральные об'екты и рабочую силу от стоимостных, т.-е. общественных, отношений—«необходим раздельный теоретический анализ». И это называется «восстановлением» истинных взглядов Маркса. Бедный Маркс! К слову сказать, не даром т. Гиммельфарб тут констатирует фактическую невозможность этого балансa; это вполне верно. Ибо в капиталистическом обществе мы всегда имеем налицо промышленную резервную армию! c и v в общественном масштабе, взятые в их материальном бытии, никак не балансируются и не могут сбалансироваться в силу имманентных законов самого капитализма. И сколь великолепна оказывается теория Маркса, пытающаяся все же теоретически изыскать сей баланс, сиречь конституировать капиталистическое общество без наличия резервной промышленной армии, а следовательно, и без классовых противоречий! [2]).

[1]) Указ. статья ,стр. 199—200.

[2]) «Наконец, закон, который всегда поддерживает равновесие между относительным избытком населения или промышленной резервной армией и размером и

Неудивительно, что при такой методологии т. Гиммельфарб начинает недоумевать по поводу самых простых вещей. Так, на стр. 202 он пишет: «Марксисты, в лице Булгакова и др., а вместе с ними и Ленин (так, так—Ленин вместе с марксистами! Стало быть, сам он не был марксистом; нет, положительно язык т. Гиммельфарба—враг его. *В. П.*) осмеивали,—предвосхищая возражения тт. Розы Люксембург и Познякова (опять-таки, марксисты вместе с Лениным предвосхищали возражения Р. Люксембург и Познякова; тогда о чем же спор? *В. П.*),—ставшего знаменитостью золотопромышленника, олицетворявшего специальную якобы необходимость в особых деньгах для реализации всего капиталистического продукта. Они осмеивали эту фигуру потому, что она появлялась вне круга общественного воспроизводства и символизировала якобы специальную необходимость в третьем равноправном члене, на ряду с разделами I и II, без которого будто бы немыслимо воспроизводство!».

В I подразделение входят все отрасли, производящие средства производства, во II—все, производящие средства потребления. Золото не падает с неба, оно производится, в том числе производится и золото для нужд денежного обращения, стало быть мы имеем особую отрасль производства—золотопромышленность, которая так или иначе должна войти в схемы. Ни т. Р. Люксембург, ни т. Позняков никогда не утверждали, что производство золота должно быть вынесено за пределы производства вообще. Вся их «ошибка» к заключалась в том, что они не возвращались к давно преодоленным представлениям ранних классиков, что деньги—просто товар, и вместе с тем не хоронили и самую проблему. Вопрос идет о том, куда входит эта отрасль, принимая во внимание функциональную роль ее продукта, в какое именно подразделение? Но т. Гиммельфарбу смешно, что золото как деньги производится золотопромышленностью. Очевидно, он полагает, что оно вырабатывается на колбасной фабрике, или, виноват,—он относит его к I подразделению—на бумагопрядильных.

А, во-вторых, отсюда же проистекает и еще одно нападение нашего критика на мою статью. В ней я привел слова Маркса о том, что издержки денежного обращения являются faux frais товарного обращения, при этом я, в целях экономии места, сделал некоторые выпуски, не имеющие отношения с точки зрения трактуемой мной проблемы. Тов. Гиммельфарб по этому случаю также разражается гневной филиппикой; он приводит эту цитату из Маркса целиком и продолжает: «Деньги—это определенный товар, обслуживающий обращение товаров. Поэтому производство этих товаров «это—faux frais товарного производства вообще». Маркс здесь всеми буквами говорит о товарном производстве. Там, где в этой цитате употребляется термин «капиталистическое производство», недвусмысленно указывает лишь на те черты, которыми характеризуется капитализм лишь в качестве всеобщего товарного производства. Здесь нет попытки характеризовать капитализм в качестве системы, эксплоатирующей рабочую силу, выкачивающей прибавочную стоимость. Тов. же Позняков, выбрасывая некоторые места, подчеркнутые нами, создает впечатление, будто бы речь идет о faux frais капиталистического производства, а не товарного вообще. Если бы была верна трактовка т. Познякова, то тогда, безусловно, эти faux frais должны падать только на то специфическое, которое характеризует капиталистическое общество,—прибавочную стоимость, а не то специфическое, которое характеризует товарное общество—товар» [1]).

энергией накопления, сильнее приковывает рабочего к капиталу, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале». К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 464 (изд. 1907 г.).

[1]) Указ. статья, стр. 214.

Позвольте, позвольте, т. Гиммельфарб! Ведь только что на предыдущей странице вы уличили меня в некоей «реформе» текста Маркса. Я цитировал следующие слова Маркса: «Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это—faux frais товарного производства (здесь тов. Позняков приписывает слово «в о о б щ е» и ставит точку—критически констатирует т. Гиммельфарб. *В. П.)* и, в особенности, капиталистического производства». Но, ведь, в только что приведенной цитате вы как раз говорите т о ж е с а м о е, стало быть я имел полное право прибавить слово «вообще» и поставить точку. Но тогда при чем тут «критика» нашего критика?

Напомню, что в первоначальном своем виде моя статья представляла доклад, сделанный мной в семинаре перед слушателями Института Красной Профессуры (на 1 курсе). Я исходил из того оправданного опытом предположения, что они обладают уже известным знакомством с экономической системой Маркса. Так, я исходил из того, что им известно уже, что капиталистическое производство есть наиболее развитая форма товарного производства—абсолютная форма товарного производства, как пишет Маркс в одном месте. И если я к «товарному производству» прибавил слово «вообще», то тем самым я охватил и простые товарные отношения, и капиталистическое производство, а, следовательно, я тем самым ставлю вопрос о таких явлениях, которые в равной степени, по крайней мере принципиально, присущи всякому товарному производству, в том числе и капиталистическому. Если же я дальше говорю о том, что эти издержки в условиях капиталистического общества падают на m, т.-е. исследую капиталистическое общество, то это я делаю потому, что и сам Маркс ставит эту проблему также в условиях капиталистического производства. Хотя легко сообразить, что эта проблема стоит также и в простом товарном обществе, так как и товарное производство является тоже единством двух процессов: процесса труда и процесса создания ценности. А уж ваш «баланс», т. Гиммельфарб, и подавно существует и в простом товарном обществе, хотя вы и сводите его там к чисто т е х н и ч е с к о м у мероприятию. Так что эту свою претензию адресуйте по надлежащему адресу, а именно по адресу Маркса.

Отвечая же по существу, скажу, что в этом отношении нет различия между простым товарным и капиталистическим обществом. И там, и тут faux frais денежного обращения только и могут падать на вновь созданную ценность. И точно так же, как в простом товарном обществе, они не могут упасть на ту часть вновь созданной ценности, которая необходима товаропроизводителю для его существования, точно так же в капиталистическом обществе она только и может упасть на m.

Понятно, что так дело обстоит в абстрактном теоретическом анализе, при котором исходят из предпосылки, что рабочая сила продается по ее ценности. И если т. Гиммельфарб говорит, что «значит и товар—рабочая сила своей заработной платой оплачивает эти faux frais обращения», то, оставаясь на почве тех предпосылок, которые приняты Марксом при анализе воспроизводства, он должен сейчас же сказать: посему ценность рабочей силы сейчас же должна возрасти на всю эту сумму падающих на нее faux frais обращения, а тем самым прибавочная ценность на ту же сумму уменьшится. Иначе рабочие не получили бы ценности своей рабочей силы, а это противоречит принятой предпосылке. Но если речь идет о реальной капиталистической действительности, то я всецело подписываюсь под словами т. Гиммельфарба; в действительной капиталистической жизни навряд ли когда-либо рабочий получает ценность рабочей силы: он всегда получает меньше. И издержки обращения, на ряду с целым рядом других издержек,

падают в своей главной массе на него. Тут дело идет о расходах по чеканке новых монет, обычно же они покрываются за счет государственной казны; доходы же государства покрываются налогами. А как организована налоговая система в капиталистических государствах, это всякому известно. Но это не возражение против моих рассуждений; это просто методологическая путаница, подобная той, как если бы какой-либо критик вздумал опровергать схемы Маркса тем простым соображением, что в них он говорит о реализации товаров по ценностям, тогда как всем известно, что в капиталистическом обществе товары продаются по ценам производства.

Однако это возражение понадобилось т. Гиммельфарбу для того, чтобы перейти к центральному пункту своих построений, т.-е., другими словами, чтобы включить золото в I подразделение. Эти faux frais обращения являются «категорией» отношений товаропроизводителей вообще, они являются издержками обращения вообще и посему, как полагает т. Гиммельфарб, они должны падать не на m, а на товар вообще, то «специфическое, которое характеризует товарное общество». Он полагает также, «что капитализм притянут т. Позняковым за уши; faux frais обращения ложатся одинаково на весь товарный мир, а не только на прибавочную стоимость». И он полагает также еще, что «только в теоретической схеме «можно» установить механизм, перекладывающий все эти ложные расходы обращения на прибавочную стоимость; в об'ективном же мире экономических явлений капитализма, как товаропроизводящего общества, существует лишь механизм, перекладывающий эти faux frais на весь товарный мир без исключения».

Во-первых, здесь прямо великолепно это противопоставление «теоретической схемы» «об'ективному миру экономических явлений». Положим, «теоретическая схема» т. Гиммельфарба противоречит об'ективному миру экономической действительности, но если обобщить это положение, то тогда с таким же правом мы можем сказать, что и самую категорию прибавочной ценности «можно» установить лишь в «теоретической схеме», а «в об'ективном мире экономических явлений» капитализма прибыль получается в результате простого использования капитала как капитала. А так как т. Гиммельфарб явным образом отдает приоритет «действительности», а не «схеме», то по существу он тут «делает великое открытие, когда он раз'яснению внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях (т.-е. в об'ективном мире экономических явлений. *В. П.)* вещи имеют иной вид». Здесь я тоже ставлю точку и предоставляю самому т. Гиммельфарбу восстановить всю мысль Маркса полностью.

Но, перебравшись на точку зрения видимости, т. Гиммельфарбу volens-nolens приходится говорить совсем непонятные вещи — по крайней мере, откровенно скажу, я их не понимаю, должно быть, по природной слабости своего мышления.

Эти faux frais,—так аргументирует наш критик,—должны падать на все без исключения товары, об этом заботится сам закон ценности. «В реальном товарном обществе [1]) существует механизм нивелировки по несению тяжести faux frais обращения между всеми товарами: это—закон стоимости через равенство цен. Ибо равенство товаров проявляется через равенство цен; равенство качественно различных продуктов-товаров—через равенство норм прибыли; равенство рабочей силы—через заработную плату и т. д. Повторяем, Маркс отнес воспроизводство золота к разделу I еще и потому,

[1]) Мы очень извиняемся за новую длинную цитату; но, во-первых, переложить своими словами весьма затруднительно, во-вторых, тут есть такие перлы, что жаль не преподнести их снова читателю, а, в-третьих, я боюсь, что мой критик опять закричит, что вот-де т. Позняков снова ставит точки и многоточия где «не нужно».

что только через раздел I об'ективно перекладываются ложные расходы обращения на весь товарный мир. Если бы Маркс отнес золото к разделу II, то это означало бы, что он теоретически допускает переложение только на ту часть товаров, которые входят в индивидуальное потребление рабочих и капиталистов. Тогда обязательно было бы и предположение, что в главной своей части эти расходы падают преимущественно на рабочих, так как предметы индивидуального потребления падают бо́льшей своей частью на потребление рабочих. Отнесение производства денежного золота в особый третий раздел в данной связи предполагает перенос всех расходов на прибавочную стоимость. Но в том-то и дело, что, хотя известная закономерность в соотношении между производством золота—денег, как средства обращения и всем общественным воспроизводством, должно быть, но это не предрешает вопроса о тяжести расходов, падающих на отдельные социальные классы и группы, и о механизме, распределяющем эту тяжесть. Тяжесть расходов падает не в том отношении, или, лучше сказать, не в том отсутствии отношений, которое описывает т. Позняков. Распределение тяжести устанавливается самим фактом соотношения стоимостей различных категорий товаров, распадающихся на части: для рабочих, для потребления капиталистов, для производства и т. д. Это распределение определяется соотносительными долями участия капиталистов, как производителей товаров и потребителей прибавочной стоимости, с одной стороны, и рабочих, как массовых потребителей,—с другой, в обращении товарной массы. Только через I подразделение,—механизмом закона стоимости,—возможно равномерное распределение расходов по отдельным товарам. Опасения т. Познякова, что такое допущение, сделанное Марксом, ликвидирует об'ективный закон стоимости, а вместе с ним и теорию стоимости Маркса, уловившей названный об'ективный закон, безосновательным. (Итак, допущение Маркса, оказывается, может ликвидировать о́б'е к т и в н ы й закон товарного мира! Чудеса в решете, да и только! *В. П.*). Faux frais не перекроют, как это думает тов. Познаков, постоянную часть, так как они сами занимают некоторую постоянную часть в этой постоянной части (час от часу не легче! *В. П.*). Опасения тов. Познякова, что «отнесение золота к элементам постоянного капитала неизбежно логически опрокидывает всю теорию стоимости Маркса», напоминают лишь теорию Адама Смита, который рассуждал, примерно, следующим образом: «стоимость каждого товара, хотя и включает в себя постоянную часть, но ведь эта постоянная часть со своей стороны включает как с, так и v; а это «с», со своей стороны, включает как с, так и m, и т. д. В таком случае, теоретически правильно было бы говорить лишь о том, что товарная емкость включает в себя лишь v и m». Отсюда произошло уничтожение с, а с ней стоимости, и непонимание условий общественного воспроизводства» [1]).

Я попрошу читателя еще раз внимательно перечитать эту длинную цитату и дать после этого ответ: может ли он найти в ней какой-либо смысл? Конечно, смысл с точки зрения марксистской экономической теории—иной, и весьма плохой, можно было бы вскрыть без труда. Но я отбрасываю это предположение, явно нелепое по отношению к т. Гиммельфарбу, и думаю, что здесь дело об'ясняется проще:

Wo Begriffe fehlen.
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein.

А слов, действительно, сказано много.

Прежде всего, т. Гиммельфарб в другом месте бросил мне упрек, что я совершенно неправильно анализирую данную проблему в условиях капитализма. Методологически, утверждает он, ее нужно ставить в условиях простого товарного общества. Однако тут же он сам начинает говорить о равенстве «норм прибыли», о «заработной плате». Но ведь это категории, которых в простом товарном обществе не дано.

[1]) Указ. статья, стр. 215.

Дальше, что значит вообще «закон стоимости через равенство цен» в качестве «механизма нивелировки по несению тяжести faux frais обращения между всеми товарами»? Каким образом «равенство товаров проявляется через равенство цен»? И вообще, что значит это «равенство товаров»? В каком отношении они «равны»? А как быть, если перед нами такие товары, как селедка ценой в 20 коп. и 400 гр. колбасы ценой в 75 коп.? Здесь нет равенства цен,—что же, следовательно, нельзя говорить и о равенстве товаров, ну, хотя бы, в том смысле, что они суть продукты абстрактно-человеческого труда вообще?—Виноват, если мы имеем «качественно различные продукты-товары»,—а мы как раз и имеем такой случай,—то их равенство устанавливается через равенство норм прибыли. Получается форменная «темна вода во облацех небесных», хотя видимость и получается сверхученая.

Весь этот набор фраз понадобился т. Гиммельфарбу для того, чтобы обосновать свое отнесение производства золота к I подразделению. Иначе де faux frais обращения должны упасть только на предметы индивидуального потребления, а они должны падать на все товары. И «распределение тяжести—как мы видели—устанавливается самим фактом с о о т н о ш е н и я с т о и м о с т е й различных категорий товаров, распадающихся на части: для рабочих, для потребления капиталистов, для производства и т. д. Это распределение определяется с о о т н о с и т е л ь н ы м и д о л я м и у ч а с т и я капиталистов, как производителей товаров и потребителей прибавочной стоимости, с одной стороны, и рабочих, как массовых потребителей, с другой, в обращении товарной массы». Новый перл! Чтобы постигнуть всю глубину возражений т. Гиммельфарба, я предложу своему критику решить следующую самую простенькую задачу: дан капиталист—владелец колбасной фабрики, на которой произведены наши прежние 400 гр. колбасы ценой 75 коп., дан также рабочий, который решил купить и потребить эту злополучную колбасу. Итак, спрашивается, как определить «соотносительную долю участия» данного капиталиста, «как производителя», и рабочего, «как массового потребителя», в данной ценности—75 коп. этих 400 гр. колбасы на основе всех вышеприведенных пресловутых равенств?—Несмотря на видимую простоту ее «решения» (ведь и решать тут нечего: задача поставлена нелепо), ее решение играет чрезвычайно важную роль в концепции т. Гиммельфарба. Ибо «только через I подразделение — механизмом закона стоимости—возможно (это только что обрисованное. *В. П.*) равномерное распределение расходов по отдельным товарам».

Тут мне спять приходится—да простит мне читатель эти постоянные отклонения в сторону—сделать маленький экскурс в область истории экономической мысли. А. Смит был, бесспорно, крупнейший экономист своего времени; это не исключает того, что в его теории имела место порядочная путаница, естественная, впрочем, у экономиста, которому, по словам Энгельса, при построении своей теории приходилось пробиваться буквально еще сквозь хаос. Однако при всех его противоречиях и при всей его путанице он никогда не смог бы сказать той, попросту сказать, глупости, которую т. Гиммельфарб вкладывает в его уста, а именно, что «товарная е м к о с т ь включает в себя лишь v и m». Правда, Адам Смит давно умер, но нельзя же трактовать его в качестве мертвой собаки.

А теперь снова обращусь к более интересному вопросу—куда следует отнести производство денежного материала — к I или II подразделению. Я говорил уже выше, что в вопросе о производстве (или воспроизводстве)

золота как денежного материала только и возможна контроверза между отнесением его к первому или второму подразделению; нельзя сконструировать никакого самостоятельного третьего подразделения, в полне аналогичного двум первым. Если мы в целях анализа и выделим третье подразделение и, не следуя примеру Р. Люксембург, попробуем приписать его не чисто-механически к двум подразделениям Маркса, а органически увязать с ними, исходя из основных законов простого или расширенного воспроизводства, то сейчас же и обнаружится, что эта третья строка по существу явится лишь выделенной частью первого и.ли второго подразделения.

В самом деле, возьмем простое воспроизводство: здесь Марксом устанавливаются следующие законы:

$$\text{I. } C_I + C_{II} = C_I + V_I + M_I$$
$$\text{II. } C_{II} + V_{II} + M_{II} = V_I + M_I + V_{II} + M_{II}$$

Отсюда и получается основное условие простого воспроизводства

$$C_{II} = V_I + M_I$$

Теперь возможны два случая: или мы отнесем третий ряд—$C_{III} + V_{III} + M_{III}$—к I подразделению, тогда это равенство примет следующий вид:

$$C_{II} = V_I + M_I + V_{III} + M_{III}$$

Или же мы отнесем его ко II подразделению, в таком случае будем иметь:

$$C_{II} + C_{III} = V_I + M_I$$

Для наглядности проиллюстрируем на числовом примере.

В первом случае:

I.	3960_c +	990_v +	990_m =	5940
II.	2000_c +	500_v +	500_m =	3000
III_s.	20_c +	5_v +	5_m =	30
				8970

А во втором:

I.	4000_c +	1000_v +	1000_m =	6000
II.	1980_c +	495_v +	495_m =	2970
III_s.	20_c +	5_v +	5_m =	30
				9000

И в том, и в другом случае мы получаем трехчленную схему; однако в первом случае оказалось разложенным I подразделение, а во втором—II подразделение. Если т. Гиммельфарб усматривает в этом ревизию Маркса, то пусть этот свой упрек он опять-таки обратит по адресу Маркса, который также разлагал II подразделение на производство предметов потребления рабочих и производство средств роскоши для капиталистов, т.-е. точно также давал трехчленную схему.

Повторяю, весь спор и может итти только о том, к какому из двух подразделений следует отнести этот выделенный третий ряд—воспроизводство денежного материала. Замечу, что я знаю только одного принципиального сторонника такого трехчленного деления,—а именно тов. Гиммельфарба. Правда, на словах он энергично возражает против допустимости такого построения третьего ряда, но в то же время фактически он дает принципиальное обоснование для такой самостоятельной третьей строки. Как известно, в схеме Маркса оба подразделения связаны определенной количественной зависимостью. Начиная с равенства $C_2 = V_1 + M_1$, между всеми остальными элементами схемы устанавливается необходимая связь. «Когда говорят о простом воспроизводстве, то теоретически представляют себе какие-то (? *В. П.*) данные границы для каждого товарного продукта; тогда имеют в виду какие-то постоянные пропорции между отдельными отраслями общественного производства, между отдельными категориями, как-то, например, прибыль и заработная плата, деньги в обращении и т. д.» [1]).

HOOVER LIBRARY

Но... «в отношении денежного материала,—золота,—это предположение в такой голой форме отпадает. Для денежного материала границы устанавливаются совершенно иные. Золото не подчиняется общим границам, даже в пределах простого воспроизводства» [2]). Дальше тов. Гиммельфарб снова подчеркивает эту особенность: «Золото же, — пишет он,—находится в привилегированном положении. Увеличенное производство золота сверх потребного покрытия кризиса (? Очевидно опечатка. *В. П.*) износа обращения, даже при отсутствии расширенного его воспроизводства, даже при простом общественном воспроизводстве, не может привести к кризису» [3]). Это значит, что денежный материал по своей об'ективной роли не ограничен в своем производстве только потребностями производства, индивидуального потребления и денежного обращения» [4]).

Но отсюда логически неизбежно только и может вытекать принципиальная необходимость самостоятельного третьего ряда—производство товара, не подчиняющегося общим законам воспроизводства.

Различие этих двух данных нами схем очень существенно, если мы последим реализацию в них. Мы не будет прослеживать ее целиком, это—вещь нетрудная; отмечу только одно, а именно, что в первом случае золото, в котором воплощено III_s с, т.-е. золото как средство обращения, in natura в своей золотой вещественности и в своей денежной форме должен войти в постоянный капитал I с или заместить сношенные средства производства в III_s, т.-е. реально золото должно заместить или сношенный сверлильный станок, или какую-нибудь драгу. А с другой стороны, $III_s v + III_s m$ naturaliter должно заместить сношенные средства производства во II подразделении, т.-е. заместить сношенный ткацкий станок или такое сырье, как мясо у нашего колбасного фабриканта. В следующем же цикле золото как деньги, участвуя своим денежным телом в процессе производства той или иной потребительной ценности, будет по мере своего снашивания переносить свою ценность на производимый товар. А так как ценность потребляемых при производстве средств производства сохраняется или переносится только в результате целесообразной затраты живого труда, и притом производительного труда, т.-е. создающего ценность, а в капиталистическом обществе и прибавочную ценность, то, следовательно, подобное представление предполагает, что тот труд, при котором и происходит такое потребление или снашивание денег, является трудом производительным.

Но ведь с деньгами приходится иметь дело лишь в сфере обращения. Ergo обращение есть производство; ergo стирается всякое различие между процессом производства и процессом обращения. А в таком случае ни в какую лупу нельзя обнаружить исторической специфичности капиталистического способа производства. Торговля есть производство—в этом и заключается вся мудрость вульгарного Сэя, да, впрочем, и не одного Сэя.

---

[1]) Гиммельфарб, указ. статья, стр. 209.
[2]) Там же, курсив мой.
[3]) Там же.
[4]) Там же, курсив мой.

Но эти логически вытекающие выводы как раз и не пугают т. Гиммельфарба. Наоборот, их он и провозглашает принципиальным обоснованием своей позиции и отнесения производства денежного материала к I подразделению!

«В таком случае поризводство золота должно войти в I раздел производства средств производства, так как обращение это—капиталистическое производство sui generis производство «обращения», присущее только товарному обществу, а с точки зрения потребления», износ монет в обращении, это—своеобразное производительное потребление» [1]).

Как бы то ни было, но нашего критика нельзя упрекнуть в непоследовательности! Но полемизировать против подобных утверждений, конечно, не приходится. Я могу лишь привести следующие слова Маркса:

«Кроме той грубости, с которой экономист вообще исследует различия форм, действительно интересующие его только с материальной стороны, в основе такого смешения (товарно-торгового и денежно-торгового капитализма с производительным капиталом. *В. П.*) у вульгарного экономиста лежат еще двоякого рода обстоятельства. Во-первых, его неспособность объяснить торговую прибыль со всеми ее особенностями; во-вторых, его апологетическое стремление вывести формы товарного капитала и денежного капитала, а затем товарно-торгового и денежно-торгового капитала, возникшие из специфической формы капиталистического способа производства, который предполагает в качестве своего базиса прежде всего товарное обращение, а следовательно, и денежное обращение,—вывести их в качестве форм, необходимо возникающих из самого процесса производства как такового».

«Если бы между товарно-торговым и денежно-торговым капиталом и производством зерна не было никакого иного различия, кроме такого, которое отличает последнее от скотоводства и мануфактуры, то было бы ясно, что производство и капиталистическое производство вообще тождественны и что в частности распределение общественных продуктов между членами общества как для производительного, так и для личного потребления точно так же должно вечно совершаться при посредстве купцов и банкиров, как потребление мяса при посредстве скотоводства и потребление одежды при посредстве ее фабрикации» [2]).

Нам осталось разобрать еще один спорный вопрос, это—вопрос о XII разделе 20-й главы II тома «Капитала», трактующем о «воспроизводстве денежного материала». Тов. Гиммельфарб полагает, что здесь поставлена совершенно иная проблема, чем проблема, поставленная Р. Люксембург и которая непосредственно интересовала меня в моей статье. С этим я вполне соглашаюсь; я указывал уже выше, что Маркс и во втором, и в третьем томах «Капитала» (особенно же во втором) сплошь и рядом выходит из установленных рамок, попутно намечая те проблемы, к которым он, по общему плану своей работы, должен был вернуться лишь впоследствии.

В самом деле во втором томе «нам, — пишет Маркс, — естественно пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенным формам (Formbestimmungen), которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие структуры (Gestalt) капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, под которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, находящий осуществление среди этих случайностей и регулирующий их, становится заметным лишь при том условии, если соединить эти случайности в крупные массы, и в которой он остается поэтому незаметным и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования (neue Gestaltungen), в которых все более (и более. *В. П.* В оригинале: mehr und mehr) утрачивается нить внутренней связи» [1]).

Эти слова Маркса ясно показывают, какова была его методологическая установка при трактовке проблем II тома. Однако иной раз прямо-таки необходимо, в целях дальнейшего анализа сферы конкуренции или сутолоки капиталистического рынка, протянуть эту нить от такого простого определения формы, обусловленной наличием опосредствующего процесса обращения, к той же форме, но реально наполненной действием конкуренции. Особенно это необходимо при первоначальной разработке проблемы, а ведь известно, что II и III тома «Капитала» и представляют собой первоначальные черновые рукописи Маркса.

Так, напр., в схемах Маркса все время предположена строжайшая пропорциональность; однако это не мешает Марксу все время указывать и на возможность нарушений этой пропорциональности,—возможность, которая реально возникает и обнаруживается в реальном, наполненном вполне конкретным содержанием процессе обращения. Попробую раз'яснить это поближе: в схемах Маркса дана строгая пропорциональность, вместе с тем предположено, что товары реализуются по ценности, что прибавочная ценность целиком реализуется теми капиталистами, на предприятиях которых она и произведена. Попробуйте подставить в те же схемы вместо ценности цены производства и рыночные цены, вместо прибавочной ценности—прибыль, учтите всеобщую погоню всех капиталистов за максимальной прибылью, включите процент, кредит и т. д., и т. д. — и у вас тотчас же пропорциональность превратится в диспропорциональность. Но от всех этих моментов не только можно было отвлечься, но и необходимо было отвлечься при анализе проблемы воспроизводства, т.-е. проблемы пропорциональности по двум линиям—по линии производства потребительных ценностей и по линии производства меновых ценностей, или проблемы их увязки или их единства.

С другой стороны, сама пропорциональность уже предполагает возможность, а стало быть, и неизбежность диспропорциональности; иначе не приходилось бы и говорить о проблеме. Но нельзя и мешать их в одну кучу. С этой точки зрения можно также сказать, что капиталистическое производство, это—единство пропорции и диспропорции; Маркс в отделе о воспроизводстве изучает одну сторону этого единства—пропорцию; но он не может в то же время,—и особенно, подчеркиваю, при первоначальной разработке проблемы,—не указывать и на другую сторону—на диспропорцию. Но нельзя же требовать, чтобы он смешал их в безразличное тождество и стал бы изучать капиталистический способ производства как перманентную диспропорцию, как принципиальный и абсолютный беспорядок.

В нашем случае мы и имеем как раз такой экскурс в сторону некоторой диспропорции, или, правильнее сказать, иную постановку вопроса. Этот спорный раздел о «воспроизводстве денежного материала» и предшествующий ему раздел о воспроизводстве основного капитала изложены, как об этом свидетельствует Энгельс, в рукописи VIII, написанной позже. Первоначально Маркс излагал проблему воспроизводства вне связи с «обслу-

[1]) Курсив мой. Указ. статья, стр. 211—212. Тов. Гиммельфарб это свое типично-вульгарное положение напрасно старается стыдливо прикрыть «своеобразием», оно его все же не спасает.

[2]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 249 (изд. 1927 г.).

[1]) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 297—298 (изд. 1928 г.).

живающим его денежным обращением». Но такая трактовка, составившая основное содержание третьего отдела, не удовлетворяла Маркса; Энгельс пишет, что «третий отдел, воспроизводство и обращение общественного капитала, как ему казалось, настоятельно требовал переработки». Необходимость такой переработки обусловливалась расширением его кругозора [1]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что здесь мы имеем иную трактовку, исходящую из иных предпосылок; а так как Марксу не удалось целиком переработать этот отдел, то эту иную трактовку только и приходится считать лишь экскурсом.

Так, в предшествующем (2-м) отделе второго тома Маркс провел различие между основным и оборотным капиталом. Но при переходе к воспроизводству Маркс забывает о только что проведенном им различении; и это не случайно, тем более это нельзя относить к ошибкам Маркса. Ибо это различение для анализа процесса капиталистического воспроизводства, взятого в своих самых существенных основах, является все же несущественным моментом. Капиталистический способ производства есть единство процесса труда и процесса производства прибавочной ценности—мы уже знаем это положение Маркса. Следовательно, лишь моменты, включенные в это определение, и следует привлечь при анализе движения этого единства в процессе его воспроизводства.

Понятно поэтому, что основной капитал и не попал в марксовы схемы. Но в той части III отдела, которая представляет рукопись VIII, он его уже привлекает, но как он его привлекает? — Именно, как голое определение формы без всего того, что разыгрывается в реальном процессе воспроизводства вокруг этой определенности формы. В схемы Маркса основной капитал попадает лишь постольку, поскольку он в процессе своего производительного потребления переносит свою ценность на изготовленный товар; следовательно, и naturaliter он включается лишь частично, в меру своего потребления. Непотребленная же его часть, материально принимая участие в процессе производства, как таковом, стоит все же вне схем, на ряду со схемами. Но потребленная часть основного капитала, если только мы предполагаем воспроизводство и берем его в общественном масштабе, должны точно так же воспроизводиться in natura. И Маркс предполагает полную пропорциональность в этом отношении. «При этом необходимое условие, очевидно, заключается в том, чтобы эта основная составная часть постоянного капитала II, которая в размере всей своей стоимости превращается в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению in natura (часть 1),—чтобы она была равна годичному снашиванию другой основной составной части постоянного капитала II, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме и снашивание которой,—убыль стоимости, переносимая на товары, в производстве которых функционирует эта часть,—сначала подлежит возмещению деньгами. Поэтому такое равновесие является законом воспроизводства в неизменном масштабе [2].

Не говоря уже о том, что и в условиях неизменного (или простого) воспроизводства это соответствие является случайностью, при расширенном воспроизводстве отсутствие такого равновесия становится общим правилом: расширенное воспроизводство как раз и характеризуется тем, что в новом цикле вкладывается больше капитала, и в частности больше основного капитала, чем было сношено или потреблено в предыдущем цикле. В таком случае выступают деньги; вообще всякое несоответствие вызывает временное появление сокровища, временное застывание денег. Здесь разве еще можно отметить, что Маркс при анализе различных случаев такого несоответствия и

[1]) См. предисловие Энгельса ко II тому Капитала, стр. IX (изд. 1927 г.).
[2]) Капитал, т. II, стр. 339 (изд. 1927 г.). Курсив мой.

делает ряд замечаний по вопросу о кризисах. Но было бы очень странно на этом основании предполагать, что он в своих схемах анализировал проблему кризисов.

Итак, образование сокровищ при этих условиях неизбежно и само вызывается ходом общественного воспроизводства. Предполагая, как это Маркс и делает, обращение только металлической монеты и отвлекаясь от кредита и т. п., это—должно означать необходимость в новом дополнительном золоте. И вот Маркс в следующем же разделе (XII) о воспроизводстве денежного материала ставит и эту проблему, на ряду с другой, очень простой и легкой проблемой о производстве добавочного количества денег для нужд денежного обращения. В этом отношении я и вношу теперь поправку или, вернее, дополнение в свою прежнюю статью. Однако и теперь я не вижу никакой необходимости в чем-либо менять высказанное в этой статье.

Этот раздел Маркс так и начинает:

«До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, именно на годичное воспроизводство золота и серебра. Как простой материал для предметов роскоши, позолоты и т. д., они, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль (Dagegen spillen sie wichtige Rolle als Geldmaterial und daher potentialiter Geld)» [1]).

Здесь мне опять придется сделать несколько предварительных замечаний. Между прочим, в своей статье я привел две цитаты из Маркса, в которых на первый взгляд Маркс высказывает две противоположные вещи: в одном месте он считает деньги элементом воспроизводства, в другом же месте он, наоборот, говорит, что деньги «сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства». Тов. Гиммельфарб это мое «дословное обвинение» Маркса относит на счет моего «внимательного» чтения.

По этому поводу можно только сказать, что у Маркса вообще можно найти много «таких» противоречий, но все они сводятся к тому, что вещи далеко не выглядят тем, что они представляют на самом деле, или, иными словами, что в применении к нашему случаю капиталистическое воспроизводство есть единство двух противоречивых вещей—процесса производства и процесса обращения. Процесс обращения или развитие обмена выталкивает один «особый» товар, который становится деньгами; в нем выкристаллизовывается непосредственно воплощенный, материализованный общественный, т.-е. абстрактный, труд. И хотя свое реальное бытие он находит в пестром ряде всевозможных видов денег, металлических, бумажных и т. д., но все они, в конечном счете, являются лишь теми или иными представителями этого «особого», специфического товара. Товарную природу денег, вскрытую так хорошо еще классиками, Маркс ни в коем случае не отрицал. При этом деньги принадлежат сфере обращения и постоянно обретаются в них; это «абстрактное богатство», это непосредственное воплощение абстрактного труда все время циркулирует в сфере обращения. Но здесь оно принимает новую форму, выступая лишь простым орудием обмена, простым средством обращения, и с этой точки зрения представляя лишь мимолетную форму бытия товарной ценности. Как таковое средство обращения они обслуживают процесс обращения. Как средство обращения деньги стоят поэтому вне процесса производства, на ряду с ним, и поэтому не составляют элемента действительного воспроизводства, ибо сфера обращения, вопреки тому, что утверждает т. Гиммельфарб, далеко не то, что сфера производства. Она стоит вне производства, хотя и включена как момент в процесс обще-

[1]) Там же, стр. 342.

ственного воспроизводства. Лишь путем всестороннего обмена продуктов труда осуществляется общественный обмен веществ.

Но, с другой стороны, выполнение роли средства обращения является лишь функцией этого «абстрактного богатства», которое воплощается в одном определенном товаре—золоте. Но производство золота как денег требует известной затраты некоей доли общественного труда; но в таком случае они составляют элемент действительного воспроизводства и должны поэтому попасть и в схемы воспроизводства. Высказывая такие противоположные положения, Маркс и желает отметить эту противоречивую действительность. Деньги принадлежат к сфере обращения и постоянно обретаются в ней; сфера же обращения, выступая моментом процесса воспроизводства, все же представляет определенное различие и отнюдь не сводится к производству. Этого т. Гиммельфарб и не мог понять, ведь для него, как мы видели, производство и обращение едино суть. Поэтому он пытается иначе разрешить это «противоречие» у Маркса.

Приведя полностью ту цитату, где Маркс говорит о золоте или деньгах, а именно, что они входят в годичное воспроизводство, т. Гиммельфарб следующим образом комментирует это положение Маркса. «Здесь, таким образом, с одной стороны, говорится о замкнутом капиталистическом обществе, целиком удовлетворяющем самостоятельно все свои потребности своим собственным производством и, поэтому, не нуждающемся в ввозе» [1]). «Кроме того, здесь говорится о золоте, т.-е. о товаре,—как вообще во всем абзаце, который может при известных обстоятельствах стать деньгами, но что в данном случае в данном месте марксовых рассуждений не предполагается (Курсив мой. *В. П.*). Здесь золото лишь потенциальные деньги, т.-е. денежный материал, но еще не деньги» [2]). Тогда как во втором случае, когда деньги «не составляют элемента действительного воспроизводства», Маркс,—по мнению т. Гиммельфарба,—говорит уже о деньгах, т.-е. об этом потенциальном денежном материале, уже превратившемся в деньги. «Но ведь все это сказано в связи с тем—так аргументирует т. Гиммельфарб,—что расширение производства может произойти («на одной стороне») лишь потому, что уже имеются налицо деньги («на другой стороне»), выражающие собой накопленную прибавочную стоимость, созданную в прошлом кругообороте капитала, а в данном кругообороте выступающие как добавочный капитал, т.-е. добавочный спрос. В этой связи, конечно, деньги, т.-е. всеобщий эквивалент, являющийся в описанном процессе лишь посредником оборота (но олицетворяющий капитал), «сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства». Потому что здесь говорится о деньгах вообще, но не о материальном носителе всеобщего эквивалента, здесь не говорится о золотой куколке: здесь не говорится о золоте, как о денежном материале» [3]).

Если отбросить последнее, нелепое для марксиста противопоставление золота деньгам, то с внешней стороны у т. Гиммельфарба получается довольно стройная схема: поскольку речь идет о производстве, то производится золото как товар, превращение которого в деньги есть дело случая: оно может стать, а может и не стать деньгами—и это, замечу, при наличности уже золотого обращения, а следовательно, и сращении абстрактного выражения человеческого труда с определенным материальным телом, т.-е. с золотом. С точки зрения концепции т. Гиммельфарба, превращение его в деньги только и решит вместе с тем вопрос: удержится ли оно или не удержится в качестве элемента в годичном воспроизводстве. В подкрепление своих построений т. Гиммельфарб приводит слова Маркса: «деньги—это золото, но золото не всегда деньги».

[1]) Указ. статья, стр. 207.
[2]) Там же, стр. 208.
[3]) Там же.

Но это положение Маркса не имеет решительно никакого отношения к разбираемой нами проблеме. Всякий, знакомый с «Капиталом», знает, что Маркс здесь вкладывает совершенно другой смысл. Если развитие обмена дошло уже до выделения всеобщего эквивалента, если, таким образом, мы можем говорить уже о деньгах, то, с другой стороны, выполнение этой роли всеобщего эквивалента, а, стало быть, и денег, требует наличия вполне определенных физических и др. природных свойств; этими свойствами в наибольшей степени и обладает золото. Раз мы имеем уже развившуюся денежную систему, то эта система всегда золотая система [1]). Однако это обстоятельство вытекает не из физических свойств товара-золота, а из его общественных свойств. В других формациях общества золото остается просто золотом, со всеми своими естественными свойствами, однако оно не становится деньгами. Только такой смысл и имеют данные слова Маркса. Но отсюда же ясно, что в нашем случае эта цитата ничего нам дать не может, ибо тут мы берем данным капиталистическое общество, а тем самым золото выступает уже всеобщим товаром, специфическим товаром. И этой специфичностью оно обладает уже с самого начала, что и сказывается, напр., в том, что для него отпадает необходимость его реализации. Нельзя конструировать какой-то акт, только будто и превращающий золото в деньги. Об этом у Маркса сказано очень ясно, хотя бы в том же спорном XII разделе.

И, тем не менее, золото, вопреки аллегорическим представлениям поэтов, не падает с неба, и на его производство, как мы уже сказали выше, требуется затрата некоторого количества общественного труда; именно в силу этого оно и входит в процесс общественного воспроизводства и как разв мере этой затраты труда. А вовсе не потому, как полагает т. Гиммельфарб, что «Маркс считает обращение своеобразным производством товарного общества, а потребление этой «отрасли»—«своеобразным потреблением» и притом производительным потреблением!

Маркс нигде не выставлял подобного вульгарного положения.

То же самое имеет в виду Маркс, когда он говорит, что деньги вызывают на другой стороне расширенное воспроизводство потому, что его возможность дана без них. Эта возможность дана потому, «что, по мнению т. Гиммельфарба, уже имеются налицо деньги, выражающие собой накопленную прибавочную стоимость, созданную в прошлом кругообороте капитала, а в данном кругообороте выступающую как добавочный капитал, т.-е. добавочный спрос» (курсив мой. *В. П.*).

Опять-таки эта возможность дана не потому, что налицо имеется добавочный спрос, а потому, что уже произведены все необходимые материальные условия для такого расширенного воспроизводства. И совершенно излишне подсовывать здесь ошибочный тезис Р. Люксембург, как это делает т. Гиммельфарб, будто единственным условием расширения производства является предварительное накопление золотой кучи. Вслед за Р. Люксембург в данном случае т. Гиммельфарб отождествляет капитал вообще с денежным капиталом, а тем самым общественную точку зрения подменяет точкой зрения индивидуального капиталиста.

[1]) А т. Гиммельфарб, как мы видели (на стр. 208), ухитрился противопоставить, т.-е. оторвать, деньги от материала, т.-е. золотой куколки. Но тем самым деньги у него превращаются в какой-то голый социологический знак.

Тут перед нами встает любопытный вопрос: в самом деле, что означает для процесса воспроизводства усиленное производство или накопление золота, как денежного материала. С точки зрения индивидуального капиталиста-золотопромышленника это будет бесспорным накоплением его капитала, расширенным воспроизводством на его предприятии. Точно так же дело будет обстоять и с точки зрения всей золотопромышленной отрасли. Наконец, так же будет выглядеть дело и с точки зрения любого капиталиста, независимо от отрасли промышленности: накопление золотых денег он будет считать, и вполне правильно, накоплением *его* капитала. Однако, если мы подойдем с точки зрения всего совокупного общественного воспроизводства, то картина будет иная. Накопление капитала в денежной форме, рост золотой кучи перестанет уже быть *накоплением капитала*; мы будем иметь возрастание *сокровища*, но за счет *сокращения* процесса воспроизводства.

А теперь мы обратимся к трактовке вопроса о воспроизводстве денежного материала в XII разделе у Маркса; предшествующее изложение поможет нам разобраться в нем. Тут, прежде всего, приходится коснуться опять все того же вопроса о I или II подразделении. Как мы видели, т. Гиммельфарб сводит этот вопрос к принципиальному различию. С его точки зрения вопрос стоит так: или производство золота относить к I подразделению,—и тогда это будет правильно, ибо так сказал Маркс во втором томе «Капитала» на такой-то странице; или же его отнести ко второму подразделению,—и тогда получается ревизия в мировом масштабе или в масштабе СССР. Я же полагаю, что производство золота можно относить и к I и ко II подразделению, и в зависимости от обстоятельств это будет правильно или неправильно и в том, и в другом случае; все дело заключается в различии предпосылок. И если я говорил об ошибочности у Маркса отнесения производства золота, как денег, ко II подразделению, то эта ошибочность вытекала как раз из того обстоятельства, что Энгельс в данном случае соединил рукописи II и VIII, специально не оговорив различия предпосылок, из которых исходил в обоих случаях Маркс. Возможно, что в силу этого данный момент и оставался незамеченным.

Прав т. Гиммельфарб, когда он говорит, что в своем XII разделе Маркс ставит более общий вопрос о производстве золота вообще. Этого, впрочем, я не отрицаю и в своей статье, так как там из всего этого раздела я брал только одну частную проблему — воспроизводство снашивающегося в процессе обращения золота, а при расширенном воспроизводстве также и производство дополнительного количества денег для нужд денежного обращения.

Больше того, при известных предпосылках постановка вопроса у Маркса совершенно правильна. Но эти предпосылки *иные*, чем те предпосылки, из которых он исходит в анализе проблемы воспроизводства. Но при включении его в общую проблему воспроизводства, если на XII раздел смотреть, как на продолжающийся анализ процесса воспроизводства и при *тех же предпосылок*, *то тогда* противоречие налицо. Однако мы знаем уже указание Энгельса, которое исчерпывает этот вопрос.

В самом деле, по какому принципу в своем первоначальном анализе Маркс относил производство тех или иных товаров к первому или второму подразделению? Решающим являлась их функциональная роль в процессе производства и распределения, или, что то же самое, в зависимости от того, потребляются ли они производительно или непроизводительно, т.-е. потребляются ли они как капитал или как доход [1]).

[1]) И не случайно, что т. Гиммельфарбу пришлось для обоснования своей точки зрения конструировать «производительное потребление» денег в процессе обращения.

Не материальная форма продукта сама по себе решает вопрос об отнесении его к I или II подразделению. Подобно тому, как, напр., муку следует отнести или к I подразделению, или ко II—в зависимости от того, поступает ли она затем на капиталистически организованную хлебопекарню или идет непосредственно в домашнее хозяйство пролетария в качестве средства потребления, точно так же и золото попадает или в I или во II подразделение, или же, наконец, оно должно быть отнесено в специальный подраздел (I или II подразделения, о чем и идет сейчас спор) в зависимости от того, куда оно затем поступает и какую функциональную роль оно выполняет. Идет ли оно в качестве сырья на какую-либо капиталистическую фабрику часов или иных предметов роскоши, продается ли оно в виде слитка зубному технику для изготовления зубов или же оно идет на нужды денежного обращения, направляясь в подвалы банков. Поэтому на первый взгляд как-то странно читать так не вяжущиеся со всем этим категорические слова Маркса: «Производство *золота*, как и вообще производства *металлов*, относится к классу 1, к категории, которая охватывает производство средств производства» [1]). Здесь, как мы видим, нет речи о его функциональной роли, здесь оно, как вполне определенный материальный элемент (как *металл*), относится к определенному подразделению. Таким образом мы можем констатировать, что тут перед нами или противоречие, или же мы имеем другое по существу исследование, для которого взяты иные предпосылки. Прежде, в своей ранней статье, я подходил к этому вопросу так же, как подходит теперь т. Гиммельфарб—воспроизводство денежного материала я рассматривал как интегральное звено общей проблемы воспроизводства. Но теперь я должен согласиться с указанием т. Гиммельфарба, что в этом разделе Маркс ставит совершенно иную проблему, которая, собственно говоря, выходит уже за рамки анализа процесса воспроизводства; более того, мы имеем тут по существу даже экскурсию в сторону дальнейшего воссоздания конкретной действительности капиталистического способа производства.

Но в то же время я должен разойтись с т. Гиммельфарбом во всех остальных пунктах, ибо при его подходе к данному разделу и при его предпосылках только и можно констатировать ошибочность построения Маркса. Но я никаких ни ошибок, ни противоречий у Маркса с этой новой точки зрения не нахожу.

Так как золото является особым товаром, непосредственным воплощением общественного, т.-е. абстрактного, труда, а, следовательно, обладает формой непосредственной обмениваемости, то в вопросе о его воспроизводстве мы наталкиваемся на некоторую особенность. Для него не нужна реализация, наоборот, уже с самого начала оно может реализовать все остальные товары. Как такой всеобщий товар оно есть деньги, а в застывшем виде, в покоющемся состоянии оно представляет самое бытие абстрактного богатства, т.-е. ценности. Но в условиях капиталистического производства всякая ценность может превратиться в самовозрастающую ценность или в капитал.

Поэтому под углом зрения анализа особенностей этого товара Маркс в качестве исходного пункта и берет просто золото, а не его функциональную роль. Любое золотое сокровище, любой предмет роскоши из золота во всякую минуту может без всякого посредствующего акта выступить в качестве всеобщего покупательного средства и стать капиталом. Но непосредственно вслед за этим при такой постановке вопроса встает вопрос о его дальнейшей судьбе или о его функциональной роли. В зависимости от этого,

[1]) Капитал, т. II, стр. 343.

как мы только что говорили, его производство и должно быть разнесено по соответствующим подразделениям схемы.

Конечно, если на золото смотреть просто как на сырье, а фактически это и имеет место, тогда все производство золота должно быть включено в производство средств производства. Практически это так и есть: в денежное обращение практически оно притекает не прямо, оно проходит еще монетный двор, где оно надевает на себя национальный монетный мундир. Маркс явным образом и исходил из этой предпосылки, об этом говорят хотя бы следующие его слова: «Однако 1_3 точно так же, как прядильщик, может снова начать процесс воспроизводства: его рабочие доставили ему золотом 5, из которых он продал 2, остальными 3 владеет в виде золота,— следовательно, ему приходится только отчеканить из них монету или превратить их в банковые билеты... и т. д.» [1]). И Маркс в примечании еще добавляет: «Значительное количество золотых слитков... доставляется золотоискателями прямо на монетный двор Сан-Франциско» (Из Reports of H. M. Secretaries of Embassy and Legation).

На ряду с этой монетной функцией, куда идет часть годичного воспроизводства золота, другая его часть идет в качестве простого сырья на возмещение сношенного постоянного капитала во II подразделении—в тех отраслях, которые, напр., производят предметы роскоши.

На это Маркс прямо и указывает. Производство золота у Маркса представлено следующей строкой — 20c + 5v + 5m. Останавливаясь на движении 5v, Маркс указывает, что рабочие на эти 5v покупают средства потребления у II, реализуя у них соответствующую часть IIc. «Скажем (капиталисты) II покупают у I на 2 золота как товарный материал (составную часть своего постоянного капитала)» [2]).

О золоте, как простом материале, Маркс говорит здесь неоднократно. Золото, идущее на нужды обращения, как это видно из дальнейших слов Маркса (т.-е. на покрытие снашивания), точно так же идет затем во II подразделение, но оно идет туда на монетный двор. На этой стадии исследования государства еще не дано, следовательно, мы и монетный двор должны мыслить себе организованным капиталистически; ведь исследование ведется в предположении чистого капитализма, т.-е. всеобщего господства капиталистической формы производства.

Так как они (3 ед. золота. *В. П.*),—продолжает Маркс,—не могут образовать какого бы то ни было элемента его (т.-е. капиталиста II. *В. П.*) постоянного капитала и так как, далее, II уже раньше имел достаточный денежный капитал на покупку рабочей силы; так как, далее, этим дополнительным 3_3, за исключением элемента снашивания, не приходится выполнять никакой функции в пределах IIc, на часть которого они обменены; так как, с другой стороны, именно за исключением элемента снашивания, весь товарный продукт IIc должен быть обменен на средства производства 1 (v + m), то эти деньги целиком подлежат перенесению из IIc во IIm [3]), заключается ли последнее в необходимых средствах существования или в средствах роскоши, и, напротив, соответственная товарная стоимость подлежит перенесению из IIm в IIc. Результат: часть прибавочной стоимости накопляется, как денежное сокровище» [4]).

[1]) Капитал, т. II, стр. 344.

[2]) В русском издании II тома дан неверный перевод: «Если II покупают на 5 и 1 золота как денежный материал и т. д.» (стр. 343). «Sage, II Kaufe von I für 5 gard als Waarenmaterial etc.». K. Marx, Kapital, II, стр. 447, 1922 г.

[3]) А это и означает, если принять во внимание функциональную роль золота, отнесение производства денежного материала ко второму подразделению.

[4]) Капитал, т. II, стр. 344 (изд. 1927 г.).

Этот перенос из IIc во IIm и происходит в результате обменов между всеми остальными отраслями II подразделения и монетным двором—этой особой отрасли второго подразделения.

В этом разделе Маркс явным образом и исходит из такого предположения; но при этих условиях нелепо говорить об ошибке Маркса, так как в этом случае золото, как денежный материал, выступит в виде сырья. Но ведь его понимали иначе; Р. Люксембург в своей критике совершенно абстрагируется и от монетной формы золота, и от усложненного и измененного об'екта анализа. Из той же предпосылки исходил и я в своей статье; в этом, конечно, была моя ошибка; однако эта ошибочность осталась в моей статье sine actu, ибо я оставался там в пределах схем воспроизводства, взятого в очень абстрактных, а потому упрощенных, условиях. Но при этой обычной трактовке, которой следовал и я, отнесение производства золота, как денег, к I подразделению было бы, конечно, нарушением всех основ теории Маркса.

Тов. Гиммельфарб исходит же из этих обычных предположений и тем не менее производство золота относит к II подразделению. Какой ценой это достигается—мы это видели: ему для этого пришлось очень многое выбросить из теоретических положений Маркса. Поэтому, соглашаясь с ним в одном пункте, о характере проблемы, которую Маркс решает в XII разделе, я одновременно самым решительным образом должен разойтись с ним в остальных пунктах.

Об одной неудачной вылазке.

(К понятиям денежного и ссудного капитала у Маркса).

Э. Брегель.

Наша экономическая литература последнего времени несомненно свидетельствует об оживленном интересе, который вызывают к себе проблемы кредита. Явление это, конечно, нельзя признать случайным. Помимо того, что кредит и возникающие на его основе отношения играют крупнейшую роль в капиталистическом обществе и потому естественно привлекают к себе внимание исследователей большое значение на наш взгляд имеет то обстоятельство, что именно теория кредита не получила в работах Маркса такого систематического и законченного изложения, какое выпало на долю других проблем. Внимание марксистских исследователей поэтому особенно усиленно устремляется к проблемам кредита. Появляется ряд статей (а в самое последнее время начинают выходить и монографии), анализирующих различные вопросы марксовой теории кредита и пытающихся дать систематическую их разработку. На ряду с этим уделяется внимание и критике других кредитных теорий, в частности тех, которые составляют «злобу дня» в современной экономической литературе Запада.

Нам представляется, однако, что указанными выше моментами марксистская разработка проблемы кредита не должна исчерпываться. В этой области, как и в других областях теоретической экономии, исследование должно одновременно итти по следующим трем направлениям: 1) разработка и развитие марксовой теории, 2) критика других теорий, 3) ответ на критику, которой теория Маркса подвергается со стороны представителей других течений. И если по первым двум из указанных выше направлений налицо довольно оживленная работа, то это должно послужить основанием к тому, чтобы обратить должное внимание и на третью линию—линию антикритики—и заполнить имеющиеся здесь пробелы. В соответствии с этой задачей мы в настоящей статье хотим проанализировать ту решительную критику, которой марксовы понятия денежного и ссудного капитала были подвергнуты со стороны немецкого экономиста Штейнберга в его книге «Das Geldkapital» [1]).

I.

Одна из глав книги Штейнберга специально посвящена, как то гласит ее заголовок, «критике существующих теорий», при чем центральное место в ней занимает критика теории Маркса. Посмотрим же, какими доспехами снабжен наш критик и какими аргументами он думает ниспровергнуть критикуемые им воззрения.

Прежде чем приступить к разбору взглядов Маркса, Штейнберг подвергает рассмотрению и критике понимание денежного капитала, имеющееся

[1]) James Steinberg, Das Geldkapital, — Bonner Staatswissenschaftliche Untersuchungen, Heft 4, Bonn und Leipzig 1922.

у некоторых современных буржуазных экономистов—Шпитгофа, Беккерата, Мизеса. Исходным пунктом всех рассуждений Штейнберга является положение о том, что категории «капитал» и «доход» неразрывно связаны друг с другом. Под «капиталом» можно понимать лишь нечто такое, что способно приносить доход. Поэтому и понятие «денежный капитал» предполагает прежде всего установление того, каким образом деньги оказываются способны приносить доход, или прирост ценности. Но этого-то именно, по Штейнбергу, и не дают критикуемые им авторы. Прирост ценности, получаемый владельцами денег, имеет, по их мнению, своим источником не самые деньги, но те средства производства, на которые эти деньги обмениваются. Но в таком случае,—полагает Штейнберг,—отпадает всякое основание для понятия денежного капитала. «Поскольку Шпитгоф утверждает, что денежный капитал приносит доход (verwerted wird), так как он покупает производительные блага, он говорит лишь, что производительные блага приносят прирост ценности, но не денежный капитал. Тем самым отпадает единственное доказательство, которое дает Шпитгоф для обоснования характера денег, как капитала, и его понятие денежного капитала, как формы проявления или части капитала, остается висеть в воздухе» [1]).

Более того. Названных выше авторов Штейнберг обвиняет не столько даже в том, что их попытки обосновать понятие денежного капитала неудачны, сколько в том, что они вообще не ставят серьезно вопрос о таком обосновании и не-критически пользуются этим понятием. «Шпитгоф и Беккерат оставляют в своих теориях в стороне об'яснение одного из основных свойств денежного капитала, а именно его способности приносить доход, так как весь свой интерес они обращают на явления рынка, и оставляют совсем без внимания анализ процесса возрастания (des Verwertungsprozesses) капитала» [2]).

Маркс, по мнению Штейнберга, выгодно отличается от этих авторов, подвергая рассмотрению то, что они упускают из виду, и подходя к понятию денежного капитала под углом зрения того процесса, в результате которого капитал возрастает в своей ценности или приносит доход. «Большое преимущество марксистской теории заключается в том, что Маркс весь свой интерес обращает на хозяйственно-меновые явления, на постоянное изменение производственного процесса и лишь внутри этого процесса выделяет различные формы капитала. Он не извлекает из хозяйственного организма отдельные его элементы, но охватывает в своей теории весь хозяйственный процесс... Статическому рассмотрению хозяйственной жизни Маркс противопоставляет динамическое» [3]).

Сделав, далее, еще один реверанс перед «глубиной мысли и остроумием» марксова анализа, Штейнберг, тем не менее, приходит к выводу, что результаты этого анализа не могут быть признаны удовлетворительными. Почему именно—тому следуют пункты. Переходя к изложению этих пунктов (которые, к слову сказать, сам Штейнберг заботливо снабдил номерами—1, 2, 3), мы тем самым покончим со сделанными ранее предварительными замечаниями и войдем in medias res критических упражнений нашего автора.

Указывая, что Маркс различает денежный капитал как форму промышленного капитала и ссудный денежный капитал, Штейнберг начинает свою критику с первого понятия, т.-е. с понятия денежного капитала как такового. Известно, что денежный капитал является по Марксу одной из тех форм, которые промышленный капитал необходимо принимает в своем движении, что это движение Маркс представляет в виде кругооборота авансиро-

[1]) Steinberg, Das Geldkapital, S. 23—24.
[2]) Там же, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 28.

ванной капитальной ценности и схематически выражает формулой Д—Т... П... Т¹—Д¹. Зная, что марксово понятие денежного капитала теснейшим образом связано с его учением о кругообороте капитала, Штейнберг и обращает острие своей критики (если, впрочем, можно говорить об «острие» его довольно тупого—как увидим в дальнейшем—орудия) на это последнее.

Развиваемое Марксом учение о кругообороте капитала, по мнению Штейнберга, несостоятельно, потому что смешивает два совершенно различных явления: производство и движение благ, с одной стороны, деньги и обмен товаров, с другой стороны. Процесс производства есть явление т е х н и ч е с к о е и вовсе не предполагает необходимо того, чтобы получаемые в результате производства продукты обменивались на деньги и именно таким путем переходили в сферу потребления. Напротив, движение денег навстречу благам есть чисто-о б щ е с т в е н н о е явление и находит свою основу в обмене, а не в производстве, поскольку производство может иметь место и без обмена товаров на деньги. Таким образом, «выступление промышленного капитала в денежной форме есть необходимость, обусловленная лишь м е н о в ы м процессом, но никоим образом не явление, внутренне обусловленное процессом производства» [1]). Маркс, однако, совершенно упускает это из виду и, строя свою схему кругооборота капитала, бросает в одну кучу столь разнородные вещи, как товары и деньги, производство и обращение. Он не обращает внимания на то кардинальной важности обстоятельство, что «между Д, деньгами, которые я авансирую, и товаром Т, который я покупаю, или в обратной последовательности между Т и Д, нет никакого внутреннего, действительным существом дела (Sachverhalt) обусловленного отношения» [2]).

Но если между деньгами, с одной стороны, и всеми остальными элементами марксовой схемы кругооборота капитала, с другой стороны, нет никакой внутренней, необходимой связи, то об'единение их является совершенно произвольным, а само понятие о кругообороте капитала, как о каком-то едином процессе, включающем в себя деньги на ряду с товарами, ошибочно. Никакого единого кругооборота Д—Т... П... Т¹—Д¹ не существует, ибо Т и Д—это один ряд явлений, а Д—совсем другой и не подлежащий смешению с первым.

Этот вывод логически напрашивается в завершение изложенных выше рассуждений Штейнберга. И он, действительно, делает его. «То, что он (Маркс. *Э. Б.*) рассматривает как о д и н процесс, оказывается в действительности д в у м я гетерогенными, параллельно протекающими процессами, из которых один заключает в себе хозяйственно-технические явления, а другой—вызванные обменом общественные отношения. П е р в ы й процесс охватывает движение благ с момента их создания до момента их потребления, в т о р о й—движение общественных правовых титулов (die Bewegung der gesellschaftlichen Rechte) (в смысле притязаний на общественные запасы благ) с момента их возникновения, вследствие вручения обществу благ в форме товаров (продажа), до момента их удаления из хозяйственной сферы суб'екта, вследствие приобретения других благ на рынке (покупка). Эти оба рода движений не имеют места, как то принимает Маркс, д р у г п о с л е д р у г а, при чем одно вытекает из другого и вновь вызывает его, но они протекают п а р а л л е л ь н о» [3]). Другими словами, «вообще не может существовать никакого кругооборота капитальных ценностей» [4]).

Но раз разрушено понятие о кругообороте капитала, то вместе с ним падает и понятие денежного капитала, поскольку оно является производ-

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 29. Курсив мой. *Э Б.*
[2]) Там же, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 29; курсив автора.
[4]) Там же, стр. 30.

от первого. В самом деле, о денежном капитале, как одной из форм промышленного капитала, можно говорить лишь в том случае, если предварительно установлено, что промышленный капитал в своем движении проходит ряд форм, связанных между собою определенной закономерностью. Если этой связи и закономерного движения через ряд последовательно сменяющих друг друга фаз нет, то теряет свое основание и понятие денежного капитала. «Раз денежный капитал не есть стадия кругооборота капитала, раз он не имеет ничего общего с производительным капиталом, то он, естественно, не может выводить свои признаки из последнего. Производительный капитал и денежный капитал образуют формы капитала лишь постольку, поскольку они суть члены воображаемого кругооборота. Так как, однако, нет ни вещи, которая бы совершала кругооборот, ни силы, которая этот кругооборот приводила бы в движение, за исключением стремления капиталиста к прибыли, то эти понятия (производительный капитал, денежный капитал) становятся призраками, в основе которых не лежит никакого единого элемента» [1]).

На ряду с этим основным тезисом Штейнберг выдвигает еще некоторые положения в связи с вопросом о кругообороте капитала. Поскольку эти положения бросают дальнейший свет на позицию нашего критика, они представляют для нас интерес и заслуживают быть вкратце отмеченными.

Так, прежде всего, оказывается, что различные элементы марксовой схемы кругооборота капитала в известном смысле не являются абсолютно чуждыми друг другу, но имеют между собою и кое-что общее. Однако общность эта имеет место лишь с суб'ективной точки зрения, с точки зрения капиталиста, все помыслы которого направлены на получение прибыли, и который под углом зрения этой прибыли об'единяет в одно целое ряд разнородных по существу явлений. Капиталист оперирует деньгами, средствами производства и товарами, а в результате своих действий получает определенную прибыль. Все эти разнородные вещи он со своей суб'ективной точки зрения и об'единяет под одной рубрикой «капитала», относя свою прибыль ко всем ним.

Маркс, таким образом, оказывается... выразителем капиталистических представлений и взглядов, ибо в своем учении о кругообороте капитала он группирует явления так, как их воспринимает капиталист, но не как они существуют в действительности. «Гетерогенные члены процесса кругооборота капитала (des Kapitalprozesses), производительный капитал, товарный капитал и денежный капитал, связываются воедино лишь в с о з н а н и и к а п и т а л и с т а, единственный интерес которого заключается в расчетах на прибыль, но не обусловлены внутренне в о б'е к т и в н о й д е й с т в и т е л ь н о с т и хозяйственной жизни» [2]).

Впрочем, Штейнберг хочет быть справедливым. Изобличив Маркса в том, что его теория является лишь отражением поверхностных и ненаучных представлений капиталиста-предпринимателя, он готов в то же время признать, что Марксу не чужды были и другие, правильные воззрения. А именно, в том самом втором томе «Капитала», в котором Маркс дает свои схемы кругооборота капитала, Штейнберг находит бок-о-бок с рассуждениями о денежной, производительной и товарной формах капитала противоречащие им, по его мнению, положения. Речь идет о проводимом Марксом различии между реальными метаморфозами, которым авансированная капитальная ценность подвергается в производственном процессе, и теми чисто-формальными метаморфозами, которые имеют место в пределах процесса обращения. Маркс, как известно, проводит определенную грань между производством и обращением, между актами создания продуктов и ценностей, с одной

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 30—31.
[2]) Steinberg, цит. соч., стр. 30; курсив автора.

стороны, и актами перехода собственности на них из рук в руки,—с другой стороны. Ценность, — говорит Маркс, — создается и возрастает в процессе производства, акты же обмена товаров на деньги и денег на товары меняют лишь форму данной ценности, но не ее величину. В то же время производительный капитал он отделяет от товарного и денежного, говоря о нем, как об «естественной» форме капитала. Тем самым, полагает Штейнберг, Маркс признает принципиальное различие между движением благ в производстве и их обменом на деньги, а следовательно, вступает в противоречие с собственным учением о кругообороте капитала, в котором оба эти вида движений характеризуются, как внутренне между собою связанные.

Изложенные выше соображения составляют, так сказать, методологическую основу критических построений Штейнберга. Эти, приводимые им в первую очередь аргументы могут быть, как видим, сведены к следующим пунктам: 1) неправильность марксова учения о кругообороте капитала, в силу смешения в нем принципиально различных явлений—производства и обращения, товаров и денег; 2) отражение в этом учении ошибочных суб'ективных представлений капиталиста, озабоченного лишь своей прибылью; 3) внутреннее противоречие между понятием кругооборота капитала у Маркса и имеющимся у него же отграничением реальных метаморфоз от формальных, производства—от обращения, производительного капитала—от товарного и денежного.

Если даже отвлечься от приведенной ранее аргументации против учения о кругообороте капитала, то все же понятие денежного капитала Маркса оказывается, по мнению Штейнберга, несостоятельным. Несостоятельность эта теперь доказывается доводами, аналогичными тем, которые Штейнберг раньше выдвигал против Шпитгофа и др. буржуазных экономистов. Раз капиталом является только «самовозрастающая» ценность и раз это возрастание происходит по Марксу лишь в процессе производства, в результате потребления рабочей силы, то неправильно считать капиталом деньги, которые к такому «самовозрастанию» неспособны. «Если производительный капитал может создавать прибавочную ценность путем потребления рабочей силы в процессе производства, то отсюда еще не следует, что деньги также могут создавать прибавочную ценность и тем самым становиться капиталом... А так как производительный капитал лишь потому является капиталом, что его применение создает прибавочную ценность и так как, с другой стороны, денежный капитал во время своего пребывания не может создавать этого избытка, то отсюда следует, что денежный капитал как раз не есть капитал» [1]).

Выходит, следовательно, что Маркс, применяя к деньгам понятие капитала, «не об'ясняет нам, почему денежная сумма, в которую превращаются блага при продаже, есть капитал» [2]). И это обстоятельство, с точки зрения Штейнберга, обусловливается в свою очередь смешением у Маркса различных типов общественных отношений. Соглашаясь с тем, что и деньги и капитал выражают определенные общественные отношения, Штейнберг подчеркивает, что каждая из этих категорий выражает различные общественные отношения. Деньги выражают отношения связи между людьми, капитал—отношения господства и подчинения. «Но каким образом может сумма денег получить этот характер (характер капитала. *Э. Б.*)? Она, ведь, имеет своей предпосылкой совсем другие общественные условия, чем производительный капитал. В то время как в денежной сумме дано средство связи между участвующими в общественном производстве суб'ектами, в капитале выражается отношение господства группы лиц, завладевшей орудиями труда, над большой массой неимущих» [3]).

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 32.
[2]) Там же, стр. 31.
[3]) Там же, стр. 31—32; курсив автора.

На этом основании Штейнберг приходит к выводу, что понятие денежного капитала в собственном смысле слова, т.-е. как независимое от ссудного капитала понятие, вообще незаконно. Если деньги, получаемые за проданные товары, не даются в ссуду, но остаются у продавца или вновь обращаются на покупку других товаров, то они не являются капиталом, хотя бы продавец этих товаров и был капиталистом, а полученные им деньги затрачивались для приобретения производительного капитала. При этом он, наряду с указанными теоретическими соображениями, ссылается и на практику. «Помимо всего прочего, это понятие собственно денежного капитала (des reinen Geldkapitals)... стоит также в противоречии с фактами и словоупотреблением. Денежная сумма, которую я получил посредством акта Т—Д и которая, напр., находится в моей кассе, никогда не приносит процента и никем также не рассматривается как капитал... Только... как ссудный денежный капитал, а не как собственно денежный капитал, деньги приносят процент и дают прирост ценности (wird werterzeugend)» [1]).

Таким образом, к приведенным ранее аргументам Штейнберг добавляет еще утверждение, что Маркс неправомерно смешивает различные общественные отношения, прилагая к деньгам определение, характерное лишь для производительного капитала, и этим противоречит как теории, так и практике, которая отрицает свойство капитала за деньгами, не отдаваемыми в ссуду. Победоносно покончив с марксовым понятием денежного капитала, Штейнберг переходит к атаке на его понятие ссудного капитала. Под прикрытием той тяжелой методологической артиллерии, которая была им выставлена выше, ему уже ничего не стоит при помощи легкого кавалерийского набега сокрушить и это понятие.

Между прочим, по поводу различия между собственно денежным капиталом (денежным капиталом как особой формой в движении промышленного капитала) и ссудным денежным капиталом, Штейнберг замечает, что оно вообще не вполне осознано Марксом. Правда, Маркс фактически проводит это различие, но в то же время он нигде прямо не говорит о нем, а некоторые места наводят даже на мысль, что денежным капиталом по Марксу являются лишь ссужаемые деньги. Штейнберг ссылается здесь на те места в конце 1-й части III тома «Капитала», где о деньгах как средствах обращения говорится в противопоставлении деньгам как капиталу. Тут, полагает Штейнберг, понятие капитала Маркс применяет лишь к деньгам, отдаваемым в ссуду. Но все же Штейнберг склонен считать это лишь непоследовательностью Маркса, поскольку последний указанное различие между собственно денежным и ссудным денежным капиталом в основном проводит.

Однако самое понятие ссудного денежного капитала кажется Штейнбергу так же необоснованным у Маркса, как то было найдено им по поводу понятия собственно денежного капитала. В самом деле, ведь, по Марксу, ссуженные деньги являются капиталом лишь постольку, поскольку они функционируют как капитал у ссудополучателя, т.-е. становятся в его руках денежной формой промышленного капитала. Следовательно, понятие ссудного капитала имеет своей основой понятие собственно денежного капитала и падает вместе с последним. Если вообще имеющееся у Маркса понятие о деньгах как форме капитала несостоятельно, ссуженные же деньги являются по Марксу капиталом именно потому, что они служат денежной формой капитала должника, то ясно, что несостоятельны и его понятия о ссудном капитале. «Тем, что Маркс способность денег давать процент сводит к производительному применению их у В (у должника. *Э. Б.*), он редуцирует проблему ссудного капитала к проблеме собственно денежного капитала. Оставленный Марксом при разборе этой последней проблемы без ответа вопрос о том, как

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 32.

денежная сумма может в руках промышленного капиталиста быть создателем ценности, продолжает стоять; и из доказанной нами невозможности существования собственно денежного капитала должно было бы заключить о невозможности ссудного денежного капитала» [1]). Иначе говоря, «Маркс не об'ясняет нам также, почему ссудный денежный капитал становится капиталом» [2]).

На этом, казалось бы, Штейнберг мог поставить точку, а вместе с нею и крест на учении Маркса о денежном и ссудном капитале. Но жажда справедливости не покидает его и здесь. Ему представляется, что и сам Маркс чувствовал недоказанность в его теории понятия ссудного капитала и невольно искал выхода из положения в таком обосновании этого понятия, которое не связывало бы его с учением о кругообороте капитала. Однако, так как найти действительно правильного обоснования Марксу не удалось, то ему не оставалось ничего другого, как превратить ссудный капитал в некую самостоятельную субстанцию, таинственным образом способную к самовозрастанию. Маркс, по словам Штейнберга, «возводит приносящий проценты капитал в положение вещи в себе и конструирует его как непосредственно самовозрастающую ценность, которая не зависит от процесса производства и обращения» [3]). Такое «возведение» Штейнберг обнаруживает там, где Маркс замечает, что деньги становятся ссудным капиталом посредством простой передачи их кредитором должнику и что передача денег в ссуду и их обратное возвращение к кредитору суть просто юридические сделки, не имеющие ничего общего с действительным движением капитала [4]).

За столь неудачные попытки найти выход из того тупика, в который он зашел, Маркса постигает справедливая кара. Штейнберг играючи справляется с этими рассуждениями. Прежде всего он указывает, что они противоречат другим положениям Маркса. «После того, как Маркс до сих пор стремился доказать, что деньги становятся капиталом лишь через тот посредствующий процесс (процесс кругооборота капитала. *Э. Б.*), он теперь утверждает, что этот процесс может вообще отпасть. Следовательно, то, что первоначально по Марксу определяло капитальный характер денег, а именно их потенциальная способность превращаться в элементы производства, не является необходимым условием выступления денег в качестве капитала» [5]). «Представляется таким образом, что Маркс здесь ссуду капитала, посредством которой денежный капитал становится ссудным капиталом, понимает как вне-экономическое действие, имеющее юридический характер. В других местах, напротив, подчеркивается экономический характер ссуды денег» [6]).

Но если легко изобличить Маркса во внутреннем противоречии, то не трудно, далее, показать и несостоятельность с точки зрения существа дела тех новых построений, к которым он прибегает для обоснования понятия ссудного капитала. В самом деле, нельзя ведь считать решением вопроса ссылку на простой факт передачи денег одним лицом другому, так как остается непонятным, почему переданная в ссуду денежная сумма возрастает, приносит проценты. «Не об'ясняется, как и почему деньги умножаются или могут умножаться в руках хозяйствующего суб'екта. Если это умножение имеет место независимо от производства, то другие хозяйственные или социальные отношения должны сделать возможным и об'яснить тот факт, что деньги приносят доход» [7]).

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 33.
[2]) Там же, стр. 32.
[3]) Там же, стр. 33.
[4]) В дальнейшем, при разборе аргументации Штейнберга, мы приведем те цитаты, на которые он по этому вопросу ссылается.
[5]) Steinberg, цит. соч., стр. 33—34.
[6]) Там же, стр. 27.
[7]) Там же, стр. 34.

На этом Штейнберг может уже закончить свою критику со спокойной совестью. Он был строг, но справедлив. Разрушив исходную методологическую позицию Маркса, он не ограничился этим, но проследил все те лазейки, через которые Маркс пытался выпутаться из своих ошибок, обнаружил внутренние противоречия в его взглядах, и с полным сознанием своей силы выносит следующий вердикт: «На вопрос, каковы те специфические отношения, которые делают деньги капиталом, марксистская теория не дает нам никакого ответа» [1]).

Как мы видели выше, Штейнберг выдвинул целую кучу обвинений против Маркса. Тут и смешение технического с общественным, и принятие ошибочной точки зрения капиталиста-предпринимателя, и смешение различных видов общественных отношений, и подстановка юридической сделки на место экономического отношения, и противоречие с капиталистической практикой, и внутренние противоречия в самой теории. Попробуем же разобраться в этом пестром букете и посмотреть, насколько искусным оказался его составитель.

II.

Наш анализ критических построений Штейнберга мы поведем в порядке, обратном тому, в котором мы их излагали, и начнем со сравнительно второстепенных его замечаний с тем, чтобы уже впоследствии перейти к основным.

Правильно ли, прежде всего, что Маркс не проводит ясного различия между денежным капиталом, как особой функциональной формой промышленного капитала и ссудным капиталом?

Это утверждение Штейнберга представляется нам безусловно ошибочным. В самом начале своего анализа ссудного капитала, в 21-й главе III тома «Капитала», Маркс совершенно ясно и недвусмысленно проводит то различие, о котором сейчас идет речь. Выяснив особое обращение капитала, приносящего проценты, Маркс возвращается к изложенному им во втором томе учению о кругообороте и различных формах капитала, и делает это именно с той целью, чтобы отграничить ссудный денежный капитал от просто денежного капитала. Признак, отличающий ссудный капитал от денежной формы промышленного капитала, Маркс находит в том, что при ссуде деньги **непосредственно** передаются, как капитал, как самовозрастающая ценность, тогда как при купле-продаже они непосредственно функционируют лишь в качестве средств обращения и только **косвенно**, посредством отнесения к производительному капиталу, превращенной формой которого они являются, обнаруживают свой характер, как капитала.

Приведем пару подтверждающих это цитат. «Ни в один из отдельных моментов метаморфоза, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара, как **капитала**, хотя для него товар представляет капитал, и не отчуждает продавцу деньги, как капитал. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство товаров» [2]). «То обстоятельство, что деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, не вытекает из акта купли, из той действительной функции, которую он совершает как деньги, а из связи этого акта с общим движением капитала, потому что этот акт, который совершает капитал как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства» [3]). «Но иначе обстоит дело с капиталом, при-

[1]) Там же.
[2]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, пер. Базарова и Степанова М. 1907 г., стр. 319; курсив автора.
[3]) Там же.

носящим проценты, и как раз в этом-то и заключается специфический его характер... это не только капитал для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость» [1]).

Трудно яснее, чем это сделано в приведенных словах Маркса, выразить различие между денежным капиталом, как простой формой промышленного капитала, и ссудным капиталом. Тем не менее Штейнберг, зная и даже излагая эти места, ухитряется утверждать, что Маркс «нигде не говорит об этом различии» [2]). Что же касается ссылки Штейнберга на некоторые места 28-й главы III тома «Капитала», то приходится только удивляться, насколько невнимательно относится он к взглядам критикуемого им автора. В самом деле, в этой главе Маркс подвергает рассмотрению и критике воззрения Тука и Фуллартона. Эти авторы действительно противопоставляли средства обращения капиталу. Маркс же, напротив, критикует их, указывает, что они «беспорядочно смешивают различия между средствами обращения, как деньгами, денежным капиталом вообще, и капиталом, приносящим проценты» [3]), и доказывает, что в действительности имеет место «различие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не различие средств обращения от капитала» [4]). Таким образом, если Маркс где-либо и применяет термины «средства обращения» и «капитал», как обозначение различных и друг друга исключающих явлений, то это может означать лишь условное пользование терминологией критикуемых им экономистов, со взглядами которых он по существу несогласен, а отнюдь не отказ от признания капиталом денег, функционирующих в кругообороте промышленного капитала, как это утверждает Штейнберг.

Но если в этом вопросе замечания Штейнберга нужно признать в высшей степени неудачными, то еще хуже обстоит дело с его попыткой найти внутреннее противоречие в самой трактовке категории ссудного капитала у Маркса. Здесь просто приходится поражаться, как можно до такой степени не понять критикуемые положения, чтобы перевернуть их, поставив их прямо на голову и совершенно исказив весь их смысл.

Маркс различает действительный кругооборот ссуженного капитала Д—Т... П... Т'—Д', который происходит в руках заемщика, от отношений между заемщиком и кредитором, т.-е. от самой ссуды и ее возвращения Д — Д + д. Он указывает, что действительное возрастание ценности авансированная денежная сумма претерпевает лишь вследствие превращения ее в руках должника в элементы производительного капитала, и что по отношению к этому процессу сделки ссуды и возврата ссуды являются лишь посторонними моментами.

... «Первая подготовляет действительный процесс, вторая есть акт, дополняющий тот же процесс. Следовательно, точка исхода и точка возврата—отдача и возвращение ссуженного капитала—представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого отношения к самому этому движению. Для последнего было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы только к нему, как его собственность» [5]).

Можно ли, спрашивается, на основании приведенных слов устанавливать наличие у Маркса двух противоположных пониманий кредита—как

[1]) Там же, стр. 320.
[2]) Steinberg, цит. соч., стр. 26.
[3]) К. Маркс, цит. соч., стр. 417.
[4]) К. Маркс, цит. соч., стр. 419; курсив автора.
[5]) К. Маркс, цит. соч., стр. 324.

экономического явления, с одной стороны, и как чисто-юридической сделки, с другой? Можно ли, далее, в словах, что для кредитора деньги делаются капиталом вследствие простой передачи их должнику, видеть отрыв понятия ссудного капитала от процесса производства, противоречащий остальной концепции Маркса? Нам представляется, что подобный вывод может быть лишь продуктом полнейшего непонимания и даже прямого извращения взглядов Маркса.

Говоря вообще, для того, чтобы капитал мог проделывать свой кругооборот, вовсе не требуется, чтобы он был ссужен. Применяет ли капитал сам его владелец или же другое лицо—заемщик,—от этого характер его кругооборота не изменяется. В обоих случаях действительный процесс движения капитала начинается с покупки за деньги средств производства и рабочей силы и кончается продажей произведенных товаров, т.-е. реализацией в денежной форме авансированного капитала и прибавочной ценности. *По отношению к этому-ток кругообороту капитала, рассматриваемому изолированно*, ссуда и является чем-то внешним, посторонним. Но это никоим образом не означает, что кредит и кредитные отношения есть вообще область юридических сделок, а не экономическое явление. Ибо, если с точки зрения абстрактного понятия о кругообороте капитала ссуда капитала есть нечто внешнее и постороннее, то с точки зрения тех конкретных условий, в которых многочисленные индивидуальные капиталы совершают свой оборот, выделение свободного денежного капитала и его превращение в ссудный капитал есть вполне закономерное и экономически необходимое явление. Но ведь Маркс, как известно, немало внимания уделил специально выяснению этой закономерности. Говоря о ссуде и о возврате ссуженного, как о «произвольных движениях, совершающихся при посредстве юридических сделок», Маркс имеет лишь в виду, что эти действия лежат за пределами кругооборота *данного* капитала, но отнюдь не думает, что они не связаны с кругооборотом *капитала вообще* и не имеют экономического основания.

Это можно иллюстрировать на конкретном примере. Допустим, что капиталист А взял у капиталиста В в ссуду 1 млн. руб. из 5% годовых и что средняя норма прибыли равняется 20%. Действительный кругооборот этого капитала происходит в руках А и заключается в превращении 1 млн. руб. денег в средства производства и рабочую силу на такую же сумму, возрастании ценности в результате производства до 1,2 млн. руб. и обратном превращении товаров, вышедших из производства и равных по своей ценности 1,2 млн. руб., в такую же сумму денег. С точки зрения кругооборота *этого миллиона рублей* передача денег в ссуду от В к А и возвращение их по истечении срока ссуды с процентами к В являются случайными или произвольными операциями. Но иначе обстоит дело, если мы свяжем кругооборот этого миллиона с кругооборотом *всего капитала* А и В. Тогда окажется, например, что в силу тех конкретных условий, в которых происходит производство и обращение товаров, из 10 млн. руб. капитала у В 1 млн. руб. высвобождается сроком на 1 год, в то время как у А в то же самое время должно происходить связывание капитала. Следовательно, если рассматривать *сцепление* кругооборотов различных индивидуальных капиталов, то кредит оказывается необходимым их результатом и условием.

Но если неправильно упрекать Маркса в обособлении производства от кредита, то еще более странно обвинять его в отрыве кредита и ссудного капитала от производства. Правда, мы находим у Маркса следующие слова: «Движение, характерное для капитала вообще,—возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке,—для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешнюю форму, оторванную от того

носящим проценты, и как раз в этом-то и заключается специфический его характер... это не только капитал для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость» [1]).

Трудно яснее, чем это сделано в приведенных словах Маркса, выразить различие между денежным капиталом, как простой формой промышленного капитала, и ссудным капиталом. Тем не менее Штейнберг, зная и даже излагая эти места, ухитряется утверждать, что Маркс «нигде не говорит об этом различии» [2]). Что же касается ссылки Штейнберга на некоторые места 28-й главы III тома «Капитала», то приходится только удивляться, насколько невнимательно относится он к взглядам критикуемого им автора. В самом деле, в этой главе Маркс подвергает рассмотрению и критике воззрения Тука и Фуллартона. Эти авторы действительно противопоставляли средства обращения капиталу. Маркс же, напротив, критикует их, указывает, что они «беспорядочно смешивают различия между средствами обращения, как деньгами, денежным капиталом вообще, и капиталом, приносящим проценты» [3]), и доказывает, что в действительности имеет место «различие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не различие средств обращения от капитала» [4]). Таким образом, если Маркс где-либо и применяет термины «средства обращения» и «капитал», как обозначение различных и друг друга исключающих явлений, то это может означать лишь условное пользование терминологией критикуемых им экономистов, со взглядами которых он по существу несогласен, а отнюдь не отказ от признания капиталом денег, функционирующих в кругообороте промышленного капитала, как это утверждает Штейнберг.

Но если в этом вопросе замечания Штейнберга нужно признать в высшей степени неудачными, то еще хуже обстоит дело с его попыткой найти внутреннее противоречие в самой трактовке категории ссудного капитала у Маркса. Здесь просто приходится поражаться, как можно до такой степени не понять критикуемые положения, чтобы перевернуть их, поставив их прямо на голову и совершенно исказив весь их смысл.

Маркс различает действительный кругооборот ссуженного капитала Д—Т... П... Т'—Д', который происходит в руках заемщика, от отношений между заемщиком и кредитором, т.-е. от самой ссуды и ее возвращения Д — Д + д. Он указывает, что действительное возрастание ценности авансированная денежная сумма претерпевает лишь вследствие превращения ее в руках должника в элементы производительного капитала, и что по отношению к этому процессу сделки ссуды и возврата ссуды являются лишь посторонними моментами.

... «Первая подготовляет действительный процесс, вторая есть акт, дополняющий тот же процесс. Следовательно, точка исхода и точка возврата—отдача и возвращение ссуженного капитала—представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого отношения к самому этому движению. Для последнего было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы только к нему, как его собственность» [5]).

Можно ли, спрашивается, на основании приведенных слов устанавливать наличие у Маркса двух противоположных пониманий кредита—как

[1]) Там же, стр. 320.
[2]) Steinberg, цит. соч., стр. 26.
[3]) К. Маркс, цит. соч., стр. 417.
[4]) К. Маркс, цит. соч., стр. 419; курсив автора.
[5]) К. Маркс, цит. соч., стр. 324.

экономического явления, с одной стороны, и как чисто-юридической сделки, с другой? Можно ли, далее, в словах, что для кредитора деньги делаются капиталом вследствие простой передачи их должнику, видеть отрыв понятия ссудного капитала от процесса производства, противоречащий остальной концепции Маркса? Нам представляется, что подобный вывод может быть лишь продуктом полнейшего непонимания и даже прямого извращения взглядов Маркса.

Говоря вообще, для того, чтобы капитал мог проделывать свой кругооборот, вовсе не требуется, чтобы он был ссужен. Применяет ли капитал сам его владелец или же другое лицо—заемщик,—от этого характер его кругооборота не изменяется. В обоих случаях действительный процесс движения капитала начинается с покупки за деньги средств производства и рабочей силы и кончается продажей произведенных товаров, т.-е. реализацией в денежной форме авансированного капитала и прибавочной ценности. *По отношению к этому-ток кругообороту капитала, рассматриваемому изолированно*, ссуда и является чем-то внешним, посторонним. Но это никоим образом не означает, что кредит и кредитные отношения есть вообще область юридических сделок, а не экономическое явление. Ибо, если с точки зрения абстрактного понятия о кругообороте капитала ссуда капитала есть нечто внешнее и постороннее, то с точки зрения тех конкретных условий, в которых многочисленные индивидуальные капиталы совершают свой оборот, выделение свободного денежного капитала и его превращение в ссудный капитал есть вполне закономерное и экономически необходимое явление. Но ведь Маркс, как известно, немало внимания уделил специально выяснению этой закономерности. Говоря о ссуде и о возврате ссуженного, как о «произвольных движениях, совершающихся при посредстве юридических сделок», Маркс имеет лишь в виду, что эти действия лежат за пределами кругооборота *данного* капитала, но отнюдь не думает, что они не связаны с кругооборотом *капитала вообще* и не имеют экономического основания.

Это можно иллюстрировать на конкретном примере. Допустим, что капиталист А взял у капиталиста В в ссуду 1 млн. руб. из 5% годовых и что средняя норма прибыли равняется 20%. Действительный кругооборот этого капитала происходит в руках А и заключается в превращении 1 млн. руб. денег в средства производства и рабочую силу на такую же сумму, возрастании ценности в результате производства до 1,2 млн. руб. и обратном превращении товаров, вышедших из производства и равных по своей ценности 1,2 млн. руб., в такую же сумму денег. С точки зрения кругооборота *этого миллиона рублей* передача денег в ссуду от В к А и возвращение их по истечении срока ссуды с процентами к В являются случайными или произвольными операциями. Но иначе обстоит дело, если мы свяжем кругооборот этого миллиона с кругооборотом *всего капитала* А и В. Тогда окажется, например, что в силу тех конкретных условий, в которых происходит производство и обращение товаров, из 10 млн. руб. капитала у В 1 млн. руб. высвобождается сроком на 1 год, в то время как у А в то же самое время должно происходить связывание капитала. Следовательно, если рассматривать *сцепление* кругооборотов различных индивидуальных капиталов, то кредит оказывается необходимым их результатом и условием.

Но если неправильно упрекать Маркса в обособлении производства от кредита, то еще более странно обвинять его в отрыве кредита и ссудного капитала от производства. Правда, мы находим у Маркса следующие слова: «Движение, характерное для капитала вообще,—возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке,—для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешнюю форму, оторванную от того

действительного движения, формой которого оно служит» [1]). Но, ведь, речь здесь идет именно о формальной оторванности, а не о независимости по существу, что совершенно недвусмысленно следует из дальнейших пояснений. Так, например, говоря далее об отданном в ссуду капитале, Маркс замечает: «Его действительное превращение в капитал совершается лишь в руках B. Но для A он уже сделался капиталом, вследствие простой передачи другому лицу B» [2]). Разве здесь не ясно, что субъективные представления кредитора имеют по Марксу объективную основу в реальном движении капитала в руках должника? Но, ведь, это движение имеет, в свою очередь, центральным своим пунктом процесс производства. Как же в таком случае можно утверждать, что по Марксу «этот процесс может вообще отпасть» [3])? А несколькими строками дальше Маркс еще более резко подчеркивает, что самостоятельность ссудного капитала—лишь мнимая и что корнями своими он уходит в реальные процессы капиталистического производства и обращения. «Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; по отношению к капиталу, приносящему проценты, его возвращение, как капитала, зависит, как представляется, от простого соглашения между кредитором и заемщиком... Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке» [4]). Однако все эти раз'яснения нисколько не останавливают Штейнберга, обуреваемого стремлением во что бы то ни стало отыскать у Маркса внутренние противоречия.

Наконец, совсем комично звучит, когда Штейнберг приписывает Марксу понятие о ссудном капитале, как о какой-то вещи в себе, непосредственно обладающей способностью умножать свою ценность. Обвинять Маркса, разоблачившего фетишистские представления о товаре, деньгах, капитале, ссудном капитале и т. д., в этих самых представлениях,—значит абсолютно ничего не понять в марксовой методологии. Штейнберг по-просту не различает, когда Маркс говорит от своего собственного имени и когда он говорит от имени капиталиста, неизбежно пропитанного фетишистскими взглядами. С равным основанием можно было бы, опираясь на известные слова Маркса в первой главе I тома «Капитала» о том, как «душа товара вещает устами экономиста», об'являющего меновую ценность свойством вещи, утверждать, что сам Маркс считает ценность естественным качеством продуктов. Нужно, по мень-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 325.
[2]) Там же; курсив мой. *Э. Б.*
[3]) Steinberg, цит. соч., стр. 33.
[4]) К. Маркс, цит. соч., стр. 325; курсив автора. Правда, немедленно вслед за приведенными выше словами, Маркс добавляет: «На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел вовремя, то заемщику приходится искать иного вспомогательного источника для выполнения своих обязательств по отношению к кредитору». Но нетрудно убедиться в том, что он здесь имеет в виду не условия гладкого хода воспроизводства, но явления нарушенного равновесия в индивидуальном или общественном масштабе. При капиталистическом кредите, рассматриваемом в условиях равновесия производственной системы, правилом является то, что ссуженная сумма применяется производительно, приносит должнику прибыль, и часть этой прибыли идет на уплату процентов по займу. А раз подобное положение вещей является нормальным, то оно заранее предполагается в каждой отдельной кредитной сделке, хотя результаты последней и могут расходиться с обычными. Наличие такого расхождения не меняет общего принципа о зависимости движения ссудного капитала от действительного процесса кругооборота капитала. Или, как это дальше выражает Маркс: «простая форма капитала—деньги, которые затрачиваются в виде суммы A и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x}A$ без какого бы то ни было иного посредствующего звена кроме этого промежутка времени—есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» (там же, стр. 325—326; курсив Маркса).

шей мере, совсем не обладать чувством юмора, чтобы смешивать Маркса с тем самым «доктором Прайсом», чьи представления о капитале, как о «самодеятельном автомате» или «простом самоувеличивающемся числе» [1]), Маркс так жестоко высмеял.

На этом мы можем покончить с теми моментами, которым сам Штейнберг как будто придает второстепенное значение, и перейти к основной магистрали его критических рассуждений. Первое место здесь занимает его критика Марксова учения о кругообороте капитала. Остановимся поэтому прежде всего на ней.

При рассмотрении аргументации Штейнберга бросается в глаза общность его методологических позиций с воззрениями модного ныне на Западе «социального направления» в политической экономии. Центральное возражение Штейнберга против Марксова понятия кругооборота капитала покоится на резком разграничении, которое он проводит между производством, как чисто-техническим процессом, и обменом, как специфически-социальным явлением. Но то же самое характерно, например, для всей методологической установки Амонна, который именно отношения обмена считает социальными отношениями, производственную же деятельность противопоставляет этим отношениям в качестве чисто-технического момента, с которым они ни в какой необходимой связи не находятся [2]). В частности, те, приведенные нами выше места, где Штейнберг упрекает Маркса в том, что тот своим учением о кругообороте капитала ставит в один ряд столь разнородные явления, как производство и обмен,—эти места из Штейнберга невольно приводят на память следующие слова Амонна:

«Между ценностной суммой и количеством труда чисто-логически нет ни малейшего отношения. Оба—вещи принципиально различного рода, цена (die Preissumme) есть специфически социальная, количество труда—чисто-техническая категория и нет никакого пути для того, чтобы сравнить между собою сумму цены и количество труда» [3]).

Рассмотрение и критика общеметодологических воззрений представителей «социальной» школы не входят в задачи настоящей статьи. Поэтому мы ограничимся сделанным только что указанием о близости Штейнберга к ним, а в дальнейшем попытаемся конкретно показать на его примере, к каким ошибочным выводам приводит основной порок, характерный для всего этого направления—непонимание действительной связи между производством и общественными отношениями людей.

Штейнберг, как мы видим, утверждает, что с об'ективной точки зрения никакого кругооборота капитала не существует, но имеются два особых и независимых друг от друга движения—движение благ, как хозяйственно-технический процесс, и движение денег, как социальный процесс. Единственным основанием, на котором это его утверждение базируется, является ссылка на то, что производственный процесс, как таковой, не требует необходимо денег, и что последние обусловлены процессом обмена.

[1]) К. Маркс, там же, стр. 373.
[2]) См. Alfred Amonn, Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie, 2 Auflage, Leipzig und Wien 1927, S. 238—240, 271 и мн. др.
[3]) Amonn, цит. соч., стр. 318. Подобные высказывания можно встретить и у Штольцмана, который недоуменно вопрошает, как это Маркс, отрицающий выведение ценности из факторов производства, «делает исключение для труда, одного из этих производственных факторов», и как это он, низвергнувший всех фетишей, «мог соорудить ему (труду. *Э. Б.*) алтарь, как величайшему и единственному фетишу, поскольку он исключительно за ним признал честь и славу создания ценности».—R. Stolzmann, Die Kritik des Objektivismus und seine Verschmelzung mit dem Subjektivismus zur social-organischen Einheit»,—Jahrbücher fur Nationalökonomie, III Folge, 49 Band, S. 153.

Ошибка Штейнберга заключается в том, что он мыслит производств совершенно отвлеченно от тех общественных отношений, в рамках которо оно происходит, а потому превращает его в исключительно-технический пр цесс. Замечая, что производство, вообще говоря, может быть и при отсутстви обмена и денег, он лишь указывает на возможность такого производств которое не было бы производством товаров. Но странно было бы выдвига это положение, являющееся для марксистов трюизмом, против Маркса. Ко речь идет о кругообороте капитала, то, ведь, вопрос ставится не о произво стве вообще, но именно о товарном, капиталистическом произво стве. Но разве можно по отношению к последнему считать обмен деньги чем-то посторонним и несущественным. Если мы говорим о товарн хозяйстве, то нельзя производство и обмен изолировать друг от друга, к два самостоятельных и независимых ряда явлений. Товарное производств есть производство для обмена, т.-е. обмен входит необходимым элемент в характеристику самого производства. Понятие товарного производства у предполагает существование обмена, а следовательно, — поскольк имеется в виду развитой обмен,—и денег. Таким образом, движения бла денег являются здесь не двумя изолированными процессами, но внутре связанными и необходимо следующими друг за другом моментами ед ного процесса воспроизводства. Раз товар есть продукт, пр изведенный для продажи, продажа же означает обмен на деньги, совершенно несостоятельным оказывается утверждение Штейнберга, ч между товарами и деньгами нет никакого необходимого отношения. Ясно, ч на место товара Штейнберг подставляет продукт, иными словами, незаконно отвлекается от тех общественных отношений, при которых пр дукты производятся, и которые придают им форму товаров. Если продук и деньги — категории различных измерений, то товар и деньги — категории, внутренне между собою связанные и выражающие один и тот ж тип производственных отношений людей.

Производство не есть чисто-технический процесс. Всякое производств происходит в известной общественной среде, характеризуется определенн формой социальных отношений между участвующими в нем людьми. Штей берг абстрагирует производство от этих отношений и потому лишает проду товарного производства его социальной — товарной — формы. В результа производство превращается в совокупность технических актов, лишенн социального значения, социальная же характеристика становится исключ тельной монополией обмена и денег. Нужно ли еще дальше доказывать ис искусственность и произвольность этого разрыва между произво ством и обращением?

В противоположность мнению Штейнберга, в кругообороте Д — Т П... Т¹ — Д¹ все моменты необходимо связаны друг с другом и вытекаю друг из друга. П (производство) может следовать только после Д—Т, так к мы имеем дело не с производством вообще, не с абстракцией производств но с производством в определенных общественных условиях, в условия менового общества, в котором элементы производства могут быть полу чены лишь в результате их покупки на рынке. С другой стороны, за пр изводством неизбежно должен следовать акт Т¹ — Д¹, продажа произво ственных продуктов, так как без предварительного превращения капитала прибавочной ценности из товарной формы в денежную невозможно ни во обновление процесса производства, ни личное потребление капиталис Выходит таким образом, что производство и обращение, изолируемые Штей бергом друг от друга, выступают как звенья одного процесса, процесс капиталистического воспроизводства. Любопытно, кстат отметить, что Штейнберг, делающий Марксу комплимент за то, что тот ра сматривает весь хозяйственный процесс динамически и как одно целое, по

падает в забавное противоречие с самим собой, ибо он-то как раз это целое разрывает на части, считая, что никакого единства между производством и обращением не существует.

Устанавливая выше действительную связь между различными моментами кругооборота капитала, мы остановились лишь на том, что определенная последовательность этих моментов обусловливается товарным характером производства. Но если единство производства и обращения есть особенность товарного хозяйства вообще, то, с другой стороны, выражение этого единства в понятии кругооборота капитала вытекает из капиталистического характера современного товарного хозяйства. Различные моменты воспроизводства характеризуются Марксом, как различные формы капитала — денежный, производительный и товарный капитал, именно потому, что целью всего процесса является возрастание авансированной ценности, получение прибавочной ценности. Однако, полагает Штейнберг, неправильно становиться на точку зрения капиталиста, стремящегося лишь к получению прибыли. Он не понимает, что отдельный капиталист есть для Маркса лишь персонификация капиталистического строя общества, и что прибыль не есть лишь факт суб'ективного сознания этого капиталиста, но является основной об'ективной особенностью капиталистического хозяйства. Но если это так, если прибыль является руководящим началом всего капиталистического производства, то и группировка различных явлений (деньги, средства производства, готовые товары) под углом зрения прибавочной ценности есть отражение об'ективной капиталистической действительности, а не просто суб'ективных взглядов капиталиста. Штейнберг же, отвлекаясь от общественных отношений производства, тем самым отвлекается и от капиталистического характера общества, от прибавочной ценности, как основной особенности этого общества.

Но Штейнберг пытается найти и внутреннее противоречие у Маркса, ссылаясь на проводимое Марксом различие между реальными и формальными метаморфозами. Здесь перед нами налицо яркий образчик метафизического образа мышления. Штейнберг не понимает, каким образом единство и различия могут иметь место одновременно. Если единство, так уж не должно быть никаких различий,—думает он. А если есть различия (а то, что эти различия между денежным и производительным капиталом, обращением и производством, действительно существуют,—это Маркс выразительно подчеркивает), то не может быть единства, а следовательно, нельзя говорить «о каком-то едином кругообороте капитала.

Между тем для Маркса единство и различия не являются понятиями, взаимно друг друга исключающими. Он указывает, с одной стороны, что на различных стадиях своего движения капитал выполняет различные функции. «Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозу П, производственному процессу, который таким образом является реальным метаморфозом капитала, в противоположность простому метаморфозу формы, совершающемуся в сфере обращения» [1]). Но в то же самое время он показывает и на ту связь, которая существует между всеми этими стадиями и которая именно и делает их различными стадиями одного процесса — процесса кругооборота капитала. Связь эта заключается именно в направлении всех этих движений к единой цели—получению прибавочной ценности, что по Штейнбергу несущественно и имеет лишь суб'ективное значение для капиталиста, по Марксу же является центральным пунктом всей капиталистической системы. «...Для формулы Д... Д¹ характерно, с одной стороны, то обстоятельство, что капитальная стоимость составляет исходный пункт, а возросшая капитальная стоимость—возвратный

[1]) К. Маркс, Капитал, т. II, пер. Базарова и Степанова, М. 1907 г., стр. 25.

пункт, так что авансирование капитальной стоимости является средство возросшая капитальная стоимость—целью всей операции, с другой стороны то обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, сам стоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выр жение, как деньги, рождающие деньги. Создание прибавочной стоимости стоимостью выражено не только, как альфа и омега процесса, но выражено прямо в блестящей денежной форме» [1]).

Итак, критика Штейнбергом Марксова учения о кругообороте капита оказывается, как видим, несостоятельной. Нам остается еще рассмотреть т аргумент, который он держит в запасе на случай, если предшествующие д воды будут признаны недостаточными. Допустим даже,—говорит Штейнберг, что какой-то кругооборот ценностей действительно существует. Но почем это—кругооборот капитала? Ведь, капитал—это то, что дает прибавоч ную ценность, прибавочная же ценность создается лишь в производстве след., понятие «денежный капитал» внутренне противоречиво, и деньги прибавочной ценности не создают.

Это возражение Штейнберга вытекает из его непонимания того при ципа, который положен в основу понятия «капитал» у Маркса. Категор «капитал» и «прибавочная ценность», действительно, теснейшим образо между собою связаны. Но Штейнберг понимает эту связь весьма плоско том смысле, что капиталом называется источник прибавочной ценност Если бы дело обстояло так, то несостоятельным оказалось бы не только п нятие денежного капитала, но и понятие производительного капитала. Ве одним из элементов производительного капитала являются средства про водства; средства производства же по Марксу не создают прибавочной це ности. Если под капиталом понимать источник прибавочной ценности, пришлось бы признать внутренне противоречивым и понятие «постоянн капитал».

На самом деле понятия о капитале и об источнике прибавочной це ности отнюдь не покрывают друг друга. Источником прибавочной ценност по Марксу является не капитал, а прибавочный труд наемных рабочих. Капи талом же Маркс называет всю ту сумму ценностей, которая н обходима для того, чтобы привести в движение этот дей ствительный источник прибавочной ценности. Но раз та то и средства производства, и деньги оказываются капиталом, поскольку он выступают в качестве условия образования прибавочной ценности. Ес процесс создания прибавочной ценности имеет своей предпосылкой налич денег, превращаемых в элементы производства, путем покупки средств про водства и рабочей силы, то, след., деньги эти являются в данном случае (ко они действительно затрачиваются для извлечения прибавочной ценности) фо мой капитала.

Что касается того методологического фундамента, который Штейнб подводит под свое противопоставление денег капиталу и который заключает в разграничении типов общественных отношений, находящих свое выраже ние в категориях денег и капитала, то здесь мы еще раз сталкиваемся с др мером его чисто-метафизического мышления. Деньги, утверждает Штей берг, выражают отношения общественной связи производителей, но не о ношения классового господства. Он не понимает того, каким образом день одновременно могут выражать и те, и другие отношения. Между тем п нять это вовсе не так трудно. В качестве орудий обращения товаров день являются средством осуществления общественных связей между членам менового общества. Но, далее, нужно учесть, кого именно они связыва Если бы мы имели дело с простым товарным хозяйством, то деньги выступ

[1]) К. Маркс, цит. соч., стр. 30; курсив мой. *Э. Б.*

бы в качестве связи между независимыми товаропроизводителями. В капиталистическом же обществе они связывают также между собою капиталистов и рабочих. Но деньги, затрачиваемые на наем рабочих и на приобретение средств производства, к которым труд этих рабочих прилагается,—эти деньги выражают уже не только отношения связи, но и отношения классового господства и эксплоатации. Они являются не просто деньгами, но именно денежным капиталом: они являются деньгами, поскольку рассматриваются их функции в процессе обращения, они суть капитал, поскольку само это обращение служит подготовительным или заключительным звеном в деле извлечения прибавочной ценности.

Классовое господство,—говорит Штейнберг,—означает обладание орудиями труда, а не деньгами. Но при этом он, опять-таки, игнорирует ту особую историческую форму этого господства, которая имеет место в капиталистическом обществе. Исключительное обладание орудиями труда является материальной основой классового господства при любой форме классового общества. При капиталистической же форме общества, когда эксплоатация осуществляется через посредство обмена, а не путем прямого подчинения, классовое господство предполагает также и обладание деньгами. как необходимым исходным пунктом всего движения капитала.

Наконец, настоящее Testimonium pauperitatis подписывает себе Штейнберг, когда он в своем отрицании понятия денежного капитала апеллирует к капиталистической практике. Он, который обвинял Маркса в защите точки зрения капиталиста-предпринимателя, сам для подкрепления своей позиции не находит ничего лучшего, как стать на точку зрения капиталиста-рантье, признающего деньги капиталом лишь в том случае, если они отдаются в ссуду. Правда, он ссылается на то, что, якобы, не отданные в ссуду деньги никем не рассматриваются, как капитал. Но тут уж он становится в прямое противоречие с той самой практикой, от имени которой он берется говорить. В самом деле, где Штейнберг нашел такого предпринимателя, который свою кассовую наличность (хотя бы она и не приносила ему процентов) не включал бы в свой капитал [1])? Больше того. Он явно противоречит и самому себе, ибо только недавно он утверждал, что лишь, становясь на позицию капиталиста, можно подводить деньги под понятие капитала. Несчастный капиталист ловкостью рук Штейнберга превращается в двуликого Януса, одновременно и признающего, и отрицающего характеристику денег, как капитала.

[1]) Если Штейнберг вообще отрицает характер капитала за деньгами, то у других экономистов мы, напротив, можем встретить противоположную крайность—отрицание всякого принципиального различия между денежным и производительным капиталом. Так, напр., Мизес говорит следующее: «Составную часть предпринимательского капитала (des Betriebskapitals) каждого предприятия образует также и сохраняемый им кассовый резерв. Если оно видит себя по какой-либо причине вынужденным увеличить свой кассовый резерв, то это следует рассматривать как увеличение капитала предприятия. Если оно в этих целях ищет кредита, то это нельзя никоим образом оценивать иначе, чем требование на кредит, основывающееся на любой иной причине, напр., ради установления машинного оборудования или т. п.» (Ludwig von Mises, Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel, 2 Auflage, München und Leipzig 1924, S. 321). С точки зрения Маркса, и тот и другой взгляд ошибочны. Отрицание характера капитала за деньгами ошибочно потому, что игнорирует те специфические социальные отношения, в рамках которых функционируют деньги и которые делают эти деньги формой капитала. Признание денежного и производительного капитала явлениями равнозначущими неправильно потому, что игнорирует процесс производства, как действительную сферу возрастания капитальной ценности. Первая точка зрения забывает об единстве денежного и производительного капитала, вторая—о различиях между ними.

III.

Мы подвергли подробному разбору попытки Штейнберга доказать несостоятельность данного Марксом понимания денежного и ссудного капитала. Подведем теперь краткие итоги:

1. Штейнберг обвиняет Маркса в том, что он в своем учении о кругообороте капитала смешивает техническое с общественным. В действительности же сам он ошибочно лишает производство его общественной определенности, рассматривая его, как чисто-технический акт, и не понимает, что товарное производство предполагает обращение и находится с последним в необходимой, внутренней связи.

2. Штейнберг обвиняет Маркса в том, что тот становится на позицию капиталиста, об'единяющего под углом зрения своей прибыли такие разнородные по существу явления, как деньги и средства производства. На самом деле, однако, прибавочная ценность является основным об'ективным фактом, отличающим капиталистический строй общества от всякого иного, и потому принятие прибавочной ценности за критерий группировки различных явлений является отражением капиталистической действительности.

3. Штейнберг обвиняет Маркса в том, что он, прилагая к деньгам понятие капитала, смешивает различные типы общественных отношений. Но различные социальные отношения не стоят изолированно, а фактически перекрещиваются друг с другом, так что деньги одновременно выражают и производственную связь людей, и отношения классового господства и эксплоатации, являются в одно и то же время и деньгами, и формой капитала.

4. Штейнберг находит внутреннее противоречие между определением денег, как капитала, и разграничением у Маркса реальных и формальных метаморфоз капитала. Противоречие это, однако, мнимое, так как единство различных стадий кругооборота капитала не исключает и весьма существенных различий между отдельными формами капитала. Денежный капитал является капиталом потому, что он составляет необходимое условие для образования прибавочной ценности, он является непроизводительным капиталом, потому что обращение лишь подготовляет создание прибавочной ценности и реализует ее, но само непосредственно ее не создает.

5. Другое внутреннее противоречие, найденное Штейнбергом у Маркса и состоящее в превращении кредита в чисто-юридическую сделку, а ссудного капитала—в самостоятельную сущность, относятся за счет поразительного непонимания им мыслей Маркса, который в действительности выдвигает прямо противоположные идеи.

6. Неправильно, наконец, и указание Штейнберга на неясность, якобы, разграничения Марксом понятий денежного капитала, как функциональной формы промышленного капитала, и ссудного капитала, как особого вида капитала, существующего рядом с промышленным. Маркс проводит вполне определенное различие между ними, указывая, что при ссуде деньги непосредственно передаются, как капитал, тогда как при купле-продаже их характер, как капитала, прямо не выражен и узнается лишь в результате сопоставления данной сделки с предшествующими и последующими процессами.

IV.

Выше мы изложили и подвергли анализу те критические замечания, которые Штейнберг выдвигает против Маркса. Но каковы же те положительные построения, которые он противопоставляет раскритикованной им в пух и прах теории? Штейнберг не заставляет нас долго ждать их, так как за главой, носящей претенциозное заглавие «критика существующих теорий»,

немедленно следует глава, не менее внушительно гласящая об обосновании понятия денежного капитала («Die Begriffsbildung des Geldkapitals». Рассмотрим основные положения, развиваемые им здесь.

Понятие денежного капитала, тождественное для Штейнберга с понятием ссудного капитала (так как, как мы видели раньше, деньги, не отдаваемые в ссуду, он решительно отказывается признать капиталом), основывается на понятии капитала вообще. Штейнберг и начинает с выяснения этого последнего.

Движение денег, указывает он, замаскировывает действительный процесс образования прибыли, так как создает видимость того, что каждый получает в форме денег ценность продукта своего труда. В действительности, однако, дело обстоит далеко не так. Общественный доход распределяется между владельцами вещественных благ и остальными членами общества отнюдь не равномерно. «Обладатели вещественных благ получают большую, даже наибольшую часть народно-хозяйственного дохода, поскольку они заставляют платить себе за блага больше, чем то соответствует их определяемой трудом ценности. Монопольная цена за средства производства оплачивается потребителями. В виде денег имущие приобретают покупательную силу и тем самым притязание на главную долю народного дохода. Избыток дохода имущих над доходом неимущих есть дань, которую последние платят первым. Таким образом, возникает эксплоатация неимущих имущими на основе того простого факта, что последние обладают монополией на известные длящиеся (dauerbare) хозяйственные блага... Владение благами, посредством которого приобретают привилегию или монополию, образует капитал» [1]). В дальнейшем Штейнберг определяет капитал, как «блага и права, создающие монопольное положение, на основе которого имущие приобретают, в противоположность неимущим, возможность получения прибыли в денежной форме» [2]).

Установив понятие капитала вообще, Штейнберг переходит к понятию денежного капитала. Если деньги употребляются для покупки благ, то, по его мнению, отсутствует отношение зависимости, характерное для понятия капитала. В этом случае нельзя говорить о деньгах, как капитале. Но иное происходит, когда деньги даются в ссуду. В этом случае явления, имеющие место по отношению к деньгам, подходят под те родовые признаки, которые установлены для понятия капитала. «Выраженная в деньгах покупательная сила ограничена, так как ограничена масса благ, которые она покупает. С точки зрения хозяйствующего суб'екта деньги, следовательно, имеют ценность, основанную на редкости (einen Seltenheitswert). Благодаря этому они становятся монопольным об'ектом; владение ими создает монопольное отношение, которое используется монополистом для получения прибыли. Превращение денежных средств в капитал (die Verwertung der Geldmittel) происходит через передачу их в ссуду другим лицам. Только в акте денежной ссуды получает выражение преобладание одного над другим; лишь через этот акт могут владельцы денег извлечь выгоду в форме денежного процента от тех, кто нуждается в деньгах» [3]).

В итоге всех этих рассуждений Штейнберг приходит к следующему понятию денежного капитала: «Денежный капитал есть денежная сумма, владение которой дает ее обладателям привилегированное по отношению к другим хозяйствующим суб'ектам положение, которое может быть использо-

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 45.
[2]) Там же, стр. 52; курсив автора.
[3]) Там же, стр. 52—53.

вано для получения прибыли лишь посредством кредита» [1]).

Едва ли заслуживают особой критики взгляды, развиваемые Штейнбергом по вопросу о капитале и капиталистическом доходе вообще. Что это за «определенная трудом ценность», которая ни в какой мере не связана с ценами товаров, чем определяются те монопольные барыши, которые получаются «владельцами вещественных благ», кто такие те «потребители», за чей счет эти барыши получаются,—обо всем этом мы у Штейнберга ничего не узнаем. Не следует ли, например, к владельцам вещественных благ отнести, на ряду с капиталистами, также крестьян и ремесленников? Ведь, и они обладают «длящимися хозяйственными благами». Не следует ли, с другой стороны, к неимеющим таких благ «потребителям» причислить, вместе с рабочими, также и чиновников, домашнюю прислугу, лиц свободных профессий и т. п., как не владеющих этими «длящимися» благами?

Имеются определенные основания для того, чтобы сделать эти выводы из данного Штейнбергом понятия капитала. Так, он сам заявляет, что «эксплоатация неимущих происходит не в процессе производства, как то ошибочно принимают Маркс и Гильфердинг; она существует везде, где имеется частная собственность на хозяйственные блага, где одна часть общества распоряжается чем-нибудь, чего другая часть лишена» [2]).

Но как же эта эксплоатация происходит? Если не через производство, то, повидимому, через обмен, в котором «потребители» платят монопольные цены, «владельцам длящихся хозяйственных благ». Жаль только, что Штейнберг позабывает сообщить нам, как эти цены устанавливаются и определяются, и чем обусловливается величина той прибыли, которую «имущие» получают за счет «неимущих».

Что касается поставленного выше вопроса о том, не нужно ли, по Штейнбергу, к классу эксплоатирующих отнести и самостоятельных товаропроизводителей, хотя бы и не применяющих наемного труда, то и этот вопрос вполне естественно вытекает из слов самого Штейнберга. В самом деле, в своем определении капитала и эксплоатации он намеренно игнорирует наемный труд, сводя все к отношениям между «имущими» и «неимущими». Правда, он указывает, что одного обладания известными хозяйственными благами недостаточно для возникновения капиталистического отношения. Не подумайте, однако, что требуется еще такой пустяк, как наемный труд. «Для того, чтобы перечисленные материальные и нематериальные блага (а перечислены были сырые материалы, орудия труда, товары и т. д. Э. Б.) стали капиталом, должно еще присоединиться намерение их владельцев извлекать из них доход... специфически капиталистический дух владельцев» [3]). Следовательно, например, ремесленник, буде только у него появится пресловутый «капиталистический дух», тотчас же превратится в капиталиста. Жаль, что Штейнберг опять-таки позабывает рассказать нам, почему у нашего ремесленника отсутствует этот «дух».

Но даже в самом лучшем для нее случае, т.-е. если отбросить все подобные нелепости, теория Штейнберга оказывается лишь воспроизведением того «вульгарно-экономического» об'яснения прибыли, которое в свое время Энгельс нашел у Лексиса и которое он тогда рекомендовал вниманию Бернарда Шоу в качестве хорошего фундамента для того, чтобы «воздвигнуть фабианскую церковь будущего», «поверхностный вульгарный социализм» [4]).

[1]) Steinberg, цит. соч., стр. 53—54; курсив автора.
[2]) Там же, стр. 45.
[3]) Steinberg, цит. соч., стр. 49; курсив мой. *Э. Б.*
[4]) Ф. Энгельс, Предисловие к III тому «Капитала», стр. XI—XIII.

Оставим, однако, в покое общее понятие капитала у Штейнберга и перейдем к его понятию денежного капитала. Будучи здесь последовательным, Штейнберг это понятие строит по образу и подобию первого. Если, продавая товары, капиталисты получают от «потребителей» монопольные цены и вытекающие из них барыши, то, и продавая специфический товар—ссудный капитал,—владельцы последнего получают такую цену и барыш от его покупателей. Тем самым они использовали свое привилегированное положение (в качестве обладателей покупательной силы) по отношению к другим членам общества, налицо отношение господства, и понятие «капитал» готово.

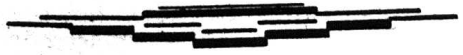
Подобно тому, как основным моментом в Штейнберговском понятии капитала вообще, мы считаем устранение того, что по Марксу является основой капиталистического отношения, а именно—наемного труда [1]), в его понятии денежного или ссудного капитала совершенно отпадает отношение капиталиста к наемному рабочему и остается лишь отношение ссудного капиталиста к получателю ссуды. Штейнберг вполне определенно подчеркивает это. «Заблуждение марксистской теории заключается в том, что одно явление, в котором отношение господства выступает наиболее ясно и резко, а именно отношение предпринимателя к рабочим, она рассматривает, как единственную форму эксплоатации, и все другие аналогичные явления об'ясняет этой формой эксплоатации. В действительности, однако, эксплоатация рабочих представляет чаще всего встречающуюся, но никоим образом не единственную форму проявления этого отношения господства» [2]). Видя капиталистическое отношение вообще не в отношении капиталиста к наемному рабочему, но в отношении продавца («владельца длящихся хозяйственных благ») к покупателю («потребителю»), Штейнберг в сделке ссуды сводит его к отношению кредитора (продавца денег как капитала) к заемщику (покупателю этих денег). В кредитных сделках, говорит он, имеет место «отношение зависимости получателя денежной ссуды от владельца денег, образующее основу капиталистического отношения» [3]).

Мы видели выше, что Штейнберг обвиняет Маркса в том, что тот своим понятием денежного капитала смешивает различные типы общественных отношений. «De te fabula narratur»—можем мы теперь ответить ему. На самом деле, уж если кто-нибудь действительно смешивает различные формы производственных отношений, так это именно Штейнберг, который в своем определении ссудного капитала хочет об'единить капиталистический кредит с ростовщическим, подводя первый под признаки, в действительности присущие лишь второму. В то время, как в ростовщическом кредите, при котором получателями ссуды являются рабочие или мелкие производители, налицо господство кредитора над должником, при капиталистическом кредите, где должниками выступают промышленные и торговые капиталисты, этого господства нет. В то время, как при растовщическом кредите действительно эксплоатируется сам заемщик и капиталистическое отношение есть отношение между кредитором и должником, при капиталистическом кредите и кредитор, и должник совместно эксплоатируют третьего—наемного рабочего. При этой последней форме кредита капиталистическое отношение есть не отношение ссудного капиталиста к функционирующему, но его отношение к рабочему,

[1]) «Следовательно, капиталом предполагается наемный труд, наемным трудом предполагается капитал. Они взаимно обусловливают друг друга; они взаимно производят друг друга» (К. Маркс, Наемный труд и капитал).
[2]) Steinberg, цит. соч., стр. 44; курсив автора.
[3]) Steinberg, цит. соч., стр. 53.

реализующееся, однако, лишь через посредство его от ношения к действующему капиталисту.

То смешение и та подстановка, которые проделывает Штейнбер имеют определенный об'ективный смысл. Противопоставляя капитал, как со ственность капиталу как функции, он прикрывает противоположность к питала как такового наемному труду. Видя эксплоатацию в отношен кредитора к должнику, он скрывает действительный источник процента — прибавочную ценность. За трескучими фразами о господстве и эксплоатац «вообще» об'ективно скрывается апология специфической, капиталистич ской формы эксплоатации.



Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов.

(1878—1882 гг.) [1].

С. Горловский.

Эпоха исключительных законов против социалистов (1878—1890 гг.) является поворотным пунктом в истории германской социал-демократии. Именно в этот период происходит процесс превращения социал-демократической партии в партию революционного марксизма; в эти годы партия накопляет тот революционный и идейный капитал, за счет которого она продолжала пользоваться авторитетом в годы, когда она уже начала скатываться на оппортунистический путь и который выдвинул ее в авангард международного рабочего движения вплоть до ее банкротства в дни империалистической войны. В этом отношении этот период вполне заслуженно получил свое название «героической эпохи». Однако этот процесс марксистского революционного перерождения партии происходил в условиях непрерывной внутрипартийной борьбы, в обстановке острых боев между партийными массами и партийными вождями, которые каждый почти раз кончались капитуляцией последних перед революционными массами, и таким лишь путем были избегнуты неоднократно наметившиеся расколы в партии.

В нашей работе мы постараемся проследить эту борьбу течений в германской социал-демократии, процесс победоносного шествия марксизма, а также наметить исторические условия дальнейшего проникновения оппортунизма в партию.

I. Первый год исключительных законов.

Начало «героической эпохи» было далеко не героическим. Руководящие центры партии, полулегальный Центральный Комитет и фракция рейхстага, заняли оборонительную, нерешительную и даже трусливую позицию, подчас доходившую до отречения от принципов социализма. Ничего не было предпринято, чтобы подготовить партийную массу к подготовлявшемуся со стороны бисмарковской реакции в союзе с буржуазией удару по всему рабочему движению. Выступления членов фракции в рейхстаге во время обсуждения законопроекта «об общественно-опасных устремлениях социалистов» носили характер самооправдывания, были посвящены доказательствам, что социал-демократия является партией, действующей «законными» средствами, отри-

[1] Настоящая статья состоит из нескольких глав работы по истории германской социал-демократии в эпоху исключительных законов, над которой автор в настоящее время работает. Основные положения статьи были автором изложены в двух докладах, прочитанных в 1927—1928 гг. в исторической секции Лен. Научно-Исследовательского Института Марксизма и Лен. отдел. Института Истории РАНИОН'а.

цающей всякие революционные методы действия. «Нам говорят, — восклицает Бебель в своей речи от 16 сентября 1878 г. во время прений в рейхстаге, — что мы готовим насильственную революцию, что это вытекает, якобы, из нашей программы. Я это оспариваю... Как вообще дошли до того, чтобы взваливать такие обвинения на нашу голову?! Наша программа говорит как раз противоположное [1]). Другой видный партийный вождь, старый эйзенаховец, личный друг Маркса и Энгельса — Бракке в своем рвении доказать мирный характер социал-демократического движения дошел до превращения самого Маркса в законопослушного филистера. «Господин граф Эйленбург в подтверждение своих положений (о революционности с.-д. *С. Г.*) приводил несколько цитат... Одна цитата из Маркса гласит: «Наша цель достигнуть насильственным свержением...» и т. д. «Ничего подобного в «Капитале» или подобном сочинении Маркса не имеется. Несколько сходное выражение имеется в «Коммунистическом Манифесте» в самом конце.

«Коммунистический Манифест» написан в 1848 году, в январе, непосредственно перед взрывом февральской революции во Франции. В новом издании «Коммунистического Манифеста» его авторы, Маркс и Энгельс, совершенно определенно заявили в предисловии, что вступившие с тех пор новые социальные отношения делают лишними и не везде необходимыми требования и положения «Коммунистического Манифеста» [2]).

С.-д. депутат Рейндерс выступил в защиту партии против обвинения в атеизме.

Из приведенного ясно, что Меринг далеко не прав, когда он говорит, что фракция «мужественно боролась» [3]) против закона.

Единственной действительно мужественной речью в рейхстаге в период обсуждения исключительных законов была речь Гассельмана (б. редактор органа лассальянцев—«Новый Социал-Демократ»). Она настолько отличается от всех остальных социал-демократических речей по своему тону и революционному духу, что мы решаемся привести значительные выдержки из нее:

«Итак, перчатка нам брошена, мы ее поднимаем. Борьба открыта, и ее проведем со всей энергией, и ничто нас не устрашит. До сих пор, господа, вы в Германии имели исключительно мирную и спокойную агитацию. Но этого больше не хотите. Все, что отсюда произрастет в будущем, г-да, пеняйте на свой счет... (Справа: Слушайте, слушайте!). Что бы ни случилось при всяких обстоятельствах, с.-д. знает, что ей предстоит и что она должна делать. Она идет закону навстречу, нисколько его не устрашаясь.

... Я хочу отметить, что князь Бисмарк рассматривал с.-д-ию, как бандитскую шайку, которая точит кинжалы. Он сказал: «Когда мы в таком случае должны существовать под тиранией общества бандитов, тогда всякое существование теряет смысл» и дальше он продолжает: «В случае необходимости он готов свою жизнь оставить на поле чести». В противоположность ему, мы заявляем, что, если против нас точат даже не кинжалы, а штыки, мы для князя Бисмарка никаких кинжалов точить не станем, мы презираем кинжал, который бьет из-за угла; когда мы боремся, мы сражаемся грудь с грудью. Но если для нас точат штыки и отливают пули, мы тоже говорим: если в таких случаях нам приходится существовать под тиранией шайки бандитов... (Сильный шум. Звонок президента.) Еще раз скажу, да вспомнит князь Бисмарк день 18 марта 1848 года».

---

[1]) Stenographische Berichte über die Vorhandlungen d. deutschen Reichstags 1878, S. 37—50.

[2]) Ibidem, S. 77.

[3]) Меринг, История германской социал-демократии, изд. бр. Гранат, 1907 г., т. IV, стр. 161.

И вот эту единственную смелую речь в рейхстаге Бебель в своих мемуарах считает хотя и «ловкой», но... провокационной [1]). Настолько велика была боязнь дразнить своих классовых врагов.

Еще хуже действовало партийное руководство, когда принятие закона рейхстагом стало совершившимся фактом. Все угрозы Бебеля, что партия перейдет на нелегальное положение, что она будет подпольно издавать литературу [2]), плевок Бракке на закон [3]), остались лишь словесными обещаниями. Руководство настолько прониклось «чувством полнейшего бесправья» (Меринг), что решило подчиниться беспрекословно этому насилию и решило добровольно распустить партию.

На совещании Ц. К. совместно с фракцией, состоявшимся в Гамбурге в конце сентября, было решено «распустить партию еще раньше, чем закон вступит в силу, чтобы предупредить роспуск партии со стороны полиции». За пять дней до официального опубликования закона появилось в партийной прессе сообщение секретаря Ц. К. Дероссси о роспуске партии [4]), «хуже которого по сухости тона и дряблости содержания нельзя было ничего себе представить» [5]).

Не лучше, однако, звучало и второе воззвание, выпущенное за подписью всех наличных членов Ц. К., с целью ослабить неприятное впечатление, которое вызвало в массах сообщение Дероссси.

«Не желая выжидать полицейского раз'яснения, — гласит это воззвание,—мы постановили распустить Центральный Избирательный Комитет [6]). Централизованной партии больше не существует, также покончено с планомерной агитацией. К денежным посылкам нижеподписавшиеся не имеют никакого отношения. Не следует их адресовать Гейбу. Если где-либо еще существует парторганизация, ее следует немедленно распустить. Единство в тактике во время угнетения—прекрасное оружие для лучшего будущего» [7]).

Комментируя это воззвание, Эд. Бернштейн добавляет, что воззвание было плохо понято. Партийные массы приняли его за формальный акт, который отнюдь не означал действительного роспуска партии. «Между тем,— замечает Бернштейн,—воззвание было горькой истиной (bitter ernst)» [8]).

Растерянность вождей и их непротивленчество доходили до курьезов. Так, например, упомянутый Гейб задумал план массовой эмиграции социалистов из страны Бисмарка. «А что, если мы в количестве 100.000 человек эмигрировали бы на Запад?»—запрашивает он Зорге [9]).

---

[1]) A. Bebel, Aus meinem Leben, Dritter Theil, Stuttgart 1914, S. 13.

[2]) Речь Бебеля от 11/X-78 г. Когда выяснилось, что принятие закона рейхстагом решенное дело, когда уже нечего было терять, тогда Бебель сказал: «Вы нас не задушите. Если вы закроете местную печать, мы ее поставим за границей».

[3]) Бракке в своей второй речи 12/X крикнул с отчаянием: «Meine Herren, ich will ihnen sagen: wir pfeifen etwas auf das ganze Gesetz» (Stenogr. Ber., S. 201). Когда поднялся на буржуазных скамьях большой шум, он поспешил раз'яснить, что нисколько не имел в виду плевать на закон вообще, он хотел лишь выразить ту мысль, что закон окажется бессильным уничтожить социал-демократическое движение.

[4]) Сообщение кончается следующим «мудрым» утешением и советом: «Еще остались семья, общая мастерская и приятельские круги. Эта троица является неразрушимым мостом, который ведет к выяснению общих идейных интересов. Много хороших сочинений написано по социальному вопросу. Изучайте их. Учение—счет, прогресс является лучшим орудием против духовного гнета» (Berliner Freie Presse 1878 г., № 241 от 16/X).

[5]) Bebel, ibidem, цит. по русскому переводу, под ред. Рязанова, изд. Петр. С. Р. и С. Д. 1919 г., т. III, стр. 25—26.

[6]) Под таким названием существовал полулегальный ЦК СПГ.

[7]) Berliner Freie Presse от 22/X-78 г., № 246.

[8]) E. Bernstein, Geschichte der berliner Arbeiterbewegung, Brl. 1907, Verlag Vorwärts, B. II, S. 2.

[9]) Письма к Зорге Ф. А., изд. Дауге, Спб. 1907 г., стр. 181.

Репрессий, которые посыпались из рога изобилия полицейщины на партию, отнюдь не содействовали отрезвлению вождей. Совсем даже наоборот, руководство партии потеряло последнее сознание собственного достоинства. Когда 28 ноября было введено в Берлине малое осадное положение и на его основании было выслано из Берлина 23 видных социал-демократических деятеля, последние выпустили воззвание, в котором они ничего лучшего не нашли, что сказать остающимся, как о необходимости... почитания закона.

«Никаких насилий, почитайте закон,—гласит воззвание,—в рамках последнего защищайте свои права... Не давайте себя спровоцировать. Мы требуем от вас: будьте спокойны. Пусть наши враги трубят и клевещут, не уделяйте им никакого внимания. Гоните прочь желающих вас об'единить в тайные союзы или науськивающих вас на вспышкопускательство... Партайные товарищи, оставайтесь спокойными» [1]. Под этим воззванием имеются подписи таких видных партийных вождей, как Ауэра, Фриче, Ракова, Баумана и др. Характерно, что и это воззвание Меринг оценивает, как «написанную с достоинством» [2], так далеко он уходит в своем стремлении оправдать старые ошибки вождей.

Итак, партия была распущена, основной лозунг партруководства гласил: не нарушать закон, а вести борьбу в рамках последнего. Правда, рамки эти были чрезвычайно узки. То, что вожди не доделали собственными руками, закончила более энергично и чисто бисмарковская полиция. За один лишь 1878/79 год было закрыто 287 рабочих союзов, непосредственно даже не связанных с социал-демократией, 5 рабочих касс взаимопомощи и 127 периодических изданий [3]. Попытки со стороны партийных лидеров спасти партийную прессу путем перевода газет на «бесцветную» платформу, стремление этих газет превзойти своей умеренностью даже некоторые либерально-буржуазные газеты, не помогло. Как газеты, так и типографии были ликвидированы. Чистой метлой были выметены все легальные возможности. Осталась лишь трибуна рейхстага, как единственная возможность влиять на массы и поднять знамя борьбы.

Но социал-демократические депутаты в рейхстаге продолжали ту же линию непротивления, старались воздействовать на парламент доказательством своей законопослушности.

«Социал-демократия подчинится этому закону,—заявил Либкнехт в рейхстаге 17 марта 1879 года,—будучи убежденной, что этим она даст лучшее доказательство, что поднятые против нее обвинения неверны... Ибо наша партия является партией реформ в самом строгом смысле этого слова, а не партией, стремящейся к насильственной революции, что вообще является бессмыслицей...» [4].

Эта уничижительная речь Либкнехта, превосходившая все до того сказанное в этом духе, его ставка на убеждение противников в незлонамеренности с.-д., не является мимолетной обмолвкой или выражением перепуганности и упадка духа лично Либкнехта. Это не было даже маневром, а продуманной системой, тактикой, принятой всей фракцией. Об этом свидетельствует отчет социал-демократической фракции рейхстага своим избирателям. Этот отчет был написан и напечатан значительно позже, когда первый испуг и растерянность должны были бы уже пройти. Больше того, он был составлен в период, когда лидеры партии имели возможность убедиться в недовольстве масс оппортунистическим поведением вождей, когда вождям пришлось пойти на уступки этим настроениям масс и начать издавать за границей нелегальную газету. Написанный в сентябре 1879 г., т.-е. через год после издания исключительных законов, в условиях усиливающихся репрессий, когда ссылки, тюремные приговоры, запрещения и т. п. преследования сыпались щедрой рукой на партийцев и просто рабочих. Отчет [1] продолжает и развивает ту же тактику. «Отчет» считает основной задачей партруководства—лечение масс от покушенческой горячки; «для этого требуется спокойствие». «Все, что вновь возбуждает впечатление от покушения, дает новую пищу реакции; все, что ослабляет это впечатление, неизбежно служит нашему делу».

Отсюда уже логически вытекает тактика смиренности, покорности: «Не давать реакции никакой в[о]зможности выставлять социал-демократию в образе красного призрака».

Спасение партии—не в революции. Гражданская война может только отвлечь от нас симпатии «общественного мнения», и в конечном итоге неизбежно кончится нашим поражением, и движение пойдет вспять на несколько десятилетий.

Итак, единственный метод уж не борьбы, а защиты, это—завоевание общественного мнения. Что это за «общественное мнение», Бебель раз'яснил в своем ответе Энгельсу на упреки последнего по адресу отчета [2].

«Мы достаточно ясно сказали, что мы понимаем под общественным мнением,—он обиженно отвечает Энгельсу,—мы включаем сюда мелких буржуа и крестьян, которые за последние годы примкнули к нам в бо́льшем числе и которые во многих округах спасли на выборах честь партии» [3].

Раз надо завоевать мелкую буржуазию и другие элементы, ранее входившие в состав буржуазной партии, необходимо сгладить острые углы пролетарской революционности, надо доказать, что с.-д. является партией порядка и реформы.

Декларацию «порядочности» мы уже в достаточной степени иллюстрировали. Забегая немного вперед, мы добавим лишь, что она демонстрировалась не только речами, но и действием. Когда в 1879 г. возникли за границей по частной инициативе две социал-демократические газеты «Laterne» и «Freiheit», по своему направлению вначале ничем почти не отличавшиеся от прессы до «героического периода», и когда эти газеты нашли широкое распространение в массах, партийное руководство всячески боролось с их распространением [4].

Реформистские устремления тоже имели достаточное свое выражение в эту годину репрессий и преследований. Несмотря на то, что партия была поставлена вне закона, что ей стремились замазать рот даже в парламенте знаменито-позорным «Maulkorbgesetz'ом»,—несмотря на то, «реальные

[1]) «An unsere Freunde und Parteigenossen in Berlin» (Листовка хранится в И-те Маркса и Энгельса).
[2]) Меринг, цит. выше, стр. 169.
[3]) Schippel, Reichstagshandbuch, S. 1040.
[4]) Stenogr. Berichte d. deutsch. Reichstag 1889, S. 441.

[1]) «Sozialdemokrat-Internationale», Organ für Sozialisten deutsche Zunge, Zürich, № 2—12/X, № 3—19/X, № 4—26/X—1879.
[2]) Энгельс, между прочим, писал Либкнехту: «К чему это совершенно лишнее место о «гражданской войне», к чему это снимание шляпы перед общественным мнением, которое всегда в Германии будет мнением посетителей пивных? Зачем здесь совершенно затушеван классовый характер движения?.. К тому же все эти уступки совершенно бесполезны. Немецкий филистер—это воплощенная трусость, и он уважает только тех, кто внушает ему страх. Кто хочет проявить любезность по отношению к нему, того он считает себе ровней и уважает его не более, чем всех подобных себе, т.-е. совсем не уважает.
[3]) Бебель, Из моей жизни, т. III, стр. 82; курсив наш. *С. Г.*
[4]) См. ниже, гл. III.

политики» все же сочли нужным «не поддаваться политике чувства», а перейти к положительной деятельности в парламенте [1]). Депутат Кайзер голосовал за покровительственные таможенные пошлины, предложенные Бисмарком, несмотря на то, что цели Бисмарка были заранее известны партии; несмотря на то, что его финансовая и экономическая «реформа», кроме фискальных целей, преследовала и в изначительной степени достигла идеи привязать крупную буржуазию к его цезаристской колеснице. Несмотря на это, Кайзер голосовал за пошлины: ведь нельзя же в самом деле вести «политику чувства»! Кайзер был в единственном числе во фракции, таким образом нарушил фракционную дисциплину. Все же вся фракция, в том числе и Бебель, стала на его защиту, когда за границей раздались голоса критики против этого штрейкбрехерского поступка.

«Он голосовал т о л ь к о (хорошо «только». *С. Г.*) за повышение пошлины на железо и за некоторые другие таможенные ставки»,— защищает его Бебель перед Энгельсом [2]).

Что Бебель тоже принципиально не против «положительной политики» в этот период, свидетельствует его другая фраза защиты Кайзера, простое отрицание вряд ли бы встретило сочувствие в кругах избирателей [3]).

Избиратель, вот кто определял линию партии в данный период.

«Парламентский кретинизм», как видим, достиг вполне зрелых размеров.

Интересами избирателя было продиктовано Бебелевское первое отчетливое «патриотическое» выступление 2 марта 1880 г. по поводу обсуждения военного бюджета [4]). Этим же можно об'яснить «теоретическое» оправдание милитаризма в условиях капитализма философом с.-д. Иосифом Дицгеном [5]).

---

[1]) «Чем больше партия развивается, тем больше она перерастает сплошное отрицание и сплошные общие бесформенные требования. Партия начинает учиться умению править сложной государственной и общественной машиной, и она ищет средства для ее развития и улучшения, т.-е. переходит к практической политике, к познаванию и использованию орудий власти» («Sozialdemokrat» № 16/XI-79, статья «К открытию саксонского ландтага»).

[2]) Б е б е л ь, цит. выше, стр. 81.

[3]) Ibidem.

[4]) Из речи Бебеля: «В этом отношении я считаю своим долгом заявить здесь, что если речь идет о том, что в случае действительного нападения какой-либо чужеземной державы, будь то Франция или Россия, на немецкую территорию, немецкая социал-демократия будет сражаться против этого врага не хуже любой партии» («Stenographische Berichte», 1881). Характерно, что когда в «Sozialdemokrat'е» № 1 один южно-германский товарищ выступил с запросом: правда ли, что Бебель действительно произнес такую фразу, и на ряду с этим, с целым рядом книксенов в сторону Бебеля, осмеливается указать, что в устах с.-д. непривычно звучат такие слова, Бебель разразился ответной статьей (№ 16, от 13/IV-80 г.), очень сердитой, в которой он полностью подтверждает свою позицию и заканчивает следующими словами: «Национализм, который заключается в любви к стране, в которой родился, к обычаям и языку, в которых воспитывался, с этим национализмом мы не только не боремся, но его всецело поддерживаем».

[5]) «Sozialdemokrat» № 14, от 4/IV-80: «Милитаризм является козлом отпущения. Отвращение, которое к нему питает демократическая масса, вполне заслужено. Все же, так, как делают демократы (в узком смысле этого слова), это значит бить по мешку, вместо удара по ослу, когда они борются с милитаризмом, не видя его экономической основы»; таково начало статьи. Рассматривая милитаризм в тесной связи со всей системой капитализма, Дицген приходит к следующим выводам: наша заключительная мораль и конец песни таковы: «Heil dir im Siegerkranz». Милитаризм создает сбыт нашему перепроизводству и создает для нашей промышленности лучшие возможности расцвета, чем без армии. Несмотря на это, он, конечно, остается гнусностью (Niedertracht), и мы должны против него бороться, но при этом следует иметь в виду, что, на ряду с упразднением существующей армии, необходимо одновременно задуматься об уничтожении субстанции всех несчастий—экономического перепроизводства».

Такова основная политика и тактика партийного руководства в первом году искючительных законов. Ее можно подытожить: ликвидаторство всерьез, непротивление и покорность закону, курс на завоевание общественного мнения, т.-е. на массу мелкобуржуазных и крестьянских избирателей. Для этого нужно рассеять опасность красного призрака, с этой целью следует придерживаться реформистской тактики и вести «положительную политику».

При свете этой печальной действительности получит совсем иное отображение геростратовски-знаменитая статья: «Rückblicke auf die sozialisische Bewegung in Deutschland», напечатанная в «Ежеголнике» Рихтера (Гехберга) [1]), статья, вызвавшая столько шуму и недовольства со всех сторон, бывшая причиной угрозы со стороны Маркса и Энгельса выступить открыто против партийного руководства. Эта статья цитировалась неоднократно. Особенно детально она изложена в мемуарах Бебеля [2]). Но все, цитирующие ее, приводят лишь особо острые и явно абсурдные места. Центральное же место статьи, откуда все остальное является логическим следствием, никем до сих пор не отмечено. А оно заключается в возведении р е ф о р м и с т с к о й т а к т и к и руководства партии в т е о р и ю. В этом отношении ее вполне можно считать историческим предтечей ревизионизма, тем более, что отец ревизионизма Бернштейн, как мы видели, был соавтором этого произведения.

Как сейчас при отходе от марксизма стремятся подкрепить себя авторитетом Лассаля, так и эта статья начинает с восхваления тактики Лассаля.

[1]) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, herausgegeben von Dr. Ludwig Richter, Zürich 1879, I Hälfte, S. 75—96.

Вопрос об авторстве данной статьи вызвал в свое время полемику. Как известно, подписанная тремя звездочками, она современниками были приписана троице: Гехбергу (Höchberg), Шраму (Schramm) и Бернштейну (Bernstein) (см. Бебель, цит. выше, стр. 63, письмо Маркса к Зорге от 19/IX-79 г., письмо Энгельса к Беккеру от 15/IX-79 г.).

Впоследствии Бернштейн отрицал свое соавторство; «больше того, в свое время я высказался против этой статьи» и лишь по просьбе Гехберга в конце присоединил несколько второстепенных строк (см. F r. E n g e l s, Briefe an E. Bernstein, Einleitung, S. 11).

Но сам Бернштейн в трех местах путается в авторстве: в Sozialistische Monatshefte 1907 г. он говорит только о 2-х авторах: Гехберге и Шрамме, в полемике с Н. Р. (Рязановым) на столбцах Voswärts'а (№ 315 от 10/I-14 г.) он мимоходом замечает, что «три звездочки» являются псевдонимом не только 3-х авторов, но гораздо большего числа лиц, в упомянутом «введении к письмам Энгельса он выдвигает совершенно новую версию: автором статьи был некто Flesch, однокашник Гехберга по университету, никогда не принадлежавшему к с.-д. партии. «Даже Гехберг и Шрамм были несогласны с отдельными пунктами статьи. Их «сотрудничество» с Флешем заключалось лишь в обработке статьи для печати». Память Бернштейна на этот раз ему изменила. Поэтому, несмотря на то, что он привлек такого авторитета на свою сторону, как Меринга (см. цит. выше, стр. 179), все же придется согласиться с т. Рязановым, который настаивает на соавторстве Бернштейна (см. Архив М. и Э., т. I, стр. 287).

Еще более очевидным является соавторство Бернштейна, если прочтем его письмо к Мосту от 15/III-79 г.:

«Своими писаниями ты оказываешь нашему делу плохую услугу, точно так же, как в свое время в «Volkstaate».

Я давно уже пришел к убеждению, что эта газета причинила нам много вреда, так как создала нам лишних врагов, а наших сторонников приучила к глупому самодовольному тону, к сознанию какой-то непогрешимости, которая считает себя выше всего и позволяет бранить без огласки решительно все и вся. За последние годы это, слава богу, несколько улеглось, и если ты снова хочешь ввести этот тон, то позволь мне, по крайней мере, протестовать против этого» (Б е б е л ь, стр. 53).

Если сопоставить это письмо с содержанием статьи в «Ежегоднике», то можно смело говорить, по крайней мере, о духовном соавторстве Бернштейна.

[2]) Б е б е л ь, цит. выше, стр. 63—64.

«Лассаль имел дело с массами, для которых конечная цель — уничтожение капитализма—была далекой. А потому он провозглашал полумеры, ясные и понятные массам. Мы думаем, что такой метод агитации принес больше пользы, чем вреда».

«Необычайный успех, достигнутый, например, в увеличении абонентов и читателей многих партийных газет при стачках, и в избирательных кампаниях дают, по нашему убеждению, доказательство того, что гораздо большее число людей способно воодушевляться близколежащей, ими ощущаемой и желаемой целью, нежели более красивым, но лишь вдали мерцающим идеалом «Государства Будущего».

... Зачем нам карты этой «Страны Будущего», — восклицает автор,— когда еще недостаточно исследованы дороги, ведущие к ней!»

Прежде всего надо знать дорогу. Может быть, не все согласятся итти до конечной станции. Таких людей много. Они охотнее покупают билеты постанционно. Это происходит от узости кругозора этих людей, или от их нежелания совершать далекие путешествия. Но на каждой остановке, убеждаясь, что на следующей еще лучше, они продолжают свое путешествие. «Но немного охотников найдется совершить путешествие на воздушном шаре. Ведь так легко может приключиться несчастие».

Итак, «тише вперед, рабочий народ»... Не есть ли это предвосхищение позднейшего Бернштейновского положения: «Цель — ничто, движение — все»?

Статья констатирует с удовлетворением, «что партия показала именно сейчас, под давлением закона о социалистах, что она не хочет итти по пути насильственной, кровавой революции, а решилась, несмотря на некоторые неприличные выступления (Ungehörigkeiten unb Ausschreitungen), которыми она грешила в молодости, стать на путь законности, т.-е. на путь реформ».

В рамках законности, говорят авторы, это нисколько не означает вычеркивание из программы конечной цели. Нет, она, конечно, должна остаться. Ибо есть много приверженцев, особенно из зажиточных классов, которых только красивый идеал прельщает у с.-д. Таким образом, социал-демократия в борьбе за общественное мнение должна иметь лицу для людей всех сортов: смельчакам — воздушный шар, для людей с ограниченным кругозором — дешевые билеты и увлекательное путешествие. Словом, у социал-демократического дядюшки Якова товару на всякого, или точнее: Mädchen für alles.

Статья вызвала недовольство со всех сторон, в том числе и со стороны руководства но, характерно, что основное в их недовольстве, это: «время для такой затеи выбрано как нельзя более неудачное» [1]). «Статья произвела впечатление педантичной работы, которая должна была вызывать раздражение у всякого читателя в партийных кругах», — пишет Бебель.

В письме к Энгельсу Бебель указывает, что авторы статьи своим высокомерным, поучительным тоном испортили отношение со всеми.

Только внешняя сторона, слишком острая и прямолинейная постановка вопроса—вот, что подвергалось критике со стороны партийного руководства. По существу же правильно замечание Бернштейна [2]), что «хотя статья содержит много спорного, но она не претендовала на коренное изменение характера партии, как его понимало подавляющее большинство партийных руководителей». Эта статья, как сказано выше, лишь делала попытку подве-

[1]) Бебель, ibidem, стр. 64—66.

[2]) Vorwärts, 1913, № 342, 29/XII; курсив наш. *С. Г.*

сти теоретический базис под реформистскую практику. Так, и только так, ее надо рассматривать, и все попытки (задним числом) рассматривать эту статью, как частное, неудачное к тому же, предприятие одного Гехберга, рушатся, когда мы ее рассматриваем при свете существовавшей в партии тактики и практики. Кроме того, мы имеем свидетельство самого Гехберга, которому поверил и Маркс [1]).

II. Корни оппортунизма.

Оппортунизм и реформизм — другого наименования нет для тактики партии этого года «героического периода».

Как же оценивают его те историки, которые пишут о героизме эпохи. Полностью обойти эту печальную действительность они, конечно, никак не могут. Меринг, правда, стремится многие факты сгладить, кое-что прикрасить: «полная достоинства позиция», так у него, как мы видели, называется тактика фракции во время обсуждения исключительного закона, непротивленческая прокламация высланных для него тоже «полна сознания своего достоинства», «Ежегодник» — дело небольшой кучки, за которую руководство не несет никакой ответственности и т. д., и т. п. Но в целом и он вынужден признать, что было сделано много ошибок. Чем же он их об'ясняет? Растерянностью и упадком духа. Глава, посвященная этому периоду, так и названа: «Годиной смуты» (Jahr d. Verwirrung). Партию первое время охватила растерянность: «закон о социалистах поставил перед германской социал-демократией совершенно новую задачу, и не всегда она находила правильный путь». Утешение было лишь одно, что «внутренние замешательства» продолжались всего лишь один год [2]). К такой оценке присоединяются и другие историки этого периода. Общая концепция Меринга, примерно, такая: социал-демократия росла, развивалась в духе марксизма. Правда, ей приходилось пережить некоторые болезни в своем идеологическом росте, но, по всему своему развитию, она обещала стать крепким деревом революционного марксизма. Но вот, как в сказке, пришла злая фея, в лице князя Бисмарка и его камарильи, безжалостной рукой лишила партию солнца и воздуха. Партия оглушена, на время свернулась. Но через короткое время, согласно естественно-историческим законам своего развития, партия приспособилась к своей темнице, пустила корни и ветви вглубь и вширь и силою прорвалась на свет божий, рассеяв колдовство чародея-Бисмарка. Все это в более прозаической форме, но точно по смыслу, можно прочесть в соответствующих главах его «Истории германской социал-демократии».

Как партия покончила с состоянием своего прозябания, мы проследим в следующих главах нашей работы; мы увидим, что это случилось далеко не так фатально и «естественно», как рисует Меринг, но его об'яснение оппортунистического процесса первого года исключительных законов только замешательством и растерянностью не выдерживает марксистской критики. Растеряться могут один, два, несколько вождей, но не может растеряться весь коллектив, да еще на такой долгий срок (больше года). Растерянностью можно было бы это об'яснить лишь тогда, когда не было бы в то же время более смелых, мужественных и бодрых указаний. Между тем путь, по которому партия должна была итти, был

[1]) Письма к Зорге, стр. 186: «Да и Либкнехт ему (т.-е. Гехбергу. *С. Г.*) говорил, что существенных разногласий между нами нет, и все в Германии, т.-е. все вожаки, разделяют его, Гехберга, взгляды».

[2]) Меринг, цит. выше, стр. 165.

указан ясно и определенно со стороны многих видных членов партии—эмигрантов [1]), в частности Марксом и Энгельсом. Но по указанному пути «вожди» не только не пошли, но всячески боролись с ним. Всякую критику отводили как некомпетентную [2]), критиков клеймили «сумасбродными фантазерами», «революционных дел мастерами», «брюзжащими стариками». Наконец, замешательством можно об'яснить отдельные ошибки, но почему же вся политика, вся тактика, вся идеология были сплошной ошибкой, почему требовалось больше года борьбы, чтобы руководство приступило к выпрямлению своего поведения? Очевидно, что одним «суб'ективным методом», сведением всех ошибок к растерянности вождей никак нельзя разрешить поставленные вопросы. Наконец, сама растерянность тоже требует своего об'яснения: как стало возможным, что партия в целом могла растеряться?

Бебель в своих неоднократно цитированных нами мемуарах подходит несколько иначе к вопросу. Его об'яснение сводится, по сути дела, к оправданию применявшейся тактики, и местами он пытается даже перейти в атаку на критиков [3]). Положение, по мнению Бебеля, было не таким ужасным, как его малюют некоторые критики. В основном, линия партии была верна. Те, которые жили в условиях демократии, вдали от бисмарковщины, оторванные от реальной германской действительности, могли роскошествовать в революционной критике; иное дело — те, которые находились в пасти льва, они такими излишествами могли только себе повредить. Такова общая оценка Бебеля. Можно соглашаться или не соглашаться с этой оценкой (конечно, не соглашаться), но от этого реформизм не перестает быть таковым, и до корней его Бебель нас тоже не доводит.

По нашему мнению, очерченный выше этап развития германской социал-демократии лишь тогда станет понятным, когда мы его возьмем в непосредственной связи с предшествующим «догероическим» периодом истории германской социал-демократии. Лишь в анализе положения партии и тех процессов, которые происходили в ней накануне исключительных законов, мы сумеем вскрыть причины поведения руководства в «годину смуты». Лишь в предистории эпохи закона о социалистах мы найдем корни ее оппортунизма.

Не претендуя на самостоятельность исследования этого периода и даже на исчерпывающее изложение его, мы постараемся, на основании имеющихся работ [4]) и кое-каких до сих пор мало известных печатных источников, набросать картину эволюции партии с 1875 г. по 1878 г.

Партия не была марксистской ни к моменту своего об'единения, ни, тем более, до об'единения. Больше того, нельзя даже говорить о том, что в период существования двух фракций партия была организацией промышленного пролетариата. Социальный базой обеих фракций был ремесленный и полуиндустриальный пролетариат (пролетариат крупной капиталистической индустрии почти не был охвачен социалистическим движением до 80-х годов).

[1]) См. след. главу.

[2]) Бебель, цит. выше, стр. 56. Такого же взгляда придерживался и Либкнехт: «Сидеть в спокойном приюте за «Pint Porter» или «Half and Half» и издали проповедывать революцию в Германии—детская забава, которую можно простить, если она безвредна и не отправляет дюжины людей в тюрьму и не создает новых поводов для продления осадного положения» (Laterne № 25, 22/VI-79).

[3]) Бебель цит. выше, стр. 29, 48—49, 56. «Мосту в Лондоне, вдали от огня, неистовство реакции не было опасно».

[4]) Меринг, цит. выше, т. III; Бебель, цит. выше, т. II; Bloss, Denkwürdigkeiten eines Sozialisten, I B.; Bernstein, цит.; его же, Autobiographie (Meiner Vrolkswirtschaftslehre der Gegenwart in Selbstdarstellungen); Most John, Memoiren, New. York 1901; K. Rocken, John Most; Gustav Maier, Johann Baptist von Schweitzer, etc.

Влияние лассальянцев было сильно в Пруссии, в частности в Берлине, Рейнской области, и распространялось на малоквалифицированную часть полуремесленного пролетариата (плотники, каменщики, сигарщики) — идейно еще сырой. Этим об'ясняется культ Лассаля, почти безотчетное подчинение авторитету вождя и вытекающий отсюда строгий, почти диктаторский централизм, господствовавший в «Всеобщем Германском Рабочем Союзе».

Сфера влияния эйзенахцев распространялась преимущественно на Среднюю Германию и охватывала, главным образом, квалифицированных, обученных подмастерьев (типографские рабочие, токари, седельщики, портные), умственный кругозор которых был значительно шире, чем у лассальянцев; у них наблюдались бо́льшие навыки общественной деятельности, еще сохранилась традиционная связь с буржуазными радикалами типа Ланге, Росмесслера, отсюда — их борьба с сектантским сверхцентрализмом лассальянцев. И более широкая политическая перспектива, в исторической борьбе обеих фракций германского социализма об'ективная правота, без сомнения, была на стороне эйзенахцев. В частности, они были правы в вопросе об отношении к бисмаркизму и к буржуазии. Эйзенахцы защищали здесь более революционную позицию, хотя суб'ективно многие из эйзенахцев исходили из неправильной переоценки революционности буржуазии. Кроме того, личные связи многих эйзенахцев (Либкнехт, Дицген, Бракке) с Марксом и Энгельсом, сотрудничество последних в Volkstaat'е придало эйзенахцам славу марксистской партии. Но и эйзенахцы далеко еще не усвоили марксистскую теорию. Даже сам Либкнехт, «присяжный интерпретатор идей Маркса и Энгельса в партии» [1]), часто спотыкался в вопросах теории и не видел теоретических противоречий между Лассалем и Марксом.

Между тем об'единение Германии под эгидой Бисмарка в 1871 г. стало совершившимся фактом, с которым пришлось примириться и эйзенахцам. Таким образом, основной тактический вопрос, разделявший обе фракции, был снят. Оживление рабочего движения в конце шестидесятых годов, начало развития профессионального движения, сравнительно быстрый его рост, вовлечение все большей рабочей массы в классовые организации значительно потрепали сектантскую замкнутость лассальянцев, и обе фракции столкнулись на совместной профессиональной работе. Это впервые выдвинуло вопрос о необходимости об'единения. Правда, пока об'единительные тенденции исходили от низовых работников партии. Вожди еще между собою, по инерции, продолжали драться и даже исключали из партии инициаторов об'единения. К концу драка стала даже более ожесточенной, но это нисколько не говорит, что росли фактические разногласия.

Решительным толчком к об'единению послужил кризис, наступивший в начале семидесятых годов.

«В настоящее время трудно даже себе представить размеры кризиса, говорит Бернштейн [2]),—под которым изнывала во второй половине семидесятых годов вся Германия, и, в частности, Берлин. Ни один промышленный кризис после этого не принес с собою столько нужды и горя. Почти во всех фабриках Берлина работали сокращенные штаты. Крупные предприятия, в роде машиностроительного завода Пфлуга, совсем закрылись».

Кризис в первую очередь отразился на положении рабочих. Заработная плата понижалась повсеместно, безработица достигала громадных

[1]) «Мы, эйзенахцы, смотрели на Лассаля, как на ученика Маркса, который первым перенес на немецкую почву его учение и его популяризировал. Так, по крайней мере, представил дело Либкнехт, бывший в наших глазах присяжным интерпретатором идей Маркса и Энгельса» (Bernstein, Autobiographie, S. 9).

[2]) Бернштейн, История берлинского раб. движения, стр. 376.

размеров. К этому времени начинает оформляться союз буржуазии с Бисмарком. Министрами Кампгаузеном и Ахенбахом был брошен лозунг: «Бороться с нуждой при помощи уменьшения заработной платы и удлинения рабочего времени». На ряду с уменьшением доходов рабочих растут налоги, главным образом, косвенные, которые бьют, в первую очередь, по карману трудящихся (налог на керосин).

Обе фракции направили все силы на организацию масс, руководство стачечной волной, помощи безработным. Эта экономическая деятельность социалистических организаций возбудила ненависть буржуазии, к тому времени окончательно сбросившей маску заигрывания с рабочим движением. С воплями о помощи против «красного призрака» она бросилась в объятия бисмарковской реакции. Бисмарк, окончательно приручив либеральную буржуазию, мог теперь направить свой удар против рабочих организаций. Наступила печально-знаменитая эра Тессендорфа. Репрессии в виде роспуска организаций, закрытия газет, тюремных приговоров — посыпались на обе фракции щедрой рукой. Все эти обстоятельства неуклонно толкали к об'единению. Массы все более упорно ставили перед вождями этот вопрос. Было, наконец, еще одно обстоятельство, ускорившее процесс об'единения. Партия с 1867 г. стала на путь использования парламента. Чем теснее становилась смычка либеральной буржуазии с бисмарковской кликой, чем хуже становилось положение рабочих, тем больше росли популярность и успехи социал-демократов на выборах. В 1874 г. обе фракции имели в рейхстаге 9 депутатов (вместо двух в 1871 г.). Поведение депутатов обеих фракций в рейхстаге показало, что никаких существенных разногласий между ними не существует. На деле приходилось столковываться между собою о выступлениях, так как президент рейхстага фон-Форкенбек категорически заявил, что не признает двух социал-демократических фракций [1]). Таковы основные причины об'единения лассальянцев и эйзенахцев.

Меринг вслед за Бернштейном [2]), а также все другие источники вполне правильно отмечают об отсутствии существенных теоретических разногласий между лассальянцами и эйзенахцами к моменту об'единения. Это означает, что марксовская критика Готской программы была выше понимания обеих фракций. В дополнение к указанным свидетельствам можно привести тот факт, что гораздо позже, через 15 лет, уж после того, как подавляющее большинство партий отказалось от Готской программы на Эрфуртском партейтаге (1891 г.), Либкнехт, любивший говорить о большей теоретической зрелости эйзенахцев, приводит с одобрением резолюцию Галльского партейтага (1890 г.), что «Готская программа превосходно себя оправдала за последние 15 лет и, в частности (?! *С. Г.*), за время существования закона о социалистах» [3]). О марксистской выучке самого Либкнехта свидетельствует другая его фраза из той же речи: «Я высоко ставлю Маркса, но партия для меня еще выше (Голоса: «Браво») [4]). Как будто у Маркса шла речь о необходимости выбора между ним, Марксом, и партией.

Общий итог этой главы истории германской социал-демократии можно заключить следующим выводом:

Партия выросла, становилась партией германского пролетариата, практически хорошо боролась за его интересы сегодняшнего дня, но теоретически она еще не была на уровне самой революционной теории учения Маркса и Энгельса.

[1]) Ibidem, S. 342.
[2]) Bernstein, Zu der Vorgeschichte der Gotaer Programm,—Neue Zeit. 15
[3]) Protokolle zu Erfurt, 1891, S. 324.
[4]) Ibidem, S. 327.

Каков же был путь партии после об'единения? Преодолела ли она свои теоретические ошибки, исправила ли партия своей практикой отсталость своей теории? Короче—стала ли она марксистской или, хотя бы, приближалась ли она к марксизму?

В отличие от Меринга мы отвечаем категорически: нет. Наоборот, партия все больше отдалялась от марксизма, все больше скатывалась на путь либеральной рабочей политики.

Постараемся это положение доказать.

Как уже было сказано выше, рост партии был обусловлен в первую очередь кризисом, во-вторых, банкротством либерализма. Но некоторые из этих обстоятельств привели к расширению партии не только за счет рабочих, но также за счет мелкой буржуазии (вспомним фразу Бебеля насчет «мелких буржуа и крестьян, спасших честь партии на выборах»). Приток мелкой буржуазии в партию и около нее был обусловлен кризисом и биржевым крахом, разорившим массу ремесленников и мелких торговцев, а также увеличением налогов. «Когда большая часть французских миллиардов успела в грюндерской горячке растаять к четвертому году существования новой империи, правительство решило возместить их путем введения нового налога на керосин и повышения налога на пиво, т.-е. на продукты, потреблявшиеся, кроме рабочих, также и городской мелкой буржуазией». На почве керосинного налога возникло недовольство даже среди военных. Вздорожание с'естных продуктов по праву приписывалось пошлинной политике Бисмарка. Между тем либералы, которым Бисмарк закрыл рот введением покровительственных пошлин на промышленную продукцию и своей политикой против профсоюзов, совершенно обанкротились в глазах широких масс городской мелкой буржуазии. В этот период социал-демократическая партия явилась действительным защитником интересов всех угнетенных, и мелкобуржуазная масса широкой волной хлынула в партию и заполнила кадры ее избирателей. Выборы в 1877 г. дали партии увеличение количества голосов на 150.000, т.-е. больше, чем на 40% (партия провела в рейхстаг 12 депутатов). Что тут было много голосов и мелкой буржуазии, никто не оспаривает. Бернштейн приводит такую сценку: «Одному седовласому избирателю, в котором без труда можно было распознать мелкого буржуа, преподносится бюллетень за прогрессистского кандидата Дункера. С негодованием, дрожа от возбуждения, он закричал: «Оставьте меня в покое с этой партией, слишком уж долго она нас обманывала» [1]). Бернштейн добавляет, что подобные сцены были обыденными и в других избирательных локалах.

Этот быстрый рост партии, ее избирательные успехи, ее возросшее влияние в стране создали партии высокий престиж в международном рабочем движении, которое еще не оправилось от разгрома Парижской Коммуны и еще находилось в состоянии распыленности после распада Первого Интернационала.

Но эти, главным образом, парламентские успехи вскружили партии голову. Начинается период парламентаристской горячки. Все силы партии направлены именно в эту сторону. Готский конгресс 1877 г. был посвящен, главным образом, вопросам избирательной кампании. Партия растет вширь. Растет партийный аппарат. В 1877 г. партия имела 41 политический орган с тиражем в 250.000 экз., 12 профсоюзных органов, 15 кооперативных типографий, календарь для «Der arme Konrad» имел тираж в 40.000 экз., было издано свыше 100.000 брошюр [2]) и т. д. К слову сказать, идейный уровень газет не всегда был высок, очень часто он определялся коммерческими цепями.

[1]) Бернштейн, цит. выше, стр. 369.
[2]) Auer, Nach 10 Jahren, Nürnberg 1913, S. 19.

«Для увеличения доходов газет стали производить самые разнообразные эксперименты; стали печатать невозможно дрянные романы и хвалить разные «секретные лекарства», одним словом, были готовы запрятать социализм на самый задний план, лишь бы только подобная операция была выгодна в денежном отношении»,—рассказывает Мост в «Черном Переделе» [1]. Итак, партия в целях своего роста не брезгает ничем. «Либкнехт имеет еще и то свойство, — говорит Энгельс, — что он, ради минутного успеха, без всяких рассуждений, жертвует позднейшими большими успехами» [2]).

Вместе с ростом партийного аппарата, ее «хозяйственного обрастания» растут чиновничьи кадры. В 1876 г. партия имела 8 платных агитаторов, 14 платных руководителей местных организаций, 46 редакторов и 9 депутатов. Когда партии не хватает образованных в собственной среде, она их вербует из непартийных, буржуазных радикалов. Так, например, Блос стал редактором партийной газеты до его вступления в партию [3]). На выборах стремились выставлять кандидатами людей с громкими именами, подчас тоже нечленов партии (Якоби). Отсюда начинается охота за интеллигенцией. «Либкнехт имеет тот недостаток,—говорит Энгельс в вышецитированном письме,— что он изо всех сил старается привлечь в партию «образованные» элементы, и что для него, как бывшего учителя, нет хуже, чем если как-нибудь рабочий в рейхстаге спутает м н е и м е н я».

Вполне правильна поэтому, хотя краски несколько сгущены, следующая картина, данная Мостом в той же статье:

«... Чем более появлялось газет, тем больше ощущался недостаток интеллектуальных сил в редакциях и администрации. Всякая посредственность считала себя способной редактировать газету или занимать место в администрации. Не даром называли их «чиновниками партии», потому что на самом деле у них образовалась такая бюрократия, которая в своей окаменелости не уступала даже бюрократиям современных государств. Кто раз попал в «чиновники партии», тот сейчас же начинал ощущать призвание сделаться кандидатом рейхстага. Парламентские же депутаты наслаждались блаженным сознанием важности своего сана. Их титулы всегда печатались крупными буквами, когда в газетах или в отдельных об'явлениях возвещали о каком-нибудь собрании, где кто-либо из них должен был говорить речь. Как это ни кажется абсурдным, но они действительно составляли социально-демократическую аристократию».

Усиленный спрос на интеллигентные силы вызвал соответствующее предложение. Обострившиеся социальные противоречия, банкротство либералов да плюс еще спрос вызвали большую тягу среди студенчества, университетских докторов в партию. Социализм стал модой.

«Социал-демократия развивается в парламентскую партию», так гласит один заголовок в «Истории рабочего движения в Берлине» Э. Бернштейна. И, действительно, парламентские успехи настолько вскружили партии голову, что она приспосабливает всю свою тактику к завоеванию большинства в парламенте. Все больше созревает идея ненужности и даже вредности революционного переворота. Раз в полулегальных условиях тессендорфии партия и фракция растут, то какая же сила ее уничтожит? И зачем тогда

[1]) «Черный Передел» № 2, 1880 г.

[2]) Письмо Энгельса к Бернштейну от 27/II-83 г. (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 341).

[3]) B l o s, Denkwürdigkeiten, B. I, S. 106. Характерен также эпизод, рассказанный Газенклевером с трибуны рейхстага 17/IV-80 г. о попытках привлечь Меринга в качестве редактора социал-демократического «Neue Welt», несмотря на то, что он был социалистоедом и выпустил против с.-д. брошюру. Но Меринг «прекрасно владел стилем и был хорошим фельетонистом». Переговоры не увенчались успехом из-за того, что Меринг требовал 1.000 талеров, в то время как партия соглашалась платить только 800 талеров.

революционная агитация, способная отпугнуть значительные круги симпатизирующих партии?

Мы стремимся не к мести, а лишь к достижению нашей цели мирным путем», выражает партийную тактику один из самых лучших агитаторов партии, позже перекочевавший в анархический лагерь — Иоганн Мост [1]). Социальный вопрос будет так или иначе разрешен. Вопрос о средствах зависит не от нас, а от наших противников». В другой работе [2]), в рефератах, читанных Мостом по социальному вопросу, он кончает еще более реформистски:

«Вопрос ясен: до тех пор, пока социалистические идеи будут только у меньшинства народа, никакими насилиями их нельзя будет сделать господствующими, ибо власть враждебного большинства неизбежно должна победить. Напротив, если большинство культурных народов настроено и мыслит социалистически, насилие становится излишним. Ибо никакая система длительно не может держаться, если от нее отказывается и знать ее не хочет большинство человечества».

«Этим и определяются задачи современной соц.-демократии. Им нечего проповедывать насилие, им надо лишь завоевать души, вкоренять социалистические идеи во все большее количество голов, воспламенить все бо́льшее количество сердец—одним словом, в е с т и п р о п а г а н д у.

Не к вашим кулакам, а к вашим головам я призываю (Nicht zu eure Fäuste, nur zueure Köpfe rufe ich). Не к насилию я вас приглашаю, но к серьезному изучению социализма и дальнейшему его распространению.

Итак—мыслите, ибо мысль победит (Also denken sie, der Gedanke wird siegen).

Итак, завоевание большинства—путь к власти. Вопреки Марксу Мост считает, что демократизация государства уже воплощение социализма. «Надо иметь в виду, что нет надобности в органическом обновлении государства, необходимо лишь демократизировать существующее. Поэтому глупые речи утопистов и им подобных не найдут у нас никакого отзвука» [3]).

Мост был не одинок. Он, наиболее подвижной, легко поддающийся влиянию, был лишь выразителем тех настроений и мнений, которые господствовали в руководящих партийных кругах. Его брошюры печатались и распространялись в большом количестве и никто не возражал против этого курса на мирный парламентаризм.

Мирная эволюционная теория вызвала и «реальную», т.-е. умеренную, политику.

Весною 1873 г., т.-е. в период, когда в воздухе уже пахло исключительным законом, партийная фракция вносит в рейхстаг чрезвычайно умеренный законопроект об охране труда, в котором «реальные» политики требуют введения 10-часового рабочего дня. Это в то время, когда I Интернационал уже прокламировал 8-часовой рабочий день.

В «теоретическом» органе партии «Zukunft'e» К. Шрамм выступил с защитой бисмарковского проекта огосударствления железных дорог.

В партии возникает сильная группа сторонников покровительственной пошлинной политики. Готский конгресс 1876 г. вынужден был решить вопрос компромиссно, так как «пошлинники» были довольно сильно представлены на конгрессе. Среди них выделяются р е й н с к а я д е л е г а ц и я и берлинцы: Фриче, Раков, Газельман и Мост [4]).

[1]) J. M o s t, Die Pariser Kommune und die Aufgaben der Sozialdemokratie, 1876, S. 6.

[2]) J. M o s t, Die Lösung d. Soziale Frage, 1876, S. 27.

[3]) Ibidem.

[4]) A u e r, ibidem, S. 22.

«Для увеличения доходов газет стали производить самые разнообразные эксперименты; стали печатать невозможно дрянные романы и хвалить разные «секретные лекарства», одним словом, были готовы запрятать социализм на самый задний план, лишь бы только подобная операция была выгодна в денежном отношении»,—рассказывает Мост в «Черном Переделе» [1]. Итак, партия в целях своего роста не брезгает ничем. «Либкнехт имеет еще и то свойство, — говорит Энгельс, — что он, ради минутного успеха, без всяких рассуждений, жертвует позднейшими большими успехами» [2]).

Вместе с ростом партийного аппарата, ее «хозяйственного обрастания» растут чиновничьи кадры. В 1876 г. партия имела 8 платных агитаторов, 14 платных руководителей местных организаций, 46 редакторов и 9 депутатов. Когда партии не хватает образованных в собственной среде, она их вербует из непартийных, буржуазных радикалов. Так, например, Блос стал редактором партийной газеты до его вступления в партию [3]). На выборах стремились выставлять кандидатами людей с громкими именами, подчас тоже не членов партии (Якоби). Отсюда начинается охота за интеллигенцией. «Либкнехт имеет тот недостаток,—говорит Энгельс в вышецитированном письме,— что он изо всех сил старается привлечь в партию «образованные» элементы, и что для него, как бывшего учителя, нет хуже, чем если как-нибудь рабочий в рейхстаге спутает м н е и м е н я».

Вполне правильна поэтому, хотя краски несколько сгущены, следующая картина, данная Мостом в той же статье:

«... Чем более появлялось газет, тем больше ощущался недостаток интеллектуальных сил в редакциях и администрации. Всякая посредственность считала себя способной редактировать газету или занимать место в администрации. Не даром называли их «чиновниками партии», потому что на самом деле у них образовалась такая бюрократия, которая в своей окаменелости не уступала даже бюрократиям современных государств. Кто раз попал в «чиновники партии», тот сейчас же начинал ощущать призвание сделаться кандидатом рейхстага. Парламентские же депутаты наслаждались блаженным сознанием важности своего сана. Их титулы всегда печатались крупными буквами, когда в газетах или в отдельных об'явлениях возвещали о каком-нибудь собрании, где кто-либо из них должен был говорить речь. Как это ни кажется абсурдным, но они действительно составляли социально-демократическую аристократию».

Усиленный спрос на интеллигентные силы вызвал соответствующее предложение. Обострившиеся социальные противоречия, банкротство либералов да плюс еще спрос вызвали большую тягу среди студенчества, университетских докторов в партию. Социализм стал модой.

«Социал-демократия развивается в парламентскую партию», так гласит один заголовок в «Истории рабочего движения в Берлине» Э. Бернштейна. И, действительно, парламентские успехи настолько вскружили партии голову, что она приспосабливает всю свою тактику к завоеванию большинства в парламенте. Все больше созревает идея ненужности и даже вредности революционного переворота. Раз в полулегальных условиях тессендорфии партия и фракция растут, то какая же сила ее уничтожит? И зачем тогда

[1]) «Черный Передел» № 2, 1880 г.

[2]) Письмо Энгельса к Бернштейну от 27/II-83 г. (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 341).

[3]) B l o s, Denkwürdigkeiten, B. I, S. 106. Характерен также эпизод, рассказанный Газенклевером с трибуны рейхстага 17/IV-80 г. о попытках привлечь Меринга в качестве редактора социал-демократического «Neue Welt», несмотря на то, что он был социалистоедом и выпустил против с.-д. брошюру. Но Меринг «прекрасно владел стилем и был хорошим фельетонистом». Переговоры не увенчались успехом из-за того, что Меринг требовал 1.000 талеров, в то время как партия соглашалась платить только 800 талеров.

революционная агитация, способная отпугнуть значительные круги симпатизирующих партии?

Мы стремимся не к мести, а лишь к достижению нашей цели мирным путем», выражает партийную тактику один из самых лучших агитаторов партии, позже перекочевавший в анархический лагерь — Иоганн Мост [1]). Социальный вопрос будет так или иначе разрешен. Вопрос о средствах зависит не от нас, а от наших противников». В другой работе [2]), в рефератах, читанных Мостом по социальному вопросу, он кончает еще более реформистски:

«Вопрос ясен: до тех пор, пока социалистические идеи будут только у меньшинства народа, никакими насилиями их нельзя будет сделать господствующими, ибо власть враждебного большинства неизбежно должна победить. Напротив, если большинство культурных народов настроено и мыслит социалистически, насилие становится излишним. Ибо никакая система длительно не может держаться, если от нее отказывается и знать ее не хочет большинство человечества».

«Этим и определяются задачи современной соц.-демократии. Им нечего проповедывать насилие, им надо лишь завоевать души, вкоренять социалистические идеи во все большее количество голов, воспламенить все бо́льшее количество сердец—одним словом, в е с т и п р о п а г а н д у.

Не к вашим кулакам, а к вашим головам я призываю (Nicht zu eure Fäuste, nur zueure Köpfe rufe ich). Не к насилию я вас приглашаю, но к серьезному изучению социализма и дальнейшему его распространению.

Итак—мыслите, ибо мысль победит (Also denken sie, der Gedanke wird siegen).

Итак, завоевание большинства—путь к власти. Вопреки Марксу Мост считает, что демократизация государства уже воплощение социализма. «Надо иметь в виду, что нет надобности в органическом обновлении государства, необходимо лишь демократизировать существующее. Поэтому глупые речи утопистов и им подобных не найдут у нас никакого отзвука» [3]).

Мост был не одинок. Он, наиболее подвижной, легко поддающийся влиянию, был лишь выразителем тех настроений и мнений, которые господствовали в руководящих партийных кругах. Его брошюры печатались и распространялись в большом количестве и никто не возражал против этого курса на мирный парламентаризм.

Мирная эволюционная теория вызвала и «реальную», т.-е. умеренную, политику.

Весною 1878 г., т.-е. в период, когда в воздухе уже пахло исключительным законом, партийная фракция вносит в рейхстаг чрезвычайно умеренный законопроект об охране труда, в котором «реальные» политики требуют введения 10-часового рабочего дня. Это в то время, когда I Интернационал уже прокламировал 8-часовой рабочий день.

В «теоретическом» органе партии «Zukunft'e» К. Шрамм выступил с защитой бисмарковского проекта огосударствления железных дорог.

В партии возникает сильная группа сторонников покровительственной пошлинной политики. Готский конгресс 1876 г. вынужден был решить вопрос компромиссно, так как «пошлинники» были довольно сильно представлены на конгрессе. Среди них выделяются р е й н с к а я д е л е г а ц и я и берлинцы: Фриче, Раков, Газельман и Мост [4]).

[1]) J. M o s t, Die Pariser Kommune und die Aufgaben der Sozialdemokratie, 1876, S. 6.

[2]) J. M o s t, Die Lösung d. Soziale Frage, 1876, S. 27.

[3]) Ibidem.

[4]) A u e r, ibidem, S. 22.

По всему сказанному можно поверить Бернштейну, что «никогда с-д не была так мало склонна к насилиям, революциям и «переворотам», как именно в ту эпоху» [1]).

Приходится согласиться с характеристикой его анархистского анти пода Моста:

«Сначала эти люди пользовались своим пребыванием в парламенте д того, чтобы от времени до времени бросить в лицо господствующих класс роковое «Mene Tekel». Но... громовые протесты против господствующ социальной системы... мало-по-малу слабели» [2]).

Этому тактическому оппортунизму соответствовал и идейный раз брод. Лассальянство с его производительными ассоциациями усгарело. Марк же, «давший уничтожающую критику капитализма, почти не дал положи тельной программы», а «филистер ведь требует ее», и вот «студентам и пр чим невежественным «ученым» позволено, как научным представителям пар тии в массовом количестве наводнять мир величайшими глупостями» и т ким образом «исправить недостаточность нашей теории, иметь ответ н всякое филистерское возражение и дать картину будущего общества, по тому что филистер ведь требует ее» [3]).

Отсюда увлечение дюрингианством. Дюрингианское поветрие охватил почти все руководящие кадры партии, в том числе и Бебеля. Бебель настоль воодушевился Дюрингом, что написал из тюрьмы статью для «Volkstaat's под названием «Новый коммунист».

Когда Либкнехт, почти единственный из партийных вождей (еще Эн ген был противником Дюринга) анти-дюрингианец, возражал ему в письм указывая на различие между методами Маркса и Дюринга, Бебель ему отв тил: «Ich pfeife auf die Metode, wenn die Sache gut i s t» (плевать мне н метод, если вещь хороша) [4]). Как известно, на III Готском конгрессе де дошлю до того, что была проголосована и чуть не принята против энге совского «Анти-Дюринга» очень резкая резолюция [5]). И только благод стараниям Бебеля, который не мог допустить до такого скандала, резол ция была заменена другой, компромиссной.

Вообще престиж Маркса значительно пал, особенно в связи с расп дом I Интернационала. В «Berliner Freie Presse» часто встречались укл по его адресу.

Упомянутый выше теоретический орган партии «Zukunft», издав шийся на средства Гехберга, был центром идейного разброда.

Итак, в области теории мы видим еще б о́ л ь ш е е отдаление от ма ксизма, в области тактики—парламентарский реформизм, в области про движения—умеренность. Другими словами, партия скатывалась на путь р формизма. Здесь заложены корни оппортунизма первого года исключите ных законов. Политика партии в этот период есть логическое продолжен тех путей, которые она выработала, к которым пришла в период 1875- 1878 гг. Их политическое выражение — парламентский кретинизм, их с циальная база—мелкобуржуазные попутчики, занесенные ветром реакци

[1]) Бернштейн, Ист..., стр. 396.
[2]) Ст. в «Черном Переделе».
[3]) Engels, Vergessene Briefe, S. 22.
[4]) Бернштейн, Автобиография; е г о ж е, Zur dritten Auflage von Fr. E gels «Herren Eugen Dühring etc.», Neue Zeit, 131; Д. Рязанов, К 50-летию «Ант Дюринга», введение к изд. 1928 г.
[5]) См. Бернштейн, Ист. берл. раб. движения. Резолюция гласит: «К гресс заявляет: статьи, подобные критическим статьям Энгельса, направлен против Дюринга и помещенным в последнее время в «Vorwärts'e», которые д большинства читателей лишены всякого интереса и даже возбудили неудово ствие, не должны впредь встречаться в центральном органе».

банкротства либерализма в переломный период германской истории в с.-д. партию, и начинавшаяся складываться рабочая бюрократия.

Если партия не загнила на этом пути развития, если она стала марксистской, революционной,—то это случилось н е б л а г о д а р я, а в о п р е к и в о ж д я м. (Об этом процессе перерождения см. следующие главы.)

Следует остановиться еще на одном вопросе: как могло случиться, что типично оппортунистическая партия, какой с.-д. выглядела в 70-х гг., могла пользоваться популярностью в рабочих массах, иметь славу в международном рабочем движении, как образцовая партия, наконец, пользоваться симпатиями Маркса и Энгельса?

Несмотря на свой реформизм, в условиях полулегального существования и преследований, когда приходилось отстаивать б о р ь б о й даже свой реформизм, когда даже свое крохоборчество она могла проводить только в борьбе с реакцией, в разоблачении либерализма. В условиях бисмаркизма партия без сомнения, играла об'ективно-революционную роль.

Это и служило причиной тому, что Маркс и Энгельс, сознавая вредность того пути, на который вступили партийные вожди, считали это болезнью роста.

«Мы уже видывали это на нашем веку,—пишет Энгельс Беккеру 19/XII-79 г., — Либкнехт [1]) может посредничать, приобретать друзей справа и слева; е с л и п а р т и я х о т ь в н е ш н е выступает достаточно сильной, многочисленной и по возможности располагающей денежными средствами, он не будет относиться слишком строго к привлеченным элементам. Это будет продолжаться до тех пор, пока он, наконец, не обожжет себе как-нибудь пальцев. Если это случится, добрые люди уж снова вернутся на правильный фарватер» [2]).

В другом месте Энгельс выражает надежду, что «массы, которые всегда лучше своих вождей», их направят. Это в конечном итоге и сбылось—после долгой и упорной борьбы с партруководством.

III. Начало оппозиции.

Выступления против трусливой оппортунистической политики партруководства начались вскоре после издания закона о социалистах. Оппозиция шла со стороны эмигрантской прессы, Маркса и Энгельса — из-за кордона и со стороны партийной массы—извнутри. Каждая из этих сторон шла особыми путями, действовала различными способами, но вместе они преследовали единую цель—проломить рутинную, оппортунистическую броню партийного руководства. Обстановка и время работали на оппозицию.

Проследим путь этого поединка между «кабинетными людьми» и массами, с одной стороны, и «вождями» — с другой.

I.

В первые месяцы, после того, как партия была об'явлена вне закона; после роспуска партии со стороны ее руководителей; партийные массы действительно были ошеломлены: рабочие массы, видевшие расцвет партии, уверовавшие в несокрушимость своих сил, были законом захвачены врасплох. Экономическое положение рабочих было отчаянным. Филистерские мелкобуржуазные попутчики бежали от партии, как крысы с тонущего корабля. «Общественное мнение» было восстановлено против партии энергичным ударом Бисмарка и его методом запугивания. На партийную и про-

[1]) Говоря о Либкнехте, Энгельс персонифицировал в его лице лучшую часть партруководства.
[2]) Vergessene Briefe, S. 34.

сто рабочую массу сыпались удар за ударом: расчет и волчий билет з
социал-демократический образ мысли, тюремные приговоры за «оскорбл
ние его величества». Настроение было пришибленным: об'явление о ро
пуске партии еще более усилило растерянность. Отныне у массовика-рабо
чего не было даже привычного органа защиты.

Однако, будучи дисциплинированной, рабочая масса вначале послуш
следовала совету вождей: спокойно сидела и выжидала директив. Как ск
зано выше, рабочие не приняли всерьез воззвание ЦК о роспуске, они сч
тали его маневром и тактическим прикрытием для подпольной деятельн
сти. Но мы видели, что они в этом ошиблись. Как бы то ни было, перв
месяцы массы не выявили никакой активности. «Вожди» могли остать
довольными дисциплинированностью масс и их «разумным» поведение
Казалось, ничто не помешает тактике «непротивления злу». Вышло, одна
несколько иначе.

Первая оппозиция партийному руководству, насколько это возмож
по печатным материалам проследить, была проявлена заграничной эмигр
ционной прессой. В начале 1879 г. появились за границей два нелегальн
органа по частной инициативе двух видных членов партии.

В Брюсселе возникла «Laterne» («Фонарь») под редакцией Ка
Гирша, бывшего соредактора «Volksstaat'a».

Иоганн Мост, бывший рабочий, пользовавшийся в массах больш
популярностью, как талантливый агитатор, активист - революционер, но с
достаточной теоретической подготовки и устойчивости, после выхода и
тюрьмы уже в период действия исключительных законов, после того, к
ему не удалось устроиться в самой Германии, эмигрировал в Лондон и т
при содействии «Лондонского коммунистического образовательного (
рейна» основал газету «Freiheit» («Свобода») [1]). Обе газеты были рассч
таны на распространение в Германии. С этой целью «Laterne» издавал
в портативном формате, удобном для пересылки в виде простого писм
«Freiheit» печатался для экспорта на папиросной бумаге и часто ме
свои названия для затруднения цензурных преследований, так, наприм
она появилась под названием «Argus», «Solidarität» и т. п. В первое вре
это удавалось. Газеты, несмотря на все преследования, находили широк
распространение внутри Германии. Особенно большим успехом пользо
лась «Freiheit», благодаря популярности своего языка.

Первое время обе газеты полностью стояли на старых партий
ных позициях.

В своем втором номере «Freiheit» [2]) заявляет, что «в целях устра
ния всяких недоразумений мы подчеркиваем со всей ясностью, что мы н
преследуем цели организации тайных обществ. К чему мы действительно ре
тельно призываем, это — усилить агитацию среди одиночек, которой ни о
человек препятствовать не в силах, надо изучать социалистическую литер
туру. Остальное само приложится». Таким образом, «Freiheit» почти пов
ряет воззвание о роспуске партии: надо делать то, что не преследуе
законом.

В шестом номере в статье «Revolutions Angstmeuchel» «Freihe
продолжает стоять на почве «мирного» развития. «Социалисты агитиру
мирным путем за свои идеи». «Социалисты подрывают существующ
порядок не тайно, а открыто. И поскольку это зависит от на
они ведут борьбу не физическим насилием, а на духов
ной почве» [3])... Словом, «Freiheit» еще полностью находится во власт

[1]) Первый номер «Freihelt'a» вышел 4 января 1879 г.
[2]) «Freihelt» № 2, от 11/I 1879 г.
[3]) «Freihelt» № 6, от 8/II 1879 г.

идей 1876—1878 гг. «Laterne» тоже не покушается на старую партийную тактику; она посвящает целый ряд статей раз'яснению необходимости участия в избирательных кампаниях. Очень старательно она разбивает аргументацию растерявшихся товарищей, впавших в бойкотистские настроения.

«Некоторые товарищи сомневаются, следует ли социалистическим депутатам участвовать в дебатах», отмечает она в статье «Maulkorbgesetz» [1]). «С каких это пор,—говорят они,—курица рассуждает о супе, в котором она будет вариться. Пусть, господа, повара между собою и обсуждают». Как раз тем - то наша партия и отличается от анархистов, что мы не спекулируем на пессимизм, что мы не ведем политику «воздержания».

Вместе с тем «Laterne» в каждом почти номере стремится влить бодрость в массах, отмечая успехи партии. «Партия еще не мертва,—восклицает газета по поводу того, что бреславские рабочие отдали Крекеру, с.-д., брошенному в тюрьму, 5.175 голосов.—Она живет и по выражению ее лица, показанного нам во вторник, видно, что не чахоточный, золотушный псевдолиберализм ее похоронит, а совсем наоборот» [2]).

Обе газеты стремились заполнить дыру, созданную исключительным законом в партийной жизни. Они стремились стать рупором партии, продолжать ее традиции, удержать связь руководства с массами. Газеты всячески рассеивают распространяемые буржуазными газетами слухи о существующих в партии разногласиях. «Партия никогда не была более единой, чем сейчас»,—восклицает «Laterne». Когда в буржуазных газетах появилось сообщение о голосовании Кайзера в пользу покровительственных пошлин, «Freiheit» отказалась этому верить и назвала это сообщение клеветническим измышлением и очередной уткой буржуазной прессы.

Конечно, в условиях изгнания, когда озлобление против реакции должно ощущаться более сильно, когда газета не подвержена цензурным строгостям прусского устава о печати, тон газеты был несколько более свободным, более смелым в критике существующего в Германии положения.

«Мост хотел писать «Freiheit» теми же чернилами, какими некогда писались «Folkstaat» и «Vorwäts»,—пишет Меринг с некоторым укором [3]).

В таких условиях было вполне естественным, когда «Laterne» несколько (кстати, очень осторожно и деликатно) стремилась воздействовать на вождей, призывая их быть более активными в агитации.

«Разве не было бы целесообразнее, правильнее в интересах партии, если бы руководящие выборными делами товарищи писали бы за месяц или за три недели до выборов в «Freiheit», «Laterne» и «Tagwacht»? Все три газеты сделали бы это с радостью. Разве кто-нибудь поверит, что действия «в секрете» дадут бо́льший успех?»—пишет «Laterne» по поводу провала на выборах в Вальдгейм-Дуббельне [4]).

В другом номере газета констатирует с удовлетворением, что во многих местах происходят собрания рабочих «без вождей», на которых была проявлена боеготовность масс.

Несмотря, однако, на чрезвычайно умеренный тон критики, обратно пропорциональный оппортунистическому заболачиванию «вождей», газеты вызвали бурю негодования среди руководства. «Газеты срывают план работы, они льют воду на мельницу реакций»,—таков был вопль фракции. Даже после того, когда само руководство было вынуждено вступить на путь развития нелегальной прессы, даже через 30 лет, вожди не могли забыть газетам их критику.

[1]) «Laterne» № 8, от 28/II-79 г.
[2]) «Laterne» № 6, от 9/II-79 г.
[3]) Меринг, ibidem, т. IV, стр. 174.
[4]) «Laterne» № 10, от 8/III-79 г.

«Газетка, скудная по содержанию и по форме, ...смотрела на все сквозь дымчатые очки. Поддержки нашей не получила просто потому, что не отвечала в таком виде нашим потребностям». Такую оценку дает Бебель «Laterne» [1]). Но почему же партия не постаралась изменить газету по содержанию и по форме в лучшую сторону? Ведь Гирш шел полностью навстречу желаниям партии, ведь он и предлагал взять газету под руководство партии—почему же это не было сделано? А ларчик просто открывается: руководство не хотело никакой газеты. Не хотело дать «лишнего повода для усиления исключительных законов».

Еще хуже было отношение к «Freiheit». Мост нарушил, по мнению вождей, партийную дисциплину: без всякого запроса у партии, в честолюбивых целях он основал «Freiheit» [2]). Блос идет еще дальше. По его мнению Мост, приехавши в Лондон, сразу же перешел к анархистам и основал газету, в которой нас оклеветал [3]). Бернштейн написал Мосту просто очень сердитое письмо от имени цюрихцев [4]). Причина большей ненависти к «Freiheit», несмотря на ее более умеренный тон критики, об'ясняется ее громадным успехом в Германии.

Руководство не только не оказывало никакой поддержки, но всячески мешало распространению этих газет.

«Во всех концах Германии,—с грустью сообщает «Laterne»,—пишут, шушукаются, раз'езжают и агитируют за то, чтобы товарищи ни под каким видом не поддерживали и даже не читали бы заграничных изданий» [5]).

Бебель впоследствии отрицал этот факт («мне о таких происках ничего не было известно»,—пишет он по этому поводу), но стоит внимательно прочесть его собственные мемуары (не говоря уже о мемуарах Моста и др.), об отношении многих из руководства к их собственной газете «Sozialdemokrat»), чтобы полностью поверить этому сообщению.

Само собою разумеется, что подобное отношение к нелегальным, пусть даже несовершенным, газетам на фоне дальнейшего углубления политики капитуляций в рейхстаге (голосование Кайзера, речь Либкнехта) не могло не вызвать более резкой критики со стороны этих газет.

Тактика партии подвергается критике в целом ряде статей. О казусе Кайзера «Laterne» писала:

«Можно ли было подумать, что найдутся социалисты, готовые кокетничать с бисмарковскими проектами? К сожалению, имеются... Еще существуют такого рода люди без желчи, без гордости, готовые всегда подставлять левую щеку, когда бьют по правой. Либеральная партия богата такими самопожертвующимися личностями, которых надо бить, чтобы из них выбить искру лойяльности. Но рабочие социалисты с трудом свыкнутся с мыслью, что человек, ими уполномоченный крепко держать руку на карман, сам же его раскроет».

Газета ставит вопрос, как могло такое явление иметь место. «Такие печальные случаи стали возможными в нашей партии только благодаря ослаблению связи с массами... Прежде наши депутаты, поскольку это было нужно, через нашу печать получали указания, чего от них ожидает партия».

«Надо сейчас же,—предлагает «Laterne»,—где только возможно, за границей наладить прессу и со всех сторон открыть наступление на юнкерско-помещичье владычество. И если кто-либо из товарищей это сделает

[1]) Бебель, ibidem, т. III, стр. 49.
[2]) Bernstein, ibidem, B. стр. 26; ему же вторит Меринг.
[3]) Blos, ibidem, B. I, стр. 254.
[4]) См. выше, гл. I, стр. 12, примечание.
[5]) «Laterne» № 19, от 11/V-79 г.

лучше нашего, никакой зависти у нас он не вызовет, от полного сердца мы ему будем аплодировать» [1]).

Чтобы еще больше оттенить, до каких пределов дошла идеология упадочничества среди вождей, следует указать, что критику Гирша об'ясняли чисто-личными происками: он хотел, мол, превратить «Laterne» в центральный орган партии, а его критика — результат озлобления из-за крушения этих надежд». Типичная филистерская черта, везде и всегда усматривающая во всякой критике личные мотивы и своекорыстные цели, т.-е. мерить на свой собственный аршин.

II.

Политика капитулянтства фракции, ее нежелание даже ставить вопросы иначе, ее противодействие всякому слову критики, с одной стороны, и все более растущие симпатии масс по отношению к нелегальной печати (в частности к «Freiheit»), с другой стороны, выдвинули перед оппозицией необходимость сформулировать новые задачи партии. Впервые постарался поставить эту проблему «Лондонский Коммунистический Образовательный Ферейн». В «Freiheit» [1]) появился меморандум, составленный видным мигрантом Мильке.

«С.-д. должна рассматривать исключительный закон, не только как покушение на свободу немецкого народа, но как самое грубое насильственное нападение на большой класс народа. Это «обесправление» с.-д-ии, ею не должно быть признано, наоборот, она должна постоянно протестовать.

«До тех пор, пока партия была равноправна, пока ей представлялась возможность распространения своих идей, до тех пор она могла применять умеренную тактику».

«По своим принципам и целям с.-д-ия является революционной партией. До настоящего времени, поскольку дело шло о завоевании общественного мнения, она была партией реформы, но и тогда она не скрывала, что от ее противников зависит, осуществится ли социализм реформистским путем или через революцию.

Следовательно, сами условия оправдывали мирную тактику. Сейчас обстоятельства изменились. «Когда партия грубо придавлена и лишена возможности сделать малейшее свободное движение, тогда она должна бороться»... «реформистский путь для партии полностью отрезан»... И, следовательно, «сейчас не только находит оправдание, но также повелительно необходимо подготовить народ к моменту, когда его нестерпимое положение, созданное его тираническими противниками, приведет к революции, как к единственному средству спасения».

Исходя из этой задачи, партия должна пересмотреть свою тактику. Необходимо более решительно, отчетливее прокламировать свои идеи и принципы. «Никакой половинчатости, никакого скрывания принципов». «Угнетенная партия, которая скрывает свои основные идеи, хотя бы только внешне и временно, неизбежно их умеряет и постепенно их оставляет». Это лежит в логике вещей. «Только в беспрерывной борьбе, высоко держа свои принципы, партия сможет притти к победе». Меморандум предостерегает от всяких компромиссов с другими партиями.

Итак, прямая, непрерывная борьба, агитация за революцию, неурезанные лозунги, самостоятельность—таковы новые задачи, выдвигаемые событиями. Не надо также брезговать никакими средствами. Если нельзя открыто вести агитацию, необходимо использовать все нелегальные средства. Пусть

[1]) «Laterne» № 17, от 27/IV-79 г.
[2]) «Freiheit» № 17, от 26/IV-79 г.

подполье никого не пугает. Россия должна служить нам примером. «Немецкие товарищи, посмотрите на Россию, при каких тяжелых обстоятельствах этот народ ведет свою политическую агитацию».

Меморандум не удерживается только на этих позициях, в которых чувствуется не столько убежденность в своих силах, сколько отчаянность и ставка на эту отчаянность со стороны масс. В своем революционном повороте, в ревизии старой тактики, он впадает в другую крайность. Он подвергает сомнению полезность использования парламентаризма. «Необходимо взвесить, способен ли немецкий парламент приносить социалистам какую-либо пользу, когда последние не могут в нем больше говорить так, как они говорить обязаны. Когда соц. депутаты не имеют больше возможности высказать свои взгляды с трибуны рейхстага, когда всякая социалистическая избирательная агитация подавляется, какие же иные цели социалисты могут преследовать в рейхстаге?». «желать парламентаризм без свободы слова, быть вынужденным замалчивать свои истинные убеждения—если не случается еще худшее,—это значит стать на путь, пройденный либералами, бывшими некогда буржуазными демократами».

Это начало «бойкотистской» тактики еще несколько осторожно выражено. Несмотря на ее неправильность по существу, нельзя не признать, что ее мотивы, исходившие из практики фракции—не были лишены известного основания. Если вспомнить капитулянтскую речь Либкнехта, а меморандум был непосредственно вызван этой речью, то здесь полностью оправдывается положение Ленина, что в известных условиях анархизм является реакцией на оппортунизм.

Вокруг меморандума началась оживленная дискуссия между «Laterne» и «Freiheit»; солидаризируясь с основными положениями меморандума, «Laterne» выступила с возражением против двух положений меморандума: бойкотизма и подпольной деятельности.

«Подпольные общества создают иерархическую лестницу господства сверху, что противоречит нашим современным демократическим взглядам. Тайный устав, тайные сходки, тайная корреспонденция—очень серьезные акты, основанные на абсолютном доверии, впоследствии неизбежно превращаются в абсолютное недоверие». Вообще нет нужды в тайных организациях. «Разве запрещено соседям и товарищам разговаривать между собою? Разве кто-либо был осужден за подписку на «Freiheit», «Laterne», «Tagwacht»? Запрещено лишь их распространение, но не их чтение».

Для отрицания парламентаризма тоже нет никаких оснований. Наши депутаты ведут себя так, что импонируют даже нашим врагам.

По вопросу о том, нужны ли подпольные организации, выступил также вождь швейцарских с.-д. Грейлих [1]).

Он тоже высказывается против подполья. В ней нет никакой нужды.

Грейлих является также противником революционной романтики, слишком уж культивируемой. Он не отрицает «права на революцию», но только в духе «права на самозащиту».

«Сейчас в ближайшее время — исключая случая несчастной войны — о настоящей революции в Германии не может быть речи. Мы еще также не решили положительно вопрос, хорошо ли, в интересах будущего, ускорение кровавой катастрофы. История показывает достаточно ясно, что все завоеванное против воли большинства не может удержаться и может быть реакцией повернуто назад.

[1]) «Laterne» № 22, от 1/VI-79 г.

Свержение угнетающего ярма может быть проведено незначительным меньшинством, но, пока абсолютное большинство еще недостаточно просвещено, можно предвидеть, что за свергнутым гнетом последует другой».

Отсюда следует, что единственно важно сейчас—это развить и углубить пропаганду. И здесь Грейлих, правда, очень мягко, с оговорками, сетует на партруководство, что оно недостаточно предпринимает меры для развития пропаганды, при чем все предложения, сделанные в этом отношении «Tagwacht'ом» вовсе не в «сверхрадикальном» духе, были отвергаемы. «Мы можем это игнорирование оправдать самое большее тем, что с другой стороны было много работы в деле консолидации экономического положения различных с.-д. учреждений, в оказании помощи жертвам реакции... вместе с тем, мы позволяем себе напомнить этим товарищам, что и пропаганду не следует терять из виду».

Мы остановились подробно на статье Грейлиха, чтобы оттенить, что даже такой умеренный, каким был Грейлих, даже он вынужден отметить нежелание партруководства вести соц. пропаганду и предпринять что-либо противозаконное. Даже Грейлих вынужден признать необходимость «критики слабостей различных слововожатых (Wortführer) с.-д.».

«Laterne» присоединяется к положениям Грейлиха и прибавляет, что необходимо создать за границей центральный партийный орган. «Если бы руководящие товарищи раньше почувствовали необходимость такого органа, то многие ошибки и много неприятностей были бы избегнуты. К счастью, еще не поздно, но уже пора».

В общем, меморандум, обсуждавшийся во всех эмигрантских кружках, был принят как свежий воздух, ворвавшийся в духоту партийного штиля. Корреспонденции в «Freiheit» сообщают о солидаризации с положениями меморандума также многих товарищей в Германии [1]).

«Партия, которая вначале потеряла было голову, начинает оживать»,— сообщается в одной кореспонденции [2]). «Freiheit» и «Laterne» высказывают то, что у каждого из нас на душе. К сожалению, находятся еще товарищи, которые считают осторожность лучшей частью мужества. «С.-д.,—говорят они,—является естественным продуктом современного общества, и поэтому она при всех обстоятельствах неизбежно победит». Когда это говорится как утешение во время борьбы, тогда это еще допустимо, но когда это является отводом от действия, тогда это простофильство, это политика самоубийства».

Между тем дискуссия между газетами приняла острые формы. Мост, защищая спорные положения меморандума, прибегнул к более резкой критике поведения вождей. В частности, он посвятил резкую статью по поводу упомянутой речи Либкнехта. Ответ Либкнехта, помещенный в «Laterne, был не менее оппортунистичен. «Перед нами стала необходимость выбора между дракой, или оставаться на почве закона. Среднего пути не дано. Мы избрали последнее... мы решили единогласно не оставлять почву закона». Кроме того, ответ Либкнехта содержал очень обидные намеки на трусость Моста.

«Freiheit» разразилась бранной статьей против Либкнехта и также против Laterne» за то, что она поместила письмо Либкнехта. Ответ последней был не менее резок и послужил поводом к разрыву между обеими газетами. Одно дело, по мнению «Laterne», вскрывать перед партией гниющие раны. «Это наша обязанность, которую мы и в дальнейшем будем выполнять. Но это ничего общего не имеет с политикой, приобретенной с недавних пор

[1]) «Freiheit» №№ 18, 19, 20, 23 и т. д.
[2]) «Freiheit» № 17.

«Freiheit'ом» и направленной к созданию новой партии р я д о м и п р о т и в старой. Тут наши дороги расходятся. С идеей новой партии мы будем бороться» [1]).

Действительно, Мост, не имея твердой идейной опоры, легко поддавшись новым настроениям и веяниям, шедшим из бланкистских кругов (Вальян), а также под непосредственным влиянием русского революционера Льва Гартмана [2]) пошел по линии наименьшего сопротивления — скатился раньше к бланкизму, а затем в 1881 году перешел к анархизму. 4/V-79 г. он в корреспонденции в чикагском «Vorbote» об'явил об образовании подпольной партии. Корреспонденция кончается следующими словами: «Новая (тайная) партия растет в то время, как старая «с'еживается». «Вожди» последней рады этому, ибо они не заметили первую» [3]). Конечно, Мост здесь еще не имел в виду расколоть партию; говоря о новой партии, он имел в виду создавшиеся нелегальные организации. Но это резкое противопоставление новой партии—старой, полная дискредитация вождей, в частности Либкнехта, не могла не озлобить против него многих совсем даже не сочувствовавших существующему в руководстве курсу.

Если в меморандуме вопрос о неучастии в парламенте был только поставлен, то с середины июля «Freiheit» занимает вполне определенную бойкотистскую позицию, радуется провалам и уменьшению количества соц.-дем. голосов на выборах, поощряет обнаружившиеся в массах бойкотистские настроения. Критика партийного руководства носит уже «злой» характер, использовывается всякая мелочь, вольные и безвольные грехи. Слово «революция» склоняется во всех падежах. Мост разочаровывается в идее «большинства», впадая в другую крайность.

«Вера в возможности разумного большинства при современных иррациональных условиях превращается в суеверие. Впрочем, большинства до сих пор играли пассивную роль. Массы всегда подчиняются тому, что совершается господствующим меньшинством». «Готовое для них (масс) всегда является наиболее влиятельным»,—таковы новые ноты, списанные с бланкистских голосов, воспетые на страницах «Freiheit'а».

Чем дальше, тем больше Мост терял почву под ногами. 4 января 1880 года была уже сделана попытка со стороны «Лонд Обр. Фер.» к организации н о в о й п а р т и и. В основу взята Готская программа, из которой вычеркнуто слово «законными»:

«Мы, коммунисты, республиканцы, атеисты и революционеры»,—говорится в воззвании новой партии [4]).

Вскоре «Freiheit» становится сторонницей террора, везде и всюду приводит пример русских «нигилистов» [5]).

Таков в общем путь отхода Моста от позиций революционной с.-д. В рамки нашего исследования не входит рассмотрение дальнейшей эволюции Моста. Нам хотелось лишь отметить, что его переход к анархизму был обусловлен не только его личной невыдержанностью, но, главным образом, отталкивающим оппортунистическим поведением руководства в исследуемый период.

Речь идет здесь не только о Мосте, многие хорошие пролетарии, видя, какое употребление «вожди» делали из парламентаризма, прониклись

[1]) «Laterne» № 25, от 22/VI-79 г.
[2]) См. K o c k e r, Johann Most.
[3]) Цитирую по «Laterne» № 25.
[4]) «Freiheit» № 2, от 10/I-80 г.
[5]) Впрочем, Мост совершенно правильно вступился за русских революционеров, когда Бебель, Газенклевер и другие в некрасивой форме от них отмежевались.

ненавистью к самой идее парламентской деятельности и попали в плен к анархистским глашатаям «прямого действия». В этом отношении Мост, как человек аффективный, быстро и страстно реагирующий, был только барометром тех настроений, которые существовали в гуще масс.

Тем большее значение приобретает его критика. Ибо, если отвлечься от ее формы и от бланкистских вывихов Моста, то по существу она была верной и била в цель. Маркс, который не особенно долюбливал «Freiheit», когда Либкнехт и Бебель обратились к нему с просьбой отмежеваться от Моста, категорически от этого отказался. «Мы ставим в вину Мосту,—писал он Зорге [1]),—н е е г о к р и т и к у в о ж а к о в н е м е ц к о й п а р т и и, а то, что он вместо того, чтобы, подобно нам, п и с ь м е н н о высказывать этим господам свое мнение, о т к р ы т о с к а н д а л и т».

Итак, мы видим, что первые толчки, взбудоражившие оппортунистическое болото, исходили из заграничной эмиграции. Эта критика, хотя сползавшая с правильных рельс, привлекла на свою сторону партийные массы [2]) и значительно ослабила сопротивление «вождей», которым грозила опасность остаться генералами без армии. Иной характер имела критика, исходившая от «стариков»—Маркса и Энгельса. Она отличалась от предыдущей и по форме, и по существу.

III.

Из предыдущего мы видели, как оценивали Маркс и Энгельс партию накануне закона о социалистах. С одной стороны, их приводит в восхищение напор рабочей массы, стачечная волна и т. п. («Наши рабочие в Германии держатся великолепно»), а, с другой стороны, их раздражает идейный разброд, господствовавший на верхах. «В Германии в нашей партии, не столько среди масс, сколько среди ее вожаков («рабочих» и «людей привилегированных классов»), пахнет гнилью». «Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», как программа «Zukunft'а». Утопический социализм снова овладел их умами» [3]). Выше было показано, что «старики» прекрасно знали источник этой гнили: засорение партии мелкобуржуазными и интеллигентскими элементами, людьми, «вкупившимися» в партию.

Все же Маркс и Энгельс, хотя и отказывались принимать участие в партийных органах («Zukunft», «Neue Gesellschaft»), однако не порывали связей с Либкнехтом, Бракке и Бебелем. Они считали этот гнилостный дух в партии временным поветрием, болезнью роста. Массы, которые всегда лучше своих вождей, «их исправят».

С этой точки зрения они расценивали наступившую эпоху исключительных законов. «Ф р а з а о м и р н о м д о с т и ж е н и и ц е л и л и б о с т а н е т н е н у ж н а, л и б о н е б у д е т п р и н и м а т ь с я в с е р ь е з. Сделав эту фразу невозможной и бросив движение в революционном направлении, Бисмарк оказал нам огромную услугу, которая вполне возмещает кое-какой маленький вред от застоя в агитации», — пишет Энгельс Бекеру 1/VII-79 г. [4]).

[1]) Письма к Зорге от 19/IX-79 г.
[2]) B e r n s t e i n, ibidem, B. II, S. 26: «При том большом авторитете, который Мост пользовался в Берлине, при раздраженном настроении, созданном в Берлине полицейским произволом, было, естественно, что язык Моста и его критика партийных отношений нашли себе отклик в Берлине».
[3]) Письма к Зорге, стр. 178—9, письмо Маркса от 19/X-77 г.
[4]) E n g e l s, Vergessene Briefe, S. 27.

«Руководство должно переменить тактику, взять более энергичный тон. «Старой добродушно-брюзжащей агитации с возможным торчанием в тюрьме от 6 недель до 6 месяцев нужно в Германии раз навсегда положить конец. Как только современное состояние достигнет конца, начнется новое движение на более или менее революционной основе и потому должно иметь гораздо более решительный характер, чем расплывчатое движение первого периода»[1]).

Энгельс прекрасно понимает, что старая партия не очень-то способна к энергичным и решительным действиям. «Эти добрейшие (т.-е. руководство. *С. Г.*) сами знают, что среди них есть совершенно неспособные и даже не вполне кошерные люди». Поэтому он не особенно настаивает на сохранении крепкой и централизованной организации. Он боится, что в условиях подполья, при отсутствии печати, без массовых собраний дисциплина может превратиться в орудие борьбы со здоровой критикой («Кто на них нападает, тот—еретик»). Отсюда он делает вывод, что «в настоящее время, чем слабее организация по внешности, тем прочнее она в действительности». Необходимо, чтобы поколение загнивания потеряло свое руководство, по крайней мере, растворилось в новых массах. «По моему мнению, старой партии вместе с ее прежней организацией—конец. Если европейское движение вскоре снова начнется—чего следует ожидать—тогда в нее вступит огромная масса германского пролетариата, тогда 500.000 человек 1878 г. будут образованным, вышколенным ядром этой массы... «Германское движение обладает одним свойством—все ошибки вождей всегда исправляются массами: так, разумеется, будет и на сей раз»[2]).

Таковы основные взгляды «стариков» на новые условия, перспективы и задачи германской социал-демократии. Но эта их вера в неизбежность перехода партии на революционные позиции в том, что массы исправят вождей, не превратилось в фатальное выжидание. Они принимают активное участие в выправлении линии руководства, в направлении ее в революционное русло. С каким негодованием и возмущением они реагируют на трусливое и оппортунистическое поведение руководства! С какой горестью они отмечают падение престижа партии в международном рабочем движении. «Несвоевременная кротость Либкнехта в рейхстаге, разумеется, произвела в романской Европе очень неблагоприятное впечатление, да и среди немцев всюду встречена неодобрительно» [3]).

«Люди совершают просто такие вещи, которые вполне способны взорвать партию. Во-первых, партия должна непрерывно содержать старых агитаторов и редакторов, получая на шею кучу газет, в которых собственно нет ничего кроме того, чтоб можно прочитать в любом буржуазном листке для завертывания сыра. И рабочие должны это долгое время проделывать. Во-вторых, в рейхстаге и саксонском ландтаге они большей частью выступают столь скромно, что позорят себя и партию перед всем светом; делают существующему правительству «положительные предложения» о том, как оно может лучше поступить в мелких детальных вопросах и т. д. И рабочие, об'явленные вне закона, со связанными руками и ногами, выданные полицейскому произволу, должны считать это истинным представительством!» [4]).

Маркс и Энгельс, однако, не остаются на положении нейтральных «об'ективных» критиков. Они прикладывают все усилия, чтобы исправить

[1]) Ibidem.
[2]) Vergessene Briefe, № 10, S. 37.
[3]) Ibidem, стр. 36—37.
[4]) Ibidem, № 5, S. 27.

линию партийного руководства. Характерен в этом отношении метод их воздействия на парт. вождей. Считая нежелательной публичную критику с их стороны, они избрали путь писем-циркуляров к Бебелю и Либкнехту, в которых они беспощадно расправлялись со всей политикой партии. Хотя из этих писем сохранился для истории очень незначительный процент, все же по имеющимся можно видеть, что старики не оставляли ни одного положения, ни одного вывиха без надлежащей критики и указаний. По поводу голосования Кайзера Энгельс, ведший всю переписку с германской соц.-демократией, стал полностью на точку зрения «Laterne», когда вождям «вздумалось» разобидеться за ее критику. Вместе с тем, он дает целый ряд положений, как следует держаться в рейхстаге:

«Круг вопросов, в которых с.-д. депутаты могут выходить за пределы чистого отрицания, весьма узко ограничен. Это вопросы, в которых затрагивается отношение рабочих к капиталисту: фабричное законодательство, нормальный рабочий день, ответственность предпринимателей, оплата труда рабочих товарами и т. д., затем чисто-буржуазные реформы прогрессивного характера. По всем остальным экономическим вопросам, как, например, таможенные пошлины, страхование, переход железных дорог в собственность государства и т. д., социал-демократы всегда должны будут стоять на том, чтобы не ассигновать никаких средств, которые могут усиливать власть правительства в отношении к народу» [1]).

Энгельс старается вселить в руководство бодрость и мужество. Надо брать пример с французов: «Буря, разразившаяся над французскими социалистами после Коммуны, была пострашнее, чем вопли по поводу Нобилинга в Германии. Но насколько достойнее и независимее держались французы! Разве вы там натолкнетесь на такую слабость, на такие комплименты по адресу противника. Когда они не могли говорить свободно, они молчали» [2]).

Энгельс стремится внедрить в руководство сознание их ответственности перед международным пролетариатом. «Пора, наконец, понять, что необходимо поддерживать репутацию партии не только в четырех стенах, но и перед всей Европой и Америкой» [3]).

Таким чисто-дружеским, даже отеческим тоном поучали «старики» лучших вождей германской с.-демократии. Они знали, что Бебель и Либкнехт, когда почувствуют перемену в массах, когда плевела попутчиков отсеются, благодаря бисмарковскому урагану, из партии, при правильном руководстве ими, они сумеют в конечном итоге повернуть на революционный путь. Вот почему они, резко их критикуя, делают это семейно, не вынося сора из избы, вот почему они, несмотря на то, что признавали правоту критики вожаков со стороны Моста, считали, что напрасно он открыто скандалит.

Но даже их терпению однажды пришел предел. Это относится к появлению рихтеровского «Ежегодника». Если они могли снисходительно относиться к отдельным ошибкам, к практическим искривлениям партийной линии, надеясь, что революционный инстинкт масс их исправит, то, когда делалась попытка свести оппортунизм в систему, создать теорию оппортунизма, «тут уж добродушие—по боку!»—восклицает Энгельс. Старики выступили с категорическим предложением отстранить это «трио» от влияния на партийные дела, а Гехберга исключить из партии. В противном случае, они угрожали открытым выступлением против лейпцигцев и цюрихцев

[1]) Письмо Энгельса к Бебелю от 24/XI-79 г.; см. Бебель, Из моей жизни, т. III, стр. 84.
[2]) Ibidem, стр. 76.
[3]) Ibidem.

Конфликт принял затяжной характер в связи с вопросом о редакторе ц
партии, пост которого хотели передать этому трио.

Маркс и Энгельс не поверили всем уверениям и обещаниям Бебе
и Либкнехта и оставались в стороне от газеты до тех пор, пока не вы
вился действительно правильный курс, взятый позже газетой. «К счастью,
пишет Меринг,—дело не дошло до разрыва». Его не было потому, что «вож
ди», боясь международного скандала, уступили в вопросе о редакторе, ка
увидим позже. Раскол был избегнут еще потому, что третий фактор—мас
сы—заставили вождей повернуть руль партийного корабля в революционный фарватер [1]).

(Окончание следует).

[1]) Вопросу массового рабочего движения этого периода автор намерен по
святить отдельный очерк.

Предисловие к статьям Джинса и Милликэна.

Земная арена и земные условия для физика уже давно стали тесным, и требуют своего расширения в сторону звездной вселенной. Этот переход за пределы земных условий совершен был еще во время расцвета классической механики. Кант и Лаплас попытались, исходя из представлений механики, дать картину происхождения солнечной вселенной. Первый из них пытался поставить уже вопрос и о звездной вселенной.

Со времен открытия спектроскопии к механике прибавилась обширная область электромагнитных явлений, источником которых оказывались «небесные светила». Свет, испускаемый этими «светилами», стал чрезвычайно богатым источником для суждения о составе и процессах, происходящих на звездах. Создалась целая наука о возникновении, жизни и гибели звезд. То, что никогда не могло быть осуществлено и никогда не будет осуществлено в условиях наших земных лабораторий, стало предметом изучения современных ученых.

Период существования земли так относится к периоду существования звездных вселенных, открывшихся пред глазами ученых, как точка к неопределенно далеко продолженной линии. Поэтому, начиная с Канта, современному ученому приходится оперировать с его категориями далеко за пределами того, что послужило непосредственной основой при создании его теоретических представлений. Применение категорий современной механики, физики и химии к проблемам космогонии пред'являет очень большие требования к синтетической способности современных ученых.

Естественно, что при этом легко обнаруживаются сильные и слабые черты как общих приемов мышления современных ученых, так и тех категорий, применяя которые они строят картину возникновения и гибели миров. К тому же это такой пункт, где социальные влияния, классовая точка зрения легче всего обнаруживает свое господство над истоками мировоззрения классового ученого.

Печатаемые ниже две статьи, Джинса и Милликэна, очень интересны тем, что дают два ответа на один и тот же вопрос—вечности или конечности мира. Ответы на этот вопрос у обоих авторов сочетаются с целым рядом других интересных мыслей. Для нас здесь важно подчеркнуть лишь то, что Милликэн находит выход там, где его не находит Джинс и многие аналогично последнему настроенные ученые. Если Джинс принужден со всей откровенностью говорить о неизбежности прибегнуть к допущению гипотезы о «пальце бога», а о вселенной трактовать как о «мысли в мозгу создателя», то Милликэн, наоборот, проникнут более научным и оптимистическим воззрением и стремится «навсегда изгнать нигилистическую доктрину» о «тепловой смерти» «вселенной». Для ученых типа Милликэна джинсова точка зрения, есть возврат к «средневековому предположению о «деус экс махина».

Интересно отметить также точку зрения Милликэна на роль «бесполезных» наук. Он выступает в своей речи против точки зрения узкого практицизма и делячества, хотя и говорит об этом языком представителя американского «человечества». Религиозную веру в конец света он об'ясняет не социальными причинами, а «ошибочной концепцией природы мира».

Обе статьи, несмотря на различие точек зрения авторов, трактуют одни и те же проблемы и представляют, вместе взятые, нечто целое.

Ряд особенностей в терминологии авторов, как, напр., употребление слова «материя» вместо масса и т. п., не оговариваются, так как они многократно уже раз'яснялись на страницах «Под Знаменем Марксизма».

А. М.

Физика вселенной [1]).

Дж. Джинс.

Древние, по большей части, смотрели на вселенную, как на театр, специально построенный для инсценировки драмы человеческой жизни. На этой сцене, по их представлениям, жили и исчезали, постоянно сменяя друг друга, люди и даже боги, создаваемые людским воображением; неизменной оставалась лишь декорация из вечных гор и небес. Хотя некоторые из них и задумывались над вопросами возникновения вселенной, ее создания из хаоса, лишь немногие считали, что она обладает своей жизнью и переходит от рождения к смерти, подобно человеку или дереву.

В последнее время идея вековых изменений стала общепринятой. Геологи начали изучать изменения структуры земли, астрономы занялись вопросом эволюции звезд, как тел, которые рождаются, проходят свой жизненный путь и умирают. Но основные кирпичи вселенной—атомы—попрежнему считались застрахованными от изменений. Гипотеза о том, что вся материя состоит из неизменных и неделимых атомов,—выдвинутая Левкиппом и Демокритом еще в V веке до н. э.,—оставалась общепринятой вплоть до конца XIX столетия. Предполагалось, что все изменения во вселенной сводятся лишь к перестановке неразрушимых атомов, которые сами по себе не могут изменяться. Подобно детским деревянным квадратикам, из атомов могут выходить самые различные вещи.

Атомные изменения. Первыми, кто расколол атом, были Крукс, Ленард и в особенности Дж. Дж. Томсон. Кирпичи вселенной, которые в течение 2.000 лет считались неразрушаемыми, вдруг стали легко расщепляться на части. В 1895 г. Дж. Дж. Томсон показал, что эти осколки одинаковы и не зависят от рода атомов, от которого они были отщеплены; все они имеют одинаковую массу и одинаковый заряд отрицательного электричества и потому называются «электронами». Через два года после этого открытия, Лорентцовское об'яснение эффекта Зеемана показало, что движущимися частями внутри атомов являются как раз эти электроны.

Ряд исследований в этом направлении привел, через несколько лет, к Резерфордовской модели атома, согласно которой химические свойства и природа атома определяются очень маленьким центральным ядром, заряженным положительно, вокруг которого вращаются по широким орбитам отрицательные электроны. Занимая пространство вокруг ядра и препятствуя приближению других атомов, эти электронные орбиты определяют размеры атома. Об'ем пространства, занятого этими орбитами, во много раз больше, чем полный об'ем самих электронов, грубо говоря, отношение этих об'емов такое же, как у поля сражения и отдельных снарядов. Атом, радиус которого—величина порядка 2.10^{8} см., по линейным размерам, примерно, в 100.000

[1]) Перевод с английского Ф. Г. и С. Ш.

раз, а по об'ему, примерно, в 10^{15} раз больше электрона. радиус которого близок к 1.10^{13} см. По всей вероятности, «ядро» еще меньше, чем электрон. Число орбитальных электронов в атоме называется «атомным номером», оно меняется от 1 в водороде, самом легком и простом из атомов, до 92 в уране—самом массивном и сложном из известных атомов.

Одновременно с этим развитие физики показало, что и сами ядра не являются ни постоянными, ни неизменными. В 1896 г. Беккерель нашел, что соли урана обладают замечательным свойством самопроизвольно действовать на находящуюся вблизи фотографическую пластинку. Дальнейшие исследования в этом направлении привели к открытию нового свойства материи—радиоактивности. Согласно выдвинутой в 1903 г. Резерфордом и Содди гипотезе «самопроизвольного распада», радиоактивность связана с процессом постоянного распада атомных ядер. Таким образом, не только сами атомы не постоянны и разрушимы, но и их ядра распадаются с течением времени. Например, ядро урана постепенно распадается на ядро атома свинца и 8 альфа-частиц, т.-е. ядер гелия. При этом возникает излучение, обнаруженное Беккерелем по его действию на фотографическую пластинку и приведшее, таким образом, к открытию радиоактивных свойств материи.

За несущественным исключением калия и рубидия, свойством радиоактивности обладают только наиболее сложные и массивные атомы, атомные номера которых больше 83. Однако, хотя легкие атомы и не могут самопроизвольно распадаться подобно тяжелым радиоактивным атомам, их ядра тоже обладают сложной структурой и могут быть разрушены искусственными средствами. В 1920 году Резерфорду удалось разбить ядра атомов кислорода и азота, бомбардируя их быстрыми альфа-частицами.

Успех этого опыта привел к гипотезе, которая пока еще не подтверждена окончательно, о том, что вся вселенная построена из кирпичей двоякого рода: электронов и протонов. Каждый протон несет положительный заряд, по величине в точности равный отрицательному заряду электрона. Предполагается, что этот протон совпадает с ядром водородного атома, а другие ядра состоят из очень близких друг к другу протонов и электронов.

Кроме материальных электронов и протонов, атомы содержат еще и третью величину—электромагнитную энергию. Современная электромагнитная теория приводит к выводу, что всякое излучение несет с собою массу (при чем одному грамму массы соответствует 9.10^{20} эргов или $2{,}15.10^{7}$ калорий излучения). Отсюда следует, что всякое излучающее вещество теряет массу; всякий радиоактивный распад ведет к уменьшению общего веса. Окончательная судьба одного атома урана изображается уравнением

$$1 \text{ грамм урана} = \begin{cases} 0{,}8653 \text{ гр. свинца} \\ 0{,}1345 \text{ гр. гелия} \\ 0{,}0002 \text{ гр. излучения} \end{cases}$$

Обобщая, можно сказать, что явление радиоактивности состоит в превращении материи в излучение или, иначе говоря, в освобождении излучения при разрушении массы. Из 4.000 грамм материи остается только 3.999 грамм—остающийся грамм уходит в виде излучения.

Но 3.999 грамм свинца и гелия содержат те же протоны и электроны, что и 4.000 грамм урана; поэтому можно сказать, что 4.000 грамм урана состоят из этих протонов и электронов + 1 гр. электромагнитной энергии, которая потом исчезает в виде излучения.

Насколько нам позволяет судить наш земной опыт, это превращение материи в излучение является процессом одностороннего характера. Геология дает нам целый ряд свидетельств о том, что уран, по крайней мере, в течение последних тысячи миллионов лет, постоянно распадается на свинец, гелий и излучение; но мы не имеем свидетельств о том, что когда-нибудь происходит обратный процесс. Отсюда можно заключить, что сегодня на

земле урана меньше, чем было вчера, а завтра будет еще меньше. Этот процесс связан с тем, что земля каждый день излучает немного больше тепла, чем получает от солнца, и что ее масса постепенно уменьшается. Согласно Джеффрису, общий поток излучения с поверхности земли равен, примерно, $1{,}9.10^{-6}$ калориям с одного квадратного сантиметра в секунду примерно 13% этой величины обусловлены радиоактивным распадом вещества земли. Из этих цифр можно вычислить, что радиоактивный распад вызывает уменьшение массы земли со скоростью, примерно, одну унцию в минуту; с этой скоростью земные атомы теряют свою энергию, отдавая ее в пространство в виде излучения. На земле этот поток идет все время в одном направлении,—сложные атомы уступают место простым, и материя превращается в излучение. Естественно спросить себя, не обнаруживает ли изучение физики вселенной, что этот процесс составляет лишь часть полного цикла и что разрушение, которое мы видим на земле, пополняется где-то в другом месте. Мы стоим на берегу реки и видим, что ее течение все время относит воду в море, но мы знаем, что эта вода в свою очередь превращается в облака и дождь, постепенно пополняющие реки. Является ли вселенная такого рода циклической системой или ее можно скорее сравнить с потоком, который не имеет источников пополнения и мало-по-малу иссякает? Для ответа на этот вопрос мы должны, прежде всего, найти источник нашего земного потока.

Происхождение земного радия и урана.

Радиоактивные атомы бывают разных родов; но все они обладают общим свойством самопроизвольно распадаться. Периоды времени, требующиеся для этого распада, имеют самую разнообразную величину. Многие атомы живут тысячи миллионов лет, тогда как жизнь других атомов длится годами, днями, часами или секундами,—самой короткой жизнью обладает актиний-А, в среднем живущий 0,002 сек. Возьмем в качестве типичных примеров радий и уран. Благодаря самопроизвольному распаду, каждое количество радия теряет половину своей массы за 1.580 лет, так что если бы земля состояла из чистого радия, то через 250.000 лет от нее остался бы только один атом. Так как земля существует уже много миллионов лет, то можно быть уверенным в том, что каждый земной атом радия возник на земле. Содди, Болтвуд и другие открыли предка радия. Оказывается, что он возникает из иония, следы которого через уран-X ведут к самому урану.

С другой стороны, уран теряет половину своей массы в течение 5.000 миллионов лет. Так как земля возникла из солнца, примерно, 2.000 миллионов лет тому назад, то большая часть того урана, который был взят из солнца, существует на земле до сих пор. Так как у нас нет данных, которые позволяли бы заключить, что уран возникает на земле, и так как вообще неизвестно то вещество, из которого он возникает, то естественно рассматривать нынешний земной запас урана как остаток того, который земля в свое время получила от солнца. Этот первоначальный запас равен, примерно, 10^{19} грамм.

Этот уран не мог существовать все время, так как средняя продолжительность жизни каждого его атома равна 7.000 миллионов лет. Каким же путем он возник? Образовался ли он на солнце, или солнце подобно земле возникло с определенным запасом урана, который все время уменьшается и рано или поздно совсем исчезнет?

Ответ на этот вопрос зависит, конечно, от возраста солнца, для попытки установления которого мы сейчас несколько отойдем в сторону от предмета.

Возраст солнца и звезд.

В классической работе, опубликованной в 1878 г., Клерк Максвелл исследовал состояние газа, молекулы которого предполагались массивными точками, отталкивающимися друг от друга с силой, обратно пропорциональной пятой степени расстояния. При этом непосредственное столкновение было невозможно, так как размеры молекул предполагались бесконечно малыми, но каждая из этих молекул, пробивая себе путь между своими спутницами, могла подойти к другой молекуле так близко, что это имело бы на их взаимное движение приблизительно такое же влияние, как непосредственное столкновение. При каждой такой встрече имел бы место переход энергии, при общей тенденции к уравнению энергии молекула с большей энергией движения всегда испытывала бы замедление, молекула с меньшей энергией — ускорение. Встреча молекул, обладающих разным весом, привела бы к такому состоянию, при котором тяжелая или легкая молекула стала бы двигаться с одинаковой энергией, при чем незначительность массы легкой молекулы компенсировалась бы скоростью ее движения. Что молекулы стремятся к подобному состоянию — не было новым открытием. Это было известно гораздо раньше, но исследования Максвелла дали метод вычисления времени, необходимого для достижения конечного состояния «равномерного распределения энергии». Максвелл вычислил время, названное им «временем релаксации», в течение которого все отклонения от конечного состояния равномерного распределения энергии были доведены до 1/e (37%) их первоначальной величины. Для обыкновенного воздуха это время было найдено равным $\frac{1}{6\times10^9}$ сек. Массивные точки Максвелла, отталкивающиеся друг от друга с силой, обратно пропорциональной пятой степени расстояния, не представляют собой особенно хорошие модели газа, но, превратив отталкивание в притяжение, обратно пропорциональное квадрату расстояния (по закону тяготения), мы получим вполне соответствующую действительности модель звезд, так как диаметры звезд так малы в сравнении со средним расстоянием между ними, что возможность непосредственных столкновений может быть не принята во внимание. Точно так же, как Максвелл вычислил «время релаксации» своего идеального газа, мы можем его вычислить для совокупности массивных точек, обладающих массами и средними расстояниями звезд и притягивающихся друг к другу, согласно закону тяготения. Оказывается, что это время — величина порядка миллионов миллионов лет. В результате взаимодействия в течение миллионов миллионов лет звезды должны достичь конечного состояния равномерного распределения энергии, при котором средняя энергия звезд всех типов одинакова, независимо от их массы. В 1911 году Halm предположил, что массивные и легкие звезды приближаются к равенству энергии, и что скорость звезд, как и молекул газа, подчиняется закону равномерного распределения энергии. Чрезвычайно исчерпывающие исследования Seares'a в 1922 г. доказали правильность этого предположения (таблица 1-я на стр. 167 показывает среднюю полную скорость (c) для различных типов звезд, обладающих различными средними массами. Везде, кроме первых двух строк, таблица обнаруживает значительное приближение к равенству кинетической энергии. Последние 10 строк дают для массы ряд от 10 до 1, но среднее отклонение энергии от средней цифры равно только 9%). Это равенство энергии может быть приписано только взаимному притяжению звезд. Если бы оно было средствием каких-нибудь физических агентов, как, например, давление излучения, бомбардировки молекулами, атомами или быстро двигающимися электронами, то эти агенты,

Таблица 1.

РАВНОМЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ ЗВЕЗДНЫХ ДВИЖЕНИЙ.

Тип звезды	Средняя масса M	Средняя скорость C	Средняя энергия $\frac{1}{2}MC^2$	Соответств. температ.
Спектральный тип B3	$19{,}8\times10^{33}$	$14{,}8\times10^5$	$1{,}95\times10^{46}$	$1{,}0\times10^{62}$
„ „ B8,5	12,9	15,8	1,62	0,8
„ „ A0	12,1	24,5	3,63	1,8
„ „ A2	10,0	27,2	3,72	1,8
„ „ A5	8,0	29,9	3,55	1,7
„ „ F0	5,0	35,9	3,24	1,6
„ „ F5	3,1	47,9	3,55	1,7
„ „ G0	2,0	64,6	4,07	2,0
„ „ G5	1,5	77,6	4,57	2,2
„ „ K0	1,4	79,4	4,27	2,1
„ „ K5	1,2	74,1	3,39	1,7
„ „ M0	1,2	77,6	3,55	1,7

как показывает последний столбец таблицы, должны были бы находиться в термодинамическом равновесии с материей при температуре, равной 2×10^{62} град. Из того, что такие температуры в природе неизвестны, мы должны заключить, что наблюдаемое равенство энергии есть результат действия взаимного притяжения звезд в течение миллионов миллионов лет. Возраст звезд должен, следовательно, исчисляться в пределах этой величины. Другие пути астрономического исследования приводят к тому же заключению; я хочу ограничиться одним из них. Множество звезд являются «двойными», они состоящая из двух различных масс, движущихся в пространстве парами и описывающих друг вокруг друга замкнутые орбиты, так как ни одна из них не может избежать притяжения своей спутницы. Простые звезды, как мы только что установили, могут быть сравниваемы с одноатомными молекулами, а двойные звезды—с двухатомными молекулами. Их движение по орбите должно обладать энергией точно так же, как их движение в пространстве. Мы опять находим, что бесконечное взаимное притяжение должно иметь результатом равномерное распределение энергии как между звездами, так и между различными движениями, на которые способна всякая двойная система.

Далее, когда конечное состояние достигнуто, эксцентрицитеты эллиптических орбит должны быть распределены между значениями от $e=0$ до $e=1$ таким образом, чтобы все значения e^2 были одинаково вероятны. Этот закон распределения эксцентрицитета орбиты не зависит от размера орбиты, но «время релаксации», которым измеряется степень приближения к конечному состоянию, зависит от него. Действительно, эксцентрицитет орбиты есть дифференциальный эффект, происходящий от различного действия тяготения всякой проходящей звезды на компоненты двойной звезды; когда эти компоненты находятся очень близко друг к другу, мимо проходящая звезда не может пересечь их орбиты. Для видимых двойных звезд, компоненты которых обыкновенно отделены друг от друга миллионами миль, «время релаксации» равно миллионам миллионов лет, но оно в сотни раз больше для гораздо более плотных спектроскопических двойных звезд.

Следующая (2) таблица, составленная по данным Aitken'a, показывает наблюдаемое распределение эксцентрицитетов (см. стр. 168). Как мы и предвидели, спектроскопические двойные звезды оказываются далекими от конечного состояния, большинство из них сохраняет низкий эксцентрицитет орбиты, с которыми они вступили в жизнь. Видимые двойные звезды дают приближение к эксцентрицитету около 0,6, но не более. Отсутствие орбит

Таблица 2.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К РАВНОМЕРНОМУ РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ЭНЕРГИИ В ОРБИТАХ ДВОЙНЫХ ЗВЕЗД.

Эксцентрицитет орбиты	Наблюдаемое количество спектроскопических двойных звезд	Наблюдаемое количество видимых двойных звезд	Соответствующее количество в конечном состоянии
От 0 до 0,2	78	7	6
„ 0,2 „ 0,4	18	18	18
„ 0,4 „ 0,6	16	28	30
„ 0,6 „ 0,8	6	11	42
„ 0,8 „ 1,0	1	4	54

с высоким эксцентрицитетом может означать, что у сил тяготения не хв тило времени для того, чтобы вызвать наиболее высокие эксцентрицитет но это отсутствие отчасти, а, может быть, и целиком, может быть приписа трудности обнаружения орбит с высоким эксцентрицитетом. Таким образом изучение их движений по орбитам и движений в пространстве указывает н то, что действие тяготения простирается на миллионы миллионов лет. В к ждом случае есть исключения, «подтверждающие правило». В первом случа оно вызвано спектроскопическими двойными звездами, которые так плотн что их компоненты могут противостоять «раз'единяющему действию» тяго тения; в последнем случае оно вызвано типом звезд, которые так массивн возможно, так молоды, что сила тяготения меньших звезд не может имет большого влияния на их движение. Этот и другие пути исследования, подроб разобранные, приводят нас к убеждению, что общий возраст звезд колеблетс вероятно, между пятью и десятью триллионами лет. Можно дал установить возраст солнца в границах от семи до восьми триллионов лет.

Происхождение солнечного урана.

Мы имеем теперь все данные для обсуждения вопроса о происхожден радиоактивных атомов в солнце и в звездах. Торий, самое долговечное и всех радиоактивных веществ, теряет половину своего первоначального коли чества по истечении 15 миллиардов лет самопроизвольного распада. Масс чистого тория, равная солнцу (2×10^{33} гр.), превратилась бы в один ато через 3 триллиона миллионов лет. Для урана, период половинно сокращения которого равен 5 миллионам лет, соответствующее врем меньше одного миллиона миллионов лет. При зарождении земли возрас солнца был выше любого из этих чисел, так что земная часть радиоактив ной материи должна была возникнуть в течение солнечной жизни в сам солнце. Избежать этого вывода можно было только при предположении, ч жизнь урана и тория была чудовищно продлена высокой температурой и зв званной ею яростной бомбардировкой внутри солнца. Мы н можем совершенно исключить такой возможности, но трудно найти како нибудь соображение в ее пользу как в экспериментальной, так и в теоретич ской физике, и при современном состоянии наших знаний было бы благоразу нее ею пренебречь. Установив, что атомы урана зародились на солнце, мы под ходим к вопросу о способе их зарождения. Он сразу вводит нас в сам сердце современной теоретической физики. Рассмотрим несколько по дробнее два процесса, происходящие на земле: изменение строения атом путем перегруппировки электронов и изменение строения ядра путем само произвольного распада. На первый взгляд эти два процесса кажутся очень различными. Радиоактивное превращение ядра самопроизвольно в 10

смысле, что у нас нет никаких способов ускорить или прекратить его. Будущая история каждого атома урана написана в нем самом. Он безмятежно живет своей закономерной жизнью, не нарушаемой внешними изменениями температуры или давления; когда настанет его час, он перестанет существовать как уран и распадется на свинец, гелий и излучение. Его ядро потеряет энергию, которая проявится в виде излучения. С другой стороны, изменения, производимые в обыкновенном атоме перегруппировкой электронов, чрезвычайно чувствительны к внешним физическим условиям. Любой спектроскопист может, при желании, отщепить от атома один, два или даже три электрона.

Тем не менее, как это впервые установил Эйнштейн в своей замечательной работе 1917 года, разница здесь только количественная, а не качественная. Электроны в атоме могут двигаться по разным орбитам, а так как разные возможные орбиты обладают разными энергиями, то атом является в известном смысле резервуаром энергии. Например, атом водорода состоит из одного протона в виде центрального ядра и одного электрона, вращающегося вокруг него. Согласно теории Бора, электрон может вращаться по орбитам, диаметры (или большие оси) которых пропорциональны квадратам чисел натурального ряда: 1, 4, 9, 16, 25..., легко вычислить разницу энергии различных орбит; например, разница энергий двух наименьших орбит выражается в 16×10^{-12} эргов. Если мы прибавим 16×10^{-12} эргов энергии атому, электрон которого описывают наименьшую из всех орбит, то этот электрон перейдет на следующую орбиту, поглотив при этом 16×10^{-12} эргов и сделается таким образом временным резервуаром энергии, содержащим 16×10^{-12} эргов. Если строение атома нарушено, он может сам по себе, разумеется, излучать энергию в течение некоторого времени или поглощать еще больше энергии и увеличивать таким образом ее запас. Но если на атом не действуют никакие внешние влияния, то электрон должен после некоторого времени самопроизвольно вернуться к первоначальной меньшей орбите. Если бы этого не было, то твердо установленный закон Планка о черном излучении был бы не верен. В этом процессе атом теряет 16×10^{-12} эргов энергии в форме излучения, и, следовательно, испытывает уменьшение массы до $1{,}8 \times 10^{-32}$ гр. Таким образом, совокупность атомов водорода, в которых электроны описывают орбиты, большие, чем наименьшие возможные, похожа на совокупность атомов урана в том отношении, что в обеих этих совокупностях атомы самопроизвольно с течением времени отдают свою энергию, теряя при этом массу и испуская излучение.

Мы говорили о прибавлении 16×10^{-12} эргов энергии к атому водорода, находящемуся в состоянии наименьшей энергии. Конечно, этого нельзя достигнуть, если сообщать атому самую разнообразную энергию и ждать, когда он ее сразу поглотит. Атом водорода принимает энергию только в виде излучения со строго определенной длиной волны; ко всем остальным излучениям он совершенно равнодушен. Каждый атом разборчив в том смысле, в каком разборчив уличный автомат. Если мы будем направлять на атом излучение неподходящей частоты, мы воспроизведем комедию миллионера, которому все его богатства не могут доставить коробку спичек, так как у него нет мелочи, или трагедию мальчика, который не может получить плитки шоколада, так как все его накопления состоят из медных монет. Отбор излучения, производимый атомом, может быть обнаружен различными способами, но, может быть, его проще всего продемонстрировать на спектрах звезд. Из горячей внутренности звезды исходит излучение со всевозможными длинами волн и бомбардирует атомы, составляющие ее атмосферу. Эти атомы поглощают только то излучение, которое обладает точно

определенной длины волны и не вступает ни в какое взаимодействие с остальными, так что в конечном итоге в излучении данной звезды эти определенной длины волны отсутствуют. Это показывают нам звезды, имеющие спектр поглощения тонких линий. Атомы звездной атмосферы при поглощении этого излучения передвигаются к орбитам с большей энергией, но с течением времени они возвращаются обратно к своим старым орбитам, теряя при этом энергию в виде излучения с той же самой длиной волны. Это не может полностью нейтрализовать поглощение излучения, как можно было бы подумать, так как поглощаемое излучение было целиком направлено наружу, тогда как испускаемое излучение направлено беспорядочно во все стороны. Таким образом, когда мы видим атмосферу тангенциально, как, например, солнечную при полном затмении, то наблюдаемый нами спектр является уже не спектром поглощения, а спектром излучения, он состоит уже не из темных, а из светлых линий,—так называемый «обращенный» спектр. Всякий атом, или, само собой разумеется, другая электрическая структура, выбирает излучение с подходящей длиной волны из всех падающих на него излучений и использует энергию этого излучения для перемещения орбит своих электронов. Запас энергии E, поглощенный атомом, связан с длиной волны излучения λ квантовым отношением $E\lambda = hC$, где h—постоянная планка ($6{,}55 \times 10^{-27}$ эрг сек.), а C—скорость света: количество энергии E, данное этим отношением, называется «квантом» света с длиной волны λ. Длины волн излучения, поглощаемого электрической структурой, определяются теми условиями, чтобы соответствующий квант энергии был как раз достаточен для перевода электронов с одной орбиты на другую. Излучение поглощается также в том случае, если его квант дает количество энергии, достаточное для того, чтобы совершенно отторгнуть электрон от его атома и заставить его двигаться в пространстве, как свободный электрон. Всякое излучение, длина волны которого ниже определенной критической границы, выполняет это последнее условие. Наиболее плотная электрическая структура требует наибольшей энергии для своего разрушения, а наибольший квант энергии кратчайшей длины волны соответствующего излучения. Из этого следует, что очень плотная структура может быть разрушена только излучением с очень короткой длиной волны. В качестве грубой рабочей мерки мы можем принять, что всякая структура может быть разрушена излучением только с такой длиной волны, которая превышает размеры самой структуры меньше, чем в 860 раз. Энергия, требующаяся для того, чтобы раз'единить два электрических заряда $+e$ и $-e$ при расстоянии $r = \frac{e^2}{r}$ и вообще энергия, требующаяся для изменения или разрушения структуры электронов и протонов с линейными размерами r, должна быть соизмерима с этими размерами. Если λ длина волны искомого излучения, то энергия, освобождаемая поглощением этого излучения, есть квант $\frac{hC}{\lambda}$. Принимая во внимание, что значение h приблизительно равно 860 e^2/c, мы находим, что искомая длина волны излучения приблизительно в 860 раз больше размеров структуры, которая должна быть разрушена. Причина того, что синий свет действует на фотографическую пластинку, а красный не действует, та, что длина волны синего света меньше, а длина волны красного света больше чем в 860 раз превышает диаметр молекулы азотного серебра; мы должны спуститься ниже «границы 860», чтобы добиться какого-нибудь результата. Длина волны света, излучаемого атомом, в то время, как он разряжает свой резервуар энергии, точно соответствует длине волны света, поглощенного им при первоначальном накоплении энергии, так как если 2 кванта энергии одинаковы, то соответствующие длины волн также равны. Из этого следует, что свет, излучаемый какой-нибудь электрической структурой, должен обладать длиной волны, превышающей размеры структуры в 860 раз. Например, обыкновенный видимый свет обладает длиной волны, равной приблизительно 860 атомным диаметрам. Атомные ядра, подобно самим атомам, являются структурами, состоящими из положительных и отрицательных зарядов и должны поэтому вести себя по отношению к падающим на них излучениям таким же образом. Излучения, испускаемые атомными ядрами, а следовательно, и те, которые могут быть поглощены ими, имеют во всяком случае гораздо более короткие длины волн, чем излучения, испускаемые ими, поглощенные целыми атомами. Ellis и другие нашли, напр., что излучение, испускаемое при распадения радия B, имеет длины волн в 3,52; 4,20; 4,80; 5,13 и 23×10^{-10} сант. Эти длины волн равняются приблизительно одной стотысячной части волн видимого света. Причина здесь, конечно, та, что размеры ядра приблизительно в сто тысяч раз меньше размеров атома. Из того, что длина волны излучения, испускаемого или поглощаемого атомом, обратно пропорциональна кванту энергии, следует, что квант энергии, необходимый для «работы» атомного ядра, около ста тысяч раз больше кванта энергии, необходимого «для работы» атома. Если мы сравним атом водорода с автоматом, принимающим пенни, то радиоактивное ядро не будет принимать меньшего достоинства, чем пятисотфунтовые банкноты. Излучение с вышеуказанной длиной волны должно быть также способно перестроить ядро радия B, как излучение с большой длиной волны—перестроить атом водорода. По крайней мере такое излучение должно ускорить распад радия B. Способно ли оно образовать радий B из радия C и атомов гелия (или α- и β- частиц) — несколько другой вопрос. Возможно, что кроме наличия излучения соответствующей длины волны здесь необходимы другие условия, о которых мы ничего не знаем. Вероятно также, что радиактивные ядра, подобно ядрам азота и водорода, могут быть разрушены достаточно интенсивной бомбардировкой, хотя свидетельство опыта в этом пункте недостаточно определено. Если это верно, то каждая бомбардирующая частица должна обладать энергией, по крайней мере равной одному кванту соответствующего излучения, и, следовательно, двигаться с колоссальной скоростью. Мы можем попутно отметить, что процессы того общего типа, который мы сейчас разобрали, составляют надежду тех современных алхимиков, которые стремятся получить золото путем превращения других металлов. Это стремление в его самой широкой форме основано на сочетании электронов и протонов основных металлов с третьим компонентом, а именно, с электромагнитной энергией для образования атома золота. Успех, которого они смогут добиться, будет, вероятно, заключаться, скорее, в обогащении абстрактной науки знаниями, чем в обогащении их самих, так как один из материалов, которым они должны будут пользоваться, именно: энергия излучения, настолько дорог, что цена конечного продукта будет непомерно высока. Для образования одной унции золота нужна была бы по крайней мере значительная часть унции излучения энергии, а энергия излучения стоит одиннадцать миллионов фунтов за унцию. Чего бы ни опасался золотой стандарт со стороны политики, он кажется совершенно неприступным со стороны физики и химии. Каждая длина волны излучения связана с определенной температурой, а именно, с температурой, при которой излучения с данной длиной волны всего обильнее. Мы признаем это, когда говорим о красной теплоте и о белой теплоте, могли бы с таким же правом говорить об ультрафиолетовой теплоте или теплоте X-лучей. Длина волны, соответствующая ей, и температура связаны между собой хорошо известным отношением: $\lambda T = 0{,}2885$ сант. град. При приближении к этой температуре излучение

с данной длиной волны становится интенсивным, при температурах значительно более низких оно делается почти совершенно незаметным. Мы видим, что для разрушения электрической структуры небольших размеров требуются излучения с короткой длиной волны. Но короткая длина волны связана с высокой температурой, следовательно, чем меньше структура, тем больше теплоты требуется для ее разрушения. Если связать только что данное отношение между T и λ с законом «границы 860», то окажется, что структура размерами в r сант. начнет разрушаться излучением при температура, близкой к 1/3000 r. Напр., атомы, общие размеры которых исчисляются в пределах 10^{-8} сант., начинают разрушаться при температуре, близкой к 30.000 гр. Ядра, средние размеры которых близки к 10^{-13} сант., должны оставаться нечувствительными к температуре ниже 30.000.000 гр. Дадим более точный пример: желтый свет длиной волны в 6.000 A° связан с температурой в 4.800 гр. При температурах значительно ниже этой не желтого света, если только он не создан искусственно. Звезды и другие тела при температуре около 4.800 гр. испускают желтоватый свет и дают линии в желтой части спектра. Эти линии появляются потому, что желтоватый свет вызывает перескоки внешнего электрона атомов кальция и смежных с ним элементов. Перескоки электронов в атоме начинаются при приближении к температуре в 4.800 град. На земле нет температур, близких к этой (исключая Вольтовой дуги и др. искусственных условий), так что атомы земного кальция, вообще говоря, остаются в состоянии наименьшей энергии. Эйнштейновская работа 1917 года показала, что естественным следствием из закона Планка о черном излучении является то, что поведение совокупности атомов кальция в возбужденном состоянии в точности соответствует поведению атомов радиоактивных веществ, самопроизвольно возвращающихся к состоянию с меньшей энергией. Если атомы кальция при низких температурах земли подражают поведению радиоактивных атомов, то радиоактивные ядра при достаточно высокой температуре должны подражать поведению атомов кальция в горячей атмосфере звезд. Самая короткая длина волны излучения, испускаемого при превращении Урана, равна приблизительно $0{,}5 \times 10^{-10}$ сант. и соответствует температуре в 5.800.000.000 град. При приближении к такой температуре компоненты радиоактивного ядра начинают превращаться точно так же, как компоненты атома кальция при приближении к температуре в 4.800 град. Возможно, что эти перемещения могут быть также вызваны и бомбардировкой электрической структуры материальными частицами. Если это так, то бомбардировка электронами, ядрами или молекулами должна начать давать эффект только при той же температуре, при которой начинают быть ощутительным излучением с требуемой длиной волны. Оба процесса начинаются при одинаковой температуре. Мы видели, что кажущаяся разница между поведением атома кальция и ядра урана сводится в теории к простой разнице температур, хотя на практике эта разница есть всегда разница между 5.000 и 5.000.000.000 градусами. В атмосфере большинства звезд температура близка к первой из этих цифр или немного выше ее, так что атом кальция там постоянно перестраивается, что показывает присутствие линии кальция H и K в большинстве звездных спектров. Вряд ли где-нибудь во вселенной существуют температуры, близкие ко второй цифре. Возможно, что исключениями, происходящими скорее от нашего невежества, чем от наших знаний, здесь являются центры некоторых карликов белых звезд и спиральных туманностей. За этими исключениями или неизвестны где-либо температуры, достаточно высокие, чтобы ощутительно действовать на превращение (синтез или распад) радиоактивных элементов. Отсюда следует, что они везде ведут себя так же фаталистически самопро-

извольно, как на земле; нигде нет температуры достаточно высокой, чтобы изменить их поведение. Таким образом, солнечный уран, который, как мы видим, должен был возникнуть на солнце, вряд ли мог возникнуть путем синтеза более легких элементов и по всей вероятности был порожден распадом более тяжелых элементов. Положение с солнечным ураном аналогично тому, какое уже достигнуто в отношении земного радия, но с той значительной разницей, что предки земного радия нам известны, а предки солнечного урана—нет. Но эти предки должны быть, и это приводит нас к предположению, что солнце должно было содержать, а может быть содержит и до сих пор, атомы с бо́льшим атомным весом, чем уран. Астрономия приводит нас другим путем к тому же заключению. Мы должны рассматривать земной уран только как современный отпрыск предков, продолжительность существования которых нам неизвестна. Полная таблица химических элементов содержит элементы с бо́льшим атомным весом, чем уран, но все они, к лучшему для нашей науки, исчезли с лица земли, и уран со временем постигнет та же участь. Таблица 3-я (см. стр. 174) показывает длины волн излучения, необходимые для различных атомных превращений. Последние 2 столбца показывают соответствующие температуры и те места, в которых по нашим сведениям, эти температуры имеются. Там, где температуры значительно ниже указанных в последнем столбце, соответствующее превращение не может быть произведено теплотой и может происходить только самопроизвольно. Такой процесс был бы совершенно односторонним. Имеющееся излучение не обладало бы длиной волны, способной заставить работать атомный автомат, так что атомы, не поглощая энергии окружающего излучения, переходили бы в состояние с меньшей энергией, если такое состояние существует. Они постоянно превращали бы свою массу в излучение, в то время как обратное превращение излучения в массу не могло бы происходить. Для полноты картины в таблицу были включены многие другие явления, исследованные не так давно, к которым мы сейчас и обратимся.

Уничтожение материи.

Каждый квадратный сантиметр поверхности солнца излучает в пространство 1.500 калорий в секунду. Отсюда можно вычислить, что масса солнца за каждую минуту уменьшается на 250.000.000 тонн. В то время, как поток массы с поверхности земли эквивалентен потоку воды из крана, поток массы с поверхности солнца в 150 раз превышает поток воды в Ниагаре. Многие звезды теряют свою массу еще быстрее; например. S. Doradus дает поток, равный 45 миллионам Ниагар. Потеря массы землей легко может быть об'яснена радиоактивным распадом; но этот распад совершенно не может об'яснить громадной потери массы, испытываемой солнцем. Кроме того, масса земли может пополняться падением метеоров или космической пылью, тогда как источника, который мог бы заметно повлиять на увеличение массы солнца или звезд, никто не может указать. Вполне вероятно, что солнце теряло свою массу с такой же или с еще большей скоростью во все время своего существования, длящегося уже миллион миллионов лет. Действительно, ряд свидетельств в астрономии приводит почти с достоверностью к тому выводу, что молодые звезды излучают более энергично, чем старые. Если принять это во внимание, то окажется, что в течение своей жизни солнце потеряло гораздо больше массы, чем оно имеет сейчас. При своем возникновении оно было гораздо более массивным, чем теперь, и от каждой первоначальной тонны осталось только несколько сотых. Так как ни одно из известных нам радиоактивных превращений не может привести к такой потере массы, то нам приходится предположить, что причиной

Таблица 3.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЗЛУЧЕНИЯ.

Длины волн (в см.)	Природа излучения	Действие на атом	Температура в абс. гр.	Где имеются
От 7500×10^{-8} до 3750×10^{-8}	Видимый свет	Возмущение наружных электронов . .	От 3850 до 7700	Звездные атмосферы
От 250×10^{-8} до 10^{-8} . . .	X-лучи	Возмущение внутренних электронов . .	От 115000 до 29000000	Внутренность звезд
От 5×10^{-9} до 10^{-9} . . .	Мягкие γ-лучи	Отделение всех или почти всех электронов	От 58000000 до 290000000	Центральные области пылких звезд
4×10^{-10} . .	γ-лучи радия B	Нарушение структуры ядра.	720000000	?
5×10^{-11} . .	Жесткие γ-лучи	—	5800000000	—
$4{,}5\times10^{-12}$ . .	?	Образование атома гелия из водорода .	64000000000	—
2×10^{-12} . .	Высокопроникающее излучение	Распадение ядер . . .	150000000000	—
$1{,}3\times10^{-13}$ . .	?	Уничтожение или созидание протонов и электронов . . .	2200000000000	—

солнечного излучения является другой, еще более фундаментальный процесс. Из каждой тысячи атомов, которые содержало солнце при своем возникновении, осталось теперь всего несколько десятков; остальные исчезли, превратив свои массы в излучение. Это превращение атомов в излучение, хотя и неизвестное в земной физике, безусловно является одним из основных физических процессов во вселенной.

Вселенная как тепловая машина.

Общая термодинамическая теория приводит к выводу, что каждая замкнутая система стремится к конечному состоянию, характеризуемому максимом энтропии. На каждой последующей ступени ее развития энтропия, выражаясь статистически, делается больше, чем на «предыдущей». При вычислении энтропии, классическая термодинамика считала химические атомы неделимыми, неразрушимыми и неизменяемыми. Система состояла просто из неизменных атомов и излучения, при чем максимум энтропии достигался при таком распределении энергии между кинетической и потенциальной энергией атомов и энергией заполняющего пространство излучения, что всякое перераспределение ее не делало энтропию большей. Современная наука показывает, что такая термодинамическая схема является совершенно непригодной. Поскольку атомы не являются последними неразрушимыми кирпичами вселенной, они могут не только изменяться, но и совершенно разрушаться. Не только их ядра могут терять сопровождающие их электроны, но и сами ядра могут распадаться на простейшие и растворяться в излучении. Далее, энергия может принимать самые разнообразные формы: она может быть поглощена или преобразована при перестройке электронных орбит, при распаде атомов, при перестройке атомных ядер и превращении элементов; она может выделяться при уничтожении материи. Ни энергия, ни масса в отдельности не постоянны; законы их сохранения исчезли из физики. Постоянна лишь известного рода сумма их.

Конец вселенной.

Конечное состояние вселенной должно быть таким, чтобы энтропия не могла возрастать даже при преобразовании элементов или превращении атомов в излучение. Его можно было бы найти, имея под руками новую и расширенную схему термодинамики. В настоящее время борются две такие схемы. Статистика Бозе-Эйнштейна приводит к одним результатам, статистика Дирака-Ферми—к другим (эти результаты были получены Иорданом). Однако в одном предельном случае обе схемы приводят к одинаковым результатам. Замечательно, что этот предельный случай весьма близок действительному состоянию вселенной в целом. Он соответствует пространству, почти совершенно лишенному материи. Это определение является, конечно, бессмысленным, пока не найдена какая-нибудь общая мерка для сравнения количества материи с об'емом пространства. Если считать мерой количества материи об'ем занятого им пространства, то понятие «пустоты пространства» сделается тривиальным и с точки зрения физики, и, с точки зрения астрономии. Здесь дело, однако, не сводится к одной только вышеуказанной «пустоте» атомов. Hubble показал, что если бы вся материя на расстоянии 100 миллионов световых лет от солнца была равномерно распределена по пространству, то средняя плотность ее на кубический сантиметр была бы равна 10^{-31} гр., так что даже сами «пустые» атомы отстояли бы друг от друга на расстоянии, во много тысяч миллионов раз превышающие их в диаметре.

Эту пустоту пространства можно выразить более общим образом. Энергия, освобождающаяся при уничтожении 1 гр. материи, равна C^2, т.-е. 9.10^{20} эрг., так что полное уничтожение всей материи вселенной при средней плотности в 10^{-31} гр. на кубический сантим. дало бы среднюю плотность энергии 9.10^{-11} эрг. в ст.^{3}, т.-е. повысило бы температуру пространства с абсолютного нуля до 10 абс. гр. Пустота пространства характеризуется ничтожностью этой температуры по сравнению с теми температурами, которые, согласно таблицы 3, требуются для существования атомных и субатомных превращений. Если пренебречь 10 гр. по сравнению с теми 2.200.000.000.000 гр., которые соответствуют уничтожению или возникновению электронов и протонов, то различные схемы статистической механики приведут к одним и тем же результатам относительно числа протонов и электронов, оставшихся нерастворенными в излучении. Независимо от размеров вселенной, доминирующим фактором в этом выражении является величина mc^2/RT, так как показателем степени здесь является только что рассмотренное отношение температур, то это число ничтожно мало. Таким образом, в состоянии максимальной энтропии все атомы являются растворенными в излучении; по крайней мере все, которые способны растворяться. Этот вывод, мне кажется, является совершенно независимым от выбора той или иной схемы статистической механики. Факт пустоты пространства можно выразить, сказав, что протяженность пространства громадна: с точки зрения помещения для энергии пространство является бездонной бочкой.

По терминологии старой механики пространство обладает таким большим числом степеней свободы, что пока энергия сосредоточена в материи, термодинамическое равновесие не может иметь место. На более современном языке можно сказать, что количество фазовых ячеек, соответствующих одному излучению, настолько велико, что шансы энергии попасть в другую ячейку практически исчезают.

Тот путь, по которому вселенная приходит к конечному состоянию, показана на таблице 3. Ее последний столбец заполнен только сверху: температуры, необходимые для существования процессов, упомянутые в нижней части таблицы, настолько высоки, что не могли быть нигде обнаружены. Поэтому эти последние процессы могут иметь только самопроизвольный характер; они не поддаются влиянию встречающихся температур и не поглощают излучения. Таким образом, превращение «массаизлучение» встречается повсюду, а обратное превращение—нигде. Материя не может возникать из излучения, и разрушенные радиоактивные атомы не могут восстановиться. Машина вселенной постепенно ломается, трескается и разрушается, и реконструкция ее невозможна.

Второй закон термодинамики заставляет вселенную двигаться все время в одном направлении по дороге, которая приводит к смерти и уничтожению.

Возникновение вселенной.

Конец этого пути легче определить, чем его начало. Ясно, что атомы, уничтожение которых дает свет и тепло звезд, не могли все время существовать как атомы; они должны были когда-то возникнуть. Когда-то должно было происходить событие, или ряд событий, или постоянный процесс возникновения материи. Если хотеть дать этому возникновению реальное об'яснение, то можно представить себе, что когда-то в пустом пространстве существовала лучистая энергия, с длиной волны меньшей, чем $1{,}3.10^{-13}$ сант., такое излучение могло бы кристаллизоваться в электроны и протоны и создавать таким путем атомы. Если хотеть иметь конкретную картину, то можно представить себе палец бога, вызывающий колебания эфира. Такой грубой образности можно избежать, рассматривая пространство, время и материю как единую неразрывную систему, так что бессмысленно говорить о существовании времени и пространства до существования материи. Такая точка зрения согласуется не только со старой метафизикой, но и с современной теорией относительности. Вселенная становится конечным образованием, размеры которого конечны и в пространстве, и во времени. Протоны и электроны представляют собой изображение этой картины на пространственно временной декорации. Изучая прошедшее вселенной, мы можем дойти не до создания картины, а только до ее краев, происхождение ее останется для нас невыясненным. С такой точки зрения попытки об'яснить возникновение вселенной в терминах пространства и времени похожи на попытки определить, как была создана картина путем изучения ее рамок. Мы подходим, таким образом, близко к тем философским системам, которые смотрят на вселенную, как на мысль в мозгу создателя, и тем самым снимают всякий вопрос ее возникновения.

Атомные преобразования.

Преобразование урана в свинец и гелий связано с потерей энергии; однако в легких атомах изменение энергии идет в обратном направлении. 4 атома водорода обладают бо̀льшей массой,—а следовательно, и энергией,—чем один атом гелия. Поэтому гелий не может самопроизвольно распасться на водород, а, наоборот, 4 атома водорода могут самопроизвольно соединиться в атом гелия. Этот процесс может быть только самопроизвольным, поскольку требующаяся для него температура в 64.000.000.000 гр. выше, чем все встречающиеся во вселенной температуры. Происходит ли этот процесс в действительности,—пока окончательно не установлено. Милликэн одно время предложил считать его причиной возникновения высокопроникающего излучения, бомбардирующего землю извне, но последние наблюдения отвергают эту интерпретацию,—наблюденная длина волны короче вычисленной, так что приходится признать, что проникающее излучение возникает при каком-то процессе, еще более фундаментальном, чем превращение водорода в гелий. Я думаю, что этим процессом может служить только полное исчезновение материи. Милликэн недавно выдвинул гипотезу, что причину возникновения этого излучения нужно искать в соединении протонов и электронов и в образовании атомов вне звездных пространств. Так как совокупность противоположно заряженных частиц не может долго оставаться неизменной, то он постулирует, что протоны и электроны постоянно возникают из излучения звезд; материя постоянно уничтожается внутри звезд и воссоздается вне их. Таким образом получается циклическая вселенная, которая может жить вечно. Существование ее противоречит 2-му принципу термодинамики. Мир, который не находится в состоянии максимума энтропии, с неизбежностью движется в сторону роста энтропии, и поэтому не может быть циклическим, тот же, который достиг этого состояния с макроскопической точки зрения, является мертвым. Легко обнаружить и тот пункт, в котором концепция Милликэна вступает в противоречие со 2-м принципом,—нельзя себе представить, чтобы протоны и электроны превращались в излучение при высокой температуре, а обратный процесс шел бы при низкой температуре.

Некоторые могут считать это обстоятельство роковым для излагаемой гипотезы. До сих пор все наши рассмотрения основывались на том, что законы физики остаются справедливыми и при громадных температурах, в условиях, лежащих вне нашего опыта. Поэтому все наши выводы падают, как только мы предположим, что основные законы, управляющие материей в небесном пространстве, отличаются от основных законов на земле. Однако трудно допустить, чтоб такие простые и основные принципы физики,—как 2-й закон термодинамики и основные положения теории квант, были не применимы за пределами наших лабораторий. Путь научного процесса должен, по всей вероятности, заключаться в выяснении тех последствий, которые влечет за собой универсальная применимость этих законов и в сравнении этих следствий с астрономическими наблюдениями. На основании имеющихся у нас теперь данных мы можем сказать, что астрономия не опровергает эти принципы, а скорее подтверждает их.

Если отвлечься от электронных перескоков, основные внутриатомные изменения связаны с переходом к состояниям с низшей энергией. Согласно классической электродинамике, электрон, описывающий круговую орбиту радиуса r вокруг заряда E, теряет каждую секунду энергию $^3/_2 E^2 a^2 c/r^4$ (формула Лармора). Эта потеря энергии вызывает уменьшение r и неизбежное сближение зарядов друг с другом. В квантовой механике это постепенное сближение заменяется множеством внезапных скачков, но, согласно принципу соответствия Бора, общая скорость падения,—по крайней мере, в случае больших орбитных,—остается в среднем такой же, как в классической электродинамике. Иначе говоря, сумма радиусов всех орбит в атомах уменьшается благодаря перескокам так же, как если бы были справедливы законы старой механики. Скачкообразная потеря энергии является естественным

перенесением на язык квант классической формулы Лармора. Если бы этой потери не было, атомы совершали бы вечное движение, запрещаемое формулой Лармора. Сперва казалось, что квантовая теория снимает это запрещение и восстанавливает атом как perpetuum mobile. Но знаменитая работа Эйнштейна в 1917 году показала, что в квантовой теории вечное движение невозможно и что спонтанная потеря энергии необходима для вывода Планковской формулы черного излучения. Таким образом, вечное движение снова исчезло из физики и в квантовой теории, как и в классической, всякая машина, рано или поздно останавливается. Причину этого в свое время называли взаимодействием между материей и эфиром. При этом остается, однако, одно исключение. Классическая электродинамика совершенно исключала возможность вечных двигателей. Новая физика тоже делает это, и оставляет в виде исключения атомы с наименьшей величиной энергии,—они могут существовать вечно, так как неспособны дальше терять энергию.

Является ли это противоречие действительным или только кажущимся? В известном смысле можно сказать, что достигается состояние с еще меньшей энергией, когда электрические заряды, например, в атоме водорода, сталкиваются друг с другом и растворяются в излучении. Таким образом, вечное движение можно окончательно изгнать из наук, если предположить, что, рано или поздно, каждый водородный атом превращается в излучение. Этот процесс является одним из основных физических процессов во вселенной.

Если такой процесс растворения действительно представляет собой механизм превращения материи в излучение, то ясно, что свободные ядра и электроны не могут уничтожаться. Такое предположение подтверждается тем обстоятельством, что «white dwarf» звезды, в которых почти все атомы совершенно расщеплены на ядра и электроны, дают очень слабое излучение. Если бы наша гипотеза окончательно подтвердилась, то все физические процессы во вселенной подошли бы под одну общую схему, и искра, даваемая радием в спинтарископе, символизировала бы для всех нас всю физику вселенной.

Полезная энергия[1]).

Р. Милликэн.

Астрономия часто считается наиболее бесполезной из наук. Таковой она является с точки зрения человека, горизонт которого весьма ограничен. 90% человечества состоит из таких людей. Но для другой части человечества, которая сумела подняться над мировоззрением крота, которая достаточно изучила прошлое, поняла настоящее и приобрела трехсотлетний горизонт, для всех таких людей указанное утверждение до смешного неправильно. Если полезность характеризуется только кормлением и одеванием ныне живущего поколения, тогда, конечно, имеются б е с п о л е з н ы е науки, и астрономия, возможно, одна из них. Но, опять-таки, если полезность определяется кормлением и одеванием десяти последовательных поколений, тогда, даже при таком узком мериле, вердикт истории определенно был бы тот, что астрономия одна из наиболее полезных из всех наук, более полезна, пожалуй, чем физика, химия, геология или техническая наука, и это по той простой причине, что без нее, вероятно, никогда не было бы ни современной физики, химии, геологии и технической науки. Исключите ее, и вы, вероятно, исключите вместе с ней развитие всей Галлилеевской и Ньютоновской механики; вы наверняка исключите открытие закона тяготения и все принципы небесной механики; по всей вероятности, вы исключите даже открытие законов силы и движения. Все эти открытия, которые явились результатом работы двух долгих столетий, XVII и XVIII, которые должны были сотворить даже новую математику, чтобы иметь возможность взяться за новую группу физических идей,—все эти открытия составили необходимое основание для венчающего достижения XIX столетия, а именно: п р и л о ж е н и я э т и х с а м ы х з а к о н о в к р а з в и т и ю з е м н о й м е х а н и к и, достижения, из которого выросла бо́льшая часть, если не все, отличительные черты современной цивилизации. Полезность может быть правильно определена только, как все то, что содействует более красивой, полной, богатой, разумной и более удовлетворяющей жизни человечества в целом, и едва ли имеется частичка познания внешнего мира или самого человека, которая не способствует этой цели. Некоторые из наиболее полезных открытий привлекают к себе внимание, главным образом, не тем, что показывают, как урожай бобов или капусты на акр может быть удвоен, но, скорее, тем, что предотвращают человечество от растраты своей драгоценной энергии на бесполезные предприятия, такие, напр., как Вавилонская башня. Всякое знание, которое способствует пониманию природы мира, частью которого мы являемся, полезно, и нам нужно его гораздо больше, чем мы теперь имеем и будем иметь на протяжении предстоящих столетий; его нам необходимо для того, чтобы получить возможность направить нашу энергию к разумной, эффектной жизни, вместо растрачивания ее на пустяки, изобретение вечных двигателей или в погоне за призрачным. «Копейка сбереженная—это копейка заработанная», и это справедливо как в отношении человеческой энергии, так и домашней экономии. Бедствия, которые могут постигнуть человечество просто благодаря ошибочной концепции природы мира, хорошо иллюстрируются перечнем историче-

[1]) Настоящая статья Милликэна взята из сентябрьского номера журнала «Science» (№ 1761) и представляет речь, произнесенную автором перед Обществом химической индустрии. *Рде.*

ских несчастий, которые постигли землю в год 1000 н. э. благодаря широко распространенному поверию, что конец мира должен был притти именно в это время. Последние точные измерения свинца, содержащегося в уране из Блэк-Хилля и точного атомного веса этого свинца обычно не считается великим техническим предприятием или достижением, чреватым важными полезными результатами. Но, я осмеливаюсь утверждать, что познание,—в результате этого и подобных экспериментов, благодаря которым нам удалось установить, что этот мир уже прожил жизнь по крайней мере в миллиард лет и что человек, по всей вероятности, имеет впереди себя еще миллиард лет, в течение которых имеется возможность для него научиться жить по меньшей мере «миллион раз более разумно», чем он живет теперь,—может иметь, в конечном счете, гораздо бо́льшее влияние на человеческое поведение, чем изобретение аэроплана и радио, как бы они важны и в высшей мере полезны ни были. Также и открытие второго закона термодинамики было, пожалуй, более полезно в предотвращении бесполезных усилий,—несмотря на легион чудаков «вечного движения», которые и поныне наводняют все физические лаборатории, чем улучшения действия теплового двигателя. Указанные соображения составляют мой аргумент за уместность представления Обществу химической промышленности некоторых открытий, которые до сих пор не назывались «полезными», но которые, если взяты вместе и правильно истолкованы, как надеюсь в данном случае, могут установить важный и постоянно светящийся маяк для указания человечеству пути прогресса, даже индустриального прогресса. Четыре недавних открытия в области чистой науки, которые я в данном случае постараюсь представить, следующие: 1) открытие соотношения между массой и энергией; 2) открытие методов очень точных определений атомного веса; 3) открытие космических лучей и 4) открытие теории относительности—квантовой механики. Может показаться на первый взгляд, для среднего приверженца Ал. Смита [1]), что я взял большой заказ,—но, прошу, не торопитесь со своим суждением. Первое из этих четырех очень недавних открытий было определено Эйнштейном в своей общей форме уравнением $mc^2 = E$, в котором m представляет массу в граммах, c — скорость света и E — энергию в эргах, как одно из наиболее важных следствий специальной теории относительности (1905); но оно было экспериментально установлено для специальных целей и до Эйнштейна, а именно в 1901 и 1902 гг. измерениями Кауфмана изменения массы электрона с его кинетической энергией и так же было установлено Лоренцом, как теоретическое следствие теории об электромагнитном происхождении массы. Это уравнение поэтому может быть принято, как надежное, практическое руководство даже теми, которые надеются, что специальная теория относительности может оказаться в конце концов заключающей в себе какую-либо второстепенную погрешность.

Опыт Майкельсона-Морлея был, конечно, достаточно проверен, чтобы установить тот факт, что она (теория относительности) не имеет в себе неопределенность первостепенной важности. Второе из вышеназванных открытий принадлежит, главным образом, Астону из Кэмбриджского университета в Англии, который летом 1927 года установил экспериментальным путем определенное соотношение, представленное плавной кривой, между атомным весом элементов и массой положительного электричества, как это имеет место в ядре каждого данного атома. Отношение этого чистого эмпирического соотношения к излагаемому здесь вопросу, насколько я знаю, никогда раньше не было указано во всяком случае количественным способом, кроме как в самых недавних работах Камерона и моих, наиболее полные и важные из которых должны появиться в октябрьском номере «The

[1]) Кандидат в президенты Соединенных Штатов. *Ф. Г.*

Physical Review». То, на чем мы делаем ударение, это: если эта плавная экспериментальная кривая может быть взята как надежное руководство, тогда, соединяя ее с уравнением Эйнштейна, мы можем тотчас же сделать очень важные выводы насчет возможных источников существующей энергии. Первое заключение, которое мы делаем, это то, что процесс радиоактивного распадения с выбрасыванием α-частицы, есть процесс, который может иметь место только в отношении очень немногих из очень тяжелых и редких элементов. Ибо радиоактивность есть теплоиспускающий, т.-е. экзотермический, процесс, иначе она, конечно, не могла бы иметь место по своему собственному почину. Уравнение Эйнштейна показывает, что никакой энерго-испускающий или экзотермический процесс не может иметь место без того, чтобы общая масса всех составных частей после изменения не была бы меньше, чем общая масса до изменения, — что равноценная масса всегда должна исчезнуть для того, чтобы другие виды энергии могли появиться. Но соотношение этих масс до и после любого гипотетического изменения, это как раз то, что дается кривой Астона, которая показывает, что не может быть элемента с атомным весом менее, скажем, 100, который бы не распадался с выбрасыванием α-частицы и излучением энергии.

И все же более чем 99% всей материи состоит из этих атомов с атомным весом менее 100. Поэтому радиоактивность с выбрасыванием α-частиц, даже очень слабой энергии, не есть общее свойство материи, как многие из нас в прошлом думали. Под стимулом открытия громадных количеств энергии, испускающейся при распадении урана и тория, мы часто воображали и иногда неосторожно утверждали, что могут быть подобные же количества возможной энергии, заключенные в обычных элементах, могущие, возможно, быть освобожденными, если заставить их распадаться, как это самопроизвольно делают уран и торий.

И инженеры, и физики, и широкая публика в одинаковой мере развязно говорили насчет «использования этого источника энергии, когда исчезнет уголь». Так наз. гуманисты и проповедники возврата к блаженству донаучного периода рисовали ученого, неосторожно играющего, наподобие непослушного мальчика, с этими громадными запасами субатомной энергии и в один прекрасный день, отпустив заряд, взрывающим наш комфортабельный земной шар вдребезги. Но природа или бог, какой из этих терминов мы предпочитаете, не были лишены сознания разумности введения в машину некоторых предохраняющих особенностей. Если уравнение Эйнштейна и кривая Астона даже приблизительно точны, в чем я уверен, ибо доктор Камерон и я вычислили при их помощи максимальную энергию, излучаемую при радиоактивном превращении, и нашли, что это точно совпадает с наблюдениями, — тогда это предположение насчет излучения энергии при разложении простых элементов или детская утопия, или глупая болтовня. Ибо подавляющее большинство элементов, таких, которые составляют основную массу нашего мира, находятся уже в состоянии своей максимальной устойчивости. У них нет энергии, чтобы отдавать ее в процессе разложения. Они могут быть разложены только от применения к ним силы или при снабжении их энергией. Человек может, пожалуй, научиться разлагать их, но он всегда будет это делать «в поте лица своего». Но, избавившись таким образом от процесса атомного разложения и найдя его совершенно недостаточным как источник возможной энергии, так как радиоактивные элементы являются в силу необходимости ничтожными по количеству, давайте теперь посмотрим, что можно узнать о процессе атомного строения как источника жизни. Здесь уравнение Эйнштейна, кривая Астона и третье из вышеуказанных открытий в чистой науке, а именно, недавние эксперименты

с космическими лучами, бросили сейчас поток света на процессы, происходящие в мире, в котором мы живем. Ибо, во-первых, доктор Камерон и я нашли недавно три определенные полосы или частоты космических лучей с проникающей силой или лучистой энергией, соответственно в 12, 50 и 100 раз больше максимальной возможной энергии, которая получается или может быть получена при любом радиоактивном процессе. Полоса наибольшей частоты имеет такую огромную проникающую силу, что она проходит через воду толщиною в 200 футов или 18 футов свинца, прежде чем она полностью поглощается, в то время как 2 или 3 дюйма свинца поглощают самые жесткие гамма-лучи. Открытие полосной структуры космических лучей показывает, что эти лучи не происходят как X-лучи от столкновения с атомами материи электронов, которые при падении сквозь мощные электрические поля приобрели большие скорости, как мы ранее намечали,—поля, потребные, чтобы произвести частоты такой же высоты, как в наивысших наблюдаемых космических лучах должны быть равны 216.000.000 вольт,—а что они скорее порождаются определенными и постоянно повторяющимися атомными изменениями, сопровождающимися гораздо бо́льшими энергетическими изменениями, чем те, которые имеют место при радиоактивных процессах. С уравнением Эйнштейна и кривой Астона, взятыми как руководство, нет возможности указать атомные превращения, способные дать лучи громадной проникающей силы, которую мы наблюдали,—за исключением тех, которые соответствуют построению или созданию таких часто встречающихся элементов как гелий, кислород, кремний и железо—из водорода, или, возможно, в отношении последних двух элементов, из гелия. Полное уничтожение водорода от полного совпадения его протона и электрона было намечено как забавочная возможность, но в данном случае может быть отстранена по двум причинам. Первая—это то, что для подобного излучения не имеется места в наблюденной космической кривой, а вторая—та, что это излучение, если бы оно существовало, необходимо было бы однородным и никоим образом не показывало бы полосную структуру, имеющуюся в наблюденных космических лучах. Так что одним этим процессом исключения мы пришли к довольно определенному доказательству того, что наблюденные космические лучи являются сигналами, оповещающими в небесном пространстве рождения простых элементов из протонов и электронов. Но именно здесь четвертое из вышеупомянутых открытий в чистейшей из чистых наук ввязывается в практическую картину. Такие мудреные вещи, как релятивная квантовая механика и новая волновая механика, в которые Дирак внес ценнейшие вклады,—они в конце концов соприкасаются с жизнью? Ответ был дан очень скоро. Доктор Камерон и я измерили достаточно аккуратно коэффициент поглощения наших трех выдающихся полос космических лучей. Не руководствуясь никакой теорией, мы нашли значения: μ — 0,35, μ — 0,08, μ — 0,04, где «μ» означает коэффициент поглощения на метр воды. Формула Дирака релятивной квантовой механики, дающая количественное соотношение между коэффициентом поглощения и частотой или энергией, эта формула, будучи расширенной и поправкой к формуле первоначально выработанной с законченным мастерством Комптоном из Чикаго, получившим в прошлом году Нобелевскую премию, дает нам возможность точно вычислить по уравнению Эйнштейна и кривой Астона, какими должны быть коэффициенты поглощения или проникающие силы эфирных волн, порожденных актом создания простых элементов из разрозненных протонов и электронов. Прежде, чем представить эти вычисления, разрешите несколько сказать о них.

Интересный и очень важный факт, также с практической точки зрения, это то, что более чем 95 проц., нашей вселенной, насколько мы можем судить, состоит из очень немногих элементов.

Первое. Спектроскопия неба показывает огромное преобладание повсюду водорода, но водород—это просто первичные протоны и электроны, связанные вместе.

Второе. Спектроскопия неба также показывает, что гелий—исключительно широко распространенный элемент, хотя, благодаря своей легкости и неспособности соединяться с чем-либо, даже с собой,—земля его сохранила в небольшом количестве. Знаменательно, однако, что α-частицы, выбрасываемые всеми тяжелыми радиоактивными элементами, не что иное, как гелий, так что он должен иметь известное преобладание даже на земле в структуре более тяжелых элементов.

Третье. Доктор Боун в Калифорнийском институте недавно показал, что небулий, также изобилующий почти всюду в небе, не что иное, как кислород и азот, в то время как один кислород составляет 55% земной коры и около этой же пропорции метеоритов. Таким образом кислород и азот, которые для нашей настоящей цели будут рассматриваться как один элемент, так как они имеют почти одинаковый атомный вес, и будут отныне обозначаться под названием более сильного брата,—составляют третий чрезвычайно изобилующий элемент, и должно быть отмечено, что между гелием и кислородом совершенно нет изобилующих элементов. Углерод имеет некоторое меньшее преобладание, но, благодаря своей близости по атомному весу к азоту и кислороду, он может рассматриваться здесь только как слабый спутник кислорода.

Четвертое. 95% веса всех метеоритов состоит из кислорода (54%), магния (13%), кремния (15%), железа (13%); в то же время 76% всей земной коры состоит из трех элементов: кислорода (55%), кремния (16%) и аллюминия (5%) и никакой другой элемент не поднимается выше 2%. Железо составляет 1,5% коры, но предполагается, что оно, главным образом, представлено внутри. Благодаря близости по своему атомному весу, магний, аллюминий и кремний (24, 27, 28) могут для нашей настоящей цели рассматриваться как один элемент и итти под именем наиболее сильного брата, кремния. Тогда ни между кислородом и кремнием, ни между кремнием и железом (атомный вес 56) не существует каких бы то ни было изобилующих элементов, и с технической точки зрения можно сказать, что вселенная состоит из первичных протонов и электронов и из четырех элементов, созданных из них, а именно: гелия, кислорода, кремня и железа.

Разрешите мне теперь отступить от своей темы «полезная энергия» только настолько, чтобы указать практическую значимость вышеприведенных фактов. Человечество, если оно будет здесь через миллиард лет, будет удовлетворять свои основные потребности, как оно удовлетворяет их теперь, четырьмя элементами: водородом, кислородом, кремнием и железом, иначе говоря, водой, воздухом, землей и «Fe», где последний символ означает скорее железо, чем огонь, который был четвертой составной частью мира древних. Эти основные факты могут когда-нибудь помочь стабилизировать биржевые сделки. Аллюминий мог бы когда-нибудь конкурировать с железом в полезности, если бы легкость была желаемым качеством для основных строительных целей. Прогресс науки и изобретения и в биллион лет, вероятно, не выставят из дела предприятия, занятые в железной и стальной промышленности. Но моя сегодняшняя тема—не имеющиеся материалы, а полезная энергия. Уравнение Эйнштейна и кривая Астона тогда дали возмож-

ность доктору Камерону и мне вычислить энергию, испускаемую эфирными сигналами, исходящими от созидания, в одиночных, изолированных актах гелия, кислорода, кремния и железа, а затем формула Дирака сделала для нас возможным вычислить коэффициенты поглощения соответствующих космических лучей. Теоретические значения коэффициентов поглощения, соответствующие первым трем из этих созидательных актов, выразились следующим образом: $\mu = 0{,}30$, $\mu = 0{,}08$, $\mu = 0{,}04$ по сравнению с ранее полученными и уже сообщенными, наблюдениями $\mu = 0{,}35$, $\mu = 0{,}0$ и $\mu = 0{,}04$. Это совпадение лучше, чем наша наблюдательская неопределенность, не оставляет у нас каких бы то ни было сомнений в том, что наблюденные нами космические лучи действительно суть первые выкрики новорожденных атомов гелия, кислорода и кремния. У нас есть некоторые слабые признаки того, что мы можем услышать писк новорожденного железа, однако определенно утверждать этого мы еще не можем. Но вопрос, который уже задают со всех сторон, это—«где эти атомо-созидательные процессы происходят?». И на этот вопрос, мы думаем, у нас имеется ответ. Это «совсем не в звездах», ибо высокие температуры и плотности, очевидно, враждебны, по крайней мере, созиданию вышеприведенных изобилующих элементов из первичных протонов и электронов. Построение же радиоактивных элементов, которое является эндотермическим или поглощающим энергию процессом, может, вероятно, иметь место и в звездах, где для этого имеется излишняя энергия. У нас нет никакого экспериментального свидетельства на этот счет. Но у нас есть великолепное, экспериментальное доказательство тому, что выше приведенные эндотермические процессы, которые порождают космические лучи, совершенно не имеют места в звездах. Подробное доказательство этому приведено в октябрьском выпуске «The Physical Review», но тот факт, что солнце, эта огромная горячая масса как раз «подле нашего носа», не имеет совершенно никакого влияния на интенсивность наблюденных космических лучей, ибо последние так же интенсивны в полночь, как и в полдень,—этот факт достаточен, чтобы показать, что эта-то звезда не является источником космических лучей. В виду того, однако, что эти лучи все же приходят к нам в течение всего времени и почти равномерно во всех направлениях, доктор Камерон и я не можем избегнуть заключения, что эти атомо-созидательные процессы, которые порождают наблюденные космические лучи, поощряются и действительно имеют свой источник в тех местах вселенной, где температуры и давления являются крайними в противоположном смысле, т.-е. где они близки к абсолютному нулю. Другими словами, мы думаем, что атомо-созидательные процессы, которые порождают наблюденные космические лучи, могут происходить только в условиях крайних температур и давления существующих в межзвездном или межмлечном пространстве. Теперь об'едините этот вывод с тем, к которому пришли такие астрономы, как Эддингтон и Джинс, которые не могут найти об'яснения бессметному количеству энергии, в течение миллиардов лет испускаемой солнцем и другими звездами, кроме как в предположении, что в условиях необычайной температуры и давления, существующих в их центрах или вблизи них, масса превращается целиком в излучение по причине полного совпадения протонов и электронов. Если это соображение правильно, а оно уже принадлежит к ортодоксальной астрономии, тогда, об'единяя его здесь представленными положениями о космических лучах, мы выявляем картину беспрерывного атомо-разлагающего процесса, имеющего место в крайних условиях, существующих внутри звезд, и атомо-созидательного процесса, происходящего в условиях как раз противоположного характера, существующих в межзвездном пространстве.

Разрешите проанализировать эти процессы несколько дальше. Процесс, в котором протоны и электроны под влиянием чрезвычайных температур и давлений, существующих внутри звезд, падают друг на друга, это—должно случаться только временами внутри очень тяжелых атомов, по мнению Джинса, тяжелейших, чем какие-либо из существующих на земле, должен во всяком случае, согласно уравнения Эйнштейна, быть таким, который порождает эфирную волну, в четыре раза более проникающую, чем самый проникающий луч, до сих пор наблюденный. Мы очень старательно искали космический луч такого порядка, но он определенно не показывается в наших кривых космических лучах. Этого мы, однако, должны ожидать, так как, согласно представлению творцов этой теории, он образуется только внутри звезд и поэтому спрятан позади непроницаемой завесы материи, которая целиком превращает его в тепло, прежде чем он оттуда выходит. В самом деле, в соответствии с теорией Джинса-Эддингтона, это только способ, каким насыщаются звездные печи, и все, что мы должны наблюдать, это—тепло и свет, которые они в результате излучают. Беспрерывная формация, однако, простых элементов в межзвездном пространстве недавно и непосредственно наблюденная при помощи излучаемых космических лучей, непреодолимо ставит вопрос: почему первичные протоны и электроны, которые являются строительными кирпичами этих простых атомов, не были давным давно использованы, ибо процесс этот происходит без сомнения в течение бесконечного времени.

И ответ, который доктор Камерон и я желаем предложить, состоит в том, что в глубине пространства, где мы действительно наблюдаем при помощи космических лучей, как беспрерывно образуются гелий, кислород и кремний из протонов и электронов, там, в условиях существующих нулевой температуры и давления, эти положительные и отрицательные электроны беспрерывно воссоздаются обратным превращением в них постоянно испускаемого из звезд в пространство излучения. При помощи этого предположения мы теперь имеем возможность смотреть на вселенную, как находящуюся в устойчивом состоянии, и можем также навсегда изгнать нигилистическую доктрину о «тепловой смерти» вселенной. Мы считаем наше предположение наименее радикальным и наиболее удовлетворительным из всех трех известных, из которых, во всяком случае, должен быть сделан выбор. 1) Первое из них — это предположение Джинса, что масса, т.-е. электрон (положительный и отрицательный одинаково), превратима в излучение, но что этот процесс нигде не является обратимым. Материя в конечном счете будет вся превращена, таким образом, в излучение, т.-е. попросту исчезнет. Недавнее утверждение Джинса гласит: «Таким образом, наблюдение и теория согласно указывают, что вселенная растворяется в излучении. Наше положение напоминает положение полярного медведя на айсберге, оторвавшемся от окружающих полос ледяных глыб и относимом к теплым широтам, где его ждет конечное уничтожение». Это старая гипотеза о «тепловой смерти». Она не противоречит никаким наблюденным фактам, и до появления Эйнштейна она была необходимым следствием второго закона терминодинамики, трактующего вселенную как замкнутую систему. Ученые, однако, всегда возражали, что такая трактовка представляет собой экстравагантную и незаконную экстраполяцию из нашего очень ограниченного мирского опыта: современные философы и богословы также возражали на том основании, что она опрокидывает доктрину имманентности (Immanence) и требует возвращения к средневековому предположению о Deus ex machina. Со времени появле-

ния Эйнштейна она встречает дальнейшее затруднение в том, что она вводит в современную терминодинамику один процесс,—превращение массы в излучение, который нарушает принцип «микро-обратимости», требующийся современным содержанием второго закона термодинамики.

2. Вторая возможная гипотеза, это—Штерна, Толмана и Цвики, согласно которой вышеприведенные процессы все везде обратимы. Эта гипотеза сохраняет второй закон нетронутым, включая и микрообратимость, отрицаемую предположением Джинса, но, насколько мы теперь можем видеть, она не избегает «тепловой смерти» и не поддерживается здесь представленным показанием, что атомно-созидательные процессы, которые порождают космические лучи, не везде, повидимому, имеют место, как, например, в звездах, но, очевидно, имеют место только в глубинах пространства.

3. Третья гипотеза, это—представленная здесь, она столь же радикальна, как и первая, но не более, в отрицании микро-обратимости. Однако она дает выход из «тепловой смерти», напрасно искомой и первой и второй гипотезами. Вместе с тем, она столь же радикальна, как и вторая, но не более, в предположении, что излучаемая энергия может где-то сгущаться в атомы, однако она в бо́льшем согласии с показаниями космических лучей, что атомо-порождающие процессы имеют, повидимому, место только в межзвездном пространстве. Но если выше развитая точка зрения правильна, то какие источники энергии имеются тогда для человека, к которым он сможет обратиться в течение следующего миллиарда лет своего существования? Ответ уже был дан, но он может быть повторен так:

1) Энергия, могущая быть получена от разложения радиоактивных или каких-либо других атомов, может быть, пожалуй, достаточна, чтобы поддерживать продавцов фисташек на углах нескольких улиц наших больших городов на протяжении еще долгого времени. И это все.

2) Энергия, которая может быть ему предоставлена от созидания простых элементов из огромного количества водорода, существующего в водах земли, могла бы быть почти безгранична, если бы эти атомо-созидательные процессы можно было бы заставить происходить на земле. Но указания космических лучей таковы, что эти атомо-созидательные процессы могут иметь место только в условиях температуры и давления, существующих в межзвездном пространстве. Поэтому нет даже отдаленной вероятности, что человек когда-либо сможет использовать этот источник энергии. Водород океанов, вероятно, никогда не будет превращен человеком в гелий, кислород, кремний и железо.

3) Энергия, снабжающая человека в прошлом, получалась целиком от солнца, и миллиард лет отныне он еще будет, я думаю, удовлетворять все свои нужды в свете, тепле и энергии всецело от солнца. Как наилучше использовать солнечную энергию,—этот вопрос не входит в задачу настоящего доклада. Этот предмет мастерски изложен в докладе [1]) Е. Слоссона под названием «The Coming of the New Age of Coal», доклад, к которому я отсылаю читателя за следующей главой о «полезной энергии». Настоящий доклад служит лишь введением к докладу доктора Слоссона.

4) Когда вся материя солнца целиком будет использована в топках, и топки эти совершенно погаснут, тогда, вероятно, будет уже другое солнце, так что на этой земле или на какой-либо другой земле (на какой именно, это—через миллиард лет—роли не играет) развитие человека сможет итти своим порядком.

---

[1]) Этот доклад напечатан в «Proccedings of the International Conference on Bitominous Coal», ноябрь, 15 + 18, 1928.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. ЭНГЕЛЬС. Положение рабочего класса в Англии в 1844 году. Вступительная статья и указатель проф. Е. Косьминского (Институт Маркса и Энгельса. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы, под общей редакцией Д. Рязанова. Выпуск III). Гос. Изд. М.—Л. 1928 г. Стр. 376.

В ноябре 1843 года в оуэнистском журнале «New Moral World» (Новый Нравственный Мир) напечатаны были под общим заглавием «Progress of social reform on the continent» (Прогресс движения за социальную реформу на континенте) две статьи Энгельса о социалистическом движении во Франции и в Германии и Швейцарии. В первой статье, посвященной Франции, Энгельс писал: «У англичан коммунистическое движение практически вытекло из быстрого роста в их стране нищеты, деморализации и пауперизма. Французы пришли к тому же учению политическим путем; так как они увидели, что их требования политической свободы и равенства сами по себе недостаточны, то они прибавили к ним требования социальной свободы и равенства. Наконец, немцы вышли на дорогу к коммунизму через философию, пробираясь к нему теоретическим путем [1]). Следовательно, в этих странах, в которых социализм имеет столь различное происхождение, должно существовать расхождение по второстепенным вопросам. И, однако, я надеюсь доказать, что это расхождение совсем не значительно и что оно отнюдь не может препятствовать доброму согласию между социальными реформаторами разных стран. Необходимо, чтобы они имели возможность взаимно узнавать друг друга. И если это будет достигнуто, то я не сомневаюсь, что каждый будет ощущать самое горячее пожелание успеха своим зарубежным коммунистическим братьям» (Цитирую по второму тому сочинений Маркса и Энгельса, изд. Института Маркса и Энгельса). Я привел эту длинную цитату затем, чтобы показать, что Энгельсом, ясно сознававшим различие идеологических корней утопического социализма в трех главных странах Европы, руководило стремление выявить в социалистических теориях то, что общезначимо, общеприложимо ко всем странам капиталистической Европы.

Энгельс был хорошо знаком с французским утопическим социализмом. Но, в отличие от Маркса [2]), у него преобладал уже и в этом периоде интерес к рабочему движению Аанглии. Англия привлекала его сугубое внимание четкостью своей классовой дифференциации, практической установкой борьбы рабочего класса, которую он изобразил затем в «Положении рабочего класса в Англии».

Для утопически-социалистической мысли характерно, что корни ее прочно сидят в родной почве страны, где она возникла. Проще: утопический социализм всегда страдал всеми недостатками национальной ограниченности. Правда, сен-

---

1) Схема эта заимствована у М. Гесса.

2) После того, как были закрыты «Немецкие Летописи» Руге, возник план (март 1843 г.) издавать «Немецко-Французские Летописи». «Название было предложено Марксом: это было бы принципом, крупным событием, чреватым последствиями, предприятием, которое вызвало бы энтузиазм» (Д. Рязанов. Очерки по истории марксизма. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 45 сл.).

симонисты, фурьеристы и оуэнисты стремились пересадить свои дедуктивно-рац
налистические построения и на своеобразную почву других стран. Но они не бы
в состоянии учитывать в каждом данном случае особенности среды, и их попы
ограничивались лишь поверхностно-идейным влиянием. Таков также план Фло
Тристан о создании «Всеобщего Союза рабочих и работниц» («Union univers
des ouvieres et ouvrières): он отличается идейной неопределенностью, органи
ционной неосуществимостью.

Вопреки мнению Энгельса, в его юношеской статье в «New Moral World»—т
ретическое расхождение утопически-социалистических систем Сен-Симона, Фур
Оуэна было довольно значительное. Французское подобие оуэнизма, кабэтизм, в
площает в себе идейную расплывчатость при отсутствии организационно-твор
ской расчетливости Оуэна. Невозможным оказалось также международное об'е
нение и в практически-организационной деятельности утопистов, в колонизац
хотя таковое об'единение и было в плане мертворожденной «Association of
classes of all nations» (Ассоциация всех классов всех наций).

Единство на первых порах теоретическое, а затем и практически-органи
ционное, рабочего движения Европы могло осуществиться лишь на основе по
жения о классовой борьбе пролетариата. Такова та реальная почва, общезначи
для всех стран факт, который делает социализм международной теорией.

В этой связи «Положение рабочего класса в Англии» является тем необход
мым звеном, которое составляет мост между социалистической мыслью Франц
Германии и Англии; в ней учтен опыт мысли и борьбы ряда поколений и д
синтез в формуле борьбы рабочего класса за социальную революцию, за соц
листическое переустройство современного общества.

«Положение рабочего класса в Англии» вышло весной 1845 г. Позд
(в 1887 г.) Энгельс озаглавил американское издание книги «Положение рабоч
класса в Англии в 1844 г.». Не желая «стирать печать юности» с работы, закл
чающей в себе «все достоинства и недостатки молодости автора», Энгельс тем
менее хотел отметить ситуацию близкой социальной революции (в Англии в 40-х г
прошлого столетия), которая наложила в известной мере печать на книгу, и по
черкнул новым заглавием исторический характер книги. Но Энгельс не прос
изображает положение рабочего класса, каким оно было в то время, он показыва
еще динамику развития рабочего класса в собственного (и всех угнетенных сло
общества) освободителя от капиталистического ига. Книга представляет поэто
огромный интерес в цепи формирования теории исторического материализма. Гла
книги, рисующие рабочее движение, дают мастерской анализ чартистского движен
показывают практически-обусловленную логическую необходимость перехода пр
данных рабочему классу главарей к коммунизму [1]). Заявление Энгельса, что «комм
низм является делом не одних рабочих, а всего человечества» (стр. 301), его вер
в коммунистов от философии, принципиально-логически примыкающих к комм
нистическому движению,—все это напоминает нам еще об Энгельсе левом гегел
янце, стоящем на почве «реального гуманизма».

Настоящее русское издание «Положения рабочего класса в Англии в 184
году» представляет первое академическое издание работы Энгельса. В период
1905—1906 гг. вышло несколько (четыре) изданий работы Энгельса. Из них нек

[1]) М. Бер (цитирую по русск. перев. «История социализма в Англии», ГИЗ, 1923—1927 гг.) приводит очень интересную передовую из «Pioner and official gazette» от 30 сентября 1834 г. Статья озаглавлена: «Размышления о возрастающем духе единения между рабочи всего мира». После длинных рассуждений в духе «естественного права» статья говорит: «Пр бивает себе путь новая система труда. Новый промышленный строй и борьба между классам представляют собою положительные признаки нарождающегося социального порядка». «Ка талистические иллюзии и заблуждения, стесняющие и сковывающие общественную жизн станут очевидными для всякого; возникнет и распространится новый род знания и свобод и все это по той единственной причине, что старый, проторенный путь мысли и действ стал слишком тесен для материального плодородия и механических завоеваний наступивш уже эпохи» (Том II, стр. 357 сл.).

торые не приводят обращения Энгельса к рабочему классу Англии, предисловий к американскому и немецкому изданиям, и самый перевод страдает недостатками. Настоящее издание дает тщательный перевод и снабжено статьей проф. Косьминского об источниках, которыми пользовался Энгельс, работая над книгой. В частности, автор статьи занимается также вопросом, поднятым Адлером и подхваченным анархистами (Prierre Ramus) о том, будто «Положение рабочего класса» Энгельса составляет просто лишь плагиат с работы Бюре (E. Buret. De la misère des classes laborieuses en Anglettere et en France etc., 2 vol., 1840). Ramus представляет себе дело очень просто: самый материал книги Энгельс списал у сисмондиста Бюре, а заглавие книги заимствовано у Карлейля. Эти остроумные упражнения Ramus, во-первых, показывают только, насколько он не в состоянии охватить содержание книги, посвященной не только бедственному положению рабочего класса Англии, но и вопросу о движущих силах социальной революции; во-вторых, как заметил уже по этому поводу Меринг (Neue Zeit, XX/1, № 15, Jannuar 1902), вопрос о заимствованиях есть, по существу, вопрос методологический, а анархисты неспособны понять процесс творческой мысли, как не понимают они и того, что общественное развитие не есть некий механический процесс индивидуально-произвольных актов.

М. Байч.

ПАРКЕР ТОМАС МУН. Империализм и мировая политика, Перевод Ст. Вольского. Предисловие Е. Пашуканиса. Гиз. Стр. 430.

В ряду книг, написанных буржуазными учеными об империализме, книга Паркера Томаса Муна имеет свои достоинства и недостатки. Если по свидетельству Муна «Империализм» Гобсона есть «классический обвинительный акт против империалистических доктрин и империалистической политики» (стр. 359), то достоинство книги Муна заключается в том, что «империализм и мировая политика» дополняет этот обвинительный акт богатейшим материалом истории колониальных завоеваний, сведенным воедино как в отношении того периода (конец XIX века), о котором писал Гобсон (книга вышла в 1902 г.), так и в отношении всего последующего времени вплоть до наших дней. Мун дает историю колониальных захватов, историю раздела мира, его передела в результате войны 1914—1918 гг., описывает новые формы захватов под прикрытием Лиги Наций и системы мандатов, описывает обостренную борьбу за рынки сбыта товаров, источники сырья, сферы приложения капитала, достигшую особой силы в наше время, и т. д. и т. п.

К недостаткам книги относится то, что, когда Мун переходит к осмыслению того, что он описывает, он становится совершенно беспомощным. В этом отношении он стоит несравненно ниже Гобсона, о работе которого еще Ленин говорил: «очень хорошее и обстоятельное описание экономических и политических особенностей империализма». Работа Муна не открывает никаких Америк в области конкретного описания фактов и представляет лишь добросовестную сводку в большей своей части довольно широко известных фактов колониальных захватов и закабалений, в той или иной мере описанных тем или иным автором. Попытки «цементирования» этой сводки теоретическим анализом, долженствующим показать необходимость и неизбежность колониальной экспансии капитализма, терпят явный крах. В этом отношении книга дает либо положения, взятые у Гобсона и разжиженные розовой водой пацифистской словоохотливости, либо противоречия мелкого буржуа, который после некоторого морального волнения по поводу колониальных зверств и жестокостей все же «на чьем возу сидит, тому песню поет». Например, он говорит: «Близорукий антагонизм и соперничество между империями должны заменяться международными соглашениями относительно контроля над сырьем» (стр. 421). «Если международное общественное мнение,— говорит Мун,— или... «международный дух»—будет продолжать развиваться так же, как он развивался за последние годы, то ему неизбежно придется атако-

вать могучие цитадели своекорыстного империализма. Вокруг этих цитадел висит дымовая завеса, скрывающая от глаз неприятеля факты и окружающ иллюзии заманчивым ореолом. Но это только туман, навеянный неосведомл ностью, устарелыми взглядами, предрассудками и сантиментальностью. Как тол туман рассеется, цитадели близорукости падут, и на их место человечеству, мо быть, удастся воздвигнуть здание, в котором национальный интерес будет ур щаться рядом с гуманным интернационализмом» (стр. 426).

Таков заключительный аккорд Муновской работы: гармония национальн интереса с гуманным интернационализмом. Такова проповедь любви и всеп щения Муна. Не цитадели империализма должны пасть, а цитадели близорукос империалистов, которые должны облагоразумиться и сговориться, чтобы жить м но и незлобиво.

Мир покоится на дружеских международных отношениях (стр. 420). Но, с скольку империализм пытается достичь монополии или сделать империю сам довлеющей» (стр. 420), он нарушает эти дружеские отношения. Не надо их нарушат

Такова философия Муна.

Вопреки многим буржуазным и даже небуржуазным авторам [1]), П. Т. М исторической датой империализма совершенно правильно считает 70—80-е год

После феодализма, говорит он, возникли национальные государства. Наци нальные государства «нуждались в сырье и рынках сбыта и стали постепен превращаться в нации-империи. Евангелие империализма, которое начало прои ведываться в 70—80-х годах прошлого столетия, в конце концов победило ми и империализм распространился по всему земному шару» (стр. 420). И тезис «империализм является наиболее крупным достижением и наиболее важной п блемой нашего времени»,—«корнем и основанием мировой политики» (стр. почти все без исключения международные союзы, соглашения, кризисы и войн теперь «являются только поверхностными проявлениями быстрого и глубок потока империализма» (стр. 1); и после войны 1914—1918 гг. и в настоящее вр «проблема империализма еще более обостряется, ибо бо́льшая часть отста стран, пригодных для колонизации, уже поделены» (стр. 2).

«Экономическая обстановка,—говорит П. Т. Мун,—для империализ теперь созрела: избыточные товары, паровой транспорт, сырье, избыточный ка тал. Но общая картина еще не полна, пока мы не включим в нее новую действу щую силу—новую доктрину политико-экономического национализма» (стр.

Что же, следовательно, такое империализм, если даже мобилизовать в полноты картины «экономический национализм»? Ответ: «империализм обозна господство е в р о п е й с к и х [2]) (курсив мой. *Ин. Б.*) наций над совершен различными от них неевропейскими туземными расами» (стр. 8).

---

[1]) См., напр., следующее определение левого социалиста Скотт Ниринга: «Империал говорит он,—не нов; он не ограничен одной нацией или расой. Наоборот, он так же стар, и история, и обширен, как мир. До Рима был Карфаген. До Карфагена—Греция, Македония, В пет, Ассирия, Китай. Где только есть запись истории,—там повествование об империи» («Аме канская империя», Гиз, 1926 г., стр. 9).

[2]) П. Т. Мун чрезвычайно близок к С.-А. С. Ш. и выгораживает их от европейск стран. Он говорит, напримеp: «Америка до сих пор еще не вполне усвоила европейский им риализм» (стр. 20). «...Америка все еще не усвоила себе политику открытого, вдохновля и агрессивного империализма, мечтающего о захвате колониальных владений во всем м стр. 21). Бедный американский империализм!

Скотт Ниринг показал в книгах: «Американская империя» (1926 г.) и «Дипло доллара» (1926 г.), что американский империализм вылился уже в целую американскую им рию». И сам П. Т. Мун достаточно красочно описывает колониальную экспансию Соедине Штатов в Мексике, Центральной и Латинской Америке,—«захватнический дух», «полити палки» и «дипломатию доллара» Соед. Штатов. Однако причина тут не в материальных ин ресах, а в национальной гордости» Соед. Штатов,—заключает Мун, пытаясь смягчить вл влекательную картину американской «политики палки».

И хотя национализм и империализм «кажутся совершенно противоположными, тем не менее последний является прямым порождением первого, ибо он выведен из него посредством теории экономического национализма или неомеркантилизма» (стр. 8).

Таким образом национальное государство перерождается в нацию-империю, а «экономический национализм» или «нео-меркантилизм» — в империализм. И все-таки мы не получаем ответа на вопрос, что такое империализм. И Мун, углубляя вопрос, говорит, что в той или иной стране, на почве «экономического национализма», возникает доктрина политико-экономического национализма, а на этой почве идея об империалистической доктрине (стр. 9), т.-е. господстве европейских стран над внеевропейскими туземными расами.

Таким образом империализм есть идея о «покоренных территориях» и «завоеванных внеевропейских народах», порождаемая избытками товаров, капиталов и национального тщеславия» (стр. 19).

Что смутно чувствует Мун, но чего не может он понять, когда оперирует доктриной «экономического национализма» и из нее выводит идею империализма и самый империализм, как он его понимает, так это вопрос о противоречии между развитием капиталистического способа производства и тесными рамками национально-государственных границ. О том, что производительные силы капитализма отдельных передовых капиталистических стран развиваются так, как если бы сферой их воспроизводства был весь мир. А так как в таких условиях каждая страна хочет проглотить в тенденции всякую другую страну, то одновременно с интернационализацией капиталистического развития (Мун называет это «гуманным интернационализмом») совершается процесс укрепления той национально-территориальной базы, откуда этот капитал распространяется. По Муну это есть «экономический национализм» или «нео-меркантилизм». Суть вопроса — в производственной структуре капитализма той или иной страны. Чем шире распространяется сфера воспроизводства капитализма данной страны, тем больше укрепляет он территорию того государства, откуда происходит, ибо ему приходится защищаться против такой же тенденции капитализма другой страны.

Мун чувствует связь между двумя этими противоречивыми процессами, но проникнуть в сущность их не может. Если бы он понял сущность вопроса, он не ограничивал бы захватническую политику капитализма только одними внеевропейскими туземными расами и не выгораживал бы Америку из банды империалистических стран, говоря, что она не такая, как другие империалистические страны и что, если она и угнетает колонии и латинские нации Южной Америки, то не из-за материальных интересов, а из-за национальной гордости, которая, однако, по Муну, тоже является «матерью империализма» (стр. 346).

Он тогда видел бы, что европеец или американец берет на себя «бремя белого человека» не только в деле управления отсталыми внеевропейскими расами, но и в деле эксплоатации и подчинения цивилизованных европейских народов. Он не об'яснял бы тогда сохранность европейских мелких государств тем, что они «хорошо управлялись». Однако бьющие в глаза факты таковы, что П. Т. Мун не может и здесь не отметить их, хотя об'яснить их он не в состоянии. И он признает, что «за последнее время ясно обозначились тенденции к империалистическому захвату некоторых областей Европы» (стр. 347). Речь идет о захвате частей территории Германии, о полуколониальном зависимом положении стран Малой Антанты, Польши и др. Речь идет о таких вещах, как «французский экономический империализм... через посредство польского национализма, на свою железную руку... надел польскую перчатку» (стр. 353).

Однако П. Т. Мун исходил в империализме не из внутренних движущих моментов того способа производства, который составляет внутреннюю структуру его и который заставляет то или иное государство захватывать территории и народы независимо от цвета населения, а из об'ектов господства. Отсюда и мно-

жественность империализмов, смотря по тому, что захватывается, в отношении какого об'екта захватническая идея империализма осуществляется.

Если об'ектом экспансии капитализма империалистической страны являются, скажем, концессии в СССР, то это есть «концессионный империализм» (стр. 353). Если имеется в виду аннексия территории, скажем, Турции, то мы имеем «аннексионистский империализм» (стр. 359). Если об'ект капиталистической экспансии постройка фабрик в колониях это—«инвесторский империализм», «экономический империализм» (стр. 353, 411). Далее, «сырьевой империализм», «монополистический империализм», «старый», «новый», «красный» и т. д. и т. п.

Мун в множественности прилагаемых к слову «империализм» куда перенял Гобсона, который употребляет их значительно меньше («агрессивный», «интенсивный», «экстенсивный») или Сейера, у которого, кто ведет борьбу за условия существования — империалист. Так, у Сейера есть империализм «индивидуальный» (а в области отношений между полами «сексуальный»), «анархический», «социалистический».

Таким образом мы все-таки не знаем, что толкает государство на все эти многочисленные «империализмы». Где движущая сила империализма, корень его? П. Т. Мун говорит, что империализм вырастает из «экономического национализма». Но откуда этот «нео-меркантилизм» — «экономический национализм»?

Ответ: из союза интересов и идей.

Интересы двигают: 1) производителями товаров, отправляемых в колонии — главным образом, хлопчатобумажных и железных, 2) импортерами сырья, 3) судовладельцами, 4) фабрикантами оружия и военного снаряжения, 5) банкирами, 6) командным составом армии и флота, 7) дипломатами, колониальными чиновниками, 8) миссионерами, 9) премьер-министрами и президентами.

Широкой же публикой руководит не непосредственный интерес, а идеи. «Чтобы заставить современные нации сражаться, необходимы идеи, гармонирующие с инстинктами и эмоциями» (стр. 27). Таковы идея самозащиты, идея избыточного населения, идея экономического национализма и национального престижа, воздействующие на стадный инстинкт толпы, и своего рода наступательный альтруизм, удовлетворяющий врожденному чувству гордости» (стр. 27).

«Таковы принципы, настраивающие нации на империалистические подвиги. Инициативу, конечно, берут экономические группы, но поддержка оказывается идеями» (стр. 31).

И не только идеями, но и пушечным мясом — нужно прибавить к Муновской похлебке — и теми налогами, которые взимаются с широких масс населения и рабочего класса для ведения колониальных и захватнических войн. Издержки империалистических захватов и войн падают на все население, которым руководят идеи, в то время как войны ведутся в интересах немногих групп капиталистов. Эту очевидную истину отмечает еще Гобсон в своем «Империализме». Мун не может не отметить также этого положения.

Итак, плавая на поверхности, П. Т. Мун совершенно беспомощен что-нибудь об'яснить в империализме, сводя дело к интересам и идеям, «настраивающим» капиталистические страны на к о л о н и а л ь н ы е захваты. Между тем проблема империализма и его политики как концентрированного выражения экономики империализма, если бы даже допустить все прочее правильным, далеко не заключается в одной колониальной экспансии. Проблема монополистического и финансового капитализма, экспорта капитала, неизбежности переделов, обострения противоречий, неравномерности, загнивания, неизбежности краха — все эти основные проблемы существа империализма Муном совсем не рассматриваются. Самое большее, что оказался способен понять П. Т. Мун, это то, что империализм есть идея захвата, которая была усвоена в 70—80-е гг. XIX века и что на это толкал избыток товаров. Он считает, что «излишек товаров был главной экономической причиной империалистической экспансии Европы за последнюю четверть девятнадцатого столетия» и что «тенденция некоторых писателей об'яснить империализм всецело или главным образом инвестированием капиталов, не оправдываются историческими фактами» (стр. 6).

Хотя, как и повсюду, и здесь он не последователен. Так, например, это категорическое положение исправляется следующим: «...Вначале главным побудительным мотивом империализма, — говорит он, — являлись скорее «избыточные товары», чем «избыточный капитал»; тем не менее, в XX столетии господствующего роль в развитии империализма приобрел этот последний» (стр. 7).

Таким образом вся ценность книги в фактической истории колониальных захватов, но отнюдь не в понимании, а еще меньше об'яснении, почему колониальные захваты делаются для капитализма необходимыми, а для империализма неизбежными. Кроме того, Мун думает, что вся суть империализма в колониальных захватах.

Итак, книга ценна только как сводка истории колониальных захватов, и в этом отношении она может играть даже роль учебника при самой беспощадной, однако, критике розовой апологии капитализма, от которой не может отрешиться либеральный профессор, связанный пуповиной с капитализмом.

.Инал Бутаев.

«НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ». 1828—1928 гг. Неизданные тексты, материалы и статьи». Под общей редакцией проф. **С. З. Каценбогена.** Издано Нижне-Волжской комиссией по празднованию 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928 г., 429 стр.

Задача этого сборника—ознакомление читателя с частью литературного наследия Н. Г. Чернышевского, не опубликованного полностью до настоящего времени. Сборник состоит из четырех отделов. Первый отдел содержит ненапечатанные тексты, хранящиеся главным образом в Саратовском музее имени Н. Г. Чернышевского; они сопровождаются пояснительными очерками и примечаниями. Второй отдел посвящен детальному рассмотрению отдельных сторон деятельности великого публициста и уяснению элементов его мировоззрения; по этим вопросам дано несколько весьма интересных статей исследовательского типа. Третий отдел приводит ряд материалов, относящихся к биографии Н. Г. Чернышевского, освещающих ряд моментов в его жизни, начиная с раннего детства и кончая арестом и пребыванием в ссылке. Наконец, в заключение сборника дается описание рукописей Чернышевского, хранящихся в Саратовском Доме-музее его имени. В конце приведен указатель личных имен.

Несомненно, наиболее ценной частью сборника надо считать первый отдел, содержащий ряд неизданных текстов Чернышевского. Здесь мы видим продолжение той исключительно ценной работы, которая ведется вокруг Дома-музея в г. Саратове, при участии местных научных организаций и учреждений, по ознакомлению с литературным наследием «просветителя 60-х годов». Помещенные здесь произведения представляют значительный интерес для всех, интересующихся Чернышевским и дают материал для суждения о его деятельности в различные периоды его жизни. Здесь приведена статья первого периода его работы в журналистике—«О естественности ломоносовских стоп в русской речи» (1855 г.), «Заметка по польскому вопросу» (1857 г.), интереснейшее вступление и послесловие к «Апологии сумасшедшего» Чаадаева (1861 г.), «Мелкие рассказы», написанные в Алексеевском равелине (1864 г.), отрывки работ энциклопедически-обобщающего характера (от той же эпохи заключения в крепости), отрывок из сочинений (вернее—материалы к нему) такого же порядка, но уже времени Вилюйского заключения (1873 г.) и начало статьи о формах первоначального полового сожительства,

написанной после возвращения из Сибири. Остановимся кратко на каждом
этих текстов.

Центральное место среди текстов сборника занимает «Апология сумасш
шего» в интерпретации Чернышевского. Мысль познакомить русского читат
с Чаадаевым относится к расцвету публицистической деятельности «великого пр
светителя», к 1861 году. Он предполагал поместить в «Современнике» текст «А
логии сумасшедшего» с добавлением кратких биографических сведений о Чаада
и с раз'яснением «характера и основания» взглядов последнего. Цензура
статью не пропустила.

В предисловии Чернышевский сообщает биографию Чаадаева и кратко ха
гает содержание «письма» 1836 года. Затем дается текст «Апологии сумасшедше
при чем предварительно выясняется история возникновения и назначение эт
произведения. Весьма любопытно, что текст «Апологии» приведен с небольш
пропусками: выпускались нехарактерные мысли из произведений Чаадаева, ко
щие дать неверное представление о сущности его взглядов. (Эти пропуски при
дены в сборнике, вслед за статьей—стр. 73—74). Наоборот, наиболее ярки
характерные места Чернышевский особенно подчеркивает. Затем даются ком
тарии к «Апологии»—центральное место всей статьи, много уясняющее то
зрения самого автора ее. Отказываясь от разбора истинности взглядов Чаада
он ставит себе задачей «об'яснение их характера и основания». Основная
Чаадаева, по его мнению, в слабой разработке русской историографии к сере
30-х годов. Отрицая историю, Чаадаев отверг и особые, определенные черты и
рического развития России. Вопреки его утверждению, Петр Великий
в России не чистый лист бумаги—страна до Петра имела свою историю, и он (Пе
лишь резко очертил *уже существующее* положение. Чернышевский
тает, что главная задача Петра—создание сильной военной державы, а вся
старины произведена им из враждебности к старому и кардинально
в жизнь не внесла, изменив лишь название старых вещей. Петр—типично рус
человек, истый наследник своих предков. За это говорит и способ его действ
власть его стоит выше формы, но суть дела была для него неуловима (в прот
положность положению какого-нибудь европейского монарха). Считая, что П
нас приобщил к европейской цивилизации (а по мнению Чернышевского, как
видели, этого вовсе не было), Чаадаев заключает—раз мы сейчас отста
Европы, то мы дряхлая нация. Вывод логичен, но предпосылка неверна, ро
Чернышевский. Мы имели до Петра свою историю, он нас европейцами не
и поэтому неудивительно, что сейчас мы плохие европейцы. Но крайность
ждает крайность, и при полном отрицании настоящего у Чаадаева мы
упование на исключительное будущее русского народа. Чернышевский с
также не согласен, при чем его мысли в этой части статьи особенно любопы
Все эти упования покоятся на двух ложных основаниях: 1) что латинские и
кие народы считаются истощившимися, выполнившими свою историческую
и 2) что «мы (русские. А. Н.) народ совершенно свежий, характер которого
не сложился, а только теперь в первый раз слагается, силы которого ни
не были расходованы». Последнее утверждение неверно—русские имели
историю и для восприятия европейской культуры нам, русским, надо перево
таться—прежде всего освободиться от «идеи произвола», крепко в нас укор
шейся: «Весь сонм этих азиатских идей и фактов составляет плотную кольч
кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что
знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга прор
веет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные
ванным людям». Уроки Запада доступны грамотным людям, а мы безграмот
это обстоятельство наше развитие задерживает еще сильнее. Но, и преодоле
препятствия, мы не имеем оснований рассчитывать быть «проводниками» евро
цев—мы будем работать рука об руку с ними и единственное здесь возм

изменение лишь в ускорении темпа движения вперед—оно, конечно, должно ускориться. В этом месте Чернышевский резко высказывается против нездоровых националистических тенденций, совершенно неосновательно переоценивающих реальные силы и возможности русского народа, что приводило к беспочвенному самовосхвалению. Что же касается гибели и истощения Запада, то и это утверждение неверно. На Западе отмирает высшее, аристократическое сословие, отмирает феодализм и олигархическое господство. «Но силы среднего сословия все еще развиваются и много, очень много улучшений в западной жизни произведет даже один этот элемент, уже много сделавший перемен». Но этого мало—на смену высшему и среднему сословию (под последним ясно разумелась буржуазия, в борьбе с феодализмом игравшая передовую роль) идет масса нации, еще ни в одной стране не принимавшая деятельного, самостоятельного участия в истории. «Этот новый элемент, *безмерно различный от прежних* (подчеркивает многозначительно Чернышевский); он еще только готовился войти в историю. Корабль Запада плывет еще, но только по истоку реки, с каждым днем все шире и глубже его плавание, все величественнее вид реки». Здесь совершенно правильно намечена основная линия развития общества, в сторону разрешения социальной проблемы, которая может быть осуществлена лишь волею и силою народных масс. Эта статья, охватывая 21 печатную страницу большого формата, не считая текста, принадлежащего Чаадаеву, весьма ценна для характеристики взглядов Чернышевского и сопоставление ее с другими работами его, содержащими мысли по этим же вопросам, должны дать весьма любопытные результаты.

К этой статье, по характеру анализа, близка заметка о польском вопросе, приведенная в этом же сборнике. Она относится к 1857 году и предназначалась для 9-го номера «Современника», но напечатана не была. Написана она по поводу статей Н. Н. Костомарова о казацких войнах эпохи Богдана Хмельницкого. К польскому вопросу Чернышевский обращался не раз (см. его статьи «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость» в «Современнике» за 1861 год), и поэтому заметка его на эту тему, в более ранний период его публицистической деятельности, представляет особый интерес. Уже в 1857 году по этому вопросу у великого публициста мы можем отметить исключительную трезвость взгляда, чуждую романтизму Герцена и Бакунина. В основе событий на Украине в 30—50-х годах XVIII столетия он совершенно ясно видит решение социальной проблемы, лишь прикрытой национальной и религиозной оболочкой. Цензурные условия 50-х годов заставляли его быть очень осторожным в выражении своих мыслей, и мы должны расшифровать истинный смысл их, так как формулированы они подчас не совсем ясно. Говоря о покушении Польши на «гражданские права» и «гражданское устройство» Малороссии, Чернышевский разумел совершенно определенно под этими словами намерение поляков насадить отношения крепостной зависимости на Украине. При такой постановке вопроса, совершенно понятна будет и свирепость казацких войн 1648—1854 годов. В заключение автор высказывает сожаление, что эти события не повлияли на строй Польши,—иначе ее история сложилась бы по-иному и не представляла бы собою «трагедию непреодоленного феодализма», характерную и для 60-х годов. Совершенно правильно отмечает И. В. Герчиков, что накануне восстания 1863 года такое заключение звучало программным требованием.

Особое место в сборнике занимает статья **«Естественность всех вообще ломоносовских стоп в русской речи»**. До нас она дошла в отрывке. Относится она к раннему периоду писательской деятельности Николая Гавриловича и, повидимому, стоит в связи с его первыми статьями, написанными в 1854 году и в свое время отвергнутыми редактором «Отечественных Записок» Краевским. Впоследствии материал этих работ Чернышевский использовал в двух рецензиях—на Анненковское издание сочинений Пушкина («Современник» 1855 года, № 3) и на «Прогулки» Леонтьева (там же, № 4). Статья о ломоносовских стопах написана, очевидно, после напечатания упомянутых рецензий и свидетельствует, что вопросами

версификации Чернышевский занимался не один год. Весьма характерно, что р
скую версификацию ему казалось необходимым «преобразовать на осно
большей естественности». В этой статье автор, путем сравнения текста Шил
(предисловие к переводу Энеиды) и бытовых монологов и диалогов Гоголя, п
ходит к заключению, что ломоносовские стопы свойственны скорее немец
речи, чем русской. Но при анализе текстов (кстати сказать, подобранных сов
тельно неудачно—см. выше) он допускает ряд неточностей, произвольно расч
няя отрывки, с явным ущербом для их синтаксической связи. Скандирова
Гоголя производится им еще с большими натяжками—ряд слов из текста прос
выбрасывается. После исправления этих «фактических» ошибок, результаты с
тистических подсчетов, которыми пользуется автор, обращаются против него
самого—процент «неразложенных» остатков с 30-ти снижается до 10%. Мысль Ч
нышевского остается недоказанной и агитация за трехсложные размеры в стих
рецензии о Пушкине завершения не получает.

Среди произведений, написанных Чернышевским в Алексеевском равел
и помещенных в сборнике, прежде всего, выделяются «Мелкие рассказы»—2-я
серия. (Большая часть рассказов 1-й серии была напечатана в книге «Н. Г. Чер
шевский. Сборник. Неизданные тексты, материалы, воспоминания». Изд. Нижн
Волжского Областного Научного Общества Краеведения, Саратов, 1926 г.
стр. 3—35). Эти рассказы второй серии были написаны после романа «Что делать
между 21 февраля и 21 марта 1864 года, что видно из пометок в тексте рукоп
Обнаружены они были в делах III отделения. Текст рассказов разбит на 16 част
внутренно друг с другом связанных. Рассказы отличаются простотой и фабу
и стиля. Автор, очевидно, после «Что делать?» был принужден отказываться
острых моментов и заостренных формулировок. Рассказ внешне об'ективный,
лишь внутренняя логика отдельных эпизодов приводит к совершенно определ
ным выводам и заключениям. Многие отрывки кажутся нелепыми, неоправдан
логически, но их взаимная связь делает основную мысль автора ясной. Темы р
сказов очень различны, но все они приводят к заключению, что основ
несчастье нашей действительности—наша некультурность и неразвитость, к
нящаяся в современных общественных условиях, допускающих махровый расц
пошлости и глупости. Это марксистски сделанная сатира на современный Чер
шевскому общественный строй. Чтение рассказов невольно застаёляет восхищ
тонким умом и мастерством «великого просветителя».

К эпохе пребывания в крепости относятся и отрывки из произведений Ч
нышевского, ставящие себе задачу дать энциклопедические обобщения (эти
боты, а также произведения, написанные в Сибири, дают полное основ
утверждать, что «программа жизни», намеченная Николаем Гавриловичем в пис
к Ольге Сократовне из Алексеевского равелина, была не простой шуткой,
иные полагали, а в значительной степени серьезным намерением). К сожале
нам не известен текст, имевшийся в распоряжении П. Щеголева, наиболее кр
работы этого порядка, имевшей название—«Заметки о состоянии наук. О
истории элементов нашей цивилизации», написанной 31 января—14 апреля 1864 г
(см. «Звезда» 1924 г., № 3). В разбираемом нами сборнике помещено несколь
отрывков, касающихся этой же темы. Очевидно, это черновики или заметки

Отрывок первый озаглавлен: «Заметки о состоянии наук». В нем приводи
сравнение положения «естественных» наук с гуманитарными—«нравственными
«общественными». Автор отмечает скромность первых и необоснованное са
восхваление вторых. Причина этого кроется в пустоте общественных наук,—
нечего сказать, тот пустословен, велеречив, напыщен. Но так было раньше—пер
картина должна измениться и понемногу уже меняется. Положение «общест
ных» наук хотя еще и жалко, но не безнадежно и не нуждается больше в пусты
и громких фразах. Эти утешительные симптомы точно автором не указываются
но истинную мысль его нетрудно угадать. Корни этих перемен указываются в
торой туманности и успехах естествознания, а прямым результатом их называ

«Литература Просвещения». Но это только первые шаги гуманитарных наук. «Эта переработка нравственной и общественной обстановки жизни человека только еще началась. Еще нигде не доведена она до того, чтобы положение человека хорошо соответствовало потребностям его натуры. Но все-таки во всех странах, охваченных исторической жизнью, понятия несколько смягчились, формы быта стали несколько разумнее, чем было до конца прошлого века». Обращают на себя внимание слова, выделенные мною курсивом—они ставят «общественным наукам» вполне конкретную, практическую цель, что весьма характерно для взглядов автора статьи. Далее идет ряд ссылок на исторические примеры, долженствующие подтвердить сказанное,—они характерны. К сожалению, здесь рукопись обрывается.

Второй отрывок назван—«Очерк положения наук в начале 2-й половины XIX века». Начало 1-й главы (до нас только и сохранилось начало) пытается уяснить соотношение европейской цивилизации с восточными: китайской, индийской и древне-персидской. Непосредственно на европейскую цивилизацию влиял лишь греко-римский мир, остальные культуры (напр., арабская) являлись лишь проводниками того же влияния. Но в XVII и XVIII веках возникла мысль о заимствовании из Китая знаний. Вольтера привлекала рассудительность китайцев, Лейбница—сильная логичность китайского языка. Но в настоящее время европейцам нечему учиться у Китая—они его в своем развитии превзошли. В заключение Чернышевский высказывает мысль о неизбежности обратного влияния—Европы на Китай. Здесь рукопись кончается.

Третий отрывок, почти с тем же заглавием, что и предыдущий, повидимому, предназначался в виде предисловия к другой работе,—он имеет подзаголовок—«Введение к трактату политической экономии Милля». Здесь более подробно развиты те же мысли, что во втором отрывке, больше лишь сказано о падении культуры в Китае, который сейчас регрессирует. Повидимому, автор вопросам китайской культуры предполагал уделить больше внимания—записка обрывается на более детальном рассмотрении территории, где было влияние этой культуры особенно распространено.

Четвертый отрывок, имея заголовок—«Предисловие к переводу политической экономии Милля», содержит те же мысли, что и первый отрывок, с небольшими вариантами.

Все эти тексты слишком отрывочны, чтобы о них можно было сказать что-нибудь определенное. Тем желательнее скорейшее опубликование той статьи, о которой говорит Щеголев в «Звезде».

Что такого рода обобщающая работа не случайно была начата Чернышевским еще в крепости, свидетельствует проспект аналогичной же работы, начатой им уже в Сибири (это лишь лишний раз подтверждает серьезность намерений Чернышевского в письме из крепости, о которых уже упоминалось выше). Эта работа называется «Очерки содержания всеобщей истории человечества» и отобрана она была полковником Куленковым, при обыске в Вилюйске, 30 декабря 1873 года. До нас дошла небольшая часть ее—предисловие и вступительные заметки. Но, несмотря на отрывочность этих сведений, мы в общих чертах можем представить себе замысел Чернышевского.

По его мысли это должен был быть «комментарий по всеобщей истории вообще». Это будет перечень главных событий и фактов, а отнюдь не рассказ. Изложение должно итти по хронологическим и синхронистическим рубрикам. Попутно необходимо указывать неверность существующих гипотез, раз'яснять пустословие, давать оценку источников. Меньше всего в этой работе допустима полемика. Цитат не будет совсем. Отдельные ученые будут упоминаться в самых необходимых случаях. Форма изложения наилучшая—диалог. Отсутствие в «комментариях» текста сделает их доступными только ученым—это будет для них справочная книга. Что такого рода сочинение своевременно и нужно, автор уверен—по его мнению, перевод работы на иностранные языки будет не бесполезен.

Во вступительной записке говорится о характере введения в это сочинение. Оно должно выяснить вопрос происхождения человека и окружающей его среды. Для этого должны быть использованы работы математиков и натуралистов, возникновения солнечной системы до появления человека включительно—вот тот этой части. Трудности составления такого очерка кажущиеся—необычна сама задача, но она легко исполнима. Для широкой публики такого рода исследование может быть составлено в облегченной форме, о характере которой можно судить из примерного заголовка, предлагаемого автором: «Разговоры ученых и неученых людей на палубе и в перламутровом зале яхты «Гелланди» во время ее плавания из Лондона в Нью-Йорк».

К сожалению, это все, что мы знаем об этой работе. Приступил ли Чернышевский к составлению самого сочинения и оно было им уничтожено, как и из его произведений Вилюйского периода, или дело ограничилось изложением замечаниями—сказать трудно. Важно отметить, что и в ссылке Чернышевский оставил мысль об обзоре главнейших событий в истории человечества, на основе новейших научных изысканий.

К последнему периоду жизни Чернышевского (уже после возвращения из Сибири) относится незаконченная статья о первоначальных формах полового сожительства, автором не озаглавленная. Эта рукопись попала в архив Дома-музея через квартирную хозяйку секретаря Николая Гавриловича—Федорова и написана рукой последнего. Так как Федоров исполнял обязанности секретаря с 1885 года по 1889, то к этому времени надо отнести и время ее написания. В этой статье Чернышевский оспаривает существование «так называемых коммунальных браков» и считает, что полиандрия и моногамия—изначальные формы полового сожительства. При этом, в качестве доказательства своей мысли, он оперирует аналогиями из «зоосоциологии». Последнее уже само по себе мало надежный аргумент. Комментируя эту статью, Каценбоген совершенно основательно замечает, что и в свое время эта работа была ненаучна. Годы ссылки не могли не отразиться на мировоззрении Чернышевского и, если в пору своей молодости и зрелости он вполне владел достижениями европейской научной мысли, то теперь он от них сильно отстал. Это, пожалуй, свидетельствует о самой острой коллизии, которую пришлось пережить великому ученому, насильственно оторванному от культурной жизни на 20 с лишком лет, по грубому произволу того деспотизма, который считал характерной отрицательной чертой русской действительности.

Второй отдел сборника составляют статьи о Н. Г. Чернышевском. На них остановимся кратко.

Статья С. З. Каценбогена («Философские воззрения Н. Г. Чернышевского») пытается дать по возможности систематизированное изложение философских воззрений Чернышевского, хотя автор в самом начале оговаривается, что эта задача представляет собою «значительные трудности», так как приходится иметь в виду все литературное наследие публициста. Характеризуя мировоззрение Чернышевского, как весьма близкое «к философии диалектического материализма», автор статьи отмечает одинаковый путь философского развития и Чернышевского и основоположников марксизма. Трезвость мысли у первого замечается еще в его юношеских, семинарских работах. Будучи студентом, он испытывает сильное влияние событий 1848 года и через петрашевца Ханыкова знакомится с произведениями Фейербаха. Фейербах, Спиноза и Гегель (весьма быстро им преодоленные) дали основу его мировоззрению, которое к 25 годам можно считать вполне сформировавшимся. Затем Каценбоген переходит к синтезированию взглядов Чернышевского по отдельным вопросам. Отмечая ряд весьма верных основных положений его мировоззрения, логически вытекающих из философии Фейербаха (объективный сенсуализм, диалектичность, блестящее обоснование детерминизма), Каценбоген отмечает основные спорные моменты во взглядах Чернышевского, к которым он причисляет прежде всего «механистичность его мировоззрения». Последним и об'ясняется то, что в применении диалектики к анализу конкретных проблем, он допускает ряд уклонений и погрешностей.

Статья Ф. Д. Корнилова («Право и государство в воззрениях Н. Г. Чернышевского») пытается заполнить тот пробел, который до сего времени имеется в литературе о Чернышевском. Но, справедливо замечая, что для выяснения политико-правовых взглядов Чернышевского необходимо учитывать самые разнообразные его труды, автор попадает в довольно трудное положение. Недостаток места не позволяет нам изложить содержание статьи, хотя она, несомненно, представляет значительный интерес. Но на ряду с этим хотелось бы отметить моменты, вызывающие сомнение. При сопоставлении отдельных работ публициста (не говоря уже об отрывках из них) необходимо иметь в виду то окружение, в котором они написаны, и ту цель, которую автор их преследовал. Как известно, Чернышевский был настоящим публицистом и каждая его работа носила характер злободневности, придающий ей ряд специфических черт. Вот последнее в рассматриваемой статье не всегда учитывается. Так, как пример отказа Чернышевского от революционного пути, в деле социального преобразования, автор упоминает его работы 50-х годов по крестьянскому вопросу, где признается путь государственных реформ. Если учесть, что статьи эти написаны в конце 50-х годов и совершенно не соответствовали истинным взглядам Чернышевского, выявившимся позднее, отчасти хотя бы в «Письмах без адреса», то пример удачным назвать нельзя. Статьи Чернышевского отличались всегда трезвой оценкой существовавшего положения и расчет его на реформу в 1858—1859 годах совсем не противоречил боевому воззванию «Барским крестьянам» от 1861 года. Говоря это, я хочу лишь отметить, что прямой и законченный ответ на поднятый Корниловым вопрос едва ли можно в настоящее время дать. Необходимо проделать большую предварительную работу по анализу произведений Чернышевского. И начинание в этой области можно лишь приветствовать.

Интересна статья И. В. Герчикова («Н. Г. Чернышевский как критик либерализма»). Давая вначале верную характеристику Чернышевского вообще, как историка, обнаружившего ост,рую наблюдательность и принципиально верный подход при оценке событий, автор отмечает, что выводы его слабы и причину этого видит в том, что русская действительность не давала ему материала для верного решения ряда проблем—до марксизма он не дошел. Переходя к вопросу о статьях по французской истории XVIII—XIX веков, Герчиков напрасно не указывает актуальную потребность в России эпохи 60-х годов раз'яснения сущности либерализма, что для Чернышевского, стоявшего на крайнем фланге радикальной части русского общества, было основной задачей. (Недаром либералы платили ему за это открытой неприязнью, что в статье на примере Кавелина и отмечено). Автор совершенно верно отмечает, что изложенные в этих статьях мысли, хотя подчас дословно взятые у других ученых-историков, нами с полным основанием могут быть признаны характеризующими взгляды самого Чернышевского. Анализ статей Герчиковым дан совершенно верный, правильно указана невыдержанность классового анализа в ряде мест и срыв в сторону идеалистического толкования событий. Жаль, что мало использованы данные «Кавеньяка», дающие особенно яркие примеры и промахов, и достоинств в анализе Чернышевского. Хорошо было бы отметить историю происхождения статей его по истории Франции, так как взаимная связь их несомненна. Важно было бы указать и незаконченность их.

Статья В. В. Буша (заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы») ставит себе задачей показать, что «Очерки» «не утратили своего значения и до сих пор, как ценная и научно-приемлемая общая картина литературного развития указанной эпохи». Разбирая эту работу, автор статьи отмечает ряд весьма верных характеристик и мнений Чернышевского, полностью подтверждаемых позднейшими исследованиями. Центральная фигура «Очерков» не Гоголь, а Белинский. Сравнение печатного текста с рукописью показывает, что ряд наиболее ярких мест, заостривших общественное значение литературы в николаевскую

эпоху, при напечатании выброшены по цензурным соображениям (несколько
пропусков в статье приводится). «Очерки» были написаны прямо набело (как и
сертация Чернышевского) и свидетельствуют о большой самостоятельности суж
ний автора и об исключительной эрудиции его. Для «просветительства» Чер
шевского весьма показательно то, что свои очерки он начал с обзора крит
(впоследствии он предполагал дать вторую часть работы, посвященную собстве
литературе «гоголевского периода»). Такой путь дал ему возможность говор
о наиболее близкой и уважаемой им личности Белинского, имя которого, одно
из опасения цензуры упоминает лишь со второй половины работы.

В. Каплинский, в статье ««Лессинг» Чернышевского», показывает, что д
Чернышевского тема эта была не случайна. Лессинг ему казался идеальным обр
цом для русских писателей и здесь, под прикрытием немецкой действительност
говорилось о русских делах. Статья отмечает неровность работы о «Лессинг
спешку при ее письме. Весьма любопытно, что пестрая жизнь Лессинга в изло
нии Чернышевского систематизирована и получила известную плановость: вы
в нем своего героя, автор невольно рационализировал его, отразив в нем мног
свои черты. Именно с того времени наблюдается в России повышенный интер
к Лессингу, и в 60—70-х годах появляются переводы его произведений. Подо
к этой работе со стороны «просветительства» Чернышевского, конечно, сл
ственно верный и может об'яснить многое. Совершенно верно, что Лессинг в рус
великого публициста был стенобитной машиной, которой разбивались «сте
общественной инертности и косности».

Две последние статьи принадлежат А. Скафтымову. Одна из них устанав
вает, как велико было влияние произведений Жорж Занд на Чернышевско
(«Чернышевский и Жорж Занд»). Произведения этой писательницы пользовал
особым вниманием Николая Гавриловича в течение всей его жизни. В нашу
статьи Скафтымов показывает судьбу романов Жорж Занд в России и все возр
стающее ее влияние. Ее работы были почти единственным (автор говорит бол
определенно—просто единственным) легальным путем общения с «новым» Запад
На Чернышевского они производили сильное впечатление и оказали даже прям
влияние на его творчество. Переходя к параллельному рассмотрению «Жака» Жор
Занд и романа «Что делать?», автор статьи указывает, с одной стороны, несомне
ное внутреннее родство обоих произведений, а с другой стороны, отмечает о
жетные, стилистические и иные особенности каждого романа, об'ясняющие
особым окружением писателей и их личными качествами. Весьма любопытно, чт
мемуары Жорж Занд, которые печатались в «Современнике», со второй част
были даны в изложении Чернышевского. Здесь особенно ярко сказалась лично
«интерпретация» им французской писательницы и резкое отличие их литературны
приемов и отношения к окружающей действительности.

Вторая статья Скафтымова посвящена неизданной повести Чернышевского
«Отблески сияния», написанной в Сибири. В начале статьи сделан обзор беллетр
стических произведений Чернышевского. Арест, а затем ссылка, лишили его во
можности заниматься публицистической и научной работой (книги, особенно но
вые, в этот период он получал с трудом). Желание же помочь семье, которая
жила раньше на его заработок, толкала его к литературе, и мы действительно
видим, что в сибирский период своей жизни он усиленно занимается, главным
образом, беллетристический творчеством. Из переписки с издателями и родным
видно ясно, что материальный расчет играл здесь основную роль. В Сибири, ос
бенно в Вилюйске, им было написано много, но большая часть написанного им
самим была уничтожена. Среди уцелевших работ имеется повесть «Отблески си
яния», до сих пор не опубликованная. Автор статьи дает подробное изложение
содержания повести и приемов письма ее. Основная тема и здесь—положение жен
щины. Обращает на себя внимание резкое снижение у автора повести элемента
социальных требований, снижена и сатирическая окраска в изображении современ
ности. Возможно, это об'ясняется опасениями цензуры. Повесть написана рассу

дочно и растянуто. Любопытно, что сам Чернышевский был достаточно высокого мнения о своих беллетристических произведениях. Этот вопрос Скафтымов выясняет подробно. К статье приложен ряд документов, связанных с судьбою повести.

Третий отдел сборника содержит материалы к биографии Н. Г. Чернышевского.

Вначале дается отрывок из материалов семейного архива Пыпиных, в котором содержатся очень любопытные данные о детстве, отрочестве и юности Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина. Здесь имеются очень интересные сведения, ярко рисующие молодость обоих родственников. Их взаимоотношениям в юности отведено много места.

Затем помещен отрывок из воспоминаний Н. Д. Новицкого, до сего времени не опубликованный. Он рисует нам Н. Г. Чернышевского в расцвете его публицистической деятельности—конец 50-х годов и лишний раз подтверждает нам близость его к революционно-настроенной и либеральной части военной молодежи. (В это время, с 1858 года, Чернышевский ведал редактированием литературной части «Военного Сборника»). В этих воспоминаниях (до нас дошли лишь черновые наброски к ним), упомянут ряд лиц, бывших у Чернышевского и встречавшихся с ним в других местах, отмечено его внимательное отношение к молодежи, сообщается несколько фактов о «четвергах» Чернышевского и, попутно, дается несколько характеризующих хозяина черт. Материал скуден, отрывочен, но любопытен.

О пребывании Чернышевского в Алексеевском равелине весьма ценный материал дают письма Е. Н. Пыпиной в Саратов. Письма охватывают период со 2 октября 1862 года по 2 апреля 1864 года и приводятся лишь в отрывках, касающихся Николая Гавриловича. Написанные под влиянием свежих событий, они дают исключительно живой и интересный материал, своей конкретностью и свежестью значительно дополняющий данные, известные по исследованиям Лемке и Щеголева. Из этой переписки ясно видно отношение русского общества к процессу Чернышевского. Все нечистые приемы, при помощи которых было создано и проведено это «Дело», современникам были ясны. Даже перипетии вынесения приговора нашли в письмах верное отражение: приводимые в них слухи близко совпадают с данными официальных дел. Наконец, из этих же документов мы много узнаем о работоспособности Наколая Гавриловича и поразительном самообладании в самые тяжелые моменты заключения. Попутно даются штрихи, характеризующие Ольгу Сократовну, жену писателя, и ряд бытовых моментов. Переписка несомненно дает интересные данные к биографии Чернышевского.

В заключение материалов приводится сообщение Б. Козьмина о поднятом в периодической печати начала 80-х годов вопросе об амнистии Чернышевского. В 1881 году в передовой статье газеты «Страна», было помещено пожелание о возвращении из ссылки Чернышевского, который представлялся «жертвой реакции». Эта статья была перепечатана несколькими изданиями и, между прочим, «Юридическим Вестником», издававшимся при Московском юридическом обществе. Козьмин сообщает историю «внушения», сделанного Муромцеву, председателю общества, и дает текст весьма красочной расписки Муромцева, в которой отразилось паническое настроение либералов после 1 марта 1881 года, что прямо текстом расписки и отмечено.

В последнем отделе сборника дано описание рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Доме-музее его имени в Саратове. В нем заключается около 600 рукописей самого Чернышевского, 2.500 его писем и около 8.000 писем разных лиц, его характеризующих. В описание вошла только часть литературного наследия Чернышевского—ряд его произведений хранится в других архивах, часть еще не разобрана (последнее касается разрозненных листков и отрывков, переданных из Академии Наук). Рукописи охватывают период жизни Наколая Гавриловича с 1835 года по 1889 год. Ученических рукописей—222; студенческих—46; «60-х

годов»—236; сибирских—23; последних лет жизни—45. Большая их часть написана по-русски, хотя имеются рукописи и на иностранных языках: на латинском—61, на греческом—10, на немецком—11, на татарском—18, на еврейском—2, на арабском и на персидском—2. Некоторые рукописи написаны особым способом, тайнописью, которым их автор пользовался как секретным письмом и как стенограммою.

Несомненно, это богатое собрание материалов является весьма ценным для всякого, работающего по вопросу, связанному с деятельностью Н. Г. Чернышевского, и издание описи документов Дома-музея нельзя не признать вполне своевременным.

К сборнику приложено несколько снимков с текстов Чернышевского.

А. Нифонтов.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

В Коммунистической Академии.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ.

Для об'единения всей научно-исследовательской работы по философии в одном научном учреждении, постановлениями президиума Коммунистической Академии и президиума РАНИОН'а проведено слияние института научной философии РАНИОН'а и философской секции Коммунистической Академии в единый Научно-исследовательский институт философии Коммунистической Академии.

Институт философии Коммунистической Академии будет центром научно-исследовательской работы в области философии, исторического материализма и диалектики естествознания. Институт об'единяет в рядах своих действительных членов, научных сотрудников и членов-корреспондентов, все основные научные марксистские силы СССР, работающие в этих областях.

Для организации научно-исследовательской работы институтом созданы следующие секции: 1) секция диалектического материализма, 2) секция истории философии, 3) секция современной философии, 4) секция исторического материализма, 5) секция диалектики естествознания.

Для руководства работой института философии утверждено правление института в следующем составе: тт. Адоратский, В. В., Гессен, Б. М., Деборин, А. М., Карев, Н. А., Красиков, П. А., Кривцов, С. С., Ленгник, Ф. В., Лепешинский, П. Н., Луппол, И. К., Невский, В. И., Подволоцкий, И. П., Стэн, Я. Э.

Директором института утвержден т. Деборин, А. М., ученым секретарем—т. Подволоцкий, И. П.

* * *

Для руководства работой секций утверждены бюро секций в следующем составе:

1. Секция диалектического материализма: Деборин, А. М., Карев, Н. А., Подволоцкий, И. П.
2. Секция истории философии: Деборин, А. М., Луппол, И. К., Рудаш, В. В.
3. Секция современной философии: Асмус, В. Ф., Баммель, Г. К., Стэн, Я. Э.
4. Секция исторического материализма: Адоратский, В. В., Кривцов, С. С., Максимовский, В. Н., Разумовский, И. П.
5. Секция диалектики естествознания: Гессен, Б. М., Левин, М. Л., Максимов, А. А.

ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

Одной из своих основных работ институт философии наметил подготовление Философской энциклопедии.

Философская энциклопедия, подготовляемая институтом философии Коммунистической Академии, ставит своей задачей дать систематическое научное исследование основ марксистского мировоззрения: исследование проблем диалектического материализма, исторического материализма, диалектики естествознания,

а также марксистское исследование истории философии и критику современной философии и социологии.

Такая работа является абсолютно необходимой. Она выдвигается всем ходом социалистического строительства и теми задачами, которые стоят перед марксизмом в культурной революции.

Одним из основных моментов культурной революции является преодоление буржуазного мировоззрения марксистским мировоззрением, революция в области методологических основ современного научного знания.

Современные науки находятся под влиянием буржуазной философии и буржуазной идеологии вообще. Буржуазное мировоззрение и прямой классовый интерес буржуазии более всего отражаются в буржуазных общественных науках, но и естественные науки, поскольку ученые руководствуются принципами буржуазной философии, содержат в себе моменты идеализма и метафизики. Еще Энгельс обращал внимание на то обстоятельство, что в естественных науках имеется противоречие между положительным содержанием наук и их метафизическим методом, ибо естествоиспытатели подходят к синтезу диалектических по своему существу результатов, добытых естествознанием, с противоречащим им метафизическим методом. Отсюда кризис логических основ современного естествознания, кризис метафизической методологии, что, при невозможности для буржуазных ученых подняться прямо и сразу от метафизического к диалектическому материализму, привело к кризису современного естествознания, к различным идеалистическим течениям в нем. Выход естествознания из кризиса, преодоление идеализма в нем возможно лишь через преодоление диалектическим материализмом буржуазных философских основ современной науки.

Таким образом, марксистское мировоззрение, являющееся итогом всего исторического развития практики, конкретных научных знаний и философии, должно преодолеть буржуазное мировоззрение во всех его формах—преодолеть религию, буржуазную философию, буржуазную общественную науку, идеалистические и метафизические моменты в современных естественных науках и т. д. Классовая борьба с капитализмом будет иметь одним из своих фронтов—фронт идеологии.

Перед марксизмом стоит задача методологического обоснования наук, создание сознательно-диалектического естествознания. «Мы должны понять,—писал Ленин,—что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания».

Вместе с тем, необходимо дальнейшее развитие научных знаний на основе марксизма. В области общественных наук революция выдвигает совершенно новое поле для научного исследования: исследование общественных отношений переходного периода, проблем социалистического строительства, планирования и т. п. В области естествознания имеется целый ряд крупнейших проблем, противоречий, разрешимых только на основе диалектического материализма.

Марксисты, работающие в области конкретных наук, все более убеждаются в том, что без серьезного знания философии они не могут вести теоретическую работу в своей собственной области.

Задачи, стоящие перед марксизмом в области теории, выдвигают на первый план разработку марксистской философии—диалектического материализма.

Вместе с тем необходимость разработки марксистской философии и марксистской теории вообще выдвигается самим социалистическим строительством. Строительство новых общественных отношений, в условиях сложнейших противоречий и напряженной борьбы, международная революционная борьба требуют от всех активных участников сознательного, научного, марксистского подхода ко всей

практической работе. Марксизм является необходимым руководством в практической деятельности. Политика пролетариата, являющаяся научной политикой, должна быть неразрывно связана с философскими основами марксизма.

Поэтому изучение теории марксизма принимает в СССР невиданно широкий размах. В марксистских кружках, на фабриках и заводах, в совпартшколах, на рабфаках, в воскресных университетах, комвузах, вузах, по системе заочного обучения и в самостоятельных занятиях теория марксизма изучается широкими массами.

Таким образом широкие слои партии и трудящихся масс, ведущие теоретическую работу или принимающие активное участие в строительстве социализма, чувствуют настоятельную необходимость в серьезной методологической подготовке для успешного проведения своей работы. Отсюда широкий интерес к проблемам философии, требование серьезного, систематического изложения марксистского метода.

Философская энциклопедия и ставит своей задачей дать систематическую научную разработку марксистской философии—диалектического материализма, марксистское исследование истории философии и критику современной философии, а также разработку исторического материализма и диалектики естествознания.

Соответственно этому энциклопедия делится на пять отделов:

1. Первый отдел энциклопедии посвящен диалектическому материализму. Отдел содержит систематическое изложение теории познания диалектического материализма, критику идеализма, критику формальной, математической и индуктивной логики, исследование развития логических форм мысли и систематическое изложение категорий материалистической диалектики.

2. Второй отдел посвящен истории философии. Исследование истории философии необходимо для понимания генезиса марксистской философии и процесса исторического развития мышления. Каждая философская система являлась наивысшим для своего времени, синтезом конкретных научных знаний и общественной идеологии, вырастающей на базе данных общественных отношений. Поэтому история философии должна быть рассмотрена в связи с историей социальных отношений и историей развития конкретных научных знаний. До сих пор еще нет марксистского исследования истории философии. Философская энциклопедия и ставит своей задачей дать первое марксистское исследование истории древней, средневековой и новой философии. Отдел, посвященный истории философии, дает исследование всех философских систем и направлений.

3. Третий отдел посвящен новейшей и современной философии.

Марксизму предстоит борьба против буржуазного мировоззрения, буржуазной философии. Буржуазная философия влияет на современную науку. Ревизионизм руководствуется принципами буржуазной философии. Поэтому борьба против буржуазной философии необходима для преодоления идеализма и метафизики в науках, преодоления теоретических основ ревизионизма и преодоления буржуазной идеологии вообще. Отдел, посвященный современной философии, содержит исследование и критику новейшей и современной буржуазной философии неокантианства, неогегельянства, эмпириокритицизма, прагматизма, интуитивизма, гуссерльянства, позитивизма, реализма и т. д. В этом же разрезе дается критика философских основ идеологии современной социал-демократии. Кроме того, дается исследование по современной марксистской философии на Западе и истории русской философии.

4. Четвертый отдел посвящен историческому материализму.

Перед марксизмом стоит задача окончательного преодоления буржуазной социологии, буржуазных общественных наук вообще и—вместе с тем—дальнейшего развития марксистских общественных наук. Для последних открылось теперь,—как

мы уже указали,—новое поле исследования: исследование эпохи пролетарских революций и диктатуры пролетариата, исследование социалистического строительства, экономических и других общественных отношений переходного периода и т. п. В то же время необходимость научного, марксистского подхода ко всем практическим задачам обусловлена самим характером социалистического строительства. Все это выдвигает систематическое исследование диалектики общественного развития,—исследование проблем исторического материализма. В отделе исторического материализма дается систематическое исследование проблем исторического материализма и научного коммунизма, исследование исторического подготовления научного коммунизма и исторического материализма, а также критика ревизионизма и основных направлений буржуазной социологии.

5. Пятый отдел посвящен диалектике естествознания.

Естествознание переживает в настоящее время кризис, являющийся, прежде всего, кризисом его методологических основ. Выход из кризиса—в марксистском методологическом обосновании естествознания. Это выдвигает необходимость разработки методологических основ естествознания—диалектики естествознания. Разработка диалектики естествознания подтверждает, вместе с тем, правильность диалектического метода и диалектический характер результатов современного естествознания. Отдел, посвященный диалектике естествознания, содержит исследование диалектики математики, диалектики неорганических наук и диалектики биологии, с изложением принципов и основных понятий этих наук, взаимоотношения между основными дисциплинами в них, происхождения и развития основных взглядов наук в связи с развитием философии и обратного влияния этих взглядов на философию, современные направления в науках, значение и границы приложения принципов конкретных наук.

Каждый из пяти отделов энциклопедии будет представлять из себя систематическое изложение своего предмета. Кроме того, по каждому отделу будет составлен предметный и именной указатель, что даст возможность пользоваться энциклопедией, как справочником.

К участию в работе энциклопедии привлекаются все действительные члены, научные сотрудники и члены-корреспонденты Института философии, все основные марксистские силы, ведущие научно-исследовательскую работу в области философии, исторического материализма и методологии естествознания, а также ряд крупных ученых специалистов по отдельным проблемам.

Работой Философской энциклопедии руководит общая редакция энциклопедии в следующем составе: тт. Гессен, Б. М., Деборин, А. М., Карев, Н. А., Кресиков, П. А., Кривцов, С. С., Левин, М. Л., Ленгник, Ф. В., Лепешинский, П. И., Луппол, И. К., Невский, В. И., Подволоцкий, И. П., Рудаш, В. В., Стен, Я. Э.

Для руководства отделами утверждены редакции отделов в следующем составе:

Отдел I. «Диалектический материализм»: Деборин, А. М., Карев, Н. А., Подволоцкий, И. П.

Отдел II. «История философии»: Деборин, А. М., Луппол, И. К., Рудаш, В. В

Отдел III. «Современная философия»: Асмус, В. Ф., Баммель, Г. Л., Стэн, Я. Э.

Отдел IV. «Исторический материализм»: Адоратский, В. В., Кривцов, С. С., Максимовский, В. Н., Разумовский, И. П.

Отдел V. «Диалектика естествознания»: Гессен, Б. М., Левин, М. Л., Максимов, А. А.

Размер энциклопедии намечается в 7—8 томов, по 60—65 печ. листов каждый том. Издание рассчитано на 4 года.

Редакцией разработан следующий план отделов философской энциклопедии (в процессе работы возможны отдельные изменения плана и его дополнение).

1-Й ОТДЕЛ

ПЛАН ТОМА ФИЛОСОФСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ПОСВЯЩЕННОГО ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ.

I. Проблема философии в марксизме.

II. Диалектический материализм как мировоззрение.

1. Материализм и идеализм, как основные направления в философии.
2. Критика идеализма: а) феноменализма, б) критицизма, в) интуитивизма, г) об'ективного идеализма.
3. Проблема материи.
4. Проблема времени и пространства.
5. Психологическая проблема: а) критика рациональной и эмпирической психологии, б) рефлексология и психология, в) фрейдизм.

III. Основные принципы материалистической диалектики.

1. Диалектика и формальная логика. Критика законов формальной логики. Критика формально-логического учения о понятии, суждении и умозаключении.
2. Критика принципов математической логики.
3. Индуктивная логика и рассмотрение ее принципов.
4. Развитие логических форм мысли. а) Мышление и речь. б) Дологическое мышление.
5. Категории мышления и исторический процесс познания. а) Абсолютная, относительная и об'ективная истины. Диалектика суб'екта и об'екта. Практика. Теория познания в диалектическом мировоззрении. б) Основные этапы в истории логики.
6. Законы материалистической диалектики. а) Проблема движения и его противоречивости. б) Переход количества в качество и обратно. Мера. в) Роль статистического метода в научном исследовании. г) Сущность и явление. Соотносительные категории сущности. Проблема закона. д) Отдельные категории: 1. Проблема случайности. 2. Причинность и телеология. 3. Часть и целое. 4. Форма и содержание. е) Закон отрицания отрицания. ж) Учение о понятии, суждении и умозаключении в диалектической логике. з) Взаимоотношение основных форм движения в действительности. и) Аналитическое и синтетическое познание.
7. Классификация наук. Историко-критический и систематический очерк. Библиография, предметный и именной указатель.

2-Й ОТДЕЛ.

ПЛАН 2-Х ТОМОВ ФИЛОСОФСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ.

Введение:

История философии как наука (Содержание и метод).

А. ФИЛОСОФИЯ СТРАН ВОСТОКА. Основные течения философии в связи с общественно-экономическими укладами.

Б. ФИЛОСОФИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН.

I. **Философия рабовладельческого общества.** Общий историко-социологический очерк рабовладельческого общества (Греция, Рим).

1) Выдвижение торговых групп, борьба с рабовладельческой знатью: а) Ионийская натурфилософия, Гераклит. б) Пифагорейство. в) Элеаты. г) Младшие физики. д) Атомистики.

2) Эпоха расцвета торговых сношений: а) Софисты. б) Сократ.

3) Эпоха социально-экономической реакции: а) Сократические школы. б) Платон. в) Аристотель.

4) Эпоха экономической и политической экспансии Греции и Рима: а) Идеалистические течения: 1) Академия, 2) Ликей. б) Развитие стоицизма. в) Материализм—Эпикур и его школа, Лукреций. г) Скептицизм. д) Эклектизм.

5) Эпоха разложения рабовладельческого общества: а) Развитие мистических учений (новопифагореизм). б) Философская борьба в раннем христианстве (гностики, апологеты). в) Новоплатонизм—Плотин, Ямвлих, Прокл. г) Выработка христианской идеологии.

II. **Философия феодального общества.** Общий историко-социологический очерк феодального общества.

1) Возникновение схоластики и ее первые результаты.
2) Реализм и номинализм; Абеляр.

3) Использование Аристотеля христианскою мыслью (большие системы).
4) Еврейская философия.
5) Арабская философия.
6) Мистика.
7) Элементы материализма и эмпиризма.

III. **Эпоха формирования капиталистического общества.** Общий очерк эпохи возрождения и реформации.

1) Философский гуманизм (возрождение философии Платона и других античных школ, перетолкование Аристотеля).
2) Религиозное реформаторство и мистика.
3) Натурализм: а) расширение географического и космографического кругозора. б) Борьба с аристотелевской натурфилософией. в) Материалистические атеистические тенденции.
4) Скептицизм—Монтэнь.

IV. **Развитие торгового капитализма.** Общий историко-социологический очерк.

1) Традиция античного материализма (Гассенди).
2) Материализм на почве рационализма: а) Декарт, его сторонники и противники. б) Спиноза.
3) Развитие рационализма у Лейбница; Вольф.
4) Материализм на почве эмпиризма и сенсуализма: а) Бэкон. б) Гоббс в) Локк.
5) Судьбы английской философии после Локка: а) Материализм вольнодумцев: Толанд, Гартли, Пристли. б) Идеализм Беркли. в) Скептицизм Юма. г) философия здравого смысла.
6) Эпоха французского материализма XVIII века: а) Предшественники: 1) скептицизм Бейля, 2) ранний материализм и атеизм Мелье, 3) Кондильяк, 4) Вольтер и деизм. б) Классики материализма: 1) Ламеттри, 2) Дидро и энциклопедия, 3) Гельвеций, 4) Гольбах, 5) Робине и Дешан, 6) Бонне. в) Развитие экономических и социально-политических идей: 1. Монтескье. 2. Руссо, Мабли, Морелли. 3. Физиократы и экономисты. г) Противники материализма: 1) официальный католицизм, 2) мистика (Сен-Мартен). д) Материалисты Великой Французской революции.
7) Философия немецкого Просвещения и Кант. а) Идеалистическая школьная философия. б) Материалистические тенденции в философии Просвещения. в) Кант: 1) докритический период, 2) трансцендентальный идеализм, 3) элементы диалектики в натурфилософских и критических произведениях Канта. г) Сторонники и противники критической философии.

IV. **Эпоха развития промышленного капитализма и начало классового рабочего движения.** Общий историко-социологический очерк.

1) Классический немецкий идеализм: а) Фихте. б) Шеллинг: 1) натурфилософия и романтизм, 2) философия тождества, 3) философия откровения, в) Натурфилософская школа Шеллинга: Окен, Стеффенс, Эрстед и переход к Гегелю. г) Романтики—Шлегель, Новалис. д) Гегель.
2) Метафизические системы и противники Гегеля: а) Шлейермахер. б) Гербарт. в) Шопенгауэр. г) Лотце. д) Тренделенбург.
3) Школа Гегеля и борьба внутри гегельянства: а) Непосредственные сторонники Гегеля. б) Правые гегельянцы. в) Гегельянская левая: 1) Штраусс, 2) Бауэры. г) Штирнер. д) Лассаль.
4) Общий историко-социологический очерк 40-х и 50-х годов: а) Германия. б) Франция. в) Англия.
5) Фейербах: а) Антропологический материализм, б) Социальные доктрины на почве фейербахианства.
6) Естественно-научный материализм (Бюхнер, Фохт и Молешотт).
7) Маркс и Энгельс: а) Идеалистический период их развития, б) Преодоление классического идеализма, гегельянства и Фейербаха. в) Развитие диалектического материализма.

Библиография, предметный и именной указатель.

3-Й ОТДЕЛ.

ПЛАН 2-Х ТОМОВ ФИЛОСОФСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ПОСВЯЩЕННЫХ НОВЕЙШЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.

I. Идеализм.

1. Неокантианство: а) В Германии: 1. Ланге, Либман. 2. Марбургская школа. 3. Баденская школа. 4. Соц.-дем. неокантианство. б) в Англии, в) в Америке, г) в Италии, д) в Скандинавии, е) в Японии и Китае.

2. Эмпириокритицизм.
3. Прагматизм (в Англии, Америке, Франции, Италии, Германии, Японии).
4. Интуитивизм.
5. Гуссерльянство.
6. Неогегельянство: а) Гегельянская школа в Италии. б) Неогегельянское движение в Англии. в) Гегельянская школа в Голландии. г) Гегельянское движение в Скандинавии. д) Поворот к Гегелю в Германии. е) Неогегельянство в Японии и Китае. ж) Неогегельянство в Америке.

II. Позитивизм и реализм.

1. Эволюционизм.
2. Агностицизм.
3. Критический реализм.
4. Неореализм.

III. Материалистические тенденции и направления в современной философии.

1. Естественно-научный монизм и монистическое движение.

IV. Марксистская философия на Западе.

а) В Германии, Франции, Англии. б) В Болгарии и балканских странах. в) В Италии.

V. Русская философия.

1. Отголоски французского материализма в России.
2. Влияние немецких классических идеалистов в России.
3. Герцен.
4. Чернышевский.
5. Писарев.
6. Естественно-научный материализм в России (Сеченов и др.).
7. Позитивизм и эволюционизм (Михайловский, Лавров и др.).
8. Религиозный онтологизм школы Соловьева.
9. Толстой и толстовство.
10. Лейбницианство (Л. М. Лопатин).
11. Неокантианство (В. Введенский и И. Лапшин).
12. Эмпириокритицизм в России (Лесевич, Викторов и др.).
13. История философии на Украине.
14. Эмпириомонизм (Богданов).
15. Марксизм в России (общий очерк).
16. Плеханов.
17. Ленин.
18. Марксизм на Украине.
19. Философия в СССР после Октября.

Библиография, предметный и именной указатель.

4-Й ОТДЕЛ.

ПЛАН ТОМА ФИЛОСОФСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ПОСВЯЩЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ.

I. Исторический материализм как наука.

II. Историческое подготовление исторического материализма.

1. Основные направления философии истории.
2. Основные направления в философии права и государства.
3. Основные направления в философии религии (в связи с историей атеизма).

III. Основные принципы исторического материализма.

1. Проблема общества (определение, общество и природа, общество и государство, происхождение общественной формы).
2. Диалектика общественного развития. а) Производительные силы. б) Производственные отношения, смена общественно-экономических формаций. в) Базис и надстройка. г) Роль личности в истории.
3. Классы и классовая борьба. а) Определение, классы различных экономических формаций, происхождение классового общества, основные классы

капиталистического общества. б) Классы в переходный период, проблема отмирания классов.

4. Государство.
5. Партия.
6. Общественное сознание и идеология.
7. Язык.
8. Право.
9. Нравственность.
10. Религия.
11. Искусство.
12. Наука.
13. Проблема культуры.
14. Теория революции.
15. Проблема национальности.

IV. Научный коммунизм.

1. Типы социализма: а) Реакционный социализм. б) Буржуазный социализм (здесь же соц.-реформизм). в) Мелкобуржуазный социализм. г) Утопический социализм. д) Анархизм. е) Ревизионизм. ж) Научный коммунизм.
1. Эпоха Маркса и Энгельса.
2. Эпоха Ленина.

V. Критика буржуазной социологии.

1. Органическая школа.
2. Психологическая школа.
3. Дюркгейм.
4. Современная социологическая школа в Германии.
5. М. Вебер.

Библиография, предметный и именной указатель.

5-Й ОТДЕЛ.

ПЛАН ТОМА ФИЛОСОФСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ПОСВЯЩЕННОГО ДИАЛЕКТИКЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ.

Введение.

1. Роль материалистической диалектики в естественно-научном исследовании.

А. Диалектика математики.

1. Принципы математического познания. а) Математика и формальная логика. б) Математика и действительность (диалектика математики). в) Математика и опыт.

2. Основные понятия математики в диалектическом понимании (число, измерение, пространство, величина, множество, порядок, группа, предел, конечное и бесконечное, положение, движение, направление, прерывность и непрерывность, рациональное и иррациональное, количество и качество, общезначимость, равенство и неравенство, функция, зависимость, противоречие, вероятность, случайность, теорема, отношение, правое и левое, многообразие, анализ и синтез, предсказание, доказательство, предпосылка, тождество и единство).

3. Основные аксиомы и постулаты математики (постулаты непрерывности, аксиомы сочетания, аксиомы порядка, аксиомы конгруэнтности, аксиомы параллельности, аксиомы Архимеда, не-Евклидовые аксиомы, мнимые аксиомы).

4. Взаимоотношение между основными дисциплинами математики (арифметика, алгебра, геометрия, анализ, топология, теория множеств и т. д.).

5. Происхождение и развитие математики в связи с развитием философии и обратное влияние математики на философию.

6. Современные направления в математике: а) идеалистические школы, б) материалистические школы.

7. Значение и границы приложимости принципов математики в: а) неорганических науках, б) биологии, в) социологии.

Б. Диалектика неорганических наук.

1. Основные принципы познания в неорганических науках: а) общность и специфичность методов в связи со специфичностью об'екта; б) реальность и об'ективность явлений и событий; в) детерминизм и индетерминизм; г) принципы причинности: 1) функциональная зависимость, 2) повод, причина, условие, 3) последовательная связь; д) наблюдение и эксперимент; е) необходимость и случайность; ж) динамическая и статистическая закономерности; з) прерывность и непрерывность; и) косвенные и прямые заключения; к) принцип, теория и гипотезы; л) принцип эволюции (эволюция звезд, эволюция земной коры, эволюция элементов); м) сравнение; н) первый и второй закон термодинамики; о) принцип Гамильтона; п) закон и правило; р) тождество и единство; с) анализ и синтез; т) индукция и дедукция; у) описание и об'яснение; ф) сводимость; х) предсказание.

2. Основные понятия неорганических наук: а) в физике (материя, энергия, абсолютное и относительное, замкнутая система, пространство, время, протяженность, степени свобод, молекула, атом, кванта, электрон, поле, потенциал, обратимость и необратимость, работа, константа и т. д.); б) в химии (включая физическую химию, коллоидную химию, биохимию) (сродство, валентность, периодическая система и т. д.); в) в геологии (включая метеорологию).

3. Взаимоотношения дисциплин неорганических наук между собой и подразделов внутри каждой дисциплины: а) в физике: 1) механика (форономия и динамика, включая гидродинамику, аэродинамику, акустику), 2) электродинамика (включая оптику), 3) термодинамика, 4) физика излучения; б) в химии; в) в астрономии; г) в геологии.

4. Происхождение и развитие основных взглядов на неорганическую природу в связи с развитием философии и обратное влияние этих взглядов на философию.

5. Современные направления в неорганических науках: а) идеалистические школы; б) материалистические школы.

6. Значение и границы приложимости принципов неорганических наук: а) биология; б) социология.

В. Диалектика биологии.

1. Основные принципы познания в биологии: а) общность и специфичность в связи со специфичностью об'екта (зоология, ботаника, протистология); б) анализ и синтез; в) индукция и дедукция; г) тождество и единство; д) сводимость; е) предсказание; ж) целое и часть; з) обратимость и необратимость; и) прерывное и непрерывное; к) причинность; л) целесообразность (трансцендентальная, имманентная, регулятивная); м) зависимость и связь (в индивидууме, индивидуумов между собой, индивидуумов с неорганической средой); н) качество и количество (в систематике, морфологии, физиологии, экологии, хорологии, хронологии, генетике); о) корреляция (в морфологии, физиологии, экологии, хорологии и генетике); п) принципы онтогении (онтогения индивидуума, онтогения сообществ); р) принципы филогении (отдельных таксономических единиц фаун и флор).

2. Основные понятия биологии: раздражимость, саморегуляция, регенерация, реституция, полярность, структура и форма, самодеятельность, индивидуум, смерть, цикл, гомология и аналогия, конвергенция и дивергенция, ассимиляция и диссимиляция, размножение, наследственность, клетка, признак, тропизмы и таксисы, рефлекс, ступенчатое многообразие, интеграция и дифференциация, приспособление, отбор, функция, орган, органеллы и т. д.).

3. Взаимоотношения дисциплин биологии: а) систематики; б) морфологии; в) физиологии; г) экологии; д) хорологии; е) хронологии; ж) генетики.

4. Происхождение и развитие основных взглядов на организм и его связь с окружающей природой в связи с философией и обратное влияние этих взглядов на философию.

5. Современные направления в биологии: а) идеалистические школы; б) материалистические школы и т. д.

6. Значение и границы приложимости законов биологии в социальных науках (вопрос о происхождении человека как пограничный вопрос зоологии и социологии).

Библиография, предметный и именной указатель.

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**
Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.**

Главлит № А—26596 Москва. Тираж 4.300 экз.

Типография газеты „Правда", Тверская, 48.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“.

Продолжается прием подписки на еженедельный журнал

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — еженедельный боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом и соглашательством в рядах рабочего класса.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» является мощным оружием большевизации Коминтерна, оружием борьбы против всякого рода шатаний, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» уделяет особое внимание национально-освободительной борьбе угнетенных народов.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» беспощадно разоблачает империализм и его социал-демократических агентов.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» собирает весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти секций Коминтерна, привлекая к активному участию в журнале все лучшие силы международного коммунизма.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 м.—**1** р., 3 м.—**3** р., 6 м.—**6** р., 12 м.—**12** р.

Цена отдельного номера—25 к.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА

В 1929 году журнал в каждом номере уделяет место вопросам народного образования, положения и быта учителей, привлекая к обсуждению их широкие учительские круги.

В марте, к предстоящему партсовещанию по вопросам народного образования, выйдет СПЕЦИАЛЬНЫЙ номер, целиком посвященный этим вопросам.

К участию в журнале

РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА

привлечен весь основной кадр теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых, литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях.

РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА

разрабатывает и популяризует теорию Маркса и Энгельса;
освещает важнейшие вопросы культурного строительства, быта, печати, искусства и литературы;
содействует сближению научных кругов с трудящимися;
дает систематическую информацию о культурной жизни в СССР и за границей.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 48, тел. 2-82-13.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес.—2 ном.—80 коп., 3 мес.—6 ном.—2 руб. 40 коп., 6 мес.—12 ном.—4 р. 80 к., 12 мес.—24 ном.—9 р. 60 к. Цена отд. номера—50 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ: Москва, 9, Тверская, 48, изд-ству «Правда» и «Беднота»; в провинциальные отделения «Правды», в почтовые конторы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева,
Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, В. Асмус, В. Астров, З. Атлас, Гр. Баммель, А. Бартенев, Я. Берзтыс, А. Болотников, В. Борзенко, Б. Борилин, В. Боровский, Н. Бухарин, И. Бутаев, В. Ваганян, Н. Вайнштейн, П. Виноградский, А. Вишневский, А. Воден, А. Вознесенский, Р. Выдра, Б. Выропаев, Б. Гессен, С. Гонникман, В. Горев, Н. Данковский, А. Деборин, Гр. Деборин, Ш. Двойлацкий, Г. Дмитриев, Ф. Дучинский, Мих. Дынник, В. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Я. Захер, Н. Звенигородцев, Л. Зивельчинская, П. Ионов, Ф. Капелюш, Ник. Карев, В. Кирпотин, В. Косо-Полянский, В. Колокольцев, К. Корнилов, А. Кон, Ст. Кривцов, И. Курсанов, Н. Ленин, Н. Леншнер, И. Луппол-Антонов, И. Луппол, А. Максимов, Дм. Марецкий, акад. Н. Марр, Л. Мендельсон, К. Милонов, В. Милютин, Я. Миронкин, Ф. Михалевский, А. Михайлов, А. Молок, С. Новосов, Л. Надеждин, В. Невский, И. Орлов, Е. Пашуканис, В. Познаков, В. Полянский, Покровский, Н. Разумовский, Я. Розанов, И. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, И. Рубин, Д. Рязанов, И. Сапир, П. Сапожников, Вл. Сарабьянов, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Слепков, Вас. Слепков, Л. Спокойный, Ю. Стеклов, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, А. Тальгеймер, Ф. Тележников, А. Тимирязев, Г. Тымянский, А. Удальцов, И. Фурщик, Ю. Франкфурт, Ц. Фридлянд, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и др.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Не принятые рукописи не возвращаются.